

ANTIQUITAS

GAIUS ANONIMUS

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ГАННИБАЛА

ГАЙ АНОНИМ

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ГАННИБАЛА

ПУНИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ

Р.Х.
2021

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3
А 69

Аноним Гай

А 69 С точки зрения Ганнибала. Пунические войны / Под ред. А. Мартьянова и Е. Хаецкой. — СПб.: Изд-во Сидорович: Acta Diurna: ИП Олексенко А. А., 2021. — 364 с., илл. — (AntiQuitas).

Представленная книга является логическим продолжением вышедшего в 2018 году исследования Гая Анонима «С точки зрения Карфагена».

Второй том посвящен гибели карфагенской цивилизации в результате непримиримого конфликта с Римской республикой. Автор последовательно отслеживает события всех трех Пунических войн, делая акцент не только на военно-политические аспекты, но и на личности главных действующих лиц, выдающихся деятелей эпохи: Ганнибала Барки, Сципиона Африканского, царя Сиракуз Гиерона II и многих других.

Научно-популярное издание «С точки зрения Ганнибала» ориентировано на самый широкий круг читателей и может служить дополнительным пособием по истории Античности для школьников и студентов.

ISBN 978-5-6045105-5-1

**ББК 63.3(0)3
УДК 94(3)**

Дизайн серии Антонин Каллас
Обложка и оформление Антонин Каллас, Александр Олексенко

*Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат
Издательству Acta Diurna. Любое использование материала данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателей
запрещается и преследуется по закону.
Acta Diurna™ — зарегистрированный товарный знак*

ISBN 978-5-6045105-5-1

© Гай Аноним, 2021
© А. Каллас, оформление серии, 2018
© А. Каллас, А. Олексенко,
оформление обложки, 2021
© Издательство Acta Diurna, 2021
© Издательство Сидорович, 2021

ПРЕДВАРЕНИЕ

Адон Карт-Хадашт Гадол

«На самом интересном месте!.. — такова была усредненная реакция наших читателей в социальных сетях после того, как первая книга «С точки зрения Карфагена» оказалась ими прочитанной и отправилась на полку. — Где продолжение?!»

Продолжение — перед вами. Вы держите в руках вторую часть, которую мы решили назвать «С точки зрения Ганнибала», чтобы она не являлась клоном первого тома и заголовок ясно отражал содержание.

Сразу отметим, что эта книга немало отличается от предыдущей — если в «Карфагене» мы сосредоточились на вопросах развития финикийского общества и взаимодействия такового с иными народами Древнего мира, то «Ганнибал» повествует о первом в истории человечества тщательно спланированном и эффективно осуществленном уничтожении одной цивилизации другой, принципиально отличной цивилизацией.

Хотелось бы для начала привести показательную цитату немецкого историка и философа Освальда Шпенглера:

«Эта история дает единственный в своем роде пример насильственной смерти цивилизации. Она не угасла сама по себе, никто не заглушал и не тормозил ее развития, ей нанесли смертельный удар в пору ее расцвета, ее уничтожили грубо и насильственно, она погибла как подсолнух, у которого случайный прохожий сорвал головку»¹.

Как полагаете, к какому событию автор применяет формулу «единственный своего рода пример насильственной смерти цивилизации»? Ответ прост: к разрушению испанскими

¹ О. Шпенглер. Закат Европы. 1918.

конкистадорами государства мексиканских ацтеков в начале XVI века н. э. Шпенглер рассуждает о гибели Теночтитлана на другой стороне планеты, но в упор не видит Карфагена, хотя именно конфликт римлян с пунийцами стал первым примером упомянутой цивилизационной смерти; ацтеки занимают в этом сомнительном состязании лишь вторую позицию.

Причем в случае с американскими ацтеками виновником катастрофы стал именно «случайный прохожий», авантюрист Эрнан Кортес, не осознававший глобальных последствий своих действий и ведомый не политическими соображениями, а жаждой золота и религиозным рвением. Уничтожение Карфагена и пунийского мира было именно что *государственным политическим актом* Римской республики — этого факта Освальд Шпенглер предпочел не заметить или счел его чем-то само собой разумеющимся.

Крушение Карфагенской державы для эпохи Античности беспрецедентно. Древний мир, начиная с Бронзового века, видел взлеты и падения множества крупных государств, создававших империи и обладавших невероятным потенциалом агрессии, — пример тому Ассирия, историю завоеваний которой мы сравнительно подробно разобрали в первой книге. Однако исчезновения великих царств вовсе не означали полную утерю их титульными нациями цивилизационной идентичности и преемственности.

Сохранялись и передавались следующим поколениям язык, письменность, накопленные знания. Не исчезали в небытие культура и искусство — Ассирийскую империю никто в глаза не видывал уже более 2600 лет, но в XXI веке мы можем прочесть эпос о Гильгамеше, ассирийские юридические и исторические трактаты или труды по астрономии в буквальном смысле этого слова в «оригинале»: на уцелевших глиняных табличках.

Мы имеем достаточное представление об архитектуре Вавилона, древней Персии, Египта, Элама, Мидии, не говоря уже о Греции или Риме. Латынь и древнегреческий по сей день используются как языки науки, стихосложения, медицины и юриспруденции. Католическая церковь, с одним миллиардом тремястами миллионами прихожан по всему миру, активно использует латинский язык как «внутриведомственный» и богослужебный.

От Карфагена не осталось *ничего* из вышеперечисленного — по абсолютному большинству позиций. Уточним: почти ничего, жалкие крохи донесены до нас древнегреческими и римскими авторами лишь потому, что пунийская цивилизация интересо-

вала их в прикладном аспекте. Сельскохозяйственные трактаты. Военное дело. Дипломатия. История взаимных конфликтов.

Словом, та мера, в какой карфагеняне *взаимодействовали* с греко-римским миром, и те области знаний, в которых противники пунийцев были кровно заинтересованы: о переводе на латынь трактата Магона Карфагенянина «*De re rustica*» по прямому распоряжению Сената Рима мы подробно рассказывали в первом томе.

Но где иная карфагенская литература? Легенды и эпосы? Поэзия? Наука? Где пунийский язык, наконец?

Единственным на сегодняшний день дошедшим до нас образцом разговорного карфагенского языка (прямого наследника тирийского диалекта языка Финикии) являются несколько фраз из комедии римлянина Тита Макция Плавта «Пуниец», созданной ориентировочно в 195–190 гг. до н. э. Жалкие несколько строчек, приведенные Плавтом, записаны латинскими буквами, что может дать представление о звучании, но фонетика в любом случае гипотетична — никто сейчас с уверенностью не может сказать, как именно, допустим, произносилось имя одного из героев пьесы: «*Anno bynmythymballe bechaedreanech*» — «Ганнон, сын Митимбаала в Карфагене».

В нашем распоряжении есть имена, немногие термины, несколько религиозных и погребальных надписей. Это всё, что уцелело от огромной империи с немалым населением.

Последним из античных авторов, кто видел живых носителей пунийского языка, был небезызвестный Блаженный Августин (354–430 гг. по Рождеству). Христианский святой родился и многие десятилетия жил в Карфагене, но только не в том, который мы рассматриваем, а в Карфагене *римском*, построенном на месте снесенного до основания пять столетий назад города западных финикийцев.

Августин свидетельствует, что ему приходилось переводить для местных жителей на пунийский отдельные непонятные латинские термины, а некоторые обитатели североафриканской провинции Рима доселе называли себя ханаанеями, то есть выходцами из Ханаана, Финикии, «Страны пурпура».

Язык местного населения, давным-давно утерев официальный и государственный статус, еще сохранялся в приморских городах Северной Африки у простонародья. На острове Мальта, предположительно, он изолированно существовал до 890 года по Рождеству и арабского вторжения. Кстати, нынешние коренные мальтийцы, не без оснований полагающие себя потомками

финикийцев и карфагенян, говорят на языке *malti* семито-хамитской семьи, однако *malti* практически не имеет никакого отношения к использовавшемуся в Карфагене западно-тирийскому диалекту...

Давайте попробуем что-нибудь сказать по-карфагенски — сохранилась одна из посвяtitельных надписей богине Тиннит (о ней мы еще поговорим ниже), пускай и переданная греческими буквами:

Леработ ле Тинит баал ве
лездон лебаал Хамон еш(е) надор
Азрубаал бен Хано бен
Азрубаал бен Баал-Ятон кешама
коло тебраку

(Великой Тинит, украшению Баала (владыки) и
господину Баал-Хамону то, что посвятил
Азрубаал сын Хано сына
Азрубаала сына Баал-Ятона так как услышала
голос его, благословляет его.)

Ни на что знакомое не похоже, верно? Выглядит чуждо, странно и даже отчасти угрожающе? И тем не менее этот язык в свое время был «лингва франка» всего Средиземноморья и звучал на пространстве от Палестины до Мелькартовых/Геракловых столпов и от Корсики до Западной Африки с Канарскими островами, будучи основой общения для сотен племен, вовлеченных в финикийско-карфагенскую глобальную торговую сеть.

Вынесенное в заголовок вступительной части «Адон Карт-Хадашт Гадол» — это современная шутка, попытка реконструкции полного названия Карфагенского государства, дословно переводимая как «Господин Великий Новгород» (Господин+Город+Новый+Великий). Если доводить дело до логического финала, тогда и граждане Карфагена должны именоваться «ашим картхадашим», «мужи новгородские».

Здесь важно осознать, что ни от Господина Великого Новгорода в его античной инкарнации, ни от тогдашних мужей новгородских к текущим временам не осталось вообще никакого культурного наследия. Ноль. Пустота. Вакуум. Исчезло всё — библиотеки, устное предание, сказки, которые бабушки рассказывали внукам у очага. Нам известны римские анекдоты, но ни одного карфагенского.

Аутентичную пунийскую архитектуру мы можем увидеть в *единственном* месте на планете, в городке Керкуан, описанном в книге первой. Из многочисленных трудов по географии, любимой науке финикийцев и карфагенян, остался только крапчатый «Перипл Ганнона», о котором мы тоже сообщали ранее. Сгинули религиозные трактаты, философия, историография, физика, механика, математика — зажженным римлянами пламенем выметено всё, от и до, до последнего предела.

Давайте представим, что из истории нашего мира бесследно исчезла, например, Франция. Мы никогда не прочитаем «Трёх мушкетеров» Дюма или «Опасные связи» Шодерло де Лакло, не слушаем музыку Дебюсси, Равеля и Берлиоза. На том месте, где когда-то находились Лувр или Нотр-Дам, ровное поле, на котором пасутся одичалые козы. Картины Ренуара, Сезанна или Моне давно сгнили под слоем пепла...

Но если Франция — часть общеевропейской постримской цивилизации, то потеря будет пускай и колоссальной, однако не катастрофической: уцелеют Греция и Италия, Германия, Скандинавия, Россия, Испания, Британия... Цивилизация Европы понесет ощутимый культурный урон, однако не погибнет и продолжит развиваться.

В случае с Карфагеном мы наблюдаем тотальное обрушение в историческую черную дыру микрокосма, цивилизации в целом. Как говаривали римляне, *in summa*.

Обширная империя, начавшая формироваться во времена, когда Рим представлял собой несколько убогих деревенок на вершинах Палатинского, Эсквилинского, Целиева и Квиринальского холмов, разделенных зловонными болотами в низинах, не просто растворилась в вечности, подобно Вавилону или Ассирии, но и не оставила нам почти ничего, что претендовало бы на наследство.

От Классической Греции и Рима мы получили известный нам культурный мир — стихотворный размер, архитектурные ордера, риторику и философию, историю, скульптуру, медицину, Аристотеля, Платона, Цицерона, Вергилия. Заодно и Калигулу с Нероном в нагрузку к основному товару.

Финикийским подарком нашей эпохе можно назвать лишь алфавит, простую и доступную каждому систему фонетического письма, и то об этом обычно не принято вспоминать. Кирилл и Мефодий — сколько угодно, но какие-то там финикийяне?

О том, как и почему случилась эта историческая коллизия, мы и расскажем в данной книге. А пока...

А пока обратимся к некоторым темам, о которых пришлось умолчать в первом томе за недостатком времени или из соображений композиции.

По выходе «С точки зрения Карфагена» въедливые критики обратили внимание на существенный недочет: авторы увлеклись политикой, экономикой, пространными обзорами из жизни соседей Финикии и совершенно позабыли о «маленьком человеке» — обычном среднестатистическом карфагенянине, гражданине Нового Города и налогоплательщике, имеющем право голоса в народном собрании.

Отлично, давайте на основе имеющихся скудных данных попытаемся реконструировать хотя бы один день из жизни обитателя имперской столицы, жившего перед началом Первой Пунической войны в 264 году до н. э., то есть 2284 года назад. В этом нам помогут археологические данные и записки побывавших в Карфагене чужеземных гостей.

Нас не интересуют портовые нищие или зажавшиеся олигархи — как низшая, так и высшая прослойка общества не являются ведущими маркерами для определения качества жизни. Пускай наш герой получит имя Баал-Ганнон («Баал Милостив»), ему будет 30 лет, то есть самый расцвет сил. Принадлежит он к тому самому «среднему классу», который долгие столетия был центральной экономическо-политической силой в финикийских колониях и затем в самом Карфагене, как независимом государстве.

Баал-Ганнон — наёмный государственный служащий, то есть жалование получает из бюджета. Он руководит плотницкой мастерской при военной гавани Карфагена, причем ремесло унаследовал от отца, тот от деда и далее по восходящей линии — ремесленные «трудовые династии» в финикийских городах были делом самым обычным и естественным. Младшие сыновья еще могли выбрать для себя занятие по душе, но старшие обязательно продолжали дело предков, что помогало преумножать и сохранять профессиональные навыки на протяжении многих поколений.

Высококласные специалисты вовсе не обязательно трудились в частной коммерции — в государственных структурах и финансируемых казной важнейших стратегических отраслях, наподобие кораблестроения, зачастую можно заработать гораздо больше. К тому же никто не отменял абстрактную «коррупцию» как дополнительную статью дохода. Всегда можно договорить-

ся с поставщиком о выгодном госзаказе за скромный откат или спихнуть налево излишки материала — дело совершенно житейское. Производство в Древнем мире было практически безотходным: ресурсов немного, они ценны, а потому древесные «излишки» можно использовать хоть для вырезания игрушек для детей, хоть для изготовления дешевой посуды.

О немалом размахе коррупции в позднем Карфагене пишут практически все античные авторы, причем вовсе не со зла или из желания уязвить пунийцев — большое и богатое государство с колоссальным денежным оборотом автоматически подразумевает желание зачерпнуть из бездонной общественной кормушки десятков золотых монет для семьи, для деток. От Карфагена не убудет, да и взгляните хоть на римский Сенат — взяточник на взяточнике! Правда, римляне предпочитают об этом не распространяться: считается неприличным.

...Подъём перед восходом солнца — нельзя терять световой день, при освещении масляными лампами или факелами много не наработаешь, вдобавок это лишние расходы. Спал Баал-Ганнон на деревянной тахте высотой всего-то по колено, причем не в душном помещении, а на плоской крыше четырехэтажного дома. Позволить себе виллу в Мегарах, районе выселков (находящихся внутри периметра новой крепостной стены), наш герой не может — земля в городе, особенно в зоне садов и парков, безумно дорогая.

Тем не менее жилищным условиям Баал-Ганнона можно позавидовать — недалеко от центра города и гавани, дом стоит на широченном «проспекте», спускающемся с холма Бирса к морю. Многоэтажное строительство, как мы уже рассказывали, было в Карфагене широко развито. «Квартиры» пунийцы изобрели сразу после перестройки раннего Нового Города по генеральному плану — старинный восточный городок с узкими улицами, вившимися вокруг Бирсы, не удовлетворял требованиям столицы могучей средиземноморской державы.

Как обеспеченный человек Баал-Ганнон занимает верхний, четвертый этаж здания, общая площадь помещения более ста пятидесяти квадратных метров. Владение крышей подразумевает дополнительные удобства — между деревянным потолком квартиры и покрытием крыши встроены цистерны для сбора воды. Это узкие, вытянутые в виде буквы I ёмкости, где накапливается конденсат, образующийся после частых туманов, и дождевая вода. Климат сейчас куда более влажный, чем в отдаленном будущем, а потому воды для снабжения «санузла» и кухни

со стоками в виде керамических труб предостаточно. Стоки выводятся под мостовые и стекают в море — канализация в Карфагене появилась на столетия раньше, чем в Риме.

Семья — жена и пятеро детей, с наемной прислугой из ливиифиникийцев¹, — отправлены за город, на юг. Частный дом в столице — это разорение и никому не нужное пижонство, но представитель среднего класса вполне может позволить себе небольшое загородное поместье где-нибудь под Замой, в дне конного хода от Карфагена. Фруктовые сады, кипарисовые рощи, свежий воздух вместо городской пылищи. Детей у Баал-Ганнона много, супруга опять на сносях — это свидетельствует о том, что глава семьи может прокормить обширное потомство и уверен в будущем.

Дети после рождения выжили, что в условиях немыслимой для XXI века детской смертности той эпохи говорит о хорошем уходе и качественном питании. Бичом для новорожденных являлись всевозможные детские инфекции, известные нам доселе: корь, дифтерия, ветряная оспа, коклюш, скарлатина. Однако в те отдаленные времена существовали и куда более страшные угрозы — оспа натуральная, желтая лихорадка, сыпной тиф, сибирская язва (тогда она называлась «персидским огнем»). А если учитывать расположение Карфагена на северном побережье Африки, то и заносимые из глубины континента опаснейшие геморрагические лихорадки наподобие широко известного вируса Эбола.

Увы, но сейчас нам практически ничего не известно об институте брака в Карфагене. Сведения не сохранились. Мы точно не знаем, были пунийцы моногамны или полигамны, какую роль в семье играла женщина, но по некоторым археологическим данным можно сделать вывод о том, что, в отличие от абсолютно подчиненной мужчине (отцу, мужу, брату или опекуну) римлянки, карфагенянки пользовались значительно большей свободой.

Во-первых, в семейных захоронениях обнаружены почти исключительно моногамные пары, есть один случай упоминания двоеженства. Во-вторых, судя по посвячительным и погребальным надписям, женщины имели право совершать жертвоприношения и проводить религиозные обряды, служили жрицами в особых коллегиях, что подразумевает определенную степень участия в общественных делах города и страны в целом.

Это в отличие от суровых крестьянских общин раннего Рима, где женщина была сосредоточена только и исключительно

¹ Ливиифиникийцы — потомки смешанных браков выходцев из Тира и местного населения. Не имели полных гражданских прав.

на семье и становилась инкубатором по воспроизводству рабочей силы для прадедовского надела — таким патриархальным укладом неумеренно восторгался Катон Старший в своем сочинении «De agri cultura», повествующем о благолепных земельцах Лация.

В-третьих, гражданка Карфагена могла владеть и управлять бизнесом, что само по себе довело бы вышеупомянутого Катона до сердечного приступа. Для республиканского Рима это выглядело вопиющим попранием основ и устоев, грязным надругательством над заветами пращуров и презрением к вековым традициям. Известна надгробная надпись, сообщающая о некоей Шибуде, «городской торговке»¹ — торговля в целом была специальностью у финикийцев уважаемой, основой основ, ну а если в эпитафии упомянут род занятий скончавшейся женщины, то ее профессиональная деятельность считалась важной и престижной...

Суммируем: скорее всего, карфагеняне были моногамны, а женщины в пунийском мире пользовались куда более широкими правами, чем в древнем Риме. Детям уделялось достаточное внимание — археологами найдены рожки-соски для вскармливания и детские игрушки, кроме того, без надлежащего образования пробиться в люди отрокам было невозможно. Вероятно, школы существовали при храмах и был развит институт частных преподавателей. Иным не объяснить практически поголовную грамотность карфагенян, отмечаемую греческими и латинскими писателями и хронистами.

...Баал-Ганнон спускается по лесенке с крыши собственноручно в жилище, умыться. Найденные при раскопках в Керкуане образцы свидетельствуют, что карфагенянам были известны ванны, раковины и некое подобие унитаза квадратной формы с крышкой. Квартира разделена крест-накрест несущими стенами на четыре большущие «комнаты» с вертикальными прямоугольными (наподобие бойниц) окнами с пилястрами². Три жилые, четвертая хозяйственная — с кухонным очагом, хранилищем припасов, амфор и отгороженным тростниковой ширмой «санузлом». Мебели минимум — тахты (т. н. *punicani lectuli*, «пунийские лежа»), сундуки, на которых можно сидеть или лежать, как на лавках, столы. Привычных нам шкафов нет, лишь полки. Вещи хранятся в сундуках.

¹ Hedi Dridi — Carthage et le monde punique, Les Belles Lettres, Paris. 2006.

² Ю. Б. Циркин. Карфаген и его культура. Л.: Наука, 1986.

Пожилой раб-ливиец готовит для господина завтрак. Раб в доме один, этого вполне хватает для работы по хозяйству и походов на рынок за свежими продуктами в отсутствие господи. Несмотря на то что наступила эпоха массового применения рабского труда и невольники десятками тысяч вкалывают на латифундиях и тяжелых работах наподобие каменоломен, домашние рабы ценятся высоко и входят в доверенный семейный круг — ливиец был для Баал-Ганнона «дядькой» еще с детства, а потому рабство для него лишь социальный статус «лично не свободного», не воспринимаемый в Древнем мире как нечто ужасное и несправедливое. Впрочем, следует помнить о колоссальной разнице в положении раба на плантациях и раба домашнего.

Пища очень простая, никаких соловьиных язычков. С вечера осталась «пунийская похлебка», тёплая, поскольку угли в очаге еще тлеют. Рецепт сохранил для нас Катон Старший:

«...Хорошо размешать ливр¹ муки в воде, перелить в чистую емкость и добавить три ливра творога, пол-ливра меда и одно яйцо. Всё хорошо размешать и томить на огне в новой посуде».

Видимо, получалось некое подобие очень густого сладкого творожного йогурта. К похлебке прилагаются пшеничная лепешка, финики, миндаль, орехи и оливковое масло. Практически вегетарианский рацион, но здоровый и полезный. Поскольку Баал-Ганнон весь день проведет в мастерской, мясо или рыбу ливиец приготовит к ужину — рыбное меню в Карфагене было обширным и разнообразным, все-таки морская держава с бесчисленным рыболовецким флотом и огромными промышленными производствами по засолке рыбы или консервации морепродуктов в виноградных выжимках.

Любопытно, что кроме козлятины, баранины и говядины часть мясного стола карфагенян составляла свинина — мясо, на которое был наложен запрет не только у древних евреев, но и у финикийцев, а те переняли его совсем в незапамятные времена у шумеров и аккадцев.

Религиозные мотивы здесь второстепенны; на ближневосточной жаре свинина мгновенно портилась, кроме того, хрюшки исходно считались «нечистыми животными» из-за абсолютной неразборчивости в пище — голодная свинья пожирала всё,

¹ Libra, римский фунт. Примерно равен 327 граммам.

от собственных поросят до полуразложившихся трупов. Больше того, опасность представляли инвазии, наподобие свиного цепня, паразита, вывести которого у человека тогда было невозможно. Исходно запрет был превентивной санитарно-гигиенической мерой, со временем приобретшей сакральный статус.

Судя про раскопкам, процент употребления свинины в Карфагене был высок, около одной пятой. Ученые объясняют исчезновение древнего ограничения как наличием в городе иностранцев (греков, иберов, галлов, италийцев и т. д.), так и возросшей культурой питания — городские бойни поставляли свежую свинину на рынки, где мясо быстро реализовывалось и было дешевле говядины. Кроме того, на свиноферме, под наблюдением ветеринаров (эта профессия существовала уже долгие века) у животного куда меньший шанс заразиться цепнем и прочими паразитами.

Рациональные карфагеняне давно позабыли табу времен Хаана, увязанное на гигиенические соображения, и вполне активно употребляли продукт, ранее запретный у предков из Финикии.

Солнце начинает восходить, Баал-Ганнону пора в гавань, на службу. Он оставляет ливийцу несколько серебряных монет с изображением национального символа — финиковой пальмы, — докупить днем свежие продукты.

Никакой обыденной для нас приватности: лестница вниз ведет через квартиры третьего и второго этажей и лавку почтенного серебряных дел мастера на первом — отдельной лестничной клетки в доме не предусмотрено, а внешнюю, «эвакуационную», изобретут только через пару тысяч лет. В случае пожара спастись можно через крыши соседних, стоящих впритык, почти однотипных многоэтажных зданий.

В таком коммунальном общежитии есть свои плюсы — все соседи отлично знают друг друга, зачастую они родственники: например Бодмелькарт, двоюродный брат Баал-Ганнона, живет на третьем этаже, он содержит собственную гончарную лавку возле рынка и невероятно кичится этим — Бодмелькарт младший сын, завел собственное дело, купил приличное жилье в хорошем квартале Карфагена! Не такое хорошее, как у Баал-Ганнона, с выходом на крышу, но всё-таки!

Заметим, что многоквартирные дома возводились застройщиками из числа сверхбогачей, владевших землей в Старом городе — квартиры сдавались внаем или продавались гражданам с неплохим достатком, действовала ипотека, то есть покупка

жилья в рассрочку со ссудами из карфагенских банков. Эти здания были куда надежнее печально известных римских инсул, они вовремя ремонтировались и перестраивались, а средний «эксплуатационный» срок при надлежащем уходе составлял около столетия.

Меньшей была и пожароопасность, поскольку деревянные перекрытия покрывались известковым слоем — история не сохранила ни единого упоминания о крупных пожарах в Карфагене вплоть до взятия города римлянами, спалившими столицу ненавистного противника до угольков. Случись в главном городе пунийцев катастрофический пожар, подобный пожару Рима в 64 г. н. э., римские и греческие историки с немалым злорадством все уши бы нам прожужжали об этом событии — но нет, полная тишина...

Старый город Карфагена сравним с современным нью-йоркским Манхэттенем — большое количество людей на ограниченной территории, а значит, дома растут ввысь.

Эстетики в многоэтажных кварталах, впрочем, тоже не наблюдается — «хрущёвки» времен Античности, с минимумом украшений, желтоватого, серого или бежевого цвета. Основной материал для строительства — песчаник, добываемый на мысу Бон, к востоку через залив.

Хочешь взглянуть на величие и помпезность Карфагена — иди на холм Бирса, где сияют золотом и мрамором храмы, изумительные дворцы и общественные здания. А лучше спустись к гавани: вот где истинное сердце морской державы!

Так что давайте проследуем за Баал-Ганноном, раскланявшимся с серебряных дел мастером и его племянниками-подмастерьями, а затем вышедшим на широкую улицу, ведущую от холма Бирса к порту.

* * *

Заблудиться в Карфагене сложно, почти невозможно — даже если вы впервые оказались в городе как торговец, путешественник или иммигрант. Последних, между прочим, хватает с избытком, ведь в этом государстве каждому дают возможность стать богатым — такой авторитет, как Аристотель, врать не будет! Страна мечты для любого предприимчивого человека!

Генплан столицы, начавший реализовываться при Магонидах, династии «военных вождей» (а скорее, диктаторов, опиравшихся на определенные группы олигархата и армейский элиты), в V веке до н. э., и затем уточнявшийся и развивавшийся, пред-

усматривал ортогональную схему расположения построек и городских магистралей — говоря проще, квадратиками и прямоугольниками. Греки впоследствии уверяли, будто такой принцип градостроительства был изобретен архитектором Гипподамом Милетским при возведении порта Пирей в середине 400-х годов до н. э., даже называли его «гипподамовой сеткой». На самом деле эта схема появляется практически одновременно в Карфагене, Греции и птолемеевском Египте, так что вести споры о первенстве бессмысленно.

Улицы и проспекты столицы, зачастую шириной до 25 метров (как Невский проспект в Санкт-Петербурге!), пересекались под прямым углом и вели с севера на юг и с запада на восток. Возможны определенные погрешности, обусловленные рельефом — Бирса, центральная возвышенность, поднимавшаяся на 60 метров над уровнем моря, и подходы к холму диктовали свои условия градостроительства.

Главные ориентиры в городе — это Бирса и морское побережье, их видно почти отовсюду. Нам не ведомо, имели свои названия городские магистрали и улицы Карфагена или нет, но, скорее всего, да — вспомним упоминаемые множеством авторов улицы античного Рима: Священная дорога, Капитолийский взвоз, Аргилет, улица Пунийского яблока (то есть буквально «Гранатовая», на ней родился будущий император Домициан). Это существенно облегчало поиск по столице, вряд ли пунийцы поступали иначе. Районы Карфагена, безусловно, различались по названиям — Бирса, Мегары, Порт, Старый город.

Раздражающей проблемой для горожан была пыль, приносимая с юга ветрами, сейчас называемыми «хамсин» или «сирокко» — пустыня Сахара в III веке до н. э. находилась гораздо дальше от северного побережья Африки, однако ее горячее дыхание ощущалось в полной мере, и в период с февраля по июнь ветра обрушивали на город сотни тонн пыли. Улицы чистились, но избавиться от всепроникающего мелкого песка не удавалось при всем желании, разве что в дождливый осенне-зимний сезон пылицу прибивало к мостовым и смывало в море.

Чтобы попасть в порт, Баал-Ганнону нужно пройти через Большой рынок, находящийся к северу и западу от гавани. Впрочем, слово «Большой» не передаёт всего масштаба колоссальной торговой площади — это царь-рынок, рынок рынков, не имеющий аналогов ни в Риме, ни в Вавилоне, ни в Александрии Египетской. Здесь можно купить или заказать любой товар, производимый мастерскими Древнего мира или привезенный

из таинственных земель за Сахарой, Индийским океаном или в варварской Европе.

Слово «любой» надо понимать буквально, без дополнительных толкований, ограничений или двусмысленностей. Если нынешнего царя Египта Птолемея II Филадельфа постигнет незапный каприз приобрести рыжеволосую кельтскую рабыню с берегов Британии или отрез драгоценного шелка из сказочного царства Цинь¹, то наследник фараонов обратится не к грекам или персидским Селевкидам, а напрямую в Карфаген.

Моментально будет задействована налаженная веками цепочка посредников — через Тир, Месопотамию, Индию и далее на Юго-Восточную Азию. Конечно, царь Птолемей получит свой шелк через год-полтора, но получит ведь! Обойдется такая покупка в астрономическую сумму (учитывая расстояния, наценки, пошлины, мзду нужным людям и т. д.), но когда повелители Египта считали золото? Подобный заказ, что по времени, что по общим затратам, ныне вполне сопоставим с покупкой в Индии стада слонов для московского зоопарка с последующей пешей транспортировкой через Гималаи.

С кельтской рабыней дело обстоит значительно проще: финикийцы разведали морскую дорогу к Британским островам несколько столетий назад, осталось донести приказ до капитана корабля и уплатить аванс...

Баал-Ганнон проходит мимо бесчисленных лавок и шатров — рынок давно проснулся, отдельные его части функционируют и ночью, а с рассветом главный торговый центр Средиземноморья бурлит жизнью. Это настоящий город в городе, шумный, яркий, небезопасный для ротозеев выставляющих напоказ свои кошельки, пахнущий пряностями, благовониями, рыбой, кровью, навозом, дымом от жаровен местного «фаст-фуда» и еще одни боги знают чем.

К слову о фаст-фуде. Шаверму (она же шаурма, донёр-кебаб, гирос и т. д.) изобрели задолго до Рождества Христова, и таковая практически не отличалась от современной — лепешка пресного пшеничного хлеба, начиненная рубленным жареным мясом с овощами и специями. Вполне возможно, что на пунийском языке название этого блюда звучало очень близко к иудейскому «шварма». Был очень распространен аналог хумуса — холодной закуски

¹ Первое упоминание о китайском шелке в европейских источниках относится к 325 году до н. э. («Перипл Непарха», неоднократно цитируемый Страбоном и Флавием Аррианом).

из протертого нутового гороха и кунжута, оливкового масла, лимонного сока, смеси перцев и чеснока. Удивительно, но некоторые «кулинарные константы» не меняются с ходом тысячелетий.

...На Большом рынке можно встретить представителей всех народов обитаемого мира — от Галлии до Центральной Африки и от Персии до Иберии. В неумолчном говоре преобладают два языка — карфагено-финикийский и греческий, латынь еще не стала популярным языком общения, это случится лет через сто пятьдесят—двести.

Рынок — это не только люди, занимающиеся торговлей. Здесь можно купить животных, от попугая до слона: богатые горожане держат дома обезьянок или павлинов, из малоазиатского Эпира давным-давно завезли собак молосской подгруппы — предков нынешних мастифов, кане-корсо, зеннехундов, догов и бульдогов, — исключительно полезных для пастушеской или сторожевой службы. Племенное разведение молоссов началось еще при царице Олимпиаде, матери Александра Македонского, и вскоре мода на крупных и опасных собак распространилась по всем странам Средиземноморья.

Легко приручаемый (и вымерший несколько веков спустя) североафриканский слон полезен в сельском хозяйстве — он может таскать тяжести или участвовать в пахоте. В противовес устойчивому образу, слоны, водившиеся в окрестностях Карфагена, были совсем небольшими: чуть более двух метров в холке.

Для пунийцев слон был вполне заурядным домашним животным наподобие вола или лошади, правда позволить себе столь дорогую покупку могли только обеспеченные фермеры, финансируемые из госбюджета военные (на постоянной основе в «слонюшнях» Карфагена содержалось около двухсот боевых животных), или купцы, которым было необходимо перевозить крупногабаритные товары.

Кроме того, слоны поставлялись на экспорт, в армию Египта или ценителям экзотики за морем. Предположительная причина полного вымирания североафриканского слона — арены императорского Рима столетия спустя: слонов массово пускали на убой во время игр.

Глаза разбегаются. Вот изумительные ковры из Вавилона. А вот тончайшей работы бронзовые египетские светильники, стеклянная разноцветная посуда из Финикии, галльский мёд, персидское оружие, иберийские серебряные украшения, шеренги амфор с родосским и критским вином, и конечно — ну разумеется! — гарум! Возле лавок с гарумом особенно многолюдно.

Считается, будто гарум изобрели римляне, но это ошибка: самая популярная приправа Античности использовалась этрусками, греками, карфагенянами, подданными фараонов. К сожалению, точный рецепт приготовления этого удивительного соуса утрачен, хотя доселе проводятся попытки воссоздания гарума. Поищите в Google по текстовому запросу «Как я сделал древнеримский соус гарум» — отважный житель современного Томска Максим Степаненко, на наш взгляд, пока единственный кулинарный реконструктор, сумевший приблизиться к античному оригиналу. Однако *повторять этот эксперимент дома мы категорически не рекомендуем* во избежание крупных проблем с родственниками и соседями.

Согласно «Корпусу Апиция», сохранившейся до наших дней римской кулинарной книге, гарум использовался во время приготовления значительной части мясных и рыбных блюд, для ароматизации супов и гарниров и был популярен во всех сословиях. Производился соус тоннами, на отдельных производствах, выведенных за пределы городов — сильный запах ферментирующейся рыбы непременно побудил бы окрестных жителей устроить погром с пожаром, причем судьи поджигателей непременно бы оправдали. Но тем не менее частота упоминаний гарума в античных трудах превосходит любые ожидания: воистину народное блюдо.

Впрочем, Баал-Ганнону в настоящий момент гарум не интересен — дома хранится достаточный запас, пополнить его можно через месяц-другой. Солнце поднялось над заливом на ладонь, пора приниматься за работу.

* * *

Акватория военного порта огорожена стеной не только с суши но и со стороны моря, каменные башни стоят через каждые шестьдесят шагов. Проникнуть на территорию «стратегического объекта» можно через ворота в башнях — мы понятия не имеем, какова была «пропускная система» той эпохи, но очевидно, что посторонний вряд ли смог бы оказаться за охраняемым периметром: такие понятия как шпионаж, диверсия или вредительство были отлично известны и в Древнем мире, разве что термины звучали совсем иначе.

Оказавшись вместе с Баал-Ганноном в военной гавани, мы осознаем, что окружающий пейзаж в некоторой мере напоминает современность. Колоссальные склады имущества, где хранятся уйма самых необходимых вещей — гвозди, парусина, амфоры

для пресной воды, оружие и доспехи, вёсла, фляги, посуда и так далее по сотням товарных позиций — достаточно представить себе, чего стоит отправить в длительное плавание современный боевой корабль и обеспечить экипаж всем необходимым, от провианта до запчастей! В Античности это было ничуть не проще, разве что масштабы несколько иные.

Имущество строго учитывается, по истечении срока годности обновляется — старые вещи идут на продажу. Тут же складывается сырьё — бревна, металл, смола, материал для шпаклевки. За пакгаузами можно увидеть производственные корпуса, сложенные из блоков песчаника: кузни, столярные, плотницкие и ткацкие мастерские, сборочные цеха.

Мы видим перед собой *хорошо налаженную кораблестроительную индустрию*. Работающую как часы и использующую принцип, сходный с современным конвейером — плотницкий цех, руководимый Баал-Ганноном, лишь одно из звеньев длинной технологической цепочки, начало которой находится в лесах, окружающих Атласские горы, где ведется вырубка корабельных сосен и лиственниц. Завершается производственный цикл здесь, в Карфагене, при спуске на воду боевой пентеры...

О первом массовом применении в морской войне пентер (или же квинквирем) — огромных «линкоров Древнего мира» с тремя рядами весел и пятью гребцами на одно весло, — мы узнаем из сочинения Флавия Арриана «Анабасис Александра», в той ее части, что повествует о взятии города Тир царём Македонии. Эта история подробно изложена в нашей первой книге.

Во время завоевательного похода 333–330 годов до н. э. у Александра Македонского исходно не было флота, пока на его сторону не начали переходить команды финикийцев из Сидона и некоторых других прибрежных городов Ханаана. Технология строительства пентер, вероятно, появилась у финикийцев в IV веке до н. э. и сперва служила в интересах Персидской империи, в которую входили Тир и Сидон. Затем такие корабли начали строить греки, а немногим позднее карфагеняне, обеспокоенные появлением квинквирем у вечного противника — жителей Сиракуз на Сицилии.

По сравнению с триерами или тетрерами (квадриремами) пентеры были гораздо крупнее, водоизмещение превышало 200 метрических тонн, а длина составляла 45–50 метров. Носовой таран пентеры пробивал более легкие вражеские корабли насквозь, а экипаж, включая гребцов, лучников и «морскую пехоту», мог достигать до трехсот и более человек. Фактически пентеры

являлись важнейшим инструментом талассократии — господства на море, и военно-морское ведомство Карфагена не могло обойти своим вниманием столь важный этап в развитии флота.

В отличие от сухопутной армии, состоящей из иноземных наемников, флотские экипажи набирались *только из числа карфагенян*, ливиифиникийцев и обитателей других финикийских колоний — искусство мореплавания принадлежало исключительно ханаанеям, к столь ответственному ремеслу иностранцы не допускались.

Крайне редко, в исключительных случаях, при дефиците рабочих рук, на весла усаживали рабов, но командование ВМФ всеми силами старалось этого избегать. Грести и управлять крупным кораблем с помощью весел — нелегкая задача, которую можно поручить только вышколенным профессионалам. Легенды о рабах, прикованных к веслам, не имеют никакого отношения к Карфагену: это тяжелая, но почетная работа для свободных людей финикийского происхождения.

За несколько десятилетий, миновавших с осады Тира Александром Македонским, производство новейших и грозных многоярусных кораблей было поставлено на поток, плюс карфагеняне улучшали и дорабатывали конструкцию, добавляя надстройки-галереи для стрелков, канатные системы соединения весел для согласованного гребка и прочие новшества.

Цех Баал-Ганнона занимается выделкой отдельных частей корабля — шпангоутов и килей. Трудятся здесь граждане города и ливиифиникийцы, получая зарплату из казны: настолько ответственный участок нельзя доверять нерадивым рабам. Государственные рабы, живущие в казармах при гавани, исключительно на подхвате, подай-принеси.

Тут нужны специалисты с многолетним опытом, способные работать с чертежами и лекалами, выдерживающие размеры с максимальной точностью: если при финальной сборке пентеры детали не подойдут или окажутся низкого качества, труд сотен людей пойдет насмарку. Виновников брака чувствительно оштрафуют, выставят на улицу, а при военном положении могут и распять: этот вид казни использовался финикийцами издревле, задолго до основания Карфагена и тем более Рима.

Потому на производстве царит строжайшая трудовая дисциплина, каждый знает, что его благополучие и будущее детей зависит от прилежной и усидчивой работы. Любая деталь пентеры, от мачты до ограждения надстроек, несет соответствующую буквенную маркировку из нескольких символов, что на поряд-

ки облегчает финальную сборку. Этим, кстати, в будущем воспользовались римляне — заполучив трофейный корабль, они довольно быстро разобрались с конструкцией, начав производить скверные, но все-таки боеспособные копии карфагенских квинквирем.

Нет ни малейших сомнений, что у пунийцев существовали подробнейшие инструкции наподобие *«шпангоут тау-лемданун соединяется с поперечной балкой каф-зен-бет»* и так далее — занимались составлением таких предписаний хорошо обученные инженеры, работавшие с документацией. В противном случае стапельная сборка сложнейшего технического объекта из готовых стандартизированных деталей была бы невозможна.

Судя по римским источникам, полный цикл строительства пентеры занимал около двух месяцев, но это «экстренный вариант», когда граждане Республики судорожно пытались создать с нуля собственный флот по захваченному трофейному образцу. Вероятно, в мирных условиях один крупный корабль карфагеняне собирали за три-четыре месяца — куда торопиться? Прежде всего качество!

Эскадра метрополии, базировавшаяся в самом Карфагене, составляла 220 боевых единиц всех типов, причем следует учитывать ротацию и обновление флота — отслужившие свой срок корабли списывали и разбирали, на их место в строй вводили новые. 220 кораблей — это далеко не весь флот: пунийцы вели операции на Сицилии, в Испании и восточной Атлантике, им необходимо было контролировать проход в океан у Мелькартовых столпов, защищать колонии. Гонять распоясавшихся греческих пиратов, наконец.

Общая численность ВМФ Карфагена к началу Первой Пунической войны нам не известна, но можно думать о примерно пятистах кораблях в Средиземном море и Атлантическом океане. Однако, как говаривал иудейский царь Соломон, есть нюансы — немалая часть флота была двойного назначения. Если дорогостоящая пентера узко специализирована и предназначена строго для боевых действий, то корабли поменьше могли использоваться как пассажирские транспорты, грузовые и торговые суда: вспомним масштабную экспедицию Ганнона в Западную Африку, о которой мы рассказывали в предыдущей книге.

Скажем больше: что сейчас, что две с лишним тысячи лет назад, военный флот — очень дорогое удовольствие, которое могут позволить себе только крупные и богатые державы. В XXI веке боевой корабль, даже стоящий у причальной стенки, жрёт тонны

солярки, потребляет немало электроэнергии, экипажу требуется провиант и пресная вода. Во времена Карфагена было несколько проще — ради экономии небольшую бирему можно вытащить на берег, а команду временно распустиť по домам.

Однако есть и другой, более рациональный вариант: использовать судно в коммерческих целях. В мирное время флот должен окупаться и приносить прибыль.

На современный эсминец вряд ли погрузишь пару слонов для доставки заказчику в Фивах (впрочем, если очень постараться, то можно), а вот античный корабль двойного назначения вполне подойдет для извлечения гешефта как главной цели в жизни любого финикийца. Мы понятия не имеем, как в ту эпоху согласовывались интересы карфагенского военно-морского министерства и коммерческая составляющая, существовали или нет мобилизационные предписания для частного торгового флота, но зная финикийскую предприимчивость, можно смело говорить о том, что корабли двойного назначения не простаивали: обслуживание бездействующего судна тоже стоит денег! Терпеть такое разорение решительно невозможно!

Ну а если завтра война, если завтра в поход, то ценный товар выгружаем на берег, берем на борт лучников и морскую пехоту для проведения десанта (абордажный бой карфагеняне не любили и этим искусством почти не владели) и отправляемся куда прикажут! С нами Мелькарт и Тиннит!

* * *

Здесь совершенно необходимо подробно рассказать о восьмом чуде света — двойной гавани Карфагена. Сразу скажем, что общеизвестный список «Семи чудес Древнего мира» составляли греки, заклятые враги пунийцев, а потому из семи выдающихся достопримечательностей Античности пять принадлежат эллинистическому миру, а две оставшиеся (сады Семирамиды и пирамиды Египта) мог проигнорировать только слепой и законченный эгоист.

«Семь чудес» — это бесстыдное восхваление греками себя любимых. Причем Вавилонские сады с гробницами фараонов вошли в классический пантеон лишь потому, что очутились в орбите империи Александра Македонского и стали как бы «греческими». На прочие чудеса обитатели Эллады демонстративно не обращали внимания и морщили носы — эти дикие варвары (то есть все остальные, кроме греков) если что и строят, то криво-косо, безобразно и грубо! Вы лучше посмотрите на нашу ста-

тую Зевса Олимпийского или Колосса Родосского! Верх совершенства! Захлопните рты и молча благоговейте!

Одна беда: греческие чудеса света не выполняли почти никаких утилитарных функций и практической пользы обществу не приносили. Исключение — Александрийский маяк. Храмы, статуи и мавзолеи — это, конечно, прекрасно, но их на лепешку не намажешь и в карман не положишь.

Карфагенский порт, напротив, — гимн дистиллированному финикийскому утилитаризму. Технократическая поэма.

Дадим слово историку Аппиану Александрийскому, сохранившему для нас описание гавани Карт-Хадашта:

«Гавани Карфагена были взаимно связаны, так что можно было проплывать из одной в другую; вход же в них из открытого моря был шириной в семьдесят футов, и запирался он железными цепями. Первая гавань была предоставлена торговым судам, и в ней было много различных причалов; во внутренней же гавани посредине был остров, и как этот остров, так и гавань были охвачены огромными набережными.

Эти набережные были богаты верфями и доками, рассчитанными на двести двадцать кораблей, и, помимо верфей, складами, где держалось все нужное для оснащения триер. Перед каждым доком стояли две ионические колонны, окружавшие гавань и остров, что вместе с гаванью создавало впечатление круглой галереи. На острове было сооружено на возвышении помещение для командующего флотом, откуда трубач должен был давать сигналы, а глашатай передавать приказы, командующий же за всем наблюдать.

Этот остров был расположен у входа в гавань и поднимался высоко вверх, так что командующий мог видеть все, происходящее в море, а подплывающим нельзя было ясно видеть, что делается внутри гавани. Даже вошедшим в гавань купеческим судам не были видны верфи, ибо их окружала двойная стена и были особые ворота, которыми купцы из первой гавани попадали в город, не проходя через верфи».

Аппиан. Римская история. События в Ливии, XIV: 96.

Вот свидетельство древнегреческого географа Страбона:

«Карфаген расположен на некотором полуострове 360 стадий в окружности, имеет стену; 60 стадий окружности занимает сам перешеек, тянувшийся от моря до моря; там у карфагенян была стояла для слонов — очень просторное место. В центре города находится

акрополь, который они называют Бирса, довольно крутая возвышенность, заселенная со всех сторон. <...> У подошвы акрополя расположены гавани и Кофон — круглый островок, окруженный каналом, на котором кругом по обеим сторонам находились верфи».

Страбон. География. Книга XVII, III:14.

Минуло почти две с половиной тысячи лет, но если вы сейчас окажетесь в Картаже, северном пригороде города Тунис, столицы одноименного государства, расположенном неподалеку от исторического Карфагена, то сможете увидеть обе гавани — круглую, военную, и прямоугольную, торговую. Разумеется, никаких построек времен Карт-Хадашта в порту не сохранилось, но конфигурация акваторий доселе остается почти неизменной, включая остров Кофон (Котон), который, правда, за минувшие эпохи превратился в полуостров.

Рельеф очень сильно изменился. Почти исчез холм Бирса: там, где находился храм Эшмуна, ныне стоит французский собор Св. Людовика постройки 1897 года. Античные развалины в большинстве принадлежат римской эпохе, от финикийского Карфагена остались единичные фундаменты, немногие некрополи, а материальная память о тирийской царевне Элиссе, основательнице города, воплощена в её изображении на монетке в 1 тунисский динар и банкноте в 10 динаров. Но в любом случае описанные Аппианом и Страбоном гавани уцелели, в них даже можно искупаться при желании.

Прямоугольный коммерческий порт, судя по современным очертаниям, был размером 400 на 100 метров, то есть немногим обширнее Красной площади в Москве (330 на 70 метров). Прямой канал ведущий из торговой гавани непосредственно в море, имел ширину около 20 метров; чтобы добраться до военного порта, потенциальному противнику следовало для начала преодолеть перегороженный цепями канал, затем первую гавань.

Кстати, сделать это римлянам так и не удалось: весь период осады Карфагена в 146 году до н. э. пунийцы удерживали порт и даже сумели прорвать блокаду, о чем нам опять же рассказал Страбон:

«Несмотря на то что по мирному договору, заключенному 50 лет тому назад, во вторую войну [карфагеняне] содержали только 12 кораблей, тем не менее сумели построить (хотя им пришлось бежать в поисках убежища в Бирсу) в течение двух месяцев 120 палубных кораблей; так как устье Кофона охранялось врагами, то они

прокопали другое устье и их флот неожиданно вышел в море. Ибо у них был старый запас строительного леса и множество мастеров-плотников содержалось на государственный счет; несмотря на это, Карфаген все-таки был взят и разрушен».

Страбон. География. Книга XVII, III:15.

А вот что пишет об этом событии немецкий историк Теодор Моммзен:

«Сципион решил соорудить между земляной косой и берегом залива каменную плотину шириной в 96 футов и, таким образом, запереть вход в гавань. Это мероприятие сначала вызвало насмешки карфагенян, считавших его неосуществимым. Но когда постройка плотины подошла к концу, для города, казалось, не было больше спасения. Но одна неожиданность уравнивала другую. Пока римские рабочие строили плотину, в карфагенской гавани в течение двух месяцев днем и ночью велись какие-то работы, причем в такой тайне, что даже перебежчики не могли сказать, что замышляют осажденные. Когда римляне закончили плотину, запиравшую вход в гавань, внезапно из той же гавани вышли в залив 50 карфагенских трехпалубных кораблей и мелкие суда и лодки. Оказалось, что пока римляне загораживали старый вход в гавань с южной стороны, карфагеняне прорыли канал в восточном направлении и таким образом создали себе новый выход; его невозможно было запереть, так как в этом месте море слишком глубоко»¹.

Представляете себе масштаб промышленного потенциала города? В тяжелейших условиях осады и войны на уничтожение пунийцы сумели в олимпийский срок построить значительное количество кораблей, выкопать новый канал из военной гавани и вывести флот в Средиземное море! Канал этот сохранился доселе, его можно увидеть в нынешнем тунисском Картаже, в самом конце авеню Коммандан Бежауи, проходящей по берегу круглой гавани.

Устройство военного порта было абсолютно новаторским и феноменально высокотехнологичным для Древнего мира — ничего подобного не наблюдалось ни в одной из современных Карфагену держав. Общий диаметр акватории составлял около 300 метров, диаметр острова Кофон, расположенного по центру, 100 метров, то есть площадь Кофона можно примерно оценить

¹ Моммзен Теодор. История Рима. Санкт-Петербург: Наука, 1994.

в 7850 квадратных метров. По внешнему периметру круга располагались ангары-эллинги, рассчитанные в общей сложности на 220 кораблей. Профессор Ю. Б. Циркин пишет:

«Эллинги состояли из наклонного пандуса, поднимающегося в самой высокой части на 2–3 метра над уровнем воды в самой гавани, и двора, в котором стоял корабль. Эллинг был покрыт крышей и имел высоту 6–8 метров, достаточную для протаскивания корабля. Если верна реконструкция Ш. Джибсон, то крыша имела ступенчатый вид и состояла из трех ступеней, постепенно повышаясь к берегу. Каждая секция кровли опиралась не непосредственно на стену, а на колоннаду и была открыта со всех сторон, в том числе и сзади, и все это давало доступ в эллинг воздуху и свету»¹.

На суше, за расположенными кольцом ангарами, и располагалась инфраструктура порта, включая мастерскую, в которой мы оставили Баал-Ганнона. Войдя в круглую гавань, карфагенский боевой корабль талями поднимался в свободный ангар, фактически представляющий собой сухой док — очередное изобретение карфагенян, здраво рассудивших, что техническое обслуживание крупнотоннажных кораблей должно вестись с максимальным комфортом для персонала. Повышение эффективности труда в условиях сухого дока очевидно.

Отдельно отметим секретность и закрытость военного порта — Аппиан особо указывает, что «вошедшим в гавань купеческим судам не были видны верфи, ибо их окружала двойная стена и были особые ворота, которыми купцы из первой гавани попадали в город, не проходя через верфи». Это автоматически подразумевает систему спецдопуска и четкий регламент: кому можно пройти в Кофон, кому нельзя. Режимный объект, ничего не попишешь — за два с половиной тысячелетия в этой сфере особых изменений не произошло, разве что инструкции стали строже, а вахтёры непочтительнее.

Собственно, остров Кофон, как «главный офис адмиралтейства», получил название от финикийского слова «резать, вырезать», что свидетельствует об искусственном происхождении круглой гавани. Торговый порт во времена раннего Карфагена, скорее всего, был лагуной или лиманом, отделенным от моря пересыпью (узкой полоской суши) и затем обустроенным пунийскими строителями, придавшими порту идеальную прямо-

¹ Ю. Б. Циркин. Карфаген и его культура. Л.: Наука, 1986.

угольную форму. На пересыпи построили крепостную стену, защищавшую гавань от возможной атаки кораблей неприятеля с восточного направления, с залива. А вот Кофон с военной гаванью становятся полностью рукотворным сооружением, возведенным по сложнейшему инженерному плану.

Грандиозные земляные работы — экскаваторы тогда не придумали, а потому извлечь и переместить сотни тысяч кубометров грунта предстояло вручную. Кольцевой фундамент для эллингов. Колоннада. Крепостная стена. Ступенчатое покрытие крыш двухсот двадцати сухих доков. Внутреннее оборудование. Транспортно-производственная логистика, сиречь «процесс управления материальными потоками на всех производственных стадиях, начиная с сырьевого источника и до непосредственного конечного потребителя». Материалы для постройки, ремонта и оснащения кораблей всем необходимым должны находиться в прямой досягаемости, следует обеспечить непрерывность их доставки или производства на месте.

Храм Артемиды в Эфесе, говорите? Мавзолей в Галикарнасе? Колосс Родосский? Да, красиво. Да, пышно. Да, греки каждому встречному и поперечному вдалбливают, что это настоящие чудеса света:

— Эй ты, иди сюда! Стой смирно! Видишь храм Артемиды?! Повтори: это чудо света! Громче! Еще раз — чу-до све-та! А теперь иди и расскажи об этом всем остальным!

Данный метод убеждения успешно применяется уже более двадцати трех веков. Что характерно, работает безотказно — о «вражеских» чудесах греки, а за ними римляне старательно умалчивали, а если совсем умолчать не получалось, возводили очи горе и заявляли нечто наподобие «Ну да, что-то такое было, но так давно, так далеко и так неинтересно, что разговоры об этом ныне абсолютно неактуальны! Кстати, вы не видели наш римский Колизей? Пойдемте взглянем, сознание от восторга потеряете!..»

От эллинов и римлян эту традицию перенял непритворно восхищавшийся древностью Ренессанс, потом просветители XVIII века, потом гуманисты века XIX. Через них нам и досталась история Античности «С точки зрения греков».

Извиняет одно: никакой другой точки зрения попросту не сохранилось.

А с точки зрения Карфагена Кофон был «чудом света» лишь во второй степени. Бесспорно, этим грандиозным сооружением, жемчужиной Средиземноморья, можно было любоваться

и восторгаться, но на первый план выходили скучный и приземленный утилитаризм с прагматическими соображениями. Если бы во времена Карфагена существовал такой жанр литературы, как «производственный роман» в стилистике социалистического реализма, пунийский писатель непременно осветил бы трудовые подвиги современников на строительстве Кофона, с обязательными (и чудовищно нудными) техническими деталями, описаниями механизмов и приспособлений, с новаторами, рационализаторами и передовиками трудового фронта. Вся эта тоска зелёная была бы его соотечественникам очень интересна.

Карфагеняне, как и их прямые финикийские предки, были *нацией технократов*.

Это первая в истории человечества *промышленно-урбанистическая цивилизация*. «Производственный роман» в Карфагене прокатил бы на ура — западные финикийцы непритворно интересовались, как стоять здания нестандартного предназначения, как устроен рулевой механизм на новейшей и технологически продвинутой пентере, что говорит современная наука об оптическом телеграфе!

Они восхищались не идеальными формами скульптур или эстетической завершенностью архитектурного ордера, а тем, что близко и понятно технарям — механизмами, устройствами, делающими жизнь и работу проще и легче, новыми открытиями в сфере бизнеса: например, ипотеке, начатки которой появились еще в Тире, а в Карфагене этот вид банковского дела развился до появления целых кварталов античных многоэтажных «человеишников».

Возможно, мы и не правы, но эта теория выглядит вполне стройной и логичной в свете всех имеющихся данных о финикийцах и карфагенянах. Технократы с урезанным «чувством прекрасного». Зато с развитыми понятиями о личном комфорте и утилитаризме — в конце концов, нам никто не запрещает выдвигать собственные версии, ранее не озвученные другими авторами, писавшими о Карфагене.

У нас есть еще одна мысль, которая на первый взгляд может показаться еретической. Финикийцы, а впоследствии карфагеняне, первыми сформировали идеи глобализма, как утверждения в глобальном (по меркам Древнего мира, конечно) масштабе *господства единой социально-экономической доктрины*, а равно единого стандартизированного образа жизни и частного потребления.

Финикиянами была создана колоссальная, невероятно разветвленная торгово-коммерческая империя, с едиными правилами игры на пространствах от Ханаана до Атлантики, общей системой мер и весов, банковским бизнесом, системой кредитования, управления финансовыми потоками, централизованным регулированием в законодательной сфере. К выражавшим несогласие с «глобалистами Древнего мира» применялись «гуманитарные бомбардировки» — на горизонте появлялся карфагенский флот и предельно доходчиво объяснял недовольным, кто тут главный.

Ровно то же самое впоследствии делали и римляне, основав *Rex Romana*, но у латинян имелось принципиальное отличие от финикийского подхода: на первое место они ставили политическое влияние, а не экономику и извлекали выгоду для метрополии путем системной эксплуатации завоеванных земель под римским военно-политическим надзором с обязательным внедрением «римского образа жизни» — всем известная «романизация». Финикийцам и карфагенянам хватало экономических методов подчинения отдаленных регионов, что требовало куда меньших затрат. В основе первой глобализация лежала коммерция (и общие стандарты жизни для всех финикийцев с союзниками), лишь в крайнем случае подкрепляемая весомыми аргументами в виде боевых эскадр и десантов наемной армии на побережье.

Впрочем, мы снова отвлеклись. Вернемся к Баал-Ганнону, которого немедля по прибытии на рабочее место постигла неприятность: подломился упор, на котором вытачивался киль корабля, один из рабочих получил тяжелый перелом обеих костей голени. Что делать?

Ну разумеется, вызвать врача! При гавани организован собственный лазарет, как совершенно необходимая часть военной инфраструктуры. «Средний медицинский персонал» набирается из карфагенян, некоторые «ординаторы» тоже местные уроженцы, но ведущие специалисты — египтяне. Египтяне, получающие внушительное жалованье и пользующиеся прямо-таки неслыханными привилегиями в обществе: полноценное гражданство Карт-Хадашта, право голоса, полное государственное обеспечение, бесплатное жилье, ливиифиникийская прислуга и так далее.

Спрашивается, почему именно египтяне и откуда такие исключительные льготы? В Карфагене крайне болезненно относились к предоставлению прав гражданина иностранцам и сегрегация

по признаку гражданства применялась даже к условным «своим» — потомкам смешанных браков финикийян и ливийцев.

Как мы помним из первого тома, ханаанеи издревле относились к Египту с немалым пиететом и уважением. Они познакомились с подданными фараона Снофру ориентировочно в 2590-х годах до н. э., сиречь для Баал-Ганнона с тех времен прошло более 2300 лет. Египтяне тогда научили нищих ловцов раковин с побережья Ханаана быть цивилизованными, передали им часть своей (без преувеличений) великой культуры, египетская стилистика сохранялась в изделиях финикийцев вплоть до совсем недавней эпохи Александра Македонского.

А еще у египтян была невероятно развита важнейшая область науки — медицина. Мы ничуть не ошибемся, сказав, что древнеегипетский врач, получивший профильное образование в медицинских школах, «домах жизни», Саиса, Мемфиса или Гелиополиса на две головы превосходил в этом ремесле жутких коновалов образца столь близкой нам эпохи Галантного века и Короля-Солнце Людовика XIV.

Приведем довольно устрашающий пример. Американский автор Говард Хаггард в книге «От знахаря до врача. История науки врачевания» сообщает читателю о «лечении», полученном английским королем Карлом II Стюартом, которого в феврале 1685 года угроздило упасть в обморок во время утреннего бритья. Скорее всего, это был инсульт. Сбежались аж четырнадцать «лекарей», устроивших бедняге такую кровавую баню, что врагу не пожелаешь.

В качестве подготовки к основной терапии королю сделали два кровопускания, лишив Карла почти 0,7 литра крови. Затем наступила очередь клизм. Состав целительного раствора был таков: каменная соль, сурьма, горечь, листья мальвы и фиалки, свекловичный корень, цветы ромашки, льняное семя, фенхельное семя, корица, алоэ, семя кардамона, шафран, кошениль (на минуточку: кошениль — это насекомое, выделяющее карминную кислоту).

После двух клизм с этим ведьминским декоктом голову короля выбрили и наложили на темя вытяжной пластырь. Чтобы «укрепить мозг», Карлу дали чемеричный чихательный порошок и порошок из цветков примулы. Затем поили лакрицей, сладким миндалем, ячменной водой, белым вином, анисом и полынью, экстрактами чертополоха, мяты, дягиля и руты — это было рвотное. К ногам прикладывали целебный голубиный помёт. Отдельного упоминания удостоивается растворенный в уксусе

жемчуг. Потом снова кровопускания. И снова слабительные-рвотные. Состояние короля ухудшалось, поэтому ему дали... сорок капель *экстракта человеческого черепа* для успокоения судорог. Подробно зафиксированную схему «лечения» можно перечислять еще на протяжении двух абзацев — чем дальше, тем страшнее.

Нет ничего удивительного в том, что Карл II после этих удивительных процедур не выжил — да никто бы не выжил. Врачи-убийцы as is.

Напомним, что происходило это всего 335 лет назад. Будущий император Всероссийский Петр I уже родился и всю игру с своим «потешным войском» в селе Преображенском...

К чему была эта пространная иллюстрация о леденящих кровь ужасах «медицины» Нового времени? Да к тому, что две-три тысячи лет назад в Древнем Египте врачебное искусство находилось на куда более высоком уровне; затем египетские наработки достались в наследство грекам и римлянам.

Абсолютно невозможно представить, какой объем знаний, накопленных за нескончаемые века развития египетской цивилизации, ныне утрачен. Десятки тысяч папирусов? Сотни тысяч? Но и сохранившихся документов вполне достаточно для того, чтобы составить общее впечатление.

Интересующихся этой тематикой мы отсылаем к подробнейшей книге В. В. Ребрика «Древнеегипетская магия и медицина» (есть в свободном доступе в Интернете), а сами лишь скажем, что о медицине Египта положительно отзывались весьма многие авторы прошлых веков: Геродот, Страбон, Плиний и даже ранний христианский святой Климент Александрийский. Особо подчеркивается, что египтяне практиковали разделение медицинских профессий: гельминтологи, хирурги, офтальмологи, травматологи, гигиенисты, гинекологи. Египтяне были знакомы с анестезиологией — в качестве обезболивающего использовался опиум. Благодаря развитой технологии мумифицирования трупов египетские врачи и жрецы неплохо знали анатомию, пускай не всегда понимали, каковы функции многих органов, сосудов и нервов.

Немалое значение придавалось профилактической медицине и гигиене — Геродот, уверяя нас, что «египтяне народ самый здоровый и долговечный», подробно описывает жреческие предписания относительно постоянной стирки одежды, бритья волос на теле во избежание педикулеза, мытья посуды, омовения дважды в день, употребления в пищу мяса здоровых животных и т. д.

Гигиенические процедуры имели религиозную основу — нельзя носить на себе никакую скверну и нечистоту (к примеру, вшей) во время служения богам. Разумеется, привычные и нам медицинские манипуляции наподобие клизмы или вправления вывиха сопровождались мистическими практиками: заклинаниями, заговорами, сакральными песнопениями и использованием священных предметов. Человек древности не представлял себя вне «мистического поля», его Вселенная населена не только людьми и животными, но еще и бесчисленными богами, духами, чья помощь во врачевании столь же необходима, как и собственные практические знания.

Мы не говорим, что медицина Египта была совершенна, однако безнадежный кошмар и ужас последовавших за Античностью Тёмных веков, Средневековья, Нового и частично Новейшего времени вплоть до XIX века по Рождеству убеждают нас, что в случае чего было бы куда надежнее обратиться к древнеегипетскому врачу, чем к выпускнику Гейдельбергского университета или Болоньи образца 1700 года, каковой студиялус залечит вас насмерть, при этом содрав огромный гонорар.

Кстати, профессиональная медицинская помощь в древнем Египте была бесплатной, как часть религиозного служения.

Богом врачевания в античном мире становится Асклепий-Эскулап, чей культ возводится к Имхотепу, визирю фараона III династии Джосера (2630–2611 годы до н. э.) и автору «папируса Эдвина Смита» — медицинского трактата, дошедшего до нашей эпохи сквозь несколько тысячелетий.

«С самого начала истории Египет имеет зрелую систему медицины, содержащую систематическую патологию, четко сформулированную фармакопею, довольно большие знания анатомии и физиологии, обширную медицинскую литературу, четко определенную программу обучения медицине и большое искусство в области хирургии и травматологии. Естественно, что наука, обладавшая таким высоким уровнем, не могла возникнуть в короткое время. От эпохи Гиппократов до современной медицины — 2400 лет, столько же — от Имхотепа до Гиппократов. Однако и Имхотепу предшествовало, вероятно, 1000–1500 лет развития медицины»¹.

¹ В. В. Ребрик. Древнеегипетская магия и медицина, курс лекций. Рига, 2015.

Неудивительно, что великолепно обученных египетских врачей с удовольствием приглашали в Карфаген (и не только — в Месопотамию, Грецию, позднее в Рим), а их услуги ценились чрезвычайно высоко. Учитывая же «особые отношения» финикийцев и египтян, богатая столица пунийского мира не скупилась на привлечение «иностраннных специалистов»: проще заплатить египтянину, чем долго (и не обязательно качественно!) готовить собственных медиков. Обычный финикийский подход к кадровому вопросу: нет своих профи, ищи за границей и щедро плати звонкой монетой!

Благодаря упомянутому «папирусу Смита» и другим сохранившимся трактатам мы можем достаточно ясно представить себе, как действовал явившийся на зов Баал-Ганнона лекарь и его помощники из числа карфагенян. Перелом голени — это больно, а потому в ход идет настойка опия. Одурманенному пострадавшему вправляются сломанные кости, рана посыпается целебным порошком — есть сведения, что египтяне использовали некие подобию антибиотиков, получая их из заплесневевшего хлеба. Накладываются деревянные шины, которые закрепляются льняными бинтами, промазанными смолой: почти что гипсование! Травмированная конечность должна быть иммобилизована, обездвижена: эта аксиома известна не первую тысячу лет.

Обязательная магия, куда ж без неё. Египтянин нараспев повторяет старинную формулу зафиксированную в «папирусе Смита»: «...Вот что нужно сказать в качестве заклинания над этим лекарством: враг, находящийся в ране, да будет устранен, да будет приведено в дрожь зло, находящееся в крови, враг Хора. Защитой является магическое заклинание искушенной в магии (т. е. Исиды): <эта нога> не испытает опасности, этому сосуду (жиле) не будет нанесен вред. Я нахожусь под защитой искушенной в магии (Исиды); спасен (вновь) сын Осириса».

В. Ребрик объясняет, какова механика магии: «внечеловеческо-божественную плоскость следует привести в соответствие с человеческой, а воздействие божественного мира на человеческий автоматически гарантирует успех. При этом из божественного мира следует выбрать такой случай, который как можно более соответствовал бы человеческой ситуации: то, что удалось богам, оправдывает себя и в случае людей».

Первая помощь оказана, раненого на носилках отправляют в лазарет — он гражданин, карфагенянин, квалифицированный рабочий, потому лечение и уход оплатит верфь. Не исключено,

что ему полностью или частично сохраняют жалование на время болезни, поскольку нельзя разбрасываться ценными специалистами.

Баал-Ганнон отмечает для себя, что следовало бы заглянуть в храм Эшмуна — финикийский аналог Асклепия-Имхотепа — и принести жертву в благодарность за то, что дело обошлось малой кровью. Эшмун почитался в древние времена в ханаанейском Сидоне как бог-целитель, воскресивший самого Мелькарта, и его помощь сейчас очень бы не помешала.

А теперь за работу! Нельзя терять драгоценное время светового дня.

Баал-Ганнон контролирует поступление материалов со склада, сверяется с техзаданием, распределяет обязанности среди подчиненных с учетом, что одна пара рабочих рук надолго выбыла из коллектива и остальные получают лишнюю нагрузку. Подмену найти непросто, человека с улицы на закрытый военный объект не наймешь.

Закончив с руководящими функциями, Баал-Ганнон сам берется за рубанок — производство Древнего мира не подразумевало наличие «офиса» для шефа, где можно бездейтельно проводить время за папирусами: для этого существует штат писцов. Начальник цеха работает руками точно так же, как и все остальные, а должность и ответственность подразумевают, что именно он обязан заниматься наиболее тонкой работой, которую нельзя спихнуть на других. Баал-Ганнону платят из казны прежде всего за мастерство.

Да, не забыть бы за всей этой суетой навестить святилище Эшмуна. Нельзя пренебрегать заступничеством и милостью богов...

Здесь мы подошли к очень тонкому и деликатному моменту: карфагенской религии, о которой в первой книге упоминалось вскользь, без подробностей; с таковыми читатель всегда может ознакомиться в книге выдающегося советского антиковеда Ю. Б. Циркина «Карфаген и его культура», которую мы неоднократно рекомендовали.

Нас же интересуют лишь некоторые аспекты религиозной жизни пунийцев, оказавшие крайне негативное влияние на репутацию Карфагена и его обитателей в глазах последующих поколений.

Вновь дадим слово профессору Циркину:

«По многим вопросам, касающимся истории и культуры Карфагена, приходится высказывать *только более или менее обоснованные гипотезы*, ибо состояние нашей источниковедческой базы не позволяет большего. И, пожалуй, ни для одной сферы пунической культуры эта оговорка так не подходит, как для пунической религии. Необходимо иметь в виду, что степень гипотетичности возрастает и, соответственно, степень вероятности уменьшается, когда отдельные факты начинают связывать в какую-то систему и пытаются рассмотреть религию пунийцев в целом и ее эволюцию за время существования Карфагенской республики. <...> В древности религия считалась существеннейшей частью идеологии. Можно даже сказать, что она составляла сердцевину идеологической сферы человеческой жизни, и это было свойственно всем народам. Не были исключением и карфагеняне».

Давайте внемлем доброму совету именитого ученого и постараемся избежать глобальных выводов, которые «по степени вероятности», скорее всего, окажутся неверными. Приведем известные по трудам древних историков и результатам археологических изысканий факты, читателю же предоставим возможность поразмыслить над ними самостоятельно.

Факты же таковы. Практически все авторы Греции и Рима, писавшие о Карфагене, непременно упоминают о практике человеческих жертвоприношений, включая младенческие, и картинно возводят очи горе — какая жестокость! Какое варварство! Неслыханно!

Во-первых, вот уж чья бы священная корова мычала о человеческих жертвах, да только не римская. Достаточно вспомнить, что гладиаторские бои являлись перенятым римлянами у этрусков погребальным обычаем, жертвоприношением на могиле усопшего вождя или героя: рабы, а иногда и свободные сражались в его честь, выживал сильнейший, погибшие посвящались богам.

В предыдущей книге мы описывали такой обряд, проведенный этрусками из города Цере после морской битвы при Алалии — в качестве извинений перед греками за побиение камнями военнопленных (не исключено, что тоже ритуальное). Гладиаторские бои, как публичное зрелище, проводились в Риме со 105 года до н. э. и (с несчастными перерывами) вплоть до окончательного падения Вечного города в 476 году по Р. Х., когда организовывать игры стало попросту некому.

Сколько гладиаторов погибло за 581 год непрерывной резни на аренах по всей Империи, подсчитать невозможно, но счет,

безусловно, идет на десятки тысяч. Возможно, сотни. Важно помнить, что формально все они могут считаться сакральными жертвами.

Во-вторых, что греки, что римляне были лютыми врагами финикийцев, и писать что-то хорошее о противнике считалось непатриотичным и политически близоруким. Наоборот, антикарфагенская пропаганда всемерно поощрялась и культивировалась, чем страшнее — тем лучше. Моряки рассказали о пяти человеческих жертвах? Мало! Пусть будет пятьдесят! А лучше пятьсот!

При этом у обитателей Эллады с этим вопросом тоже были существенные проблемы: для начала вспомним «Илиаду» Гомера, где заклятие дюжины троянцев наравне с лошадьми и собаками при погребении Патрокла не считается чем-то из ряда вон выходящим и вызывающим слезоотделение у благородных дам:

Девять псов у царя, при столе его вскормленных, было;
Двух из них заколол и на сруб обезглавленных бросил;
Бросил туда ж и двенадцать троянских юношей славных,
Медью убив их: жестокие в сердце дела замышлял он.

Илиада. XXIII, 175. Перевод Н. Гнедича

Сюда же мы относим греческие жертвы Зевсу на горе Ликейон и Артемиде в Аркадии. Или, например, жертвоприношение перед битвой с персами при Саламине. Это уже вполне карфагенский период, 480 г. до н. э.

«Когда Фемистокл совершал жертвоприношение у триеры главного начальника, к нему привели трех пленников, очень красивых собою, роскошно одетых и украшенных золотом. Как говорили, это были дети царской сестры Сандаки и Артаикта. Когда их увидел прорицатель Эвфрантид, жертвы вспыхнули большим, ярким пламенем и в то же время справа кто-то чихнул, что также было добрым предзнаменованием. Тогда Эвфрантид подал руку Фемистоклу и велел ему обречь на жертву юношей и, помолившись, всех их заклатъ Дионису Оместу. <...> Все в один голос стали взывать к богу и, подведя пленников к алтарю, заставили, как приказал прорицатель, совершить жертвоприношение».

Плутарх. Сравнительные жизнеописания, Фемистокл. XIII

Местами у греков случались куда более предосудительные инциденты:

«Нахождение в тризне эллинистического некрополя Китея фрагментов черепа и челюсти ребенка в возрасте до одного года и фрагмента детской плечевой кости вполне может свидетельствовать о ритуальном каннибализме. Важно отметить, что тризна тяготела к святилищу, центром которого была жертвенная яма с большим количеством костей животных и обломков бытовой утвари, вокруг которой располагались безынвентарные погребения младенцев и детей в возрасте до 3–5 лет, что позволило исследователям поставить вопрос о возможности детских жертвоприношений в ходе ритуально-поминальных обрядовых действий»¹.

Перенесемся из Греции в Рим. Тит Ливий повествует о событиях в Италии перед битвой при Каннах:

«...Квинта Фабия Пиктора послали в Дельфы спросить оракула, какими молитвами и жертвами умиловить богов и когда придет конец таким бедствиям; пока что, повинуясь указаниям Книг, принесли необычные жертвы; между прочими галла и его соплеменницу, грека и гречанку закопали живыми на Бычьем Рынке, в месте, огороженном камнями; здесь и прежде уже свершались человеческие жертвоприношения, совершенно чуждые римским священнодействиям».

История Рима от основания города. XXIII, 57

Любезный Ливий, так «чуждые» или «прежде свершались»? Выберите что-то одно, учитывая, что римляне пользовались указанием Сивиллиных книг — кажется, ничего более «римского» и не придумаешь! Заметим, что ровно то же самое пишут Плиний Старший и Павел Орозий. Орозий может быть и предвзят как раннехристианский автор, но вот Плиния в антиязыческой ангажированности никак не упрекнешь!

Оправдания греков и латинян звучат неубедительно: да, мол, у нас такое случалось, но только в исключительных, экстраординарных случаях. А так — ни-ни! Как можно?! Это при том, что примеров в античной литературе приведено множество, да и археологи едва не каждый год находят новые доказательства кровавых ритуалов.

Будем предельно откровенны: человеческие жертвоприношения в Древнем мире *не являлись табуированными и возмущавшими*

¹ Н. Винокуров. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время. Монография, 2002.

общество. Это была нормальная практика, распространенная среди практически всех народов — от египтян на юге и галлов на севере, до индоиранцев востока или иберов запада.

Мы можем вас шокировать, но термин «дифирамб» (сиречь в современном понимании «торжественная песнь в возвышенном стиле»), восходящий у культу Диониса, в глубокой древности означал... ритуальное отчленение головы. Жертву, связанную с почитанием божеств хтонического круга и прежде всего Диониса. Сам Дионис по тем временам ничуть не походил на «облагороженного» ныне винопийцу-эпикурейца, на поверку оказываясь жутковатым и очень недобрым божеством.

Другое дело, что с течением времени практика человеческих жертв постепенно отмирала. Сперва у средиземноморских цивилизаций исчезли совсем уж дикие обычаи унаследованные от эпох неолита до раннего Бронзового века — ритуальный каннибализм и ритуальные истязания.

У варваров столь нехорошие привычки сохранялось куда дольше, о чем нас уведомляет римский писатель I–II веков н. э. Луций Анней Флор, повествуя о Фракийской войне, случившейся около 112–110 гг. до н. э.:

«И не было в то время ничего более жестокого, чем их (фракийцев) обращение с пленниками: они совершали возлияния богам человеческой кровью, пили из человеческих черепов и делали для себя забаву из смерти пленников, сжигая их и удушая дымом; а также пытками исторгали плоды из чрева беременных матерей. Наиболее жестокими из фракийцев были скордиски, и хитрость их не уступала силе».

Эпитомы. Книга I, XXXIX

В качестве компромисса появляются «заместительные жертвы» — вместо человека в дар богам приносятся животные, или, например, фигурки людей из глины, тканей и металлов. Вновь задействован мистический менталитет человека древности и законы «симпатической магии» — подобное заменяется подобным, а равно подобное порождает подобное. Используется и «замещение замещения», например вместо быка могли принести в жертву его шкуру, что симпатической магии ничуть не противоречит.

Реальная человеческая жертва и впрямь становится редкостью, но следует учитывать невероятный консерватизм религиозных практик и приверженность обычаям: если уж современная христианская церковь доселе ведет богослужение по канонам,

установленным больше тысячи лет назад, то что говорить о Древнем мире, где течение времени было куда менее стремительным, чем сейчас, а традиции нерушимы и сакральны?

Равно не стоит забывать, что некоторые древние культы требовали *регулярных* человеческих жертвоприношений и, вероятно, религия Карфагена в ранние времена была одним из них. Но какова регулярность? Каково предписанное обязательное число жертв? Существовала ли возможность «заместительной жертвы» — одна из таких общеизвестна: жертвоприношение Авраама, обязанного заколоть своего сына Иакова, в последний момент замененного на ягненка?

В точности этого никто в настоящий момент не знает. Документальных свидетельств практически не осталось, а верить греко-латинским авторам надо с двумя или тремя оглядками: они писали про своих недругов.

В первом томе мы упоминали, что по мнению современных исследователей финикийские детские жертвоприношения распространились около 1100–1000 годов до н. э. во время завоевания Древней Палестины евреями и арамеями, частью истребившими, а частью вытеснившими на побережье Средиземного моря прежние ханаанские племена. Нашествие спровоцировало тяжелейший демографический кризис, недостаток продовольствия и вынужденную эмиграцию ханаанцев за море, в северную Африку.

Беженцев в Финикии много, земли мало, провизии и того меньше. Что делать?

Верно, избавляться от лишних ртов, чтобы дать выжить остальным, более сильным. Отсюда — инфантицид, детоубийства, кстати практиковавшиеся не столь уж давно, до христианизации, у германцев, славян и скандинавов: в случае голода, ради выживания рода, детей «выносят в лес», а старики уходят сами и умирают на морозе. Предположительно то же самое имело место и в Финикии, с одной существенной разницей: младенцев приносили в жертву, что вполне согласуется с логикой: не пропадать же добру? Если возникла необходимость, следует посвятить обреченного богам, иначе его смерть не принесет никакой пользы.

Отголосок этого гипотетического обычая мы находим у Квинта Курция Руфа в описании осады финикийского города Тир Александром Македонским в 332 г. до н. э.:

«Нашлись (в Тире) даже люди, предлагавшие обратиться к давно уже не применявшемуся жертвоприношению, которое, по-моему,

совсем не было угодно богам, именно к закланию в жертву Сатурну свободнорожденного младенца. Говорят, что карфагеняне до самого разрушения их города осуществляли (такие жертвы). Это скорее святотатство, нежели жертвоприношение, завещанное им основателями их города. Если бы старейшины, по решению которых у них вершатся все дела, не воспротивились, то грубое суеверие взяло бы верх над гуманностью».

История Александра Великого Македонского.

Книга IV, глава 3

Курций Руф делает акцент на том, что такого рода жертвоприношение в Тире «давно не применялось», а тирийские старейшины в жертве сознательно отказали и даже «воспротивились». Следовательно, обычай для финикийцев был настолько архаичен и неуместен, что его не использовали даже в критический для города момент. Потом Руф замечает: «говорят, будто карфагеняне...» — скажем прямо, говорит-то много кто и много о чем, и далеко не всегда такие разговоры являются ложью, но...

...Но давайте обратимся за помощью к археологам — вдруг они что-то выяснили? Несколько лет назад в весьма авторитетном научном журнале «Antiquity», издании Кембриджского университета, развернулась бурная дискуссия по теме детских жертвоприношений в Карфагене позднего периода.

Ученые мужи с увлечением таскали друг друга за бороды и швырялись в оппонентов чернильницами из-за находок в карфагенском Тофете¹ — некоем гибриде святилища и некрополя, расположенном близ берега: существует легенда, будто легендарная царевна Элисса ступила на африканскую землю именно в этом месте. Тофет открыли в 1921 году, обнаружив там урны с костями жертвенных животных, а также сосуды с детскими останками, подвергшимися кремации. Что, разумеется, немедленно послужило «подтверждением» леденящих кровь рассказов античных историков — младенцев жгли десятками! Кровавый ужас!

Вот ведь какая незадача: современные исследования археологов Питтсбургского университета эту стройную теорию

¹ Тофет — современный термин, взятый из Ветхого завета. По Библии, это часть долины сынов Еннома к югу от Иерусалима, где якобы находился идол Молоха. Как подобный некрополь назывался у карфагенян, сейчас неизвестно.

в значительной мере опровергают¹. Были тщательно исследованы остоны 540 детей из 348 найденных урн, причем 64 скелета сохранились настолько хорошо, что по конфигурации тазовых костей можно было определить пол ребенка. 38 остовов (больше половины) принадлежали девочкам, а это не лезло вообще ни в какие рамки — судя по сообщениям древних писателей, в жертвы предназначались исключительно мальчики, которые, вдобавок, обязаны были «покорно шествовать к жертвенному огню» на глазах толпы. Куда либо шествовать младенцы из Тофета никак не могли по причине слишком нежного возраста.

Первое: каждый пятый ребенок был мертворожденным, то есть появившимся на свет задолго до положенного срока. Говоря грубо, выкидыш. Второе: все прочие скончались в возрасте до одного года, а в большинстве до пяти месяцев включительно. Третье: при микроскопировании костей не было обнаружено никаких признаков насилия и внешнего воздействия; перед сожжением детям якобы перерезали горло, однако следов холодного оружия нет.

Наконец, четвертое и самое важное. У карфагенян существовал некий обряд инициации, своего рода «посвящение в гражданство», после чего пуниец становился полноценным членом общины. Ближайшие и наиболее понятные аналогии — христианское крещение или иудейское обрезание. Подробности пунийской инициации неизвестны, и вряд ли однажды этот вопрос будет разъяснен, но нет сомнений, что эта процедура была сакрализована и ребенка непременно приносили в храм, дабы грозные финикийские боги одобрили появление на свет нового гражданина города.

В Карфагене существовало два типа кладбищ: обычные, где похоронены как древние старцы, так и дети с подростками более старшего возраста, и собственно Тофет, вдобавок находящийся на отшибе, за пределами исходных городских стен и довольно далеко от центра города, холма Бирса. Если перенести расположение Тофета в современные реалии, то он находится примерно в сотне метров к западу от берега сохранившегося прямоугольного торгового порта, на улице Анибаль тунисского Картажа. Причем по отзывам туристов это место, окруженное стеной и находящееся в тени пальм, доселе производит смутно-тревожное и недоброе впечатление...

¹ «Skeletal remains from punic Carthage do not support systematic sacrifice of infants», Jeffrey Schwartz, University of Pittsburgh, 2010.

Отметим в сторону лирику и вернемся к сухим фактам. Если предположить, что на Тофете последнее упокоевание обрели «неинициированные» младенцы обоего пола, то, как кажется, складывается довольно непротиворечивая картина — полноценных граждан хоронили на общих для всех кладбищах, а Тофет предназначался для «некрещеных младенцев», если использовать понятные для нас термины. Последних, кстати, в христианскую эпоху тоже закапывали за оградой кладбища. Вырисовывается крайне угрюмый пейзаж: умерший до обряда инициации ребенок навсегда извергался из памяти, изгонялся за пределы города, был обречен на забвение как «не-человек», существо неполноценное, наподобие животных, кости которых тоже найдены в этом жутковатом некрополе.

Безусловно, кремация и погребение рожденных и не-рожденных младенцев носили важный ритуальный и религиозно-мистический характер, как почти любое действие людей, принадлежащих к культурам Древнего мира. Одна беда: этот обряд не нес в себе никакой позитивной и положительной нагрузки, наоборот, мы можем видеть здесь «двойную смерть», смерть физическую и смерть гражданскую.

В дополнение можно упомянуть гипотезу о страхе перед «ритуальной нечистотой» ребенка, умершего до определенного возраста и инициации. С учетом прямо-таки панического иррационального ужаса семитских народов перед многоликой «нечистотой» (запретные животные, женские крови, трупы, патологические выделения, сексуальные табу, посуда из определенных материалов и так далее по десяткам пунктов), этот вариант совершенно не исключен — отсюда и Тофет, как изолированное место погребения: нельзя вынести «нечистоту» за его пределы.

Предполагается, что на Тофете, значительная часть которого к XXI веку застроена частными домами обеспеченных тунисцев (любопытно, не беспокоило ли там жить?), в общей сложности могут быть захоронены до 30–50 тысяч детей в период с 400 по 200 годы до н. э. Как мы указывали выше, пятая часть из найденных погибли в дородовой пренатальный период, четыре пятых в раннем младенчестве.

Ответ на вопрос «почему?» следует искать в чрезвычайно высокой детской смертности, уровень которой практически не менялся тысячелетиями, вплоть до начала прошлого века. Детские инфекции, о которых мы говорили выше, уносили жизни тысячами, а ведь детей еще подстерегали малярия, холера, желтая ли-

хорадка. Наконец, буйствовал листриоз, зачастую приводящий к выкидышам у беременных. Побороть смертоносную заразу не мог никакой египетский лекарь, будь он самим Имхотепом-Асклепием; антибиотики и противовирусные препараты изобретут лишь две с половиной тысячи лет спустя.

Исследовательской группе из Питтсбурга под руководством Джеффри Шварца на страницах журнала «Antiquity» возражают археологи из Израиля, оксфордского колледжа Вустера и Тюбингенского университета. На некоторых каменных плитах Тофета встречаются надписи наподобие «Баал-Хаммону жертва, которую пожертвовал имярек», что может толковаться и как знак человеческой жертвы, и как обычная благодарность богам. Кроме того, методы Д. Шварца не всегда корректны: оппоненты указывают, что при определении возраста останков следует учитывать термоиндуцированную усадку кости — говоря проще, при кремации от воздействия высоких температур кости уменьшаются в размерах, и на деле захороненные в урнах дети могли быть пусть и ненамного, но старше.

Словом, этот чрезвычайно сложный вопрос подлежит дальнейшему углубленному изучению и уточнению, хотя усилиями Питтсбургских ученых удалось сдвинуть дело с мертвой точки и частично оправдать карфагенян — детские жертвоприношения при особых обстоятельствах, скорее всего, имели место, но их масштаб «несколько преувеличен» демонизировавшими и расчеловечивавшими противника греками и римлянами.

В любом случае массовые, регулярные и возведенные в систему гекатомбы в Карфагене, подобные жертвоприношениям американских ацтеков, поставлены под обоснованное сомнение.

Тофет же, по мнению Д. Шварца с коллегами, являлся *специализированным некрополем для тех, кто умер незадолго до или сразу после рождения, независимо от причины*. В качестве одной из причин вполне допускается и жертвоприношение.

Кроме того, остается открытым вопрос об «отрицательной сакральности» Тофета как места, где находили последнее пристанище дети, не успевшие превратиться в «полноценных людей» через инициацию.

Остается лишь добавить, что на сохранившихся стелах из Тофета города Гадрумет, входившего в Карфагенскую империю, мы можем наблюдать изображения типичной «заместительной жертвы» — прихожане приносят в святилище ягненка. В дошедших до нас пунийских «жертвенных тарифах» упоминаются быки, волы, бараны, олени, домашняя птица, даже хлеб и молоко

с оливками. Цивилизация стремительно развивалась, и древние жутковатые обычаи уходили в прошлое.

Выразим осторожную надежду, что дальнейшие археологические исследования позволят рассеять непроглядную мглу, окутывающую тематику человеческих жертвоприношений в пунийском мире и подход ученых к этой непростой проблеме будет непредвзятым и взвешенным.

* * *

Мы оставили Баал-Ганнона в мастерской рано утром, а сейчас солнце находится на ладонь от горизонта на западе — постепенно смеркается, труды можно заканчивать. Государственные рабы перетаскивают готовые изделия в соседний сборочный цех, где на стапеле возводится новая квинквирема.

Рабочие, получив деньги перед выходным, отправляются по домам. Жалованье, вероятно, выплачивалось не подённо, а еженедельно — у карфагенян был собственный «день недеания», наподобие иудейского шаббата; о нем упоминает Тит Ливий как «заповедном дне, запретном для любых важных дел».

Заметим, что увязанный на фазы Луны шаббат (субботу) древние евреи переняли как раз у ханаанеев с финикийцами, а те у земледельцев-вавилонян — это древнейший реликт лунного культа: ночное светило за 28 дней проходит 4 фазы и каждые 7 дней как бы «отдыхает». А раз божество изволит пребывать в расслабленном состоянии, то и простым смертным не следует напрягаться.

Немыслимые иудейские строгости, касающиеся шаббата, вряд ли были актуальны для Карфагена — финикийцы люди деловые, к тому же не монотеисты, а язычники. Ливий оговорился, что, несмотря на «заповедный день», карфагенский полководец Гасдрубал надул римлян и, пока те бездействовали, выскользнул из расставленной неприятелем ловушки вместе с кавалерией и слонами.

Судя по аналогиям из истории Рима, жалованье на крупных производствах выплачивалось централизованно — едва ли в Карфагене было иначе. Чиновник флотского казначейства ближе к вечеру принес Баал-Ганнону внушительный кошелек с серебром и почти наверняка заставил расписаться в некоем подобии ведомости. Верфь огромна, людей множество, а чисто финикийская страсть к упорядочиванию и обязательной фиксации доходов-расходов и подведению баланса автоматически подразумевает строгую отчетность. В противном случае слож-

ный и громоздкий механизм кораблестроительной индустрии не смог бы работать. Учет прежде всего!

Баал-Ганнону осталось раздать монеты подчиненным в зависимости от их квалификации и вклада в общее дело, попроситься и отправиться в город. По дороге, на Большом рынке, он купил живую голубку — подношение Эшмуну.

Путь лежит на холм Бирса, идеологический, культурный и политический центр Вселенной Карфагена. Храм Эшмуна находился на самой вершине, внутри обнесенной стеной цитадели, по сообщению Аппиана, вели к нему 60 ступеней и «святилище было наиболее знаменитое и богатое из всех других в крепости».

Как точно выглядел храм, мы не знаем, однако можно выдвинуть две версии: модернистскую эллинистическую и традиционную ханаанскую.

Нам известен условно-карфагенский храм (по крайней мере, построенный на карфагенские деньги) на острове Сицилия — Темпио делла Витториа ди Гимера, возведенный около 480–478 гг. до н. э. после поражения пунийского экспедиционного корпуса в битве при Гимере, которую мы описывали в первой книге. Это было монументальное двухъярусное здание дорического ордера с колоннами со всех сторон, ничем не отличавшееся от большинства всем известных «среднестатистических» античных храмов. По мирному договору, строить его обязаны были карфагеняне, равно как и возвести аналог в своей столице. Эллинистическая строительная мода в те времена уже распространилась по всему Средиземноморью, и не исключено, что прагматичные жители Карт-Хадашта запросто переняли у греков основные архитектурные решения. Не исключено и обратное: пунийцы лишь профинансировали строительство Темпио делла Витториа, а строили храм греческие колонисты Сицилии.

Вариант второй: строительство в городе велось по финикийским образцам — мы уже говорили о том, что религиозная сфера слишком консервативна, косна и ретроградна, радикальные изменения принимаются крайне неохотно и противоречат древним обычаям. Именно финикийские архитекторы из Тира по приказу Хирама Великого соорудили для царя Соломона Первый храм Иерусалимский — обликом он более походил на огромную коробку для обуви с внутренним двором. Знаменитый храм Мелькарта в Тире едва ли отличался от храма Соломона, да и самые первые святилища Карфагена, построенные после высадки в Африке царевны Элиссы с соратниками, не могли выглядеть принципиально иначе.

Единственно, что храм в Иерусалиме, что тирийский храм Мелькарта, что их ближайшие аналоги в древних поселениях финикийцев в Африке и южной Европе во времена перед началом Пунических войн смотрелись бы баснословным винтажом. Как воскликнул бы герцог Ганноверский из фильма «Тот самый Мюнхгаузен»: «Да вы что?! В однобортном мундире сейчас никто не воюет!» То же самое можно сказать о зодчестве эпохи царей Хирама, Давида и Соломона: замшелая архаика.

Будет разумно предположить, что с течением столетий и эволюцией архитектурных форм карфагеняне приняли «общий стандарт», дополненный традиционными элементами. Античные историки сравнивают холм Бирса с Акрополем, что дает повод счесть центр Карт-Хадашта как минимум весьма близким по облику к другим крупным городам Средиземноморского Универсума.

* * *

Вернемся к делам духовным. Ю. Б. Циркин очень деликатно пишет о «пестром и сложном мире карфагенских богов», что следовало бы назвать некоторым преуменьшением. В эпоху язычества мир мистический, божественный, был невероятно тесно взаимосвязан с миром материальным, причем определить четкую границу между потусторонним и реальным не представлялось возможным.

Невидимые сакральные покровители имелись у родников и озер, рощ, гор и холмов, отдельных деревьев, морских заливов, городских кварталов и так далее до бесконечности. Карфагенянин (как, впрочем, римлянин, перс или сиракузянин) жил в окружении сонмища больших и малых, более или менее могучих, доброжелательных или злобных, щедрых или скупых духов, населявших буквально каждый клочок земли, глубины вод и небесную твердь. Они были повсюду, имя им легион.

Перечисление и краткое описание известных нам (а сколько осталось в неизвестности?!) финикийских и карфагенских божеств заняло бы уйму времени, а потому давайте остановимся на «главных», наиболее почитаемых и популярных богах пунийцев. Но для начала выведем несколько основополагающих постулатов, чтобы опровергнуть укоренившиеся заблуждения и предрассудки.

- Все верховные боги Карфагена были *антропоморфны* — то есть максимально сходны обличем с людьми. Позднейшие рассказы о жутких идолищах с бычьими головами,

в медном чреве которых тысячами сжигались невинные младенцы, следует проводить по ведомству пропаганды и недобросовестного мифотворчества.

- Слово «Баал» («Ваал», женск. род «Баалит») *не обозначает какое-то конкретное божество, не является именем собственным* и переводится с финикийского языка как «господин», «хозяин», «владыка», а заодно «гражданин» то есть человек свободный и пользующийся всеми гражданскими правами. Так, например, «владелец таверны» вполне могло звучать как «баал миседет». **Баал — это апеллятив, имя нарицательное**, связывающее божественную сущность с каким-либо определенным лицом, явлением или местом. Например бог Баал-Цафон, это «Господин горы Цафон». Сравним с современным иудейским «Господь Израиля» по отношению к Единому Творцу и вспомним третью заповедь Моисея: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно». Апеллятивы наподобие «Баала» существовали в большинстве древних религий для того, чтобы случайно не призвать или не обидеть священную силу, назвав «подлинное имя». На самом деле упомянутого Баал-Цафона, божество древнего финикийского города Угарит, звали Хадду (Хаддад), и таковой Хадду вызывал грозы над горой Цафон (ныне гора Джебели-Акра, Сирия). Чтобы при произношении «подлинного имени» Хадду ненароком не шарахнуло молнией, было проще называть его «Господином Цафона».

Поэтому если вы однажды услышите стишок из главы 25 «Трех мушкетеров» А. Дюма «Киньте жертву в пасть Ваала, бросьте мученицу львам!..», сначала уточните, какого именно из Ваалов/Баалов имеют в виду. Их очень много.

- Имя нашего героя Баал-Ганнон (Господин Милостив) представляет из себя двойной апеллятив. При гражданской инициации (см. выше) ребенок был посвящен одному из конкретных богов, который должен на протяжении всей земной жизни оказывать покровительство/милость Баал-Ганнону. Какому именно — знали только родители, жрецы и, возможно, сам Баал-Ганнон: нельзя раскрывать каждому встречному и поперечному истинное имя сакрального покровителя, мало ли удача отвернется?! Но все окружающие знали, что один из Баалов призван его защищать.
- Следует помнить, что греко-латинские авторы, упоминая богов Карфагена, *всегда отождествляют их с собственным эллинистическим и римским пантеоном*. Так было проще

и понятнее для читателя в Риме, Афинах или Александрии, поскольку характерные черты божеств во многом совпадали, а обитателям Италии или Греции можно было не ломать голову над сложными и труднопроизносимыми финикийскими теонимами.

Мы рассказывали о том, что финикийская и карфагенская цивилизации в природе своей урбанистические — тирийцы и сидоняне, а вслед за ними их прямые потомки из Карфагена с самого начала были обитателями городов, носителями городской культуры и городского менталитета. Ремесло и мореплавание — вот два столпа, на которых стояло финикийское общество.

Плодородной земли в Древней Палестине/Ханаане было очень мало, промышленное сельское хозяйство наподобие египетского или месопотамского отсутствовало, а потому с богами, отвечавшими за плодородие и земледелие, у финикийцев было напряженно: таковых пришлось заимствовать позднее, после начала широкой колонизации и аграрной миграции в заморские колонии, последовавшей за конфискацией немногочисленных имевшихся в Палестине угодий ассирийскими властями.

Боги Финикии — это боги городов, ремесла и мореходства. Давайте выясним, какие именно боги.

* * *

Сперва уделим внимание главному пугалу всех времен и народов.

Молох — этим монстром стращали непослушных детей многие авторы, начиная от пророков Ветхого завета и заканчивая литератором Гюставом Флобером, оставившим душераздирающее описание лютого и ненасытного Молоха в романе «Саламбо» от 1862 года.

Товарищ О. Бендер, предоставивший журналисту Ухудшанскому свое бессмертное сочинение «Торжественный комплект», также удостоил Молоха своим вниманием:

Взвывается последний час.
Зардел девятый вал,
Двенадцатый вершится час
Тебе, Молох-Ваал!¹

¹ И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок, гл. XXVIII, Потный вал вдохновения.

*Никогда не существовавший Молох
в представлении художника XIX века. Чарльз Форстер, 1897 г.*

Не хочется никого огорчать, но...

Но жаждущего постоянных кровавых жертвоприношений божества по имени Молох *никогда не существовало*.

Причиной его появления стала ошибка переводчиков Ветхого завета, неверно истолковавших финикийское слово *mlk* (молк) и его древнееврейский аналог *מלך* (молах). Слово это встречается в Библии и в отсутствие у еврейского алфавита гласных букв оно было интерпретировано как термин «Царь», «Владыка», «Повелитель», которому в упомянутой выше «долине сынов Еннома» рядом с Иерусалимом приносились «огненные жертвы» (это же самое место и называлось Тофетом).

Перепутать было несложно, поскольку слова «мелех/мелек» (царь) и «молк/молах» (обряд) пишутся практически одинаково. Гласных-то нет, толкуй как хочешь, если неясен контекст.

В Септуагинте¹ говорится о некоем «проведении через огонь» в долине Еннома², что может толковаться двояко. Во-первых, как практиковавшиеся у сирийско-ханаанейских племен огненные жертвоприношения (или жертвоприношение в виде оставления под палящим солнцем), во-вторых, как некую инициацию — как вариант, хождение по углям или проход между двумя огромными кострами для доказательства силы веры и «взрослости».

Так или иначе, переводчик, недостаточно знакомый с древними семитскими диалектами и письменностью, не понял, что слово «молк/молах» означает вовсе не персоналию, а технический термин: сам процесс обряда. *Действие*. В итоге «молк» превращается в «Молоха» — искусственно сконструированное на базе лингвистической ошибки чудовищное божество, впоследствии веками кочевавшее из трактата в трактат и оброставшее всё более устрашающими свойствами.

Этот образ смешался с библейским золотым тельцом Аарона, возможно с египетскими священными быками Аписом и Мневисом, в результате получилось то, что получилось: страшненькая легенда, не имеющая ни малейшего отношения к реальности.

Как апофеоз — эпизод у Гюстава Флобера, признанный литературными критиками XIX века «садистическим»:

«...гораздо выше алтаря, стоял Молох, весь из железа, с человеческой грудью, в которой зияли отверстия. Его раскрытые крылья простирались по стене, вытянутые руки спускались до земли; три черных камня, окаймленных желтым кругом, изображали на его лбу три зрачка; он со страшным усилием вытягивал вперед свою бычью голову, точно собираясь замыкать. <...>

Медные руки двигались все быстрее и быстрее безостановочным движением. Каждый раз, когда на них клали ребенка, жрецы Молоха простирали на жертву руки, чтобы взвалить на нее преступления народа, и громко кричали: „Это не люди, это быки!“ Толпа кругом редела: „Быки! Быки!“ Благочестивые люди кричали: „Ешь, властитель“».

«Саламбо», Глава 13, Молох

¹ Собрание переводов Ветхого Завета на древнегреческий язык, выполненных в III — I веках до н. э. в Александрии.

² Сравним: «...не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою через огонь». Второзаконие 18:10.

Цитируя Михаила Булгакова, это как раз «случай так называемого вранья». Флоберу прощительно — он был свято уверен в существовании жуткого быкоподобного идола Молоха, во чрево которого отправляли бесчисленных невинных младенцев. Беллетристу, сочиняющему художественное произведение, можно не вникать в лингвистические тонкости, главное ведь драматургия! Вековая традиция, ничего не попишешь.

С «казусом Молоха» разобрались сравнительно недавно. Первым в существовании этого божества усомнился и подробно разобрал тему¹ германский теолог и семитолог Отто Айссфельдт, профессор университетов Галле и Тюбингена. Гипотезу поддержали и доработали польский социолог Э. Липиньский, советские профессора И. Ш. Шифман и Ю. Б. Циркин, итальянская исследовательница Мария-Джулия Амадази, испанские ученые Карлос Гонсалес Вагнер и Луис Карберо и др.

Ну а когда археологами были найдены карфагенские посвятельные надписи, всё окончательно встало на свои места:

«В пунических надписях термин *molk* встречается изолированно или же в составе одной из трех формул: *molk'adam*, *molk ba'al*, *molk'omog*, которые связываются с человеческими жертвоприношениями, различаясь при этом по значению.

Выражение *molk'adam* понималось как „жертвоприношение человека“ или „жертвоприношение, (совершаемое) человеком“. Второе толкование представляется более правильным, так как это выражение часто встречается в составе более длинной формулы *mlk'dm bšrm btm* „жертвоприношение (совершаемое) человеком, с радостными песнопениями (*bšrm*), за свой счет (*btm*)“, т. е. в качестве благодарственного акта. Формула *molk ba'al* понимается как либо „жертвоприношение (в честь) Баала“, либо „жертвоприношение (совершаемое) гражданином“, а также „жертвоприношение вместо (*b-*) младенца (*cl*)“. В действительности же *ba'al*, как и *'adam*, должен обозначать того, кто совершает жертвоприношение. Иначе говоря, *molk ba'al* надо понимать как „жертвоприношение, (совершаемое хозяином)“, подразумевается, что это происходит полностью за счет последнего. Сходная идея передана в предыдущей формуле посредством *btm*. Третье выражение, *molk'omog*, обычно переводится как „жертвоприношение ягненка“, что наводит на мысль о заместительном ритуале»².

¹ «Molk als Opferbegriff im Punischen und Hebräischen, und das Ende des Gottes Moloch». Otto Eissfeldt, Niemeyer, 1935.

² Э. Липиньский. Пантеон Карфагена, 1992.

Итог: возникший в результате непростительной оплошности древнего переводчика жуткий Молох испарился, оставив после себя серную вонь, а на его место в рамках исторической справедливости возвращается настоящий «molk» — обозначение обряда, процедуры, процесса, а вовсе не персонифицированного божества с рожищами, бычьей мордой и дурными привычками. Божества, ставшего объектом фантазий многих авторов, базировавшихся на принципиально неверном исходном тезисе.

Сколько подобных исторических ошибок, особенно связанных со священными текстами, не расшифровано и не опровергнуто доселе, мы и подумать боимся.

* * *

Мелькарт, (melek+qart, в переводе царь+город). Также Баал-Цор, Господин Тира. Греческий аналог — Геракл. С этим богом мы неоднократно встречались на протяжении всей первой книги. Как следует из его имени, Мелькарт был богом-покровителем Тира, прародины карфагенян; в Тире находилось его главное святилище, куда на протяжении столетий отправлялась десятина от коммерческих сделок и военной добычи.

Тирийский храм в месяце перитий (февраль-март), на праздник «пробуждения Мелькарта» посещали священные посольства — одно из таких посольств Карфагена навеки вошло в историю, поскольку очутилось в Тире с началом осады города Александром Македонским, находилось там вплоть до сдачи крепости и выслушало от царя Македонии «ноту об объявлении войны Карфагену», так, впрочем, никогда и не состоявшейся...

Второй по значению храм Мелькарта стоял в Испании, на берегу Атлантического океана, в основанном по прямому велению божества городе Гадир (Гадес, ныне Кадис). Одна из финикийских легенд сообщает, что в схватке с морским божеством Ямом (Йамму) у берегов Испании Мелькарт был убит, но воскрес именно в месяце перитий, когда природа пробуждается от зимнего сна.

В Гадире паломники могли увидеть гробницу Мелькарта, объект массового поклонения. Греки ассоциировали его с Гераклом, поскольку Мелькарт также совершал выдающиеся подвиги, правда в отличие от Геракла таковых было девять, а не двенадцать, десятым же эпизодом стали гибель и воскрешение Мелькарта. Подвиги эти были изображены на воротах гадитанского храма, описанного в поэме «Пуника» римским поэтом, историком и политиком Тиберием Силием Италиком.

Мелькарт — классический бог-герой, его мифологическая биография заполнена подвигами, странствиями и борьбой со злыми силами. Мелькарт научил тирийцев добывать пурпур из ракушек-иглянок, что стало основой колоссального благосостояния Финикии. Изображался он как могучий мужчина в полном расцвете сил.

Однако Мелькарт был не только «городским богом» Тира и победителем чудовищ. Его почитали как «предводителя» (греч. *архегет*) финикийской колонизации, он вел моряков в дальние походы к неизведанным берегам, именно у Мелькарта спрашивали дозволения основать новую факторию в тысячах километрах от берегов Ханаана. И хотя в Карфагене значение Мелькарта как ведущего божества снизилось (сказывался отрыв от метрополии), пунийцы знали, что именно ему обязаны созданием империи на основе сотен финикийских заморских поселений.

В Карт-Хадаште был свой храм Мелькарта, но этому святилищу отводилась второстепенная роль по идеологическим причинам: карфагеняне твердо помнили, что их город появился вовсе не благодаря сакральному указанию Баал-Цора (как Гадир, например), а волею человеческой. Царевна Элисса под гнетом обстоятельств принимала решение об основании Карфагена экстренно и самостоятельно, не консультируясь с «предводителем» колонизации.

При всем этом Мелькарт оставался для карфагенян особо почитаемым богом древней прародины и символом финикийского единства.

Эшмун (финикийское *ʿšmn*, «шем» или же просто «имя» — очередной апеллатив, заменивший «истинное имя»). В греческой интерпретации Асклепий, а если уж нырять совсем глубоко в исторический водоворот — египетский Имхотеп. Впрочем, история Эшмуна не столь проста и прямолинейна.

Эшмун вытеснил Мелькарта с первых позиций еще при царице Элиссе — храм на Бирсе считался не только наиболее огромным и роскошным, но и древнейшим, основанным в первые годы существования Карфагена. Разумеется, он неоднократно перестраивался и расширялся, но самое первое святилище Эшмуна было возведено первопоселенцами.

Скорее всего, это был целенаправленный акт. Элисса, а также эвакуировавшиеся вместе с ней из Тира «принцепсы и сенаторы» ясно давали понять: Карт-Хадашт независимое государство и верховное божество бывшей метрополии, Баал-Цор, пускай остается дома, при всём к нему уважении.

Карфагенянам необходим новый «лидер» в духовной сфере, то есть бог, поклонение которому носило бы очевидный политический характер и подчеркивало безусловную самостоятельность Нового Города.

Эшмун — божество общеханаанское, почитавшееся в разной мере в разных областях Палестины. Считался Баалом Сидона, точно так же как Мелькарт — Баалом Тира, очередной пример урбанистического городского бога. Однако разница меж ними существенна. Если Мелькарт — это герой без страха и упрека, путешественник и боец, то Эшмун, поначалу являвшийся обычным смертным, которого полюбила богиня Астарта, умирает по своей воле, затем же воскрешается Астартой и приравняется к богам. Священное животное Эшмуна — змея, символ вечной жизни, обновления и целительства.

В Карфагене Эшмун становится владыкой жизни и смерти, а поскольку пунийская держава (в отличие от пустынного Ханаана) была одним из ведущих сельскохозяйственных центров, он становится символом сезонного увядания и пробуждения природы — аграрное божество. В зону ответственности Эшмуна входят забота о здоровье людей и покровительство врачевателям. Столь полезный набор функций ставит его на главенствующую позицию в карфагенском пантеоне.

По сообщениям древних авторов, храм Эшмуна на Бирсе вмещал 50 тысяч человек, и вряд ли это преувеличение: выходит, что храм был лишь немногим меньше нынешнего Собора Святого Петра в Риме, где могут разместиться до 60 тысяч верующих. Карфагенские строительные технологии вполне позволяли возвести подобное сооружение. Изображения Эшмуна совпадали с греческим Асклепием: бородатый мудрец со «змеиным посохом».

Баал-Хаммон (финикийское b'lhmn, «Господин Солнца», вариант «Господин Жара». Выводится от древнесемитского «хамма», «солнце», «солнечный жар»). В греко-римском варианте Кронос, в позднейшие римские времена трансформировался в Сатурна.

Этого бога колонисты тоже привезли из Финикии. Баал-Хаммон был невероятно популярен во всей карфагенской империи, его отлично характеризуют главные атрибуты: солнечный диск, хлебный колос, сосновая шишка (символ мужского плодородия) и большие уши. Ничего смешного — «ушастость» Баал-Хаммона означает, что верующие могут обращаться к божеству с просьбами, каковые всегда будут благосклонно выслушаны.

*Терракотовая статуя Баал-Хаммона на троне,
найденная при раскопках в Тунисе.*

Баал-Хаммон путешествует по небесному океану в лодке, напоминающей древнеегипетскую, ночью же спускается «на противоположную сторону», сиречь в царство мертвых, которым повелевает так же, как и небом. Любопытно, что здесь, задолго до появления христианства, наблюдается тройственность одной сущности: Баал-Хаммон как солярное божество повелевает небесами, как бог плодovitости властвует над земным материальным миром, а отправляясь в «подземное царство», правит еще и миром потусторонним.

Сохранилось немало изображений и статуэток Баал-Хаммона: восседающий на роскошном троне старец в тиаре, одна рука поднята в жесте благословения, во второй посох, украшенный или колосом, или шишкой. Трон его охраняют керубы — фантастические крылатые существа, которые, заметим, много столетий спустя эволюционировали в христианских херувимов.

Культ Баал-Хаммона оказался невероятно стойким: Блаженный Августин в IV веке по Рождеству с сожалением упоминает, что язычники Ливии, потомки пунийцев, доселе поклоняются Сатурну.

Имя Баал-Хаммона более других богов Карфагена связывается с человеческими жертвами. Диодор Сицилийский в сочинении «Историческая библиотека», гл. XX пишет: *«Был в их городе (Карфагене) бронзовый образ Крона, простирающий свои руки ладонями вверх и наклонно к земле, так что каждый из детей, помещенный на это самое (место), скатывался и падал в специальные зияющие ямы, заполненные огнем»*. Сам Диодор этого идола, разумеется, никогда не видел, поскольку жил спустя более века после разрушения Карфагена, и потому отговаривается тем, что *«передается среди греков рассказ из древнего мифа о том, что Крон убивал своих детей»*.

Как мы и говорили прежде, любые греческие сплетни о пунийцах следует делить даже не на два, а на десять, что, впрочем, совершенно не отменяет возможности жертвоприношений в чрезвычайных обстоятельствах — равно как в приведенных недавно эпизодах из греческой и римской истории.

Тиннит (финикийское *tnh*, так же Тиннит Пене Баал, что может быть переведено как «Лик Баала» или «Украшение Баала». Подразумевается Баал-Хаммон). Римское имя Дея Целестис, «Небесная богиня». Невзирая на центральноазиатское происхождение (родом Тиннит из Месопотамии), это единственная специализированно пунийская богиня, чей культ сформировался в Карфагене и был уникален.

К огромному сожалению, с Тиннит доселе связано множество загадок, частичный ответ на которые могут дать только археологические изыскания или новые открытия в области древней литературы.

Что же достоверно известно о Тиннит? За очень важную подсказку следует благодарить, как ни странно, римлян — раз «Целестис», «Небесная», да еще и «движущая тучи с ветрами», значит, по крайней мере «место жительства» Тиннит определено.

О ней упоминает историк III века н. э. Геродиан:

«Он (Элагабал) послал за статуей Урании, которую чрезвычайно почитают карфагеняне и обитатели Ливии. Говорят, что ее поставила финикийка Дидона, когда она, разрезав воловью шкуру, основала древний город Карфаген. Ливийцы называют ее Уранией, финикийцы же именуют Астроархой, желая отождествить ее с лунной».

История императорской власти после Марка. Книга V, 4–5.

Греческие слова «Урания» и «Астроарха» означают «Небесная» и «Владычица звезд» соответственно, что безусловно указывает на сущность Тиннит — лунная богиня.

Имевший сирио-финикийское происхождение император Элагабал, о котором рассказывает Геродиан, и так-то был личностью весьма эксцентричной, а тут он решил устроить «свадьбу богов», обживив бога солнца Элагабала (в честь которого император и принял данное имя) на доставленной из Африки статуе Тиннит. Напомним, эта авангардистская «свадьба» происходила спустя два с лишним столетия после Рождества Христова, значит, в римском Карфагене Тиннит по-прежнему почиталась.

Бракосочетание Солнца и Луны? Почему бы и нет, в этом присутствует некая логика, тем более что Элагабал (бог, а не император) вполне мог ассоциироваться с карфагенским Баал-Хаммоном.

Тут вновь следует вспомнить сетования Блаженного Августина на поклонение современных ему ливийцев Сатурну, а ведь родится будущий святой через сто тридцать два года после смерти Элагабала и ровно через половину тысячелетия от разрушения Карфагена римской армией! Северная Африка давно и накрепко романизирована, а финикийский Карфаген остался лишь в неясных воспоминаниях! Для сравнения, если считать от 2019 года, пятьсот лет назад умер Леонардо да Винчи, Эрнан Кортес начал

*Схематическое изображение Тиннит на стеле в Тофете Карфагена.
Современное фото.*

завоевание Мексики, а Магеллан отправился в первое кругосветное путешествие. Это было очень, очень давно.

Однако спустя пять столетий от гибели карфагенской цивилизации культ Тиннит/Целестис и Баал-Хаммона/Сатурна в Африке не угас — древние божества продолжали цепляться за жизнь, невзирая на христианскую эпоху...

Изображений Тиннит сохранилось немного, и все они сходны: женская голова с крыльями и полумесяцем или закутанная в плащ женщина, держащая в одной руке плод граната. Иногда сложенные крылья укрывают Тиннит наподобие плаща. Сакральное животное богини — голубь. Рядом с полумесяцем зачастую рисовали солнечный диск, как знак единения с Баал-Хаммоном. Впоследствии римляне отождествляли Тиннит с Юноной, причем она едет по небесному своду на льве, а лев — это один из символов плодородия. Тиннит посылает на землю дождь, оплодотворяя пашни, отчего именуется Великой матерью и Кормилицей.

Впрочем, Тиннит присущи и другие свойства. Как в пунийских, так и в римских надписях встречаются эпитеты «непобедимая», «могущественная», «госпожа», «владычица», что безусловно указывает на ее воинственность и покровительство Карфагену. Был невероятно распространен «знак Тиннит»: так совсем маленькие дети рисуют женщину — треугольник с поперечиной и кружком на вершине.

Кроме вышеперечисленных божеств карфагеняне почитали Иштар (Астарту), Решефа (Аполлона), Баал-Магонима (Ареса), Баал-Шамима (Зевса), Йамму (Посейдона) и десятки иных духов, отвечавших за самые разные сферы: войну, морскую стихию, погоду, урожай, виноделие — к примеру, пунийцы переняли у греков культ Диониса. После гибели Карфагена боги Финикии романизируются и продолжают действовать вплоть до христианизации Северной Африки полтысячелетия спустя.

Окончательно поклонение древним божествам Ханаана исчезает после завоевания Карфагена арабами в 698 году по Рождеству Христову. Таким образом, Мелькарт и Эшмун, Тиннит и Баал-Хаммон под разными именами и в разных ипостасях повелевали Северной Африкой на протяжении 1512 лет, с основания Нового Города.

* * *

Стемнело, Баал-Ганнон спускается с холма Бирса обратно в город и идет домой — долг перед богами выполнен, жертвенная голубка передана жрецу храма Эшмуна.

Заплутать в Карфагене после заката так же сложно, как и днем. Централизованного уличного освещения, за которое отвечают городские власти, конечно, пока не изобрели, но домовладельцы вывешивают на фасадах масляные фонари или факелы в подставках, хозяева лавок и мастерских привлекают припозднившихся покупателей застекленными лампами и свечами, стража на площадях и перекрестках поддерживает костры. Светятся окна.

Со стороны ночного моря Карт-Хадашт сейчас выглядит колоссальным скопищем желтоватых огоньков. На внешних стенах обеих гаваней сияют яркие пятна — маяки с бронзовыми отражателями; огонь пылает в огромных чашах, а отполированный металл направляет свет в сторону карфагенского залива. Не столь давно построенный (283 г. до н. э.) Александрийский маяк в Египте, одно из эллинистических чудес, значительно выше маяков Карфагена, около 120–130 метров от основания до верхушки, но пунийцам такая гигантомания без надобности.

Нерационально. Карфагеняне, как и предки из Тира, великолепно владеют искусством ночной навигации, морякам достаточно указать световыми сигналами удобные подходы к порту и обозначить опасные мели. Вероятно, блеск маяков был замечен на расстоянии около 20 километров.

В любом случае вид на вечерний Карфаген был не менее впечатляющим, чем при свете солнца. Мы привыкли к сияющим миллионами огней мегаполисам, а для обитателя Древнего мира, да еще и приплывшего в столицу Карфагенской империи из провинции вроде иберийской Малаки или захудалого Рима¹, зрелище было весьма впечатляющим.

Безусловный центр средиземноморской Вселенной. Точка тяготения, захватывающая своей гравитацией торговые и миграционные пути. Здесь соединяются в единый поток неиссякаемые золотые ручейки, стекающиеся в Новый Город с Ближнего Востока, из континентальной Европы и Черной Африки.

В Карфагене концентрируется прибавочный продукт всей империи, занимавшей территории нынешних Ливии, Туниса, Алжира и Марокко, Сардинии, Корсики, половины Сицилии и не менее четверти современных Испании и Португалии. Мы не учитываем колонии в Западной Африке на побережье Атлантического океана — их общее количество и численность населения в настоящий момент не известны.

Карт-Хадашт не только потребляет и перераспределяет. Город владеет огромными по меркам Античности производительными силами. Колоссальный сельскохозяйственный сектор — в окрестностях Карфагена всё и вся колосится, мычит, блеет, даёт привесы и удои. Экспорт продовольствия за минувшие столетия возрос настолько, что Карфаген успешно конкурирует с мировой житницей, Египтом. Процветает ремесло. Частные, государственные и храмовые банки оказывают всевозможные финансовые услуги.

Казалось бы, держава находится на пике могущества и Карт-Хадашту самой судьбой предназначено стать ведущим цивилизующим фактором Европы и Африки.

Карфагеняне это сделать не смогли. Но, скорее всего, не захотели. Почему так случилось еще предстоит выяснить ученым.

¹ По состоянию на описываемое время (264 г. до н. э.) окруженная Сервиевой стеной территория республиканского Рима насчитывает 426 гектаров. Это примерно 15 общих площадей московского Кремля или треть площади Васильевского острова в Санкт-Петербурге (без намытых территорий).

Баал-Ганнон сейчас едва ли подозревает, что его город в нынешнем 264 году встал на путь, ведущий в пропасть. В историческое небытие.

Наш герой вернулся в свой «пентхаус» на четвертом этаже. Будить пожилого раба не стал, отужинал кашей и тушеной в горшке бараниной, выпил чашу вина и отправился на крышу дома — отдыхать после напряженного дня. Завтра выходной, «день отдохновения», можно сходить в амфитеатр, взглянуть на комедию авторства грека Алексиды или, пока супруга с детьми живет за городом, отчасти пренебречь святостью семейного очага и устроить с друзьями вечеринку в развеселом доме баалит Шошаны. Говорят, туда привезли рабынь из самой Персии...

Ночь была теплой, безветренной и ясной. Над Баал-Ганноном простирался Млечный Путь, начала свой путь по небосклону луноликая Тиннит. Неистово трещали сверчки.

Карфаген погружался в свою последнюю мирную ночь.

* * *

Больше с Баал-Ганноном мы не встретимся — читателю предоставляется возможность самому додумать его судьбу и путь его детей, некоторые из которых, скорее всего, лягут одними из первых жертв великого пожара, разгорающегося в Средиземноморье.

Об этой катастрофе мы и хотим рассказать в книге «С точки зрения Ганнибала».

Вторая книга нарочно стилизована под хронику — хронику войны, а не повествование о неспешном и отчасти скучном историческом развитии финикийского народа, как мы поступили в первом томе.

Перед вами репортаж из зоны боевых действий. Летопись гибели цивилизации, которую (мы надеемся) вы сумели если не полюбить, то хотя бы понять.

* * *

Главным героем нашего повествования будет Ганнибал Барка, но для начала следует ознакомиться с первыми фазами конфликта, когда еще ничего не говорило о грядущих событиях, которые, подобно оползню, сметут с лица земли пунийскую империю. Мы постарались «на пальцах» растолковать смысл происходившего в те времена, неясные неподготовленному читателю термины объяснены в сносках, но если вдруг вы увидите незнакомое слово (топоним, имя, понятие и т. д.), смело открывайте Google и ищите. Повторим наш главный тезис: самообразование приносит огромную пользу.

ГЛАВА I

Сицилийская проблема

Первая Пуническая война была, по сути, неизбежна. Рим и Карфаген, преследуя каждый свои интересы, не могли не столкнуться: Ойкумена была слишком мала для обеих держав — молодого, задорного и ненасытного Рима и стареющего, начинающего уставать от имперского бремени и отягощенного изумительной по своим масштабам коррупцией финикийского анклава, превратившегося в ведущее государство западного Средиземноморья.

Первой территорией, которую они не поделили, была Сицилия.

В принципе, сферы экономического влияния эти два хищника античного мира уже разграничили: в 306 году до н. э. между ними был заключен договор, согласно которому карфагеняне не имели права присоединять к своей империи любые территории в Италии, а Рим, соответственно, на Сицилии. Вопросы коммерции и принцип наибольшего благоприятствования в торговле¹ тоже оговаривались: «...В той части Сицилии, которая подвластна карфагенянам, а также в Карфагене римлянину наравне с гражданином [Карфагена] предоставляется совершать продажу и всякие сделки. То же самое предоставляется и карфагенянину в Риме»².

¹ Режимом наибольшего благоприятствования в торговле в государстве А по отношению к государству Б называется такой, при котором любой резидент государства Б имеет столько же прав, что и гражданин государства А. Если любые нерезиденты уравниваются в торговых правах с гражданами, то такой режим называется «режимом свободной торговли». (Здесь и далее примечания редактора.)

² Предоставление взаимного режима наибольшего благоприятствования говорит о том, что выдвигавшиеся Римом обвинения в «недобросовестной конкуренции» не соответствуют действительности.

Итак, восточная часть острова по договору оставалась неприкосновенна, и любые военные действия в областях прямого подчинения Карт-Хадашта были под строгим запретом.

Однако если нельзя, но очень хочется, то можно. В 264 году до н. э. римляне очутились там, куда путь им был заказан, — на Сицилии. В глазах римлян Сицилия всегда выглядела так, словно она не принадлежала им по чистому недоразумению. Остров находился так заманчиво близко от Италии!

Нужно еще учитывать то немаловажное обстоятельство, что римляне от основания города до крушения своей империи совершенно искренне полагали себя «хорошим парнем истории»¹. Любые войны, начатые Римом на чужой территории, они называли справедливыми и оборонительными, причем могли это доказать с помощью отлично обученных адвокатов.

Дело в том, что у римлян любая начатая ими война считалась законной, если предварительно были проведены соответствующие религиозные обряды. Не так важно было, кто на кого напал и при каких обстоятельствах. Легитимизацией начала войны занималась коллегия специальных жрецов, называемых фециалами. Фециалы объявляли войну и заключали мир, сопровождая эти акты соответствующими церемониями, и если все обряды были соблюдены и все формулы произнесены правильно, то война считалась абсолютно законной.

При таком взгляде на справедливость, в общем-то, никакие контраргументы уже не важны. Жрецами сказано — законно? Какие могут быть возражения?!

Итак, Сицилия находилась у Рима под боком и дразнила своим изобилием. Риму, следовательно, требовался лишь повод, пусть и самый незначительный.

На тот момент Сицилия не была единой ни политически, ни административно. Большая часть острова находилась под властью Карфагена, меньшая подчинялась греческим Сиракузам. Наконец, северо-восточные земли с центром в городе Мессана (Мессина) принадлежали неким *мамертинцам*.

Вот эти-то мамертинцы и предоставили римлянам столь долгожданный повод.

Откуда, собственно, взялись мамертинцы и что они собой представляли?

Стоит отметить, что принцип Категорического императива был чужд всей античной Европе.

Эта кровавая история началась в конце 289 года до н. э. в греческих Сиракузах, когда был свергнут и убит тамошний тиран и царь Сицилии Агафокл¹. Его сторонники подверглись изгнанию, имущество царя было конфисковано, а любые изображения царской особы уничтожены.

Большую роль в этом конфликте (совершенно нормальном для искренне ненавидевших друг друга греческих колонистов) сыграли наемники, выходцы из Кампании в Италии, вождь которых был известен под именем Менон. Собственно, он и считается «автором» переворота и цареубийства. Ирония ситуации заключается в том, что Агафокл в свое время сам этих людей и нанял.

После свержения царя в городе установилось «демократическое» правление (впрочем, ненадолго, но об этом чуть позже). Граждане города были мобилизованы, создано народное ополчение, возглавить которое поручили стратегу по имени Икет. Помимо гражданского ополчения значительную (если не основную) военную силу Сиракуз представляли наемники, собранные, судя по всему, с бору по сосенке.

Однако в последующих событиях наемники неожиданно проявили себя как сплоченная масса с едиными целями и едиными методами. Едиными если не по крови, то по обстоятельствам: они ухитрились создать собственный маленький «народ».

Таким образом, в Сиракузах сформировались две силы: Икет и его народное ополчение и наемники с их собственными вождями.

При распределении должностей в новом правительстве города наемники оказались не у дел: имеющие право голоса свободные граждане Сиракуз воспротивились тому, чтобы этот сброд влиял на политику. Более того, сиракузяне предъявили наемникам подписанный ими договор, согласно которому те, закончив свою службу у Агафокла, обязывались покинуть Сиракузы, и саму Сицилию вообще.

Возмущенные наемники подняли мятеж. Менон, не без оснований счел себя оскорбленным и решил воевать против «коварного и неблагодарного» города.

Это произошло, как предполагается, осенью 288 года до н. э.

Против Менона двинулось народное ополчение сиракузян во главе с Икетом. Войска Менона находились в укрепленном

¹ Царём он был в лучшем случае над греческими полисами в Сицилии, да и то «хайли лайкли». Но из песни, как говорится, слова не выкинешь.

лагере близ Этны (или же в самом городе Этна), где и были взяты в осаду. В открытый бой вступать не решались ни те, ни другие: силы были примерно равными, рисковать никому не хотелось.

Равновесие было нарушено, когда на сторону Менона неожиданно встали карфагеняне. После этого граждане Сиракуз благо-разумно сдались на милость победителей. Им пришлось отдать четыреста человек в заложники и снять осаду лагеря Менона без всяких условий.

Стало очевидно, что к большой войне на Сицилии никто не готов, в том числе и пунийцы-карфагеняне, которым за последние века вечные дразги греков невероятно опостытели. Поэтому сиракузские «старцы» — авторитетные люди из правительства и по совместительству жрецы — заключили с мятежными наемниками договор: получив справедливую денежную компенсацию за имущество, оставленное в Сиракузах, наемники покинут наконец город.

Наемники согласились.

Сразу же после их ухода, в начале 287 года до н. э., стратег гражданского ополчения Икет провозгласил себя правителем Сиракуз. На этом демократия закончилась и началась тирания — как мы помним из первой книги, слово «тиран» в те времена означало не «жестокое правителя», а всего лишь узурпатора, незаконно получившего власть.

Наемники направились в город Мессану.

Отметим, что Мессана на Сицилии и Регий в Южной Италии — два важных опорных пункта, находящихся возле пролива.

Римский историк Полибий (он был греком по рождению, но писал с проримских позиций) сообщает следующее:

«Кампанцы, некогда служившие наемниками у Агафокла и давно уже с завистью взиравшие на красоту и общее благосостояние города (Мессаны), воспользовались первым удобным случаем, чтобы предательски завладеть городом. Будучи допущены в город как друзья, они завладели им, часть жителей изгнали, других перебили, а женщин и детей несчастных мессенян, какие кому попали в руки при самом совершении злодеяния, кампанцы присвоили себе; за-сим остальное имущество и землю поделили между собой и обратили в свою собственность».

Обратим внимание, что наемники названы у Полибия «кампанцами» — то есть он считает их земляками, выходцами с одной территории, родней соседями. Некоторые античные авторы

сообщают, будто «кампанцы» женились на мессинских женщинах, чьих мужей они убили. В принципе, это мало чем отличается от знаменитого «похищения сабинянок», некогда учиненного римлянами, а «женились» — прекрасный эвфемизм для термина «изнасиловали».

Легализовавшись таким малоприятным образом в Мессине, эти «выходцы из Кампании», бывшие наемники убитого ими же Агафокла, окончательно превратились в особый народ и взяли себе новое наименование — мамертинцы. Давайте запомним, что новоявленные мамертинцы ни в коем случае не были новым этносом: они всего лишь «самопровозгласились», оставаясь самими обычными выходцами из средней Италии.

Слово «мамертинцы» все античные авторы уверенно выводят из имени Марса¹ и считают, будто оно указывает на особую воинственность нового народа, на то, что они посвятили себя этому кровожадному божеству. «Мамертом называется у римлян Арей», — глубокомысленно замечает некий греческий автор.

Основание мамертинской общины, которое произошло после акта грубого насилия, относят к 284 году до н. э.

Спустя некоторое время мамертинцы начали стыдиться своих предков-наемников, и в какой-то момент появилась легенда о более приличном их происхождении. Отметим, что эта сказочка играла на руку римлянам, которым позднее потребовалось достойное оправдание своего вмешательства в сицилийские дела на стороне мамертинцев.

Выглядел новорожденный миф следующим образом.

Жили некогда в Кампании люди, принадлежавшие к италийскому народу самнитов. Нежданно-негаданно в Самнии начался тяжкий мор, и тогда вождь самнитов созвал граждан на общий совет, поведав всем интересующимся: во сне ему явился Аполлон и приказал дать обет «священной весны». Иными словами, все то, что родится в будущую весну, должно быть принесено в жертву богам. Только таким способом удастся спасти свой народ от неизбежной и лютой гибели. Именно так и поступили самниты, засим болезнь отступила.

Когда же через двадцать лет моровое поветрие вновь начало косить людей, самниты уже знали, что следует делать. Они снова обратились к Аполлону и получили ответ: обет-де не исполнен до конца, ведь в жертву были принесены только родившиеся той

¹ Ср: *Māmers* — форма имени Марс у сабинов, *Marmar* — архаичная форма звательного падежа этого имени в латыни.

священной весной животные, а детей оставили в живых. Бог, впрочем, не потребовал убить всех молодых (двадцатилетних) людей, то есть тех, кто родился в означенный год, — но лишь изгнать их из родного города. Особо отметим: в античном архаическом мире изгнание из рода или из города равнозначно убийству и гражданской смерти. Но другого пути нет, даже не думайте! Только по изгнании обреченных земля будет избавлена от бедствия, добавил Аполлон.

Поэтому все двадцатилетние оставили любезное отечество и направились на Сицилию. Там они увидели, что мессинцы жестоко воюют со своими соседями, предложили мессинцам свою помощь и спасли их от неприятеля. За эту услугу изгнанных самнитов жители Сицилии добродушно приняли в общину, выделили им пахотные земли, выдали за них своих дочерей. Словом, мирно с ними объединились, создав эдакую идиллию. В знак добросердечного союза пришельцы из Кампании и жители Мессины решили назваться одним именем.

Какое же имя выбрать?

Они решили бросить жребий: написали на табличках имена двенадцати богов — и была извлечена из сосуда табличка, на которой начертано имя Марс («Мамерт» на языке самнитов). Так вот и появился единый народ мамертинцев, родственников римлянам по духу и крови.

Вот почему оказать помощь мамертинцам и впоследствии захватить всю Сицилию было для Рима делом богоугодным и справедливым. Такой логический вывод напрашивается из всей этой благочестиво-кровавой истории, которая, будем честны, была спешно написана на коленке неразборчивым почерком ради политической выгоды.

* * *

..Строго говоря, кампанцы — это жители Кампании, области средней Италии (на северо-западе она граничит с Лациумом, на северо-востоке и востоке — с Самнием, на юго-востоке — с Луканией). Население этой области, как пишут историки, было смешанным: в числе племен, здесь обитавших, называют авзонов, этрусков и самнитов. Предполагается также, что именно кампанцы, разнородные и воинственные, традиционно предлагали свои наемнические мечи на Сицилии, равно и грекам-сиракузянам, и их противникам.

Следующий этап событий, приведших к началу конфликта между Римом и Карфагеном, начинается сразу после войны

карфагенян с эпиро-македонским царем Пирром. История сражений с Пирром, равно как героическая сага о его знаменитых «победах», к нашей теме имеет весьма косвенное отношение, так что отвлекаться на нее не будем. Для нас важно только то, что Пирр основательно «наследил» на Сицилии и что память о нем была проникнута общей ненавистью.

Между греческими гражданами Сиракуз и войском, помогавшим Пирру в войне с карфагенянами, начались, дипломатически выражаясь, «несогласия». Причина заключалась в том, что граждане желали мира, а для войска гораздо выгоднее была война. Война — это деньги! Деньги и, что в те времена было очень важным, бессмертная слава!

Военные силы сиракузян находились недалеко от города Мергана (другое написание — Мергантий), в горной местности. Эти войска были предназначены в основном для того, чтобы сдерживать карфагенян.

На острове ситуация складывалась следующим образом. Мамертинцы, несмотря на всю их воинственность, для Сиракуз пока опасности не представляли. Они были заняты тем, что возвращали местности, которые отнял у них Пирр. Кроме того, они даже покусились на Италию, но были разбиты и понесли большие потери. Кто именно дал им столь суровый отпор, источники умалчивают.

Главной силой, которую следовало опасаться Сиракузам, оставался Карфаген. Пунийцы продвигались все дальше на запад Сицилии. Поэтому сиракузяне и выставили войско у них на пути.

Тогда же, в 275 году до н. э., войском, расквартированным в окрестностях Мерганы, был избран новый стратег — Гиерон¹ (Иерон). На момент избрания ему было не больше тридцати лет — это легко вычисляется, поскольку известно, что тот умер в 215 году до н. э. в возрасте около девяноста лет. Гиерон был исключительно умным и решительным человеком. Он действовал быстро, без колебаний и очень дальновидно, пускай и пренебрегал общепринятыми тогда правилами военной этики. На должность стратега Гиерон был выдвинут солдатами, которые знали, ценили его и готовы были поддержать в любых начинаниях.

¹ Известен также как будущий тиран Гиерон II и покровитель Архимеда. До сих пор в учебниках физики рассказывается легенда о золотой гиероновой короне, подозрения в контрафактности которой привели к открытию Закона Архимеда.

(Следует отдельно заметить, что в Древнем мире личность, ум, героизм и самоотверженность вождя и полководца ценились превыше всего. Известно множество случаев, когда боязливого или нерешительного командира смещали и убивали, а на его место войска общим голосованием ставили наиболее удачливого и сообразительного офицера среднего звена.)

Сразу же после этого Гиерон с войском пошел на Сиракузы.

Как мы помним, между гражданскими и военными властями сиракузян существовал раздор. Гиерон быстро положил конец конфликту, забрав всю власть в свои руки. С родным городом он действовал «мягко и великодушно», так что сиракузяне «добровольно признали его своим начальником», хотя (прибавляет Полибий) «вовсе не одобряли войсковых выборов».

Но Гиерон скоро доказал, не словами, а делом, что его цели не ограничиваются захватом власти. В действительности ему требовалась сильное государство со стабильной политической обстановкой. У него хватило времени понять: как только сиракузяне отправляют куда-нибудь войско — хотя бы в ту же Мергану, чтобы преградить путь возможным поползновениям пунийцев, — в самом городе начинаются обычные для греков раздоры. Очевидно, что античная «демократия» не шла Сиракузам на пользу: буйные жители города устраивали переворот за переворотом, сражаясь за места в правительстве, привилегии и торговые преференции.

Из граждан наибольшим влиянием, как установил Гиерон, пользовался некий Лептин. Его уважали в народе, он пользовался общим доверием. С Лептином Гиерон немедленно породнился, вступив в брак с его дочерью. Теперь, когда Гиерон выступал куда-нибудь в поход, в городе оставался авторитетный тесть — блюсти его интересы и не допускать междоусобиц: очень разумный политический шаг, который в наши времена назвали бы «клановостью».

Затем Гиерону потребовалось избавиться от старых соратников, с которыми он пришел к власти. Им не нравилось, что Гиерон стал тираном (то есть узурпатором), что он обзавелся связями в политических (а не военных) кругах города. Они роптали и готовы были взбунтоваться. Эту силу следовало нейтрализовать как можно быстрее, и Гиерон выступил из Сиракуз в поход на Мессану — под тем предлогом, что город давно следует освободить от «варваров»-мамертинцев.

Под контролем мамертинцев в то время находилась сравнительно большая область — она простиралась на юг до реки

SICILIA ANTIQUA quæ et IO

VE TERUM SYRACUSARUM TYPUS.

MARE TYRRENUM

MARE LIBYUM

sive AFRICUM

AFRICA

PARS

SICANIA et TRINACRIA dicta.

Симфта, на запад до горы Микония. Из городов мамертинцам принадлежали Милы (к западу от Мессаны), Анакен (к северу от Этны, возле горы Микония), Тавромений и город Адран на западных склонах Этны. Там протекала река с тем же названием и был установлен культ божества — с аналогичным именем. Южнее реки Киамосора находились еще два мамертинских города — Амисел и Кентори́па.

Возле Кентори́пы и произошло первое столкновение Гиерона с мамертинцами.

Мамертинцы, сами того не подозревая, решили за Гиерона его основную проблему — разобрались с его старыми соратниками.

Гиерон расположился лагерем у Кентори́пы, так что неприятель хорошо мог видеть сиракузян, и выстроил войска у реки Киамосора. Сам же он с конниками и некоторым количеством пехотинцев, набранных из числа граждан Сиракуз, занял другую позицию, чуть в стороне. Выглядело так, словно он собирался нанести неприятелю удар с двух сторон.

Мамертинцы атаковали в первую очередь наемников, которые стояли впереди. Пока шло сражение, Гиерон со своими сиракузянами покинул поле боя и вернулся в Сиракузы.

«Ловко осуществив свой замысел и избавившись от всех воинов, беспокойных и склонных к возмущению, он сам набрал наемников в достаточном количестве и тогда уже спокойно управлял делами», — заключает Полибий.

Несколько лет Гиерон не вмешивался в дела мамертинцев, предоставляя им возможность заниматься, чем они пожелают, то есть грабить соседние области, населенные греческими колонистами. Это шаткое равновесие (если вообще допустимо подобные обстоятельства назвать «равновесием») было нарушено в 271 году до н. э., когда против римлян восстал Регий¹.

Мы помним, что Регий и Мессана были двумя главными городами у пролива между Сицилией и носком итальянского «сапога».

Во время вторжения царя Пирра жители Регия почувствовали себя между двух огней: с одной стороны — Пирр, с другой — Карфаген. Пирр надвигался на них из Италии, Карфаген — с моря. А прибрежный город, важнейший стратегический пункт, охраняющий пролив, естественно, выглядел чрезвычайно лакомым куском для обеих сторон. Следуя принципу «хочешь избавиться от чужих драконов — заведи своего собственного»,

¹ Современный город Реджо-ди-Калабрия.

жители Регия обратились за помощью к Риму. Римляне, естественно, воспользовались уникальным шансом и оперативно прислали свой гарнизон, числом в четыре тысячи человек¹. Командовал этим гарнизоном Деций Вибеллий (между прочим, выходец из Кампании).

Некоторое время римские военные добросовестно охраняли вверенный им город, но потом солдаты соблазнились примером кампанцев-мамертинцев и поступили точно так же — захватили в Регии власть и выгнали из города жителей, в основном богатых, чтобы можно было пожить «конфискованным у изменников» имуществом и записать в свой актив трофеи.

В центре, т. е. в Риме, об этом прискорбном факте знали, но сразу принять меры не могли или не захотели, поскольку якобы «были заняты другими делами». Однако в конце концов под Регием появились римские легионы во главе с консулом Генуцием. Гарнизон Регия пытался найти поддержку у мамертинцев в Мессане. Это тем более вероятно, что, согласно некоторым источникам, регийские солдаты были кампанцами, как и изначально мамертинцы.

Римляне применили свой фирменный прием — «разделяй и властвуй» — и отделили мамертинцев от регийцев особым договором. Те, очевидно, отказаться не смогли и оставили регийцев без поддержки.

Тем не менее осада Регия продолжалась — возможно, достаточно долго. Во всяком случае, согласно некоторым данным, осаждающие римляне уже начинали голодать. Гиерон очень вовремя прислал им из Сиракуз продовольствие.

Этот поступок может выглядеть странным, но если взглянуть на политику Гиерона в целом, то становится ясно: тиран продолжал преследовать собственные цели (усиление и независимость Сиракуз) и не гнушался временными союзами с вероятным противником.

Гарнизон Регия сопротивлялся римлянам отчаянно. Все прекрасно понимали, какая участь ожидает мятежников в случае поражения, и предчувствия этих людей нисколько не обманули. Регий был взят римлянами штурмом, большая часть гарнизона перебита, а триста человек, захваченных в плен, отправили в Рим, где их вывели на площадь, высекли розгами и обезглавили

¹ Численность пехоты в римском легионе описываемого времени 4200–5200 чел. Таким образом, в Регий был отправлен полноценный легион без кавалерийской поддержки.

Монета мамертинцев
с изображением воина

секирой. Не очень красиво, поскольку высечь пленного считалось отдельным унижением.

«Наказанием виновных римляне желали, насколько возможно, восстановить доверие к себе у союзников. Самая земля и город были тотчас возвращены региянам», — пишет Полибий, завершая рассказ об этих событиях.

Неизвестно, правда, вернули жителям Регия экспроприированную собственность или нет. Зная хозяйственность

и домовитость римлян, мы предположим, что, скорее всего, нет.

Другой римский историк, Тит Ливий, вкладывает упоминание о «регийском преступлении» в уста полководца Сципиона, чью длинную пламенную речь он приводит в своей книге. Всякое преступление против Рима, говорит Сципион, рано или поздно бывает наказано, и любой, кто идет против Рима, погибнет, ибо такова воля богов.

«Когда-то один легион был отправлен охранять Регий; солдаты перебили городскую знать и десять лет хозяйничали в богатом городе. За это преступление весь легион — четыре тысячи человек — был обезглавлен на римском форуме».

То есть, подчеркивает в своей речи Сципион или, точнее, указывает Ливий, римляне сурово покарали легион, который возглавлял настоящий римский военачальник. Для усиления эффекта Ливий говорит, будто все четыре тысячи легионеров были казнены. Полибий, очевидно, ближе к истине, утверждая, что большая часть мятежников погибла во время штурма и что обезглавили на форуме «всего» человек триста.

Ни Ливий, ни персонаж его записок не вспоминают, впрочем, о другом пикантном факте: ровно при таких же, если не худших обстоятельствах был захвачен другой важный город у пролива — Мессана. Однако доблестные римляне не пришли карать захватчиков-мамертинцев. Напротив, в какой-то момент они откликнулись на их просьбу о помощи.

Почему римляне решили непременно защищать мамертинцев? Ничего сложного: это выгодно Риму. А то, что выгодно Риму, — то справедливо и всецело одобряется богами. И уж тем более грех было не воспользоваться удачным случаем вмешать-

ся в сицилийские дела. Если римляне упустили бы такой изумительный шанс — боги этого не простили бы никогда. А вместе с богами — Сенат и народ Рима, что куда важнее для тогдашних политиков.

В начале 271 года до н. э. римляне восстановили порядок в Регии, а это означает, что они уже ступили на сицилийскую землю.

Через три года, в 268 году до н. э., началась Мамертинская война.

Развязал ее Гиерон, которому не нравилась возрастающая активность мамертинцев. Те продолжали безнаказанно хозяйничать в окрестностях, а говоря проще, заниматься своими профессиональными обязанностями — грабить и разбойничать. Обеспокоенный мамертинским беспределом Гиерон не ограничился набором наемников — своих собственных, которым мог доверять, — он также вооружил и хорошо обучил гражданское ополчение собственно в Сиракузах. Наконец, он двинулся против распоясавшихся соседей.

Недалеко от города Милы, в долине реки Лонгано, Гиерон сразился с мамертинцами, принудил к беспорядочному отступлению и захватил в плен их вождей. «Дерзость варваров была смирена», — подводит итог Полибий.

Мамертинцы, которые прежде чувствовали себя уверенно, разбросали свои силы по небольшим крепостям по всей равнине. В итоге им не удалось быстро собраться и дать отпор Гиерону, когда тот захватил город Милы — там в плену оказалось более тысячи мамертинских солдат. Затем тиран Сиракуз подошел к Амиселу. Этот город не смог оказать достойного сопротивления, хотя был хорошо укреплен и обладал многочисленным гарнизоном. Дальновидный сиракузский полководец снес укрепления, а гарнизон не только простил, но и принял к себе. Освобожденную от мамертинцев территорию Гиерон милостиво отдал местным жителям.

Гиерон II Сиракузский

Увеличив свое войско за счет побежденных и помилованных солдат противника, Гиерон прошелся по нескольким другим городам, также захваченным мамертинцами, и все они открыли перед ним ворота.

Мамертинцы оказались зажаты в клещи. Гиерон вступил в Мессанскую область и разбил лагерь у реки Литана. Цифры, которые приводят древние историки, всегда следует рассматривать как очень приблизительные: все они любят завышать число солдат, описывая грандиозные битвы — делалось это вполне сознательно, чтобы подчеркнуть героизм победителя.

Предполагается, что у Гиерона, когда он столкнулся с мамертинцами в решающем сражении, было десять тысяч пехотинцев и полторы тысячи конницы, а у мамертинцев — восемь тысяч солдат и неизвестное, но куда меньшее число кавалеристов. Возможно, имеет смысл лишь сопоставление в процентном отношении: если кратко, у Гиерона солдат было больше.

Стратег мамертинцев, которого историк Диодор называет Кием, согласно преданию, собрал прорицателей и, принеся жертву, спросил их об исходе битвы; когда же они отвечали, что жертвы предвещают ему ночевать во вражеском лагере, Кий обрадовался и попробовал перейти через реку.

«У Гиерона было двести перебежчиков из Мессины, отличавшихся как своей храбростью, так и искусством. К ним присоединил он еще четыреста отборных воинов и велел им, обойдя близкий холм, напасть на врагов с тылу. Сам же, выстроив войско, встретил их лицом к лицу.

Вблизи реки происходит стычка конницы; хотя пехотинцы царской армии и заняли наперед какое-то возвышение вблизи реки и имели, таким образом, за собою удобство более выгодного местоположения, но до известного момента опасность для обеих войск была одинакова. Когда же обошедшие холм неожиданно напали на мамертинцев и со свежими силами стали избивать уставших от битвы, то они, окруженные со всех сторон, обратились в бегство. Сиракузы не же набросились на них со всею силою и почти всех избили.

Стратег мамертинцев, сражавшийся с отчаянным мужеством, сильно израненный, лишился сознания и был взят в плен. Итак, он, живой еще, был приведен в лагерь Гиерона и был передан врачам. Он ночевал, таким образом, в самом деле согласно прорицанию жрецов во вражеском лагере.

В то время как Гиерон всячески старался вылечить Кия, пришли какие-то люди, приводя с поля битвы лошадей к полководцу

сиракузян. Кий узнал лошадь собственного сына и, решив, что тот убит, в горести разорвал швы своих ран, считая гибель своего сына достойной смерти. Мамертинцы же, узнав, что со стратигом их Кием погибли и все прочие воины, решились идти навстречу царю с мольбой о пощаде. Но судьба не дала совершенно погибнуть мамертинцам.

Случилось, что карфагенский полководец Ганнибал (естественно, не тот Ганнибал, знаменитый, а другой с таким же именем) в это время стоял на якоре у острова Липары. Когда он услышал о неожиданном происшествии, он как можно скорее пришел к Гиерону, на словах как бы радуясь вместе с ним, на деле же спеша обойти Гиерона путем какого бы то ни было обмана. Сиракузский полководец, убежденный финикиянином, ничего не предпринимал. *Ганнибал же, придя в Мессину, уговорил мамертинцев, желавших сдаться на капитуляцию, не делать этого и под предлогом помощи ввел в город воинов.*

Мамертинцы, уже отчаявшиеся в спасении после своего поражения, таким образом, снова стали в положение безопасное. Гиерон, обманутый финикиянином, кинул осаду и воротился в Сиракузы, окруженный громкой славой. Это произошло в конце 269 года».

Гиерон по возвращении в Сиракузы был провозглашен царем, и его правление продолжалось 54 года. Так что, как видим, это был человек во всех отношениях чрезвычайно успешный, целеустремленный и отважный.

В приведенном отрывке Диодора наиболее ценно для нас указание на появление в Мессане после 269 года до н. э. карфагенского гарнизона с согласия местного населения.

После этого мамертинцы оказались в крайне затруднительном положении.

Регий принадлежал теперь римлянам. В Мессане стояли карфагенские войска. Следовало к кому-нибудь прибиться — в одиночку против всего мира не выстоять. В итоге среди мамертинцев произошло разделение на две партии: одни (большинство) считали необходимым тесный союз с Карфагеном, другие (меньшинство) смотрели в сторону Рима.

«За Карфаген» было то обстоятельство, что Новый Город был ближе, его флот господствовал на море, и карфагеняне уже находились в Мессане. «За Рим» выступали родственные связи — кампанцы «внезапно» вспомнили, что они с римлянами одной крови. Ну, допустим, почти одной.

Долгое время римляне колебались, поскольку прийти на помощь мамертинцам было бы, мягко говоря, странным решением.

Только что они казнили своих соотечественников за вероломство, проявленное ими по отношению к гражданам Регия, казнили мучительно и публично. И вот мамертинцы, совершив в Мессане точно такое же преступление, притом в гораздо большем объеме, внезапно просятся к ним в союзники. Как объяснить это противоречие? И, кроме того, что будут думать о такой непоследовательности боги и граждане Рима?

Но, с другой стороны, невозможно упустить такой прекрасный шанс ступить на землю Сицилии и окоротить Карфаген, ведь Новый Город тоже с огромным интересом заглядывается на этот благоухающий цветок Средиземноморья. Если Мессана попадет под влияние Карфагена, пунийцы получают власть над проливом, что принесет колоссальную коммерческую выгоду — полный контроль над транзитом грузов! Мы ведь помним из первой книги, что главной идеологией Карфагена исходно был гешефт ради гешефта — в Карфагене любой может стать богатым!

С помощью карфагенян воинственные мамертинцы смогут постепенно подчинить себе Сицилию полностью, а там недалеко и до пунийского вторжения в Италию.

Следовательно, у римлян имелись не только моральные («помощь отдаленным родственникам») и не только материальные («пограбить»), но и стратегические обоснования для вторжения. Оставить Мессану на произвол судьбы они не могли — это вопрос большой политики. Нельзя оставлять без внимания претензии настолько крупной, богатой и присматривающейся к новым территориям империи, как Карфаген.

Осталось решить технические трудности. Для начала необходимо было снять с римского Сената моральную ответственность за заведомо безнравственный поступок и фактическую агрессию. Или, как выражается старинный писатель, «несообразность оказания помощи мамертинцам уравнивала выгоду от самой этой помощи».

Сенат, поразмыслив, как обставить дело поприличнее, обратился к народу. Глас народа — глас божий. Глас народа, разумеется, моментально пришел к мудрому решению оказать помощь «родственным по крови» мамертинцам и заодно поправить свое материальное положение за счет предполагаемых контрибуций.

Некоторые сомнения вызывал тот факт, что Рим еще не набрался достаточно сил, чтобы вступить в открытое противостояние с могучим Карфагеном. Вдобавок римский флот не шел ни в какое сравнение с карфагенским — серьезных боевых кораблей у римлян попросту не было. Тем не менее народ проголосовал за войну.

Кто бы мог тогда знать, к насколько глобальным последствиям приведет это решение! Даже сейчас, в XXI веке, эти последствия мы ощущаем!

* * *

Сначала римляне заключили соглашение с мамертинцами, приняли их в римско-италийский союз и теперь уже просто «обязаны» были оказать помощь новым союзникам и послать «ограниченный контингент» на Сицилию.

В Мессану с войсками был отправлен один из консулов, Аппий Клавдий. Для того чтобы добраться до Мессаны, требовалось пересечь пролив.

Аппий Клавдий выслал вперед вспомогательные части и корабли. Командовал передовым отрядом военный трибун Гай Клавдий, который прибыл в Регий весной 264 года до н. э.

Пролив контролировал карфагенский флот, возглавляемый флотоводцем по имени Ганнон. Переправа для римлян казалась невозможной, поэтому Гай Клавдий в небольшой лодке переправился через пролив самостоятельно, высадился в Мессане и начал переговоры, пытаясь убедить карфагенян оставить город. «Граждане высказались за союз с Римом, давайте постараемся избежать кровопролития», — пустые, ничего не значащие слова, опять же призванные оправдать Рим.

Ответом ему было выразительное молчание Карфагена — империя показательно игнорировала претензии каких-то там варваров из Лация (что характерно, для древних карфагенских финикийцев римляне и впрямь были обнаглевшими варварами). Знаменательно, что мамертинцы также избегали высказываться вслух, понимая, что могут стать козлами отпущения в случае, если Карфагенская империя одержит победу.

Согласно преданию, Гай Клавдий истолковал происходящее следующим образом:

«Очевидно, карфагеняне понимают, что поступают незаконно, заняв Мессану и не желая ее покидать. Если бы они были правы в своем поступке, то нашли бы аргументы в свою защиту, а они молчат. Мамертинцы тоже молчат не просто так, а со смыслом: они совершенно явно желают избавиться от карфагенян. Ведь если бы они хотели встать на сторону карфагенян, они бы об этом громко заявили».

Исходя из этих соображений, заключил трибун, Рим обязан захватить Мессану. После этого Клавдий вернулся в Регий

и со всеми имеющимися кораблями сделал попытку пересечь пролив.

Карфагеняне, профессионалы в морском бое, молча и невозмутимо потопили большую часть римских кораблей, еще часть флота погибла в шторм. Военный трибун едва сумел спастись и с остатками разбитого соединения вернулся в Регий.

Однако, разобравшись с римским флотом, Ганнон решил продемонстрировать Риму свое миролюбие, отправив Клавдию захваченные у римлян корабли. Больше того, он предложил вернуть на родину пленных, но Клавдий ничего не принял и столь щедрого жеста не оценил.

Наоборот. Римляне посчитали, что Ганнон проявил слабость из опасения ввязываться в длительную войну с Римом, которой Карфагену определенно не выдержать: самомнение невероятное, ибо Новый Город по всем показателям доминировал над латинянами — флот, мобилизационный ресурс, богатство, экономика. По этой причине переговоры проходили, что называется, на повышенных тонах. Сначала послы, как положено, обменивались любезностями и показывали искреннее желание уладить конфликт как можно быстрее и к общей выгоде, однако очень скоро напряжение начало расти и в конце концов превратилось в вульгарную базарную склоку.

Карфагеняне выразили притворное удивление отвагой и даже дерзостью римлян: как у тех хватило наглости сунуться в пролив, когда Карфаген полностью контролирует море? Римлянам следует поддерживать с Карт-Хадаштом как можно более мирные и дружеские отношения, потому что без разрешения пунийцев они и рук в морской воде умыть не смогут.

На это римляне спесиво посоветовали карфагенянам ни в коем случае не пытаться учить их морскому делу: «Мы очень любим учиться и имеем обыкновение во всем превосходить своих учителей». Латиняне привели в пример эллинов, у которых когда-то научились осаждать города — и скоро подчинили себе всю Грецию. «Так что, — заключили римляне, — если вы вздумаете показывать нам, как управляться с кораблями, то готовьтесь: мы вас в конце концов превзойдем и разобьем».

У карфагенян полезли глаза на лоб: Новый Город превосходил все державы Средиземноморья, оптом и в розницу, по мощи боевого флота. В результате посланцы Карфагена презрительно сплюнули и отправились домой.

Сорвав переговоры, римляне сделали вторую попытку добраться до Мессаны. С остатками флота, дождавшись благо-

приятного ветра, трибун Гай Клавдий снова переправился через пролив. На сей раз ему повезло — неприятельская эскадра, решив, что дело сделано, вернулась на базы.

В Мессане Клавдий застал вот какую картину: мамертинцы остались в городе, а карфагенский гарнизон во главе с Ганноном заперся в цитадели. Тогда Клавдий апеллировал к демократии: он объявил народное собрание и уговорил народ вызвать на это собрание Ганнона. Тот явился, но очень неохотно, и мамертинцы высказались за изгнание карфагенян из города. После этого Ганнон ушел из Мессаны и увел своих людей.

С полководцами-неудачниками карфагеняне поступали строго. Ганнона, покинувшего Мессану, арестовали и распяли, обвинив в трусости и неосмотрительности.

Ганнону следовало послать за подкреплениями и любой ценой выдержать осаду. В этом вопросе карфагенский суд был, безусловно, прав: Ганнон проявил вопиющую некомпетентность на грани измены.

Окончательно отдавать Мессану римлянам карфагеняне не собирались, поэтому они незамедлительно осадили город.

* * *

Карфаген, в вековой своей спеси, не обратил внимания на слова: «Мы очень любим учиться».

Довольно быстро противники Карт-Хадашта докажут это утверждение на деле. Римляне и вправду были не просто умными, но еще и очень работоспособными, целеустремленными и усидчивыми. По нынешним временам, если бы Римской республике понадобилось освоить авиацию, космонавтику или, допустим, квантовую физику — они превзошли бы все современные великие державы. Что ни говори, но римляне были великим народом — от сенатора до крестьянина.

* * *

В свою очередь Гиерон из Сиракуз пришел к выводу, что настал удобный момент для окончательного изгнания «варваров» (мамертинцев) из Сицилии. Он спешно заключает союз с карфагенянами¹, собирает войско, выступает из Сиракуз, а подойдя к Мессане, разбивает лагерь со стороны Халкидонских гор.

¹ Очевидно, что с этого момента Гиерон исчерпал свободу дипломатического маневра. Его дальнейшие действия были обусловлены волею обстоятельств, нежели его собственной волей.

У Гиерона не было иллюзий по поводу отношений с Римом. Аппий Клавдий попытался нейтрализовать Сиракузы, чтобы те не участвовали в грядущем конфликте. Гиерону направили послание такого содержания: если сиракузяне снимут осаду с Мессаны, то римляне «обещают не трогать» Сиракузы. На это Гиерон ответил прямо: «Мамертинцы, которые преступно захватили Мессану, должны быть наказаны, и это справедливо. А римлянам, у которых вечно на языке „верность“, не к лицу брать под защиту этих душегубцев, которые вообще не знают, что такое верность. Если же римляне все-таки начнут войну ради этих вероломных негодяев, то весь мир будет знать: показное сострадание для Рима — лишь предлог к удовлетворению собственного корыстолюбия. Ваша настоящая цель — Сицилия. Вы хотите захватить ее».

Как видим, Гиерон был проникателен и откровенен.

Итак, с одного края Мессане угрожал Карфаген, с другого — Сиракузы.

Первое столкновение ведущих игроков Средиземноморья — Рима и Карфагена — началось. Но следует помнить, что Карфаген к тому времени был супердержавой, а Рим — «зародышем империи», «империоном», существенно уступавшим Новому Городу в экономической и военной мощи, не говоря уже о флоте¹.

* * *

Краткая хронология событий, происходивших в пятилетний промежуток с 269 по 264 годы до н. э., такова.

После окончания войны с Сиракузами (с Гиероном) в Мессане начинаются распри двух партий: проримской и прокарфагенской. Проримская партия направляет посольство в Вечный город с просьбой о помощи. Римский Сенат и народ долго раздумывают — под каким предлогом вмешаться в сицилийские дела и хватит ли у Рима средств для экспансии. Наконец, решение было принято, и благодаря влиянию Аппия Клавдия римский народ посылает войско на Сицилию. Военный трибун Гай Клавдий производит разведку, теряет часть флота, однако в конце концов добирается до Мессаны. Мамертинцы принимают Гая Клавдия, приносят присягу римскому консулу Аппию Клавдию и изгоняют из города карфагенского военачальника Ганнона.

¹ Да и Сиракузы с этих весов сбрасывать не стоит: перед Гиероном сиял призрак Великой Греции.

Карфагеняне, покарав Ганнона за поражение, присылают римлянам ультиматум: немедленно оставить Сицилию. Римляне ультиматум отклоняют.

Гиерон из Сиракуз объединяется с карфагенянами против римлян и желает окончательно изгнать мамертинцев. Попытки римлян «разделить и властвовать» — отсечь Гиерона от карфагенян — провалились: Гиерон слишком хорошо понимал текущую политическую ситуацию.

Объединенные силы Сиракуз и Карфагена окружают Мессану.

Начинаются военные действия. Римские авторы впоследствии сделали упор на торжественное объявление войны, которое само по себе должно было «маркировать» войну за торжество справедливости.

Мы помним, что у римлян любая развязанная ими война получала статус «справедливой и законной», если ей предшествовали установленные религиозные обряды. Важно было также, чтобы война была сначала объявлена, а потом уже начата. В принципе, Первую Пуническую войну Рим не объявлял, за них это сделали историки будущего.

По мнению римлян, неминуемой войну сделали сами карфагеняне, поскольку они собирались контролировать Мессану; контроль над Мессаной — контроль над проливом. Пролив — мост в Италию, а следовательно, Карфаген злокозненно угрожает Риму.

Таким образом, превентивная война против сильного противника, который все равно нападет, рано или поздно, стала неизбежной.

ГЛАВА

II

Гибель Акраганта

Римляне начали военные действия в 264 году, внезапно атаковав сиракузян. Гиерон определенно не ожидал, что это произойдет так скоро, и к битве готов не был. Возможно, он рассчитывал на поддержку Карфагена. Поначалу конница Гиерона более-менее успешно отбивалась от римской пехоты, но вскоре легионеры вклинились в ряды сиракузских воинов и рассеяли их. Гиерону пришлось отступить.

Полибий, при всем его римском патриотизме, был человеком справедливым и о Гиероне отзывался с уважением:

«Аппий, — пишет он, — решил начать нападение с сиракузян. Он вывел войско из лагеря и построил его в боевой порядок; царь сиракузян быстро вышел ему навстречу. После продолжительного жаркого боя Аппий одолел неприятеля и прогнал всех бегущих до самого вала. Сняв доспехи с убитых, он возвратился в Мессену, а Гиерон в страхе за самую свою власть с наступлением ночи поспешно удалился в Сиракузы».

Однако Полибий отрицает вероятность того, что Гиерон-де после этого поражения «потерял рассудок от страха», сжег лагерьные палатки и ночью бежал в Сиракузы, а сверх того бросил все крепости, которые раньше занял.

Так или иначе, Гиерон был разбит и отошел от Мессаны. О том, что произошло дальше, Полибий пишет так:

«Узнав на следующий день об отступлении сиракузян, Аппий почувствовал себя смелее и решил напасть на карфагенян немедленно».

Солдатам своим он отдал приказ готовиться поскорее и на рассвете выступил в поход. В сражении с неприятелем он многих истребил, а остальных принудил спастись поспешным бегством в ближайшие города. После этих побед и по снятии осады Аппий ходил теперь беспрепятственно по разным направлениям, опустошая поля сиракузян и союзников их, причем никто не выступал против него в открытое поле; наконец он расположился у самых Сиракуз и начал осаду города».

У стен Сиракуз римляне встретили ожесточенное сопротивление, так что осада затянулась.

И тут римская демократия предоставила Гиерону долгожданную передышку: срок полномочий консула Аппия Клавдия истек, и он со своими войсками вернулся в Регий, а оттуда — в Рим.

264 год до н. э. — первый год войны с карфагенянами — существенных результатов Риму не принес. У авторов, писавших об этой войне, есть разные мнения: одни подчеркивают, что Аппий Клавдий не был удостоен триумфа, поскольку достиг не многого; другие же, напротив, указывают на то, что он получил в Риме свой триумф и что это был в своем роде «исторический момент», поскольку триумф Аппия Клавдия стал первым триумфом в честь победы за пределами Италии.

Так или иначе, военным действиям на Сицилии римляне придавали первостепенное значение.

В 263 году до н. э., согласно Полибию, произошло следующее: когда из Сицилии пришли вести в Рим о победах Аппия и его легионов, римляне выбрали консулами Мания Отацилия и Марка Валерия, стали снаряжать доступные войска с двумя вождями во главе на Сицилию. «У римлян всего войска, не считая союзников, четыре легиона, которые набираются ежегодно; в каждом из них четыре тысячи пехоты и триста конных воинов».

Итак, оба консула — Марк Валерий Максим и Маний Отаций Красс — возглавили армию. (Обычно один римский консул оставался дома и занимался внутренними делами, но тут оба выступили в поход. Это безусловное свидетельство чрезвычайной важности «сицилийского вопроса».)

Сиракузяне и карфагеняне терпели поражение за поражением. Немало сицилийских городов поспешили направить к римлянам посланников: они добровольно сдавались новой, мощной силе. Римляне, очевидно, вполне искренне считали, что эти города желали поскорее освободиться от гнета карфагенян. Нарастивая военное присутствие на острове, латиняне быстро продвигались в самый центр Сицилии.

«Гиерон замечал тревогу и ужас сицилийцев, видел многочисленность и силу римских легионов и из всего этого заключал, что расчеты римлян на победу более основательны, чем карфагенян», — сообщает Полибий. Поэтому Гиерон отправил римлянам посольство «с предложением мира и союза». Рим великодушно принял это предложение.

В том же 263 году до н. э. Гиерон получил свой мир. Цена соглашения была тяжелой: Гиерон отказывался от крепостей, которые уже были захвачены римлянами; всех римских пленных возвращал без выкупа — и сверх того выплачивал сто серебряных талантов. (Здесь, правда, следует иметь в виду, что как численность войск, так и объем выплаченных денег у древних историков всегда указываются приблизительно.) Можно найти и другие суммы этой контрибуции: размер ее колеблется от двухсот талантов у одних историков до двадцати пяти у других.

Взамен Гиерон получал от новых «союзников» гарантии своей власти над Сиракузами и некоторой территорией своего «царства» — впрочем, усеченной: ему оставили юго-восточную часть острова; пограничным городом на северо-востоке стал Тавромений.

Получив контроль над двумя важнейшими опорными пунктами на Сицилии — Сиракузами и Мессаной, — римляне тем самым приобрели возможность ввозить на остров все необходимое для дальнейшей войны с Карфагеном, в первую очередь войска и продовольствие для армии. Если раньше переправа на Сицилию и война здесь, вдали от родных пенатов, представлялась чрезвычайно опасной, то теперь воевать стало куда легче.

Гиерон был вынужден вместе с Римом, этим новым «старшим братом», заняться покорением карфагенских городов на Сицилии. Римляне были так довольны результатом второго года конфликта, что отправили на остров только одно консульское войско, то есть два легиона, а не четыре. Остальные тяготы войны по их замыслу должен был взять на себя новый союзник — Сиракузы.

Карфагеняне, напротив, решили усилить свои вооруженные силы, поэтому набрали больше наемников. Обычно карфагеняне нанимали солдат в подчиненной стране — той, которую мы теперь называем Испанией. Оттуда приходили к пунийцам кельты и «особенно иберы», как пишет Полибий. Вот их карфагеняне и направили на Сицилию.

На сей раз в центре соперничества Рима и Карфагена оказался город Акрагант¹.

¹ Современное название — Агридженто, в римское время — Агригент.

Именно его карфагеняне решили сделать опорным пунктом своих военных действий в новой кампании. Они стянули туда войска и собрали припасы.

Римляне вместе с людьми Гиерона тотчас осадили Акрагант. Они «нашли нужным вести дело решительнее», как сообщает Полибий. Все остальные военные действия на Сицилии были приостановлены, и войска Рима сосредоточились против Акраганта. Римские лагеря были разбиты вокруг города (а каждый римский лагерь — это настоящая крепость). Карфагеняне оказались заперты.

Наступала пора жатвы, и римские солдаты отправились собирать урожай — хлеб был необходим легионам. «Лишь только карфагеняне увидели, как неприятели рассеялись по полям, они сделали вылазку и напали на убиравших хлеб, быстро обратили их в бегство, и затем одни бросились грабить лагерь, другие ударили на сторожевые посты. ...Превосходство в дисциплине спасло римлян, ибо смертью наказывался у них каждый, кто покинет свое место или совсем убежит с поста. Поэтому и теперь римляне оказали мужественное сопротивление неприятелю, во много раз превосходившему их численностью, и хотя много потеряли своих, еще больше истребили врагов. Наконец они окружили кольцом тех карфагенян, которые почти уже прорвали валы, часть их истребили, а остальных, тесня и избивая, загнали в город».

После этого инцидента обе стороны начали вести себя осторожнее: римляне оглядывались по сторонам, снимая чужой урожай, а защитники Акраганта нападали на них без прежней безоглядности.

Римский способ вести войну во многом определялся их истинно крестьянским терпением и навыком усидчивых инженерных работ. Когда латиняне поняли, что дело с Акрагантом затягивается, то разделили силы: один лагерь они оставили перед самим городом, «возле святилища Асклепия», добавляет Полибий, а другой перенесли на новое место, и пространство между обоими лагерьями окружили рвами, таким образом «прирезав» значительную часть территории к своему осадному «городу». На этой территории размещались сторожевые отряды и укрепленные башни.

Союзники римлян — жители сицилийских городов, покоренных (или сдавшихся римлянам добровольно) на предыдущем этапе, доставляли припасы для римского войска в соседний Гербес. Оттуда легионеры сами возили их к себе в лагерь.

Римляне не напрасно похвалялись перед карфагенянами своей выдержкой и упорством: пять месяцев они терпеливо осаждали

город. Дело не двигалось ни в ту, ни в другую сторону. Осажденные сидели в Акраганте, римляне хозяйничали в двух своих лагерьях и на территории между «канавами» (рвами). Время от времени происходили короткие стычки, которые ни к чему не приводили.

У римлян не было недостатка в продовольствии, а в осажденном Акраганте спустя полгода начался голод.

В армии карфагенян то и дело вспыхивали волнения. Диодор, например, сообщает, что карфагенский полководец Ганнон (в истории Пунических войн очень много людей с именем «Ганнон», оно было весьма распространенным) вынужден был разобрататься с наемниками-галлами, которые настойчиво требовали обещанной им платы. Жалованье задерживали уже четыре месяца, так что «продажные мечи» угрожали перейти к римлянам.

Ганнон отправил четырехтысячный отряд наемников на юго-запад Сицилии, к городу Энтела, и обещал отдать его на разграбление. Это, мол, возместит все невыплаченное жалованье. Одновременно с тем Ганнон якобы отправил к консулу Отацилию тайного гонца, который шепнул римлянину на ухо, где будут находиться галлы, и римляне устроили наемникам засаду. Их перебили до последнего человека.

Но, поскольку Ганнон проигрывал все сражения против римлян, его отозвали из Сицилии назад в Карфаген и там «оштрафовали» (неясно, что имеется в виду — учитывая судьбу предыдущего Ганнона, вряд ли он остался жив).

История с наемниками-галлами представляется сомнительной. Дело в том, что, согласно Полибию, Отаций к тому моменту уже вернулся в Рим, а военные действия против карфагенян возглавляли новые консулы, Луций Постум и Квинт Мамил. Возможно, подобный эпизод имел место в другой момент войны.

Если верить Полибию, а он обычно достаточно точен, имя карфагенского полководца, запертого с войсками в Акраганте, — Ганнибал. Имя невероятно распространенное, но родословие данного конкретного Ганнибала¹ нам не известно.

Этот полководец понимал, что собственными силами не справится, поэтому отправил в Карфаген сначала одного гонца с известиями о положении дел и просьбой о помощи, потом другого. И родина откликнулась.

Карфаген выслал на Сицилию корабли с подмогой: помимо солдат, из Африки отправили слонов. Это подкрепление полу-

¹ Согласно Полибию, фамилия (точнее, родовое имя) этого Ганнибала — Гискон.

чил второй карфагенский военачальник на Сицилии, которого Полибий называет «Ганнон».

Ганнон собрал все силы, какие только находились в его распоряжении, нанес удар по Гербесу и занял его. В результате легионеры оказались зажаты между двумя линиями неприятелей: Акрагант (который они осаждали) и войска Ганнона (которые осаждали их самих, подойдя со стороны Гербеса).

Римляне уже начинали подумывать о возможном отступлении, однако Гиерон, выполняя свой союзнический долг (а может, из других соображений: поблизости от родных Сиракуз ему не нужны были ни сильный Рим, ни сильный Карфаген), прилагал все усилия для того, чтобы хоть как-то снабжать легионы хлебом.

Среди римлян начались болезни: они слишком долго жили скученно, в тесном пространстве. Зараза, по мнению Ганнона, ослабила римских солдат, к тому же они определенно недоедали. Теперь появилась возможность разбить непобедимые легионы, и Ганнон решился на битву.

В карфагенском войске насчитывалось, как пишут античные авторы, до пятидесяти слонов. Впереди выступала нумидийская конница.

Приблизившись к первому валу, ограждающему римский лагерь, нумидийцы начали дразнить противника и вызывать его на бой, а затем притворно отступали. Это был обычный прием: если атакующие увлекутся и оторвутся от основных сил, нумидийцы развернутся к ним лицом и вступят в бой. Так и произошло — римская конница понесла большие потери.

После этого Ганнон разбил свой лагерь совсем недалеко от римского.

Следующие два месяца обе армии стояли друг против друга, ничего особенного не предпринимая.

В конце концов ситуация созрела: никто больше не желал ни осаждать, ни сидеть в осаде. На открытом пространстве, разделившем лагерь, произошло сражение.

Одолеть римлян на суше не удавалось пока никому. Сначала обратились в бегство наемники, которых карфагеняне поставили биться в первых рядах, за ними повернули и остальные. К вечеру римляне захватили слонов и весь обоз противника. Опьянение внезапной победой было так велико, что римляне утратили бдительность.

Ганнибал решил, что настал удачный момент, когда можно спасти положение хотя бы отчасти. В полночь он вышел из города со своими войсками. Рвы, которыми трудолюбивые римля-

не окружили Акрагант, он забросал заранее подготовленными «снарядами» — плетеными мешками, в которые натолкали мякину, — и по такому «мосту» выбрался из кольца осады.

На рассвете римляне увидели, что карфагеняне вырвались из западни. Они пустились в погоню, слегка куснули карфагенский арьергард, но на этом преследование прекратили и вошли в город. Поскольку гарнизона в Акраганте больше не было, римляне разграбили его подчистую, жителей обратили в рабство и буквально растоптали строптивый город.

Политические последствия этой победы оказались двойственными. С одной стороны, многие сицилийские города были всерьез напуганы успехами римлян. Им казалось, что сопротивляться легионам бесполезно: солдаты-латиняне терпеливы, не боятся никаких трудностей и способны сидеть под стенами осаждаемого города месяцами. К тому же в легионах не случается бунтов: служба в римской армии была делом граждан, а не наемников. Поэтому многие сицилийские города «добровольно» перешли на сторону Рима.

Однако если на суше Рим был непобедим, то на море первенство принадлежало Карфагену. Из этих соображений некоторые приморские города, напротив, изъявили покорность Новому Городу.

В Карфагене тоже сделали верные выводы: следует навязывать противнику боевые действия там, где пунийцы заведомо сильнее, — на море.

Флот из семидесяти карфагенских судов принялся совершать набеги на прибрежные города не только Сицилии, но и Италии, опустошая их. Всякая торговля прекратилась. Неаполь, Остий, Тарент, Сиракузы терпели убытки. Карфаген захватывал римские торговые суда и собирал дань с ливийских племен.

Римляне столкнулись с необходимостью создания собственного боевого флота.

ГЛАВА

III

Рим выходит в море

Консулы лично курировали строительство новых кораблей. В кратчайшие сроки, всего за два месяца, римляне снарядили сто квинквирем (пентер)¹ и двадцать трирем (триер). Есть и другие данные — сто шестьдесят кораблей за шестьдесят дней.

Большой флот потребовал большого количества гребцов, поэтому к морскому делу были привлечены не только союзники Рима, италийцы (их гражданские права отличались в те времена от гражданских прав собственно римлян), но и рабы, и бедняки, которые, согласно имущественному цензу, не имели права служить в римской армии.

О том, каким образом римляне строили свой флот, существуют разные мнения.

Полибий, например, утверждает, будто римляне сооружали свои корабли, копируя захваченную ими карфагенскую пентеру. Вообще он искренне восхищается самоуверенностью римлян, которые отважно хватались за совершенно новое для них дело, если того требовали практические соображения. Ясно, что пер-

¹ Долгое время считалось, что числительное в названии корабля означает число рядов вёсел с каждого борта, что формально для квинквиремы даёт пять. Однако современные исследования, в т. ч. компьютерное моделирование, показали, что добавление нового ряда вёсел сверх трёх не даёт кораблю преимущества (возрастает сопротивление благодаря турбулентности потока), не говоря уже о сложности управления таким монстром даже на прямом ходу, не говоря уже о маневрах. Поэтому в настоящее время считается, что числительное в названии соответствует числу рядов гребцов, при этом на одном весле могут работать двое-трое человек. Таким образом квинквиреме соответствует схема рядности 1+2+2.

вые опыты бывали неутешительны, однако римлян это не смущало: они упорно пробовали снова и снова. И в конце концов методом проб и ошибок создавали нечто приемлемое.

Поначалу у римлян вообще не было собственного военного флота, ни парусного, ни гребного. Когда им впервые понадобилось переправить войска в Мессану, они «одолжили» пятидесятивесельные галеры, трехпалубные триеры и все, что годилось для переправки войск, у жителей Неаполя, элейцев, локров и других «морских» народов.

Однако, сообщает Полибий, во время этой переправы на римский сборный флот напали карфагеняне, и один карфагенский корабль римлянам удалось захватить. «По образцу этого корабля римляне и соорудили весь свой флот», — сообщает автор.

Спустя столетия ему возражает Ганс Дельбрюк, немецкий историк, который увлеченно и захватывающе интересно рассуждал о военном деле прошедших эпох. По каждому поводу, добавим, у Дельбрюка имеется оригинальное, часто противоречащее общепринятому мнение.

Дельбрюк полагал, что у римлян и без заимствованного у карфагенян образца имелся собственный опыт кораблестроения. При всем уважении к авторитету Полибия, ученый немец не может воздержаться и от критики в его адрес:

«...В отношении Первой Пунической войны мы вынуждены целиком положиться на суд Полибия. Но как бы высоко мы ни расценивали дарование Полибия-критика и Полибия-историка с учетом также всей важности того, что он пользовался источниками из обоих лагерей, все же приходится признать, что наши сведения о сицилийских и африканских боях покоятся на менее верной основе, чем сведения о Марафоне...

Давно доказано, — пишет далее Дельбрюк, — что неправильно видеть (в этой войне) борьбу исключительно сухопутной силы с могущественной морской державой. Рим сам издревле был торговым городом, портом Лациума, и в его гербе красовалась галера; союз же, возглавляемый им, включал города исконных мореходов — города Великой Греции, от Кум и Неаполя до Тарента. Если до тех пор Рим обращал все свои силы на сухопутную войну, то происходило это от того, что его противники были сильны на суше; в противных же случаях, как при покорении в древнейший период других латинских городов или, наконец, Тарента, римляне вели свои войны как раз в союзе с Карфагеном, что избавляло их от необходимости укреплять свою морскую мощь. Только борьба

с самим Карфагеном принудила Рим подтянуться также и в этом отношении. Рим построил себе флот из пентер, которых он раньше не имел, но мог легко создать, так как в изобилии располагал всем материалом для постройки и снаряжения кораблей.

Полезно будет заметить, что знаменитый рассказ, будто римляне ничего не понимали в морском деле, построили свои корабли по образцу случайно выброшенной на берег карфагенской пентеры и обучали своих гребцов на остовах кораблей на суше, восходит к Полибию, который здесь явно становится жертвой чудовищного риторического преувеличения».

Но каким бы ни был опыт римских мореплавателей, как бы тщательно они ни скопировали карфагенскую пентеру (или все же построили оригинальный корабль) — карфагенский флот превосходил римский. Корабли пунийцев были быстроходными и маневренными, как мы говорили в начале книги, экипажи гребцов состояли только из великолепно обученных пунийцев. Кроме того, карфагеняне умели покрывать переднюю часть своих судов железом. Карфагенские моряки были гораздо более опытными, нежели римские.

Римляне ответили собственным техническим новшеством. Оно называлось «корвус» («ворон») — это был подъемный мост, который крепился к передней части корабля. Таким образом, морское сражение можно было хотя бы отчасти превратить в сухопутное, где римлянам не было равных. «Ворон» «умел» опускаться, подниматься, поворачиваться в разные стороны. Зацепившись за вражеское судно, «ворон» создавал мост, позволявший солдатам перебегать на вражеский корабль.

Дельбрюк, впрочем, и против «ворона» активно возражает:

«Предание утверждает, что решающую роль сыграло изобретение абордажных мостов, доставившее римлянам перевес в морском бою. Нам, однако, такое объяснение кажется сомнительным. В позднейших боях об этом нет и речи, и римляне, несмотря на свое изобретение, проиграли еще одно большое сражение, а их превосходство на суше не смогло ни предотвратить поражения Регула в Африке, ни окончательно вытеснить карфагенян из Сицилии. Если в конце концов римляне все-таки одержали верх, то этим они были обязаны не столько искусству и доблести своих легионеров, сколько жизнеспособности объединенного под властью Рима большого Италийского союза, что давало возможность на место уничтоженного или разбитого флота без замедления спускать на воду новые корабли».

В новой кампании против Карфагена опять выступили оба римских консула — с серьезным противником пришлось считаться. Они разделили функции по жребию, и жребий «явил им волю богов». Консул-патриций Гней Корнелий Сципион возглавил римский флот, а консул из плебейского сословия Дуилий (в русском переводе книги Полибия он назван «Гайй Баилий») получил командование над сухопутной армией.

Летом 260 года до н. э. римский флот направился к Липарским островам, расположенным чуть севернее Сицилии.

Здесь римляне снова попытались применить тактику «разделяй и властвуй»: липарцы находились под властью Карфагена, но в тайных переговорах с римлянами пообещали перейти на их сторону и сдать город. К Липаре подошли семнадцать кораблей Гнея Корнелия Сципиона.

И... карфагеняне умело заманили их в гавань Липары и заперли там двадцатью своими кораблями. Часть римских моряков на рассвете сбежала на берег, а консул растерялся, не сориентировался в обстановке и угодил в плен. Таким образом, консул-патриций и вся его эскадра были отправлены в Карфаген, а Дуилию пришлось взять на себя командование еще и остатками римского флота.

Дуилий пришел к выводу, что судьба кампании решится на море. Поэтому сухопутное войско он оставил военным трибунам, а сам возглавил военно-морские силы — точнее, то, что от них осталось.

Первое морское сражение между Римом и Карфагеном произошло у мыса Милы, который расположен к западу от Мессаны, на северном берегу Сицилии.

Пуническим флотом командовал Ганнибал. Флот был многочисленным (Полибий сообщает о 130 кораблях), но римляне впервые одержали победу на море. Причиной тому, по общему мнению, стала новая, абордажная тактика боя, пунийцами не применявшаяся.

Тридцать карфагенских кораблей было серьезно повреждено, четырнадцать потоплено и тридцать один корабль оказался у римлян. Ганнибал находился на одном из разбитых судов и едва успел спастись в лодке.

После этого римляне захватили сицилийские города Сегесту и Макелл и земли вокруг них. С точки зрения римлян, они всего лишь принесли на эти территории свободу от власти Карфагена. Правда, свобода из рук незваных «освободителей» обернулась

местным жителям новыми налогами и новым политическим подчинением.

Латиняне же были в восторге. Рим впервые отпраздновал морской триумф, и на Форуме появилась колонна, украшенная носами захваченных карфагенских кораблей — рострами (такие колонны называются «ростральными»). На самой колонне имелась надпись, в которой сообщалось, сколько было захвачено пленных, сколько потоплено вражеских судов и сколько золота и серебра поступило после всего этого в римскую казну. Существуют, правда, предположения, будто надпись эта появилась позднее — в век Августа или даже Тиберия — и что она не вполне, как бы мы сейчас сказали, объективно отражает реальность.

В Риме не осталось сомнений: следует продолжать войну с Карфагеном как можно энергичнее и любыми доступными средствами.

Победа римлян при Милах стала знаковым событием. Непобедимые на суше, римляне ощутили себя непобедимыми и на море.

Город Вечный бросил вызов Городу Новому.

ГЛАВА

IV

Сардиния станет римской!

На следующий, 259 год до н. э. консул Луций Корнелий Сципион направился к Корсике и Сардинии. Оба этих острова находились в полной зависимости от Карфагена. Римлянам не стоило больших усилий подчинить себе Корсику, но когда они направились к Сардинии, то превосходящий числом пунический флот преградил им дорогу, и латинянам пришлось быстро причаливать к берегу.

Сципион осадил город Ольбию на Сардинии. Этот город был хорошо укреплен, и взять его с ходу не удалось, а силы римского войска таяли. Консул снял осаду и вернулся в Рим, чтобы набрать новых людей. После этого он возвратился к Ольбии и все-таки захватил ее. Полководец с уже знакомым нам именем Ганнон был убит под стенами Ольбии, и консул похоронил его с почестями.

На шестой год Первой Пунической войны римляне снова оказались в выигрыше. Они получили Корсику и Сардинию и хорошо нажились на этой добыче. В Рим привели множество пленных, а в самом Вечном городе отпраздновали новый триумф.

Однако следует отметить, что до самого окончания Первой Пунической войны на обоих островах — и на Корсике, и на Сардинии — местное население не соглашалось принять власть Рима. Там продолжались волнения и вспыхивали все новые и новые мятежи против новоиспеченных хозяев.

Тем временем, сменив несчастного Ганнона, на Сицилию прибыл Гамилькар.

С его появлением дела у римлян пошли хуже. Этот пунийский военачальник не только побеждал их в небольших сраже-

ниях, которые умело навязывал, но и помогал себе пропагандой, повествуящей всем желающим об алчных, ненасытных и вероломных деспотах из Лация. В результате многие города вновь переходили из рук Рима к Карфагену.

Римляне скрежетали зубами, однако противопоставить убедительному обаянию Гамилькара ничего не могли, и скоро практически все приморские крепости перешли в руки карфагенян.

В самом Риме война больше не встречала энтузиазма и поддержки. Она не приносила дохода, наоборот — становилась разорительной. Сенат издал указы, по которым обеспечение римского флота матросами и полным их содержанием разверстали на всех граждан в соответствии с их достатком.

Помимо вольноотпущенников и рабов, на римском флоте служили и союзники Рима, италийцы. Равные с «настоящими» римлянами, гражданские права италийцы получают значительно позже, а пока они были людьми второго сорта¹. Недовольство этой среды было постоянным и периодически выплескивалось наружу: несколько тысяч матросов из числа союзников (они принадлежали к италийскому племени самнитов) открыто объявили о нежелании служить на римском флоте. Мятежников поддерживали рабы, которым также не улыбалась перспектива погибнуть вместе с квинквиремой во время боя за чужие интересы. Однако заговор своевременно раскрыли и подавили.

Показательной была сама возможность возникновения мятежных настроений в римской армии. Социальная обстановка в Риме находилась на грани взрыва.

В 260 году до н. э. в этрусском городе Вольсинии началось восстание рабов. К мятежу присоединились жители города, также

¹ Основное отличие римского гражданства от латинского заключалось в том, что латинские граждане не имели права голоса и не служили в войсках (это автоматически понижало их статус в глазах истинных римлян). Кроме того, в случае судебного конфликта между представителями римского и латинского гражданства суды, как правило, вставали на сторону римлян. Это распространялось на все области уголовного, гражданского и хозяйственного права. Следует иметь в виду, что гражданство во времена Римской республики имело территориальный, а не родовой характер. К примеру, римлянин, выехавший на ПМЖ в область латинского права, терял права римского гражданства, кроме брачного права, права наследования и некоторых других областей гражданского права. Для восстановления в римском гражданстве ему следовало вернуться в Рим, постоянно проживать там некоторое время, иметь недвижимость и заплатить (однократно) определённый налог на допуск к комициям.

недовольные политикой «старшего брата». Римлянам пришлось направить против этрусков легионы под водительством консула Фабия. Только после осады, изнуренные голодом, повстанцы сдались, Фабий жестоко расправился с мятежниками, а город сравнял с землей.

Римляне, естественно, не предавали широкой огласке подобного рода «славные» эпизоды, но кое-какие сведения о них сохранились. Характерно, что недовольство объединило низшие классы, рабов и вольноотпущенников, с итальянскими союзниками Рима, самнитами и этрусками.

Помимо прочего, союзники были оскорблены обыкновением Рима все победы приписывать в первую очередь (или даже исключительно) себе любимому. Например, после победы возле мыса Милы возникли, как сообщает честный Полибий, «распри между союзниками и римлянами из-за того, кому из них принадлежала честь победы в битве». Дело не только в престиже и славе; официально признанный победитель также официально получал право на большую часть добычи и право грабежа — римляне не только тешили свою неумную гордыню, но и умели считать деньги.

Об этих распрях стало известно и карфагенянам. Пока римляне разбивали свой лагерь, Гамилькар внезапно атаковал их и истребил около четырех тысяч человек. Очевидно, такая операция стала возможна именно из-за отсутствия в римском лагере должной дисциплины.

Тем не менее в 258 году до н. э. римские легионы на Сицилии продолжали одерживать победу за победой. Пали Гиппаны, Митистрата, Камарина, Энна, Камик, Гербес. Особенно жестокой оказалась судьба Митистраты: карфагенский гарнизон, размещенный в этом укрепленном городе, долго сопротивлялся, но все же оставил крепость. Тогда жители открыли захватчикам ворота и сдались на их милость. Милости, впрочем, они никакой не получили: римляне продали в рабство тех, кто избежал резни, а город подчистую разграбили. Камарина и Энна были захвачены с помощью осадных машин; римляне снесли стены Камарины. Затем они с моря осадили Липары.

В это время произошла стычка на море, которая показала римлянам, насколько важно иметь не только хорошо оснащенные корабли, но и вменяемое командование.

Римский консул Атилий возглавлял военно-морские силы Рима в тот период, когда на суше шла осада Липары. Корабли

стояли на якоре у Тиндарида, а мимо шли карфагенские суда. Шли они «в беспорядке», явно не готовые к сражению. Атилий решил: самое время напасть на пунийцев — и выступил с десятком кораблей, поскольку остальные еще не были готовы выйти из гавани. Атилий велел им присоединяться к атаке по мере готовности.

Карфагеняне заметили, что римский флот разделен: часть кораблей идет на них полным ходом, прочие же едва поднимают паруса и рассаживают на весла гребцов. Пунийцы, не долго думая, развернулись и окружили Атилию, применив носовые тараны. Все римские корабли были пущены на дно, а сам консул избежал гибели или плена исключительно благодаря тому, что гребцы на его корабле были лучшими¹.

Тем временем подоспели остальные римские корабли и нанесли ответный удар. Несколько карфагенских судов было уничтожено, восемь захвачено, прочие отошли к Липарским островам.

И Рим, и Карфаген считали это сражение победоносным.

Римские сенаторы решили: войну не следует затягивать. Не лучше ли биться с врагом на его собственной территории?

Весенняя кампания 257 года до н. э. началась с того, что огромный по тем временам римский флот перевез — сначала на Сицилию — целых четыре легиона. Возглавлял войско консул Гай Атилий Регул.

Ему противостоял уже знакомый нам Ганнибал.

Карфагенский флот оказался заперт в сардинской гавани, а Ганнибал не сумел оказать противодействие неприятельскому флоту. Сражение у берегов Сардинии закончилось полным разгромом Карфагена, пунийские корабли попали в руки римлян. Ганнибала распяли на столбе его же воины².

Здесь нельзя не отметить фантастическую обучаемость и невероятную решительность граждан Римской республики — именно эти качества позволят им в будущем построить величайшую империю античного мира. Военно-морские силы латинян были созданы фактически с нуля всего за несколько лет, безусловно привлекались «иностранцы специалисты» из Греции, но при всей неопытности римляне не побоялись бросить вызов карфагенской талассократии, учились на своих ошибках и в итоге начали побеждать...

¹ То есть он успел срочно отступить.

² По другой версии покончил с собой, не желая сдаваться в плен.

ГЛАВА

V

Африканский десант

Летом следующего, 256 года до н. э. римский флот взял курс на африканское побережье.

В Риме к этому времени спустили на воду триста боевых кораблей. Они подошли к Мессане, обошли Сицилию и пристали у мыса Экном. Там же находилось в тот момент и сухопутное войско римлян.

Карфагеняне попытались остановить противника. Они не сомневались: высадка римлян в Африке может обернуться для Карфагена катастрофой. Ливия легко покорится завоевателям, а допускать этого нельзя, потому что тогда под угрозой окажется само существование Карфагена¹. Следовательно, врага необходимо задержать уже на подходах к побережью, на море.

У карфагенян имелось около трехсот кораблей, то есть численно противники были друг другу приблизительно равны. И это через восемь лет после начала строительства римского флота!

Возле мыса Экном на юго-западе Сицилии произошло одно из величайших морских сражений древности. Античные авторы утверждают, будто в нем принимали участие почти семьсот кораблей. Здесь и сейчас решался вопрос о главенстве над Сицилией — Рим и Карфаген схлестнулись над добычей, оспаривая ее друг у друга. Никто не сомневался, что именно эта битва положит конец войне и определит лицо Средиземноморья на бли-

¹ Напомним, что Ливией в тот момент называлось всё побережье северной Африки от Атласских гор до границ долины Нила. Ливия была житницей Карфагена, а затем и Рима.

жайшие столетия, хотя на самом деле до окончательной победы было далеко.

Римляне по духу своему оставались крестьянами и пехотинцами. Даже вступая в морской бой, они учитывали возможность сухопутного сражения и большое внимание уделяли пехоте. На их кораблях было по триста гребцов и по сто двадцать солдат, сообщает Полибий.

Карфагеняне, прирожденные моряки, готовились к битве не менее тщательно, однако их силы предназначались исключительно для морского сражения. Пунийские корабли были быстроходны и маневренны, в этом отношении они, несомненно, превосходили римлян.

Полибий так описывает построение римского флота:

«(Римляне)... старались сделать несокрушимым самое расположение своих сил. С этой целью они поставили впереди близко друг к другу два шестипалубника¹, на которых находились консулы Марк Атилий Регул и Луций Манлий Вульсон; за каждым из них следовали корабли по одному в ряд, так что за одним кораблем стоял первый флот, а за другим второй; с каждым следующим кораблем оба флота расходились все больше... Выстроив первый и второй флот правильным клином, римляне присоединили к нему третий, расположенный в одну линию, благодаря чему весь боевой строй их имел вид треугольника. За линией третьего флота они поместили ластовые суда² и от них протянули канаты к кораблям третьего флота...

<Карфагеняне выстроились длинной линией>, причем вытянули далеко в море правое крыло с целью охватить неприятеля кольцом; все корабли свои они обратили против карфагенян носами... Правым крылом командовал потерпевший неудачу при Акраганте Ганнон; в его распоряжении были боевые корабли и пятипалубники, по своей скорости наиболее пригодные для того, чтобы обойти неприятеля с фланга. Левое крыло поручено было Гамилькару... который придумал следующую хитрость: когда римляне увидели, что карфагеняне выстроились в длинную

¹ Сексирема. См. прим. в гл. 3. Мнение о шестипалубности этих кораблей устарело. Напомним, что речь идет о рядности посадки гребцов. Для сексиремы это 2+2+2 или даже 3+3.

² Вспомогательные малотоннажные суда. Этимология связана с ластом — средневековой мерой вместимости (дейдвейта) судна. В оригинальном тексте Полибия стоит прилагательное *auxiliarius* — вспомогательный.

тонкую линию, то устремились на центр, это и было началом сражения. Находившиеся в центре карфагеняне согласно команде быстро обратились в бегство, дабы расстроить неприятельскую линию... Когда первый и второй флот (римлян) отошли на значительное расстояние, Гамилькар подал сигнал со своего корабля, карфагеняне все разом повернули назад и ударили на преследующих. Завязался жестокий бой».

Описание Полибием морской битвы напоминает стычку пехоты с легкой кочевой конницей: та же тактика, то же преимущество более маневренных — в данном случае кораблей, — которые разворачиваются, наносят удар и отскакивают. Римляне бились «с ожесточением, зацепляли с помощью воронов всякий приближающийся корабль». К тому же присутствие столичного начальства прибавляло им рвения: оба консула участвовали в схватке.

Великое сражение у мыса Экном на самом деле распалась на три битвы, поскольку флоты были рассечены самим ходом сражения на три части и разделены большим расстоянием.

В итоге корабли Гамилькара обратились в бегство.

Атилий вступил в бой с кораблями Ганнона; тот оказался зажат между двумя римскими флотами и попытался отойти в открытое море.

Считается, что именно сражение у мыса Экном окончательно подтвердило преимущество абордажного боя над устаревшей таранной тактикой.

Карфагеняне действовали все менее и менее решительно «из страха перед воронами» и потому были разбиты. Сообщается о тридцати потопленных и шестидесяти четырех захваченных карфагенских кораблях, тогда как римляне потеряли двадцать четыре.

Теперь, набрав припасов, римляне вышли в открытое море и взяли курс на Ливию.

В Карфагене отлично понимали, что после победы при Экноме вторжение римлян в Африку не за горами. Они старались выиграть хотя бы немного времени, чтобы лучше подготовиться к обороне.

«Аграрная» политическая группировка в римском Сенате серьезно задумывалась над тем, чтобы заключить с опасным противником мирный договор, но римлян уже было не остановить. Одержанные победы, особенно последняя, внушали (и небезосновательно) надежду на то, что Рим сумеет получить больше, если продолжит войну. Нельзя останавливаться!

Прибыв в Африку, латиняне тут же осадили город Клупею (ныне Келибия, Тунис) всего в ста километрах севернее Карфагена. Пунийцы оказались застигнуты врасплох, они ожидали, что противник высадится не на востоке, а на западе полуострова Кап-Бон. Именно поэтому, кстати, западная часть полуострова была подготовлена к осаде лучше восточной.

Не встречая сколько-нибудь организованного сопротивления, римляне укрепились в гавани. Консул Марк Атилий Регул не без удовлетворения распространял слух о том, что одно только его имя наводит панику на карфагенян.

Хозяйственные римляне моментально наложили руки на карфагенское имущество, в числе прочего реквизировали скот, захватили пленных и освободили из рабства своих единоплеменников. Если верить Полибию, на тот момент они неплохо проводили в Африке время и «разрушили множество роскошных жилищ», из чего можно сделать вывод — после победы оставаться в Ливии римляне не собирались, в противном случае они отнеслись бы к ценной собственности куда более бережливо.

В римском Сенате зачитывали донесения Регула о том, что легионы прибыли в Афику благополучно, Клупея взята, множество римских граждан, попавших в плачевное положение вследствие былых поражений Рима, вновь обрело свободу. Консул Луций Манлий Вульсон вернулся на родину победителем, с огромной добычей и с 27 тысячами пленников.

«Каковы будут дальнейшие указания Сената?» — вопрошали полководцы.

Сенат с восторгом дал указание продолжить победоносную войну. В Вечном городе снова отпраздновали морской триумф. Сомнений в том, что война закончится быстрой и сокрушительной победой Рима, ни у кого не оставалось.

Большую часть флота Сенат отозвал. Половина римской армии также возвратилась в Италию, на африканском побережье остался «ограниченный контингент» — Марк Атилий Регул и с ним сорок кораблей, пятнадцать тысяч пехотинцев и пятьсот всадников.

Почему Рим принял такое странное, на первый взгляд, решение? Ведь логичнее было бы добить врага, двинув на него все имеющиеся силы.

Да, но крупную армию требовалось кормить и снабжать, а состояние экономики Рима было к тому моменту достаточно шатким.

Характерен пример самого консула Регула, при звуке имени которого, по его утверждениям, карфагенские детишки начинали громко и испуганно плакать. Регул прислал Сенату просьбу освободить его от командования на следующий, 255 год до н. э. Почему? Потому что, пока Регул одерживал победы для Рима, его собственное хозяйство пришло в полное запустение. Имущество Регула было невелико: вилла и при ней участок земли, который обрабатывали наемные крестьяне. Вилик, то есть управляющий виллой, сбежал, украв сельскохозяйственный инвентарь (изделия из металла стоили недешево). Единственный раб Регула к тому моменту умер. Батраки, оставшись без надзора вилика, трудились спустя рукава, и Регулу срочно требовалось вернуться домой и навести порядок.

Сенат не мог допустить, чтобы успешный полководец бросил армию просто потому, что у него огород не вскопан. Почтенные государственные мужи постановили: обрабатывать землю, принадлежащую Регулу, за счет республики.

Этот пример достаточно характерен для Рима. Римские граждане были крестьянами, солдаты, служившие в римских легионах, тоже оставались в первую очередь земледельцами. Крестьянская смекалка, крестьянские жадность и куркульство, крестьянское здравомыслие и крестьянское же терпение превращало легионеров в лучших солдат на свете. Они терпеливо осаждали города, терпеливо копали землю, выстраивая оборонительные валы, они знали цену военной добыче и в первую очередь руководствовались вопросами наживы. Даже воинская слава имела для них денежное исчисление: кто первым ворвался в город — того и добыча, кто славнее — тот и богаче.

Надолго оторванные от своих наделов, солдаты были недовольны: зачем вообще нужна военная добыча, если ее нельзя вложить в землю, в хозяйство, в тот же инвентарь? Государство взялось обрабатывать землю консула, но кто сделает то же самое для пятнадцати тысяч его пехотинцев?

Легионеры находились на вражеской территории, где найти пропитание в принципе было непросто — основные сельскохозяйственные угодья Карфагена находились южнее, в двух-трех сотнях километров от мыса Кап-Бон. Потому-то часть войска и отзывали в Италию — экономии ради.

Регул и его легионеры перешли на самоснабжение, разоряя селения, расположенные на пространстве между Карфагеном и Утикой — грабеж и конфискации стали основным способом прокормить оставшийся в Африке экспедиционный корпус.

ГЛАВА

VI

Карфаген под ударом

А пока осложнения начались у карфагенян — против них неожиданно подняли мятеж нумидийцы, недовольные карфагенским владычеством и мечтающие вернуть себе былую независимость¹. Название этих берберских племен происходит от древнегреческого слова νομαδιος, «номадиос», «кочевники»; обитали они в саваннах на территориях нынешних Туниса и Алжира и в предгорьях Атласского хребта. Нумидийцы были окончательно приведены к повиновению карфагенскими полководцами Малхом и Магоном Великим, с той поры считаясь вассалами Нового Города.

Неизвестно, было ли согласовано выступление нумидийцев с вторгшимися в Африку римлянами или нет, но теперь Карфагену пришлось обороняться на два фронта. Пунийцам пришлось спешно возвращать из Сицилии свои войска во главе с Гамилькарком. Для обороны столицы империи собрали наемную сухопутную армию, а войска, находившиеся собственно в Карфагене, вывели из города на открытую местность².

Тем временем римляне приближались к пунийской столице. На их пути стоял город Адис, имевший стратегическое значение.

«Карфагеняне, — пишет Полибий, — желая помочь городу (Адису) и решив отнять у неприятеля поле сражения, выступили с войском, заняв холм, господствовавший над неприятелем,

¹ По мнению редактора ничего неожиданного в этом не было.

² Необходимо отметить, что заметная часть гарнизона состояла из тех же нумидийцев, посему вопрос об их лояльности был далеко не праздным.

но столь же неудобный для их собственных войск, и расположились там лагерем. И в самом деле, возлагая надежды больше всего на конницу и слонов, карфагеняне покинули равнину и заперлись на местности крутой и трудной для нисхождения, тем самым давая понять неприятелю, какого плана нападения ему держаться. Так и случилось... Римляне... выстроились в боевом порядке. Выждав удобное для себя время, они с рассветом подошли к холму с двух сторон. Конница и слоны оказались совершенно бесполезными для карфагенян, зато наемники (пехота) с жаром и стойкостью бросились в дело, и заставили первый легион отступить и бежать. Но как скоро они прошли вперед, их окружили римляне, подоспевшие с другой стороны холма, и обратили в бегство. Вслед за тем карфагеняне кинулись из лагеря. Лишь только слоны вместе с конницей вступили на равнину, отступление карфагенян стало неизбежным. Римляне недолго преследовали пехоту, разграбили стоянку, а затем... беспрепятственно разоряли города. Овладев городом, который назывался Тунетом и был удобно расположен... римляне разбили здесь свой лагерь».

После очередной победы в римских руках оказалось множество пунийских городков и частных владений. Называют разные цифры, от восьмидесяти двух до баснословных двухсот — в любом случае много. И, в конце концов, соединившись с силами мятежных нумидийцев, римляне остановились у самых стен Карфагена.

Новый Город оказался в тяжелом положении. Здесь собрались беженцы из множества окрестных поселений, захваченных римлянами. С женами и детьми карфагеняне искали укрытия за мощными стенами столицы — власти явно не ожидали столь катастрофического развития событий, оттого припасов не хватало. Из-за скученности и перенаселенности в Карфагене начинались голод и повальные болезни. Все закончилось тем, что карфагеняне запросили у осаждающих мира.

Регул тоже был заинтересован в спешном окончании кампании — с небольшим числом солдат он не мог долго держать осаду. Кроме того, срок консульских полномочий Регула истекал, а это означало, что в случае задержки его место займет вновь избранный преемник, и именно он получит все лавры от победы. Притом сам Регул, больше других потрудившийся в этой войне, не получит ничего. Поэтому консул охотно согласился на переговоры.

Условия, выдвинутые Регулом, были тяжелыми для Карфагена.

Римляне хотели забрать Сицилию и Сардинию — целиком, а также всех римских пленных — без выкупа. За карфагенских пленников они, напротив, потребовали выкуп. Помимо этого Карфаген обязывался компенсировать Риму «военные убытки» и платить ежегодную дань. Также Карфаген должен был поставлять Риму корабли.

И последнее: отныне враги и друзья Рима автоматически станут врагами и друзьями Карфагена.

Карфагеняне пытались выговорить себе лучшие условия, но Регул не шел уступки. Пунийцы решили: лучше погибнуть в бою с оружием в руках, чем согласиться на унижительный мир. Еще не все было потеряно для Карфагена; еще оставалась неразрушенной столица, цела армия, а на море — флот. Имелась, пусть и небольшая, возможность дать отпор алчному и жестокому врагу.

Карфагеняне обратились также за помощью к своим союзникам. Откликнулась Спарта. «Лакедемон (Спарта) послал к ним полководца Ксантиппа, опытейшего в военном искусстве», — сообщает Полибий. Помимо Ксантиппа с его «опытом», Эллада снабдила Карфаген огромным числом воинов-наемников: греки терпеть не могли карфагенян (впрочем, это чувство было взаимным), но почему бы не заработать, если Новый Город обещает платить чистым серебром?

Ксантипп как человек посторонний и независимый был нелицеприятен в отношении карфагенских военачальников, доказывая, что те «сами себя высекли» — поражение им нанесли не столько римляне, сколько они сами, поскольку совершили множество ошибок.

Ксантипп был вызван к правителям Карфагена «на собеседование» и высказал множество соображений в духе Ганса Дельбрюка: как следовало атаковать и куда следует бить в следующий раз. Сил-то у Карфагена достаточно, но следует правильно их распределить, говорил Ксантипп.

Скоро к уже имеющейся армии и наемникам из Эллады присоединились отборные карфагенские войска, которые привел из Сицилии Гамилькар.

Регул был настолько уверен в своем превосходстве над карфагенянами, что допустил стратегический просчет и не заключил с нумидийцами прочного союза, чтобы постоянно держать берберскую конницу в своем резерве. А вот правители Карт-Хадашта такой ошибки не допустили, распотрошив городскую казну и подмазав вождей кочевников. Нумидийцы на удивление

быстро снова сделались друзьями карфагенян, которые не покупались на золото и наняли всадников из числа воинов этого племени.

Ксантипп с увлечением обучал карфагенскую армию и готовил ее к схватке с Римом. Регул же в это время не делал ровным счетом ничего, почив на лаврах и полагая, что кампания выиграна.

Весной 255 года до н. э. столкновение Рима с Карфагеном возобновилась крайне неожиданно для расслабившихся латинян. Карфагеняне атаковали до того, как римляне подготовились к новой кампании — и с таким расчетом, чтобы Регул не успел получить подкрепление из Рима.

Навязав римлянам сражение близ города Тунета западнее столицы, карфагеняне действовали уверенно. Ксантипп, как наемный «военспец», не ошибся в своих расчетах.

Силы противников уже не были равными. Во-первых, численность карфагенян выросла, и у них было гораздо больше конницы (за счет нумидийцев). Во-вторых, важную роль сыграли слоны. Ну и в-третьих, немалое значение имела пресловутая тактика Ксантиппа, которая заключалась в «перемене позиции», как пишут историки.

Что такое «перемена позиции», что подразумевается под этим выражением? Обычно пунийцы, как это случилось и при Адисе, предпочитали воевать на холмистой местности, поскольку их главная сила заключалась в коннице и слонах. Римляне же, которые были сильными пехотинцами, всегда выбирали для сражения равнину. Спартанец Ксантипп решил на «перемену»: он вывел слонов и конницу на открытую местность, что и решило исход сражения.

Атака на слонах посеяла сумятицу среди рядов римских легионов и лишила римлян тактических преимуществ, обеспеченных четким манипульным построением. Карфагенские конники, преследуя отступающую римскую пехоту, усугубили хаос и перебили множество римских солдат. Еще большее римлян попало в плен, и среди них — Регул, «храбрейший полководец», как называли его римские авторы.

Все они были с позором приведены в Карфаген.

Об участии Регула рассказывают леденящие кровь истории. Говорят также, что родственники пленного консула были убеждены в том, что карфагеняне обошлись с ним «не по военному обычаю», и поэтому решили отомстить, отыгравшись на двух карфагенских пленниках, содержавшихся в Риме. Античные

Регул возвращается в Карфаген. Корнелис Ланс, 1791 г.

историки рассказывают, будто римляне обошлись с этими несчастными настолько возмутительно, что рабы, которые об этом знали, не выдержали и написали донос; трибуны, расследовав дело по доносу, прекратили наконец «безобразие» — якобы пунийцев заперли в деревянных ящиках, утыканных крюками, и мучили бессонницей. Кстати, на тот момент, когда родственники Регула вершили возмездие, сам Регул был еще жив и томился в карфагенской тюрьме.

Дальнейшая судьба Регула описывается поздними историками так: в 251 году до н. э. Карфаген направил в Рим посольство и запросил мира. Кроме того, предлагалось устроить обмен пленными. Согласно легенде, посольство возглавлял Регул, который для этой цели был извлечен карфагенянами из тюрьмы. Перед тем как отправить Регула в Рим, карфагеняне взяли с него клятву: он вернется в Карфаген при любых условиях.

Регул держался, как подобает герою школьных сочинений. Он отказался войти в Рим, поскольку явился не как гражданин, но как представитель вражеской державы. Кроме того, Регул настаивал во время переговоров на отказе от обмена пленными.

Римляне, попавшие в плен к карфагенянам, — трусы и изменники, для отечества они никакой ценности не представляют, и возвращать их на родину не нужно. Тем более не нужно возвращать карфагенянам их полководцев. Дела в Карфагене плохи, сообщил Регул, и Риму следует продолжать войну.

Дав такой совет соотечественникам, Регул вернулся в Карфаген и принял там ужасную смерть — в Риме сплетничали, будто безжалостные пунийцы натравили на него дикого слона, который Регула и растоптал. Существует и прямо противоположная версия: Регул умер в плену естественной смертью, а жуткие рассказы следует проводить по ведомству римской пропаганды.

Однако Теодор Моммзен считает, что достоверных сведений о посольстве и смерти Регула в источниках нет и что «позднейшая эпоха, искавшая в счастье и несчастье предков только сюжетов для школьного преподавания, сделала из Регула прототип несчастного героя... и пустила в ход множество связанных с его именем выдуманных анекдотов; эти анекдоты не что иное, как противная мишура, представляющая резкий контраст с серьезной и ничем не приукрашенной историей».

Так или иначе, из всей римской армии спаслись (то есть вернулись в Италию) только две тысячи человек. Прочие полегли на полях сражений или оказались в плену.

Роль спартанца Ксантиппа также обсуждается и оспаривается многими историками, в том числе и древними. Полибий однозначно называет его «автором» карфагенской победы, но следует учитывать тот факт, что сам Полибий был греком (при всем своем римском патриотизме), и источник, на который он опирался, также был эллинским. Полибий здесь использует сведения Филина, а тот постоянно подчеркивает значение роли эллинов в первой Пунической войне, оттого и Ксантипп показан у него как выдающийся стратег и наставник пунийцев.

Теодор Моммзен и вовсе отрицает решающую роль чужестранца Ксантиппа в этой победе.

«Рассказ о том, что Карфаген был обязан своим спасением главным образом военным дарованиям Ксантиппа, вероятно, приукрашен, — утверждает он. — Карфагенские офицеры едва ли нуждались в советах иноземцев для того, чтобы понять, что легкую африканскую кавалерию целесообразнее употреблять в дело на равнине, чем в гористой и лесистой местностях. От таких вымыслов, бывших отголосками того, о чем болтали в греческих кара-

ульнях, не уберется даже Полибий. Что Ксантипп был после победы умерщвлен карфагенянами — выдумка: он добровольно покинул их, быть может, для того, чтобы поступить на службу к египтянам.

Что касается другого великого исследователя, Ганса Дельбрюка, то его мнение, как правило, перпендикулярно любому другому взгляду, особенно — авторитетно признанному. Тем не менее ознакомиться с рассуждениями неистового немца бывает весьма полезно.

Дельбрюк считает рассказ Полибия о том, что карфагеняне учились искусству сухопутного боя у грека Ксантиппа, басней примерно того же разлива, что и предшествующее сообщение историка о том, что римляне якобы учились морскому делу у карфагенян.

«После того, как карфагеняне в одном из предшествовавших столкновений были разбиты, приняв сражение в такой местности, которая была непроходима для их конницы и слонов, спартанец Ксантипп научил их будто бы как победить римлян, — скептически записывает Дельбрюк. — Он избрал полем сражения открытую равнину и поставил сто своих слонов перед фронтом пехоты, а всадников и легковооруженных — на обоих флагах. Подобный строй представлял ту опасность, что если бы слоны были обращены в бегство неприятельским обстрелом, они должны были бы смять стоящую позади них собственную фалангу. Римляне, имевшие дело со слонами уже по меньшей мере в четырех сражениях и еще совсем недавно, под Акрагантом, захватившие их в большом числе, знали, конечно, как обороняться против них. Они выставили вперед метальщиков, а за ними пехоту необычайно глубоким строем, чтобы слоны не могли прорваться сквозь нее. Полибий хвалит такую расстановку как вполне правильную в борьбе против слонов. Все же римляне проиграли сражение из-за большого численного превосходства неприятельской кавалерии, которая прогнала римскую и затем напала с тыла на фалангу».

Какой бы ни была причина (или, точнее, совокупность причин) этой победы, Карфаген разгромил римлян. Это известно достоверно.

Римляне ушли из Африки, бросив на произвол судьбы те города и селения, которые «добровольно» перешли на их сторону и получили «гордое звание» союзников Рима. Карфагеняне расправились с этими городками, особенно жестоко наказав те,

которые сдались Риму без сопротивления. Наказывали, как принято у торговых наций, «рублем», то есть «талантом»: предатели должны были выплатить огромный штраф и поставить двадцать тысяч воинов в армию. Знатные люди, возглавлявшие общины городков-предателей, были казнены или проданы в рабство.

Затем правительство Карфагена перенесло свое внимание на тех нумидийцев, что продолжали бунтовать, и быстро привело кочевников к повиновению. Однако берберы ничего не забыли и ничего не простили пунийцам — что и сыграло в будущем важную роль...

ГЛАВА

VII

Вновь у сицилийских берегов

В римском Сенате царили мрачные настроения: армия разбита, Регул в плену, Карфаген восстановил свое влияние в Африке. Что дальше? Логично предположить, что карфагеняне выплеснут свой гнев на берега Италии, желая отомстить за недавние унижения. В такой обстановке следует в первую очередь позаботиться о безопасности отечества — надлежит восстановить армию и флот в их прежней силе и мощи. Флот следует отправить на Сицилию, пусть караулит карфагенян и проследит, чтобы они не смогли переправиться из Африки в Европу.

Снарядив большое количество кораблей (называют цифры в 300–350 галер), новоизбранные консулы Марк Эмилий Павел и Сервий Фульвий Петин летом 255 года до н. э. направились к Сицилии. В сицилийских городах оставили гарнизоны, а флот продолжил путь дальше, в Африку — спасти уцелевших римлян, которые окопались в осажденной Клупее.

Возле Клуpei римский флот встретился с карфагенским. Пунийцев было значительно меньше, и римляне потопили множество галер противника, захватив около сотни кораблей вместе с командами. Римлянам эта победа обошлась в лишь девять потопленных кораблей.

На суше близ Клуpei римляне также одержали победу, после чего с остатками своего гарнизона эвакуировались обратно на Сицилию.

Нежданно-негаданно против Рима выступила самая могущественная сила древности (да и не только древности) — стихия. Возле берегов Сицилии латиняне были захвачены невиданной по мощи бурей, которая почти полностью уничтожила римский

флот. Из 364 кораблей спаслось 80, более 70 тысяч гребцов и 25 тысяч легионеров погибло, как пишет Полибий.

Боги наказывали римлян за «головокружение от успехов».

Впрочем, тот же Полибий, отличавшийся здравомыслием (собственно, этим и знаменитый), добавляет: «Причина его (несчастья) не столько в судьбе, сколько в самих начальниках». Пренебрегая советами опытных кормчих, римские военачальники не сумели провести корабли безопасным путем.

Карфагеняне, потирая руки от радости, незамедлительно осадили Акрагант. О значении этого хорошо укрепленного города уже говорилось, потому Карфаген любой ценой пытался вернуть его себе.

Доставленная на Сицилию карфагенская армия, возглавляемая Гасдрубалом, была сильна — не слишком многочисленную пехоту прикрывали конница и боевые слоны числом в неполные полторы сотни.

Основную тяжесть удара этой армии приняли на себя союзники Рима, и в первую очередь Сиракузы.

В Риме снова лихорадочно строили флот — взамен уничтоженного. В конце 254 года до н. э. у римлян уже было триста кораблей. Едва спущенные на воду, они отправились на Сицилию. Целью Рима вновь стал город Панорм (ныне Палермо) — хорошо укрепленный важный опорный пункт карфагенян на острове. Римляне осадными машинами разрушили башню на побережье, а затем штурмом взяли новую, недавно построенную часть города. Другой район Панорма, именуемый «старым городом», также вот-вот должен был пасть под ударами римских таранов, но его жители благоразумно сдались сами.

После этого множество окрестных городов добровольно перешли к римлянам, изгнав карфагенские гарнизоны и открыв ворота перед победителем.

* * *

В 253 году до н. э. Рим организовал новую африканскую экспедицию, которую возглавили консулы Гней Сервий Цепион и Гай Семпроний Блез.

Их действия правильнее всего было бы назвать пиратскими, и никакого существенного влияния на ход войны они не оказали. Награбив вдоволь добра, консулы направились обратно к Сицилии. Но вот какой афронт: римский флот был уничтожен вторично — и снова непогодой, из-за которой Рим потерял в этот раз свыше ста пятидесяти судов.

Римляне вполне обоснованно начали подозревать в этих событиях волю богов, которые отчего-то не желают видеть их владыками морей. Сенат, поразмыслив и посоветовавшись со жрецами, сделал печальные выводы и запретил отправлять флот в Африку. Отныне следовало ограничиваться каботажным плаванием вдоль берегов Италии.

Впрочем, римляне могли утешаться тем, что на Сицилии сухопутные сражения привели к новым успехам. В 252 году до н. э. римляне захватили город Фермы — последний опорный пункт карфагенян на северном побережье острова. Еще через год консул Гай Аврелий Котта взял другой город — Липары и устроил там показательную резню.

Все это, впрочем, не привело к желаемому результату — Сицилия так и не стала римской провинцией. Гасдрубал продолжал удерживать западную часть острова, где организовал стратегическую оборону.

Риму позарез требовался настоящий боеспособный флот. Летом 251 года до н. э. он был наконец построен и направлен к берегам Сицилии.

Карфагеняне ждали противника у Панорма. Это был важный опорный пункт, с потерей которого Карфаген не мог смириться. Произошла новая решительная битва, в которой римляне вновь одержали верх.

Вот тогда-то Карфаген и попытался запросить мир, якобы отправив в Рим во главе посольства пленного Регула. Как мы помним, это посольство результата не добилося, а в римском Сенате одержала верх «партия войны». На территории Сицилии римляне тут же осадили крепости Лилибей (ныне Марсала), Дрепан (Трапани) и Эрикс. Оба консула и четыре консульских легиона в 250 году до н. э. двинулись на Сицилию под прикрытием нового флота латинян числом в двести кораблей.

Лилибей располагался напротив африканского побережья и служил для карфагенян ключевой базой на Сицилии — именно отсюда открывался путь в Африку. В 249 году до н. э. консулу Аппию Клавдию Пульхру удалось разрушить таранами участок стены с башнями Лилибея и ворваться в город.

Римлянам противостоял карфагенский военачальник Гимилькон с большим гарнизоном. Основной флот пунийцев стоял в гавани Дрепана. Гимилькон упорно защищал крепость и бился буквально за каждый ее участок, за каждую башню. Он поджигал осадные машины врага, делал подкопы, а карфагенские моряки доставляли ему подкрепление на маленьких парусных кораблях.

Карфаген снова обратился за помощью к союзникам — на сей раз к царю эллинистического Египта Птолемею II Филадельфу — и попросил заем в две тысячи серебряных талантов: расходы на войну были колоссальны, и казавшаяся бездонной казна Карт-Хадашта начала пустеть. Египет, однако, хранил нейтралитет и денег карфагенянам не дал. Впрочем, Риму Птолемей II тоже помогать не собирался по очевидным стратегическим причинам: если римляне и пунийцы ослабляют друг друга, тем лучше для Египта, и тем дольше оба агрессивных народа не станут заглядываться на сокровища древнейшего царства Средиземноморья.

Осада Лилибея затягивалась. Римляне действовали неумело и не смогли добиться успеха. Не помогло им даже и то, что наемники в армии Карфагена устроили заговор и попытались самовольно сдать город осаждающим. Вскоре карфагеняне получили из Африки подкрепление и перешли в контратаку.

Сражение у Лилибея было крайне жестоким. Римляне не сумели выстроить свои войска в несокрушимые легионные порядки и бились на манер древних героев, один на один, в полном хаосе¹. Осажденные в Лилибее карфагеняне подожгли римские осадные машины, а ветер раздул пожар так, что вскоре от них остались лишь угольки.

Лилибей остался в руках карфагенян. Римляне, потеряв осадные орудия, окопались в своем лагере и «предоставили все времени», как выразительно заметил по сему поводу Полибий. Вскоре в римском лагере начались смерти от болезней и голода. Оставшиеся в живых совсем было собрались уходить, но тут Гиерон, верный долгу союзника, прислал подкрепление.

В Риме известие о потерях встретили стоически. Консул Клавдий объявил: раз Лилибей взять не удалось, то стоит ударить по другому городу, находящемуся в руках карфагенян, — по Дрепанам. Там находился военачальник по имени Атарбал (другой вариант написания — Адгербал. Скорее всего, Атар-Бал, «Владыка земли»). Он определенно не ожидал, что римляне нападут на него с моря.

Клавдий посадил на корабли легионеров и двинулся к Дрепанам, на рассвете эскадру заметили с башен города. Атарбал оценил обстановку: позволить себя запереть в крепости означает обречь гарнизон на длительную и изнурительную осаду. Следует

¹ Римлян застали врасплох на некрутом, но овражистом склоне.

как можно скорее дать римлянам бой и отбросить их от Дрепан. Сухопутное сражение исключается: римляне традиционно были сильнее в пешем строю.

Атарбал вызвал «через глашатаев» наемников — те, очевидно, вкушали сладкий сон — и сообщил о приближении неприятеля.

Гавань Дрепан была окружена скалами. Пока римляне подходили с одной стороны и не видели, что творится за скалой, карфагеняне спешно грузились на корабли и выходили в море с другой стороны гавани.

Сильно же было удивление Клавдия, когда он увидел, как корабли с карфагенскими парусами выходят в море. Консул отдал поспешный приказ разворачиваться и двигаться в противоположном направлении, на врага.

Римские корабли выполняли маневры неумело и сталкивались в тесной гавани, пропарывая друг другу борта таранами. Карфагеняне ударили на них с моря и прижали к скалам. Началась всеобщая свалка. В хаосе ломались весла, люди падали за борт. Римлян охватила паника: отступить им было никуда, места для маневра не было. Одни корабли садились на мель, другие выбрасывались на берег.

В конце концов консул решился на отчаянный шаг — бежать. Он ушел сам и увел с собой тридцать кораблей. Остальные девять попали в руки врага.

Катастрофу возле Дрепан римляне объяснили исключительно волей богов. Согласно преданию, перед началом битвы консулу доложили, что священные курицы будто бы не желают клевать зерно — дурной знак! Консул оказался скептиком, он приказал бросить священных птиц в море и сказал: «Пусть пьют, если не хотят есть». Подобное вольнодумство якобы и привело к катастрофе римского флота. «Римский народ был побежден самими богами, знаменами которых он (консул) пренебрег. Римский флот был потоплен там, где консул приказал выбросить жертвенных цыплят, поведение которых запрещало вступать в сражение», — так пишет историк Флор.

Впрочем, Теодор Моммзен придерживается другого мнения. Он (вот странность!) считает, что куры здесь абсолютно ни при чем: всему виной была опрометчивость «преступно легкомысленного» военачальника. Одной из причин гибели римского флота у Дрепан следует считать плохую маневренность кораблей. Вторая, более серьезная причина — римляне оказались прижаты к берегу неприятелем, и маневренность, хорошая или плохая, уже не имела никакого значения.

После разгрома у Дрепан воодушевленные успехом карфагеняне обратили взоры на Лилибей, который римляне все еще держали в осаде. Нельзя было упускать инициативу.

Римские корабли стояли у Лилибея на якорях. Карфагеняне атаковали на рассвете. Командующий флотом по имени Карталон, который руководил карфагенскими войсками на этом участке фронта, получил от Атарбала в дополнение к уже имеющимся семидесяти кораблям еще тридцать из числа захваченных у римлян при Дрепанах.

Задачей карфагенского флота было взять на abordаж как можно больше римских кораблей у Лилибея, а те, что не удастся забрать себе, поджечь и уничтожить.

Карталон справился. Римляне видели, как горит флот, и бросились из укрепленного лагеря к берегу, желая спасти свои корабли. Этим воспользовался Гимилькон. Он командовал отрядом, который «наблюдал» за Лилибеем, ожидая удобного момента для атаки. Шум и крики он слышал еще затемно, до восхода солнца, а на рассвете стало ясно, что в гавани идет сражение, а римские корабли горят. Гимилькон спешно отправил к Лилибею наемников.

Теперь римлян били с двух сторон, отчего они «пришли в большое смущение», продолжая попытки спасти флот. Вернее, то, что от него осталось.

Римские корабли — из тех, что пока не горели и не были захвачены карфагенянами, — стали на якорь недалеко от одного из городков, подчиненных Риму. Гавани здесь не было, но береговые утесы укрывали остатки эскадры от неприятеля. Из города доставили катапульты и камнеметательные машины, и готовились встретить врага.

Карфагеняне предполагали, что римляне попытаются укрыться в самом городке, но те оставались в море.

Тем временем к Лилибею направился из Сиракуз второй римский консул Луций Юний Пулл и тоже с флотом. О его приближении карфагеняне уже знали, и Карталон вышел ему навстречу, чтобы не допустить соединения римлян с прибывшим подкреплением и разбить латинян прежде, чем они смогут что-то предпринять.

Римляне быстро оценили размеры вражеского флота, но делать им было нечего, бежать некуда, а сражаться — опасно. И римляне бросили якорь возле берега, скалистого и крутого.

Карталон не сглупил и не стал приближаться к опасному месту: он занял позицию между обоими римскими флотами, приказав своим людям не сводить с неприятеля глаз.

Это выглядит сущей мистикой, но латинян в который уже раз постиг гнев богов — такое впечатление, что Посейдон крепко невзлюбил сугубо «сухопутных» обитателей Вечного города. Началась буря, карфагеняне укрылись за удобным мысом, а римские корабли разбились о скалы.

Разом погибли два римских флота! Впрочем, консул Луций Юний Пулл, который спасся только чудом, попытался взять реванш на суше. Требовалось предъявить сенаторам в Риме хоть малый успех. Консул собрал оставшихся солдат и захватил святилище Афродиты на горе Эрикс близ Дрепан (ныне гора Монте Сан-Джулиано).

Захват горы Эрикс был удачным ходом. Она господствовала над равниной между Дрепанами и Панормом, а на плоской вершине этой горы возвышалось святилище Афродиты — самый богатый и роскошный из сицилийских храмов, по убеждению многих древних историков. Склоны горы обрывисты, их легко укрепить и оборонять; там прекрасные пастбища, всегда в изобилии вода. Выдерживать здесь осаду было очень комфортно для осажденных. У подножья горы лежал город Эрикс, и римляне полагали, что в самом скором времени сумеют занять и его.

Войне шел уже восемнадцатый год — надо заметить, что в ту неспешную эпоху время текло куда медленнее, чем в наши стремительные дни, неторопливость и обстоятельность были нормой даже для боевых действий. Провести год-два осаждая крепость? А что такого, собственно? Главное — результат, а не поспешность.

Тем не менее восемнадцать лет — это очень немалый срок даже для Древнего мира.

ГЛАВА

VIII

Конец войны — но не противостояния

В 247 г. до н. э. в Карфагене взошла звезда нового полководца — Гамилькара Барки.

В том же 247 году до н. э. родился старший сын Гамилькара — тот самый Ганнибал, который оставит неизгладимый след в истории и именем которого названа наша книга.

Гамилькар недаром носил прозвище «Барка», что означает «Молния». Полибий отдает ему дань уважения, когда пишет: «Величайшим вождем того времени по уму и отваге должен быть признан Гамилькар, по прозванию Барка, родной отец того Ганнибала, который впоследствии воевал с римлянами».

Гамилькар совершил то, чего так боялись римляне, — принялся мстить, и для начала прошелся со своим флотом вдоль берегов Южной Италии, разоряя район Бруттия (современная Калабрия). Затем он вернулся на Сицилию и близ Панорма захватил крепость, которая именовалась «Герктах» — «Темница».

Крепость стояла на высоком утесе, нависавшем над берегом. Гамилькар устроил там свою базу, откуда постоянно атаковал римлян, засевших в Панорме. Гавань близ крепости была удобна для стоянки флота, который тоже не дремал, совершая регулярные набеги на итальянские берега.

В течение трех лет Гамилькар находился в этой крепости. В 244 году до н. э. он захватил город Эрикс. Римляне, устроившиеся в храме Афродиты (Венеры Эрицинской в латинском написании, Афродиты — в написании у грека Полибия), оказались отрезаны от Дрепан.

Гамилькар, имея в своем распоряжении лишь небольшое войско, успешно контролировал местность и не позволял римским солдатам нападать на карфагенскую морскую базу.

Пять лет римляне не решались вступить в серьезное сражение. Флот их в очередной раз был уничтожен. Требовалось строить корабли заново. Как?

В римском Сенате тем временем шла борьба за власть. Дело в том, что род Клавдиев в тот момент остро соперничал с родом Фабиев. Когда карфагеняне разбили Клавдиев, Фабии одержали верх: легкомыслие консулов из группировки соперников оказалось им на руку. До 245 года до н. э. власть оставалась в руках Фабиев. Карфаген получил передышку, но пунийцы этой паузой не воспользовались.

В Риме понимали, что бездействовать все равно не получится. Необходимо строить новый флот. Средств на постройку, снабжение и снабжение кораблей в государственной казне не было, поэтому Сенат воззвал к частным лицам, в первую очередь к тем, кому Сицилия нужна была по личным причинам. То есть к аристократам Кампании — тем, кто, собственно, и лоббировал войну с Карфагеном. (Нелишне вспомнить, что между 267 и 245 годами до н. э. семь консулов происходили из рода Атилиев — уроженцев Кампании.) Историки считают, что Первая Пуническая была «войной кампанцев», личной войной клана Атилиев. Кампанцы задавали тон в Сенате, они поставляли римским территориям свои вина и керамику, им требовались рынки сбыта, и главное — по своим финансовым возможностям они могли себе позволить эту войну. Вот они и выделили деньги на строительство кораблей с условием, чтобы в случае успеха им возместили издержки. Полибий, правда, роль кампанцев отрицает — по его словам, деньги дали сенаторы.

В начале лета 242 года до н. э. новый флот — говорили о двухстах квинквиремах — под командованием консула Гая Лутация Катулла вышел к Сицилии и встал на рейде напротив Дрепан и Лилибея.

Генеральным сражением, которое решило исход Сицилийской войны, стала битва при Эгатских островах весной 241 года до н. э.

Уже всем было очевидно, что на суше победить не могут ни римляне, ни карфагеняне. Гамилькар бросил вызов, и Лутаций Катулл принял его: битва должна была состояться на море.

Лутаций захватил гавань Дрепан и якорную стоянку у Лилибея и снова осадил Дрепаны.

Из Карфагена вышли корабли, которые везли все необходимое для осажденных Дрепан. Карфагеняне надеялись доставить припасы в Дрепаны тайно от римлян, а затем, выполнив миссию, соединиться с войсками Гамилькара.

Однако Лутацию стали известны эти планы, и он решил поскорее дать бой, чтобы не допустить соединения двух карфагенских флотов.

Пришедший на помощь Дрепанам карфагенский полководец, который носил «проклятое» имя Ганнон, был разбит римлянами, несмотря на неблагоприятный для них ветер. Гамилькар отступил.

Рим снова стал владычествовать на море, и только гарнизоны Лилибея, Дрепан и Эриксы все еще держались. Из Карфагена Гамилькару приказали вступить с Римом в переговоры о мире.

Римляне, как это у них водилось, выставили жесткие требования. Интересно, что составленный консулами первоначальный договор выглядел приемлемо, но по условиям римской демократии требовалось обсудить и утвердить его народным собранием. Народ (любопытно, с чьей подсказки? Не кампанцев ли?) ужесточил договор, и в таком виде его представили карфагенянам.

Согласно предложениям Рима о мире, Карфаген должен уйти с Сицилии и с Эолийских островов¹ (расположенных между Сицилией и Италией — там обычно корабли карфагенян останавливались по дороге из Африки на Сицилию). Далее, Карфаген навечно обязывался не трогать Сиракузы. Кроме того, римляне потребовали серьезную контрибуцию, которая, однако, не компенсировала военные расходы: потеряв семьсот кораблей, Рим утопил в море непомерные ресурсы.

Двадцать лет войны стоили Риму огромных потерь. Мы помним, что Рим ввязался в схватку едва ли не случайно, предприняв небольшую карательную операцию по просьбе мамертинцев. Но незначительный конфликт вряд ли перерос бы в большую войну, не будь у Рима куда более серьезной цели — вытеснить Карфаген с Сицилии и завладеть этим богатым, стратегически расположенным островом. Нейтрализовать сицилийский буфер, вероятный плацдарм Карфагена в грядущей войне против Рима, — вот истинная цель кампанцев, которых иначе не поддержали бы Сенат и народ Рима.

¹ Ныне известны как Липарские острова. Эти острова стратегически контролируют с севера Мессинский пролив.

Почему же карфагеняне приняли эти условия? Ведь Гамилькар продолжал одерживать победы. Он вступил в переговоры с Римом только по прямому приказу из своей столицы.

Дело в том, что удерживать сицилийские территории стало, с точки зрения карфагенского правительства, нерентабельно. Если бы морские базы карфагенян — Лилибей и Дрепаны — можно было использовать по-прежнему активно, тогда имелся бы смысл в карфагенском присутствии на западе острова. Но территория, остававшаяся за Карфагеном, была теперь ничтожной, а на море хозяйничали римляне, и покоя от них ждать не приходилось. Тратить время, средства и живую силу на то, чтобы удерживать бессмысленные с экономической (да и политической) точки зрения территории, Карфаген больше не хотел. Актив не приносит гешефта, лучше от него избавиться.

Ганс Дельбрюк, который вообще любое высказывание своих предшественников подвергает бурному сомнению, так подводит итоги Первой Пунической войны:

«...война закончилась победой Рима над Карфагеном, как на суше, так и на море. Однако обусловившее победу превосходство сил было не очень велико: 23 года длилась борьба, пока не выявились ее результаты, причем на суше карфагеняне до самого конца удержались на Сицилии. Разрешилась борьба не на суше, а на море. Предание утверждает, что решающую роль сыграло при этом изобретение абордажных мостов („воронов“), доставившее римлянам перевес в морском бою. Нам, однако, такое объяснение кажется сомнительным. В позднейших боях об этом нет и речи, и римляне, несмотря на свое изобретение, проиграли еще одно большое сражение, а их превосходство на суше не смогло ни предотвратить поражения Регула в Африке, ни окончательно вытеснить карфагенян из Сицилии. Если в конце концов римляне все-таки одержали верх, то этим они были обязаны не столько искусству и доблести своих легионеров, сколько жизнеспособности объединенного под властью Рима большого Италийского союза, что давало возможность на место уничтоженного или разбитого флота без замедления спускать на воду новые корабли».

Таким образом, как видим, к «вопросу Сицилии» подходили и с политической, и с военной стороны, но решающую роль сыграл экономический фактор.

В Карфагене сложившаяся ситуация вызвала неистовую реакцию. Обидно было не воспользоваться плодами побед

Гамилькара Барки. Но карфагеняне всегда руководствовались соображениями экономической целесообразности, и поэтому перенесли внимание на другие территории. Сицилию они фактически потеряли, а вот Африка — она здесь и ждет расширения карфагенских владений.

К 243 году до н. э. Карфаген захватил город Тевесту и приблизил свои границы к нумидийским. Карфагенские консерваторы были довольны результатом. С их точки зрения, укрепление рубежей государства на континенте, в Африке, то есть «дома», было лучшим ответом на экспансию Рима. И в дальнейшем карфагенский сенат твердо придерживался именно этой позиции.

Африка требовала решительного освоения!

ГЛАВА IX

Ливийская война

Итак, в 241 году до н. э. Гамилькар Барка возвращался на родину с Сицилии. Он отвел свои войска из Эрикса в Лилибей. Командующий карфагенским гарнизоном в Лилибее Гискон добился, чтобы его солдаты, пусть и «побежденные» — ведь из столицы приказали прекратить боевые действия и признали победу за Римом! — выходили из города с честью, сохранив жизнь, свободу и оружие.

Гамилькар Барка сложил звание главнокомандующего и передал Гискону обязанность эвакуировать карфагенскую армию из Лилибея.

Новому командиру пришлось разгребать кучу проблем. У карфагенян не было денег на выплату жалованья наемникам, и это требовало какого-то решения, притом срочного. В Лилибей наемники, служившие у Гамилькара, все прибывали и прибывали, и Гискон уговаривал их вернуться в Карфаген — мол, там и рассчитаемся. Наемники, естественно, хотели денег здесь и сейчас, поэтому вели себя «буйно». В конце концов их поведение стало угрожать безопасности города.

Гискон вызвал их командиров и пообещал, что жалованье выплатит совсем скоро, вот только соберут и упакут деньги. Не подождут ли наемники желанного часа в городке Сикка? А часть обещанного золота они получают прямо сейчас, почему бы и нет.

Из Сицилии в Африку наемников переправляли малыми партиями. Гискон, очевидно, хотел разделить их на небольшие отряды и разбираться с каждым на месте, по очереди. Но отрядов

этих было все же слишком много, и денег на всех в любом случае не было.

Сикка представляла собой не столько город, сколько военный лагерь на самом юго-западе африканской территории Карфагена — узкий клин, врезавшийся в нумидийские земли. Там наемники и пропивали полученный аванс в ожидании полного расчета. И чем меньше у них оставалось денег, тем большей была сумма, которую, по их мнению, задолжало им правительство в Карфагене... Люди маялись от безделья, не зная, чем себя занять, а карфагенский сенат усердно кормил их «завтраками».

В Сикку из метрополии прибыл Ганнон — военачальник, командовавший в те дни в карфагенской Ливии. Он повел себя с наемниками жестко: произвел перерасчет долга, после чего сумма, которую Карфаген должен был выплатить своим наемникам, чудесным образом уменьшилась. Ганнон также попытался взывать к совести этих людей и указал на трудное положение правительства: денег в государстве мало, так не откажутся ли наемники добровольно от некоторой части причитающегося им гонорара?

Те предсказуемо не проявили ожидавшихся чуткости и понимания, наплевав на призывы в стиле «Родина в опасности». В наемных войсках Карфагена служили люди разных племен и народов, они объединялись по землячествам и поэтому были разобщены. Ганнон пытался найти общий язык с предводителями разных отрядов, но не слишком успешно. В конце концов наемники просто перешли к угрозам и вымогательству.

Гамилькар Барка как возможный посредник при разрешении споров с правительством Карфагена наемников не устраивал: они были злы на него за то, что Гамилькар не взял на себя труд вести с ними переговоры, да и просто отказался оказать им уважение. Ганнону они тоже не доверяли: он не участвовал в кампаниях вместе с ними и просто не был им знаком. А вот к Гискону наемники относились более-менее дружески, считая, что он и на Сицилии хорошо ими командовал, и заботился о них лучше прочих и постарался благополучно переправить их из Сицилии в Африку. «Гискону верим, остальным — нет!» — передали наемники.

Гискон явился в лагерь, где собрались мятежники, и долго уговаривал их прекратить смуту. Он выплатил им обещанные деньги, но за время мятежа сумма вновь изменилась — выросла. По мнению наемников, правительство выплатило им далеко не все.

В конце концов, наемники, подстрекаемые вождями мятежа (Полибий утверждает, что это были перебежчик из римского лагеря и некий ливиец, оба недовольные ситуацией, каждый по-своему), арестовали Гискона и заковали его в цепи. Бунт перерос в настоящую войну, которую некоторые историки именуют «Ливийской».

Восставшие направили послания в города Ливии, призывая ливийцев присоединиться к смуте и действовать сообща — во имя обретения свободы от тирании Карфагена.

Призывы пали на хорошо подготовленную почву: почти все ливийские города если не приняли непосредственное участие в мятеже, то по крайней мере прислали восставшим продовольствие и припасы.

Кто из местных жителей поддержал мятеж?

На территориях, которые управлялись непосредственно Карфагеном, основной рабочей силой были рабы. Но вовсе не они присоединились к наемникам, а ливийцы — жители внутренних сельских районов¹. Эти люди были лично свободны, однако им приходилось платить Карфагену дань (натуральный оброк). Именно этот натуральный оброк и был источником финансирования военных расходов государства. Иными словами, ливийцы оплачивали Пуническую войну с Римом, и им это не нравилось — в первую очередь потому, что за годы войны на Сицилии оброк вырос до неприличных размеров. Ганнон, один из тех, кому требовались средства на продолжение кампании, настаивал на увеличении оброка, поэтому среди ливийцев не пользовался популярностью. Они наотрез отказались вести с ним переговоры.

Два города, отказавшиеся поддержать восстание, — Утика² и Гиппакрит (Бизерта) — были осаждены мятежниками, которые для этого разделились на два отряда.

Ситуация оборачивалась для Карфагена серьезной проблемой.

До сих пор карфагеняне предпочитали набирать в сухопутные армии наемных солдат, а не собственных граждан — последние служили строго на флоте. Когда наемники взбунтовались, карфагеняне утратили возможность воевать чужими руками. Ливия была плодородной, и терять ее не хотелось категорически.

Кампанию против повстанцев возглавил Ганнон. У него уже имелся опыт войн с ливийцами.

¹ Предки современных туарегов и берберов.

² На мысу в устье современной р. Меджерда.

Ганнон набрал дополнительных наемников, обучил граждан Карфагена, достигших подходящего возраста, мобилизовал в свои войска конницу столичного гарнизона, озаботился ремонтом кораблей из тех, какие еще можно было спустить на воду¹.

Мятежники базировались в Тунете (ныне Тунис) — точнее, их лагерь находился недалеко от этого города, на берегу озера. Осаждали они, как уже говорилось, два города, оставшихся верными метрополии, — Утику и Гиппакрит. Карфагеняне оказались, таким образом, отрезаны от Ливии «линией фронта».

Ганнон начал действовать. Он сумел вывезти из осажденной Утики катапульты, разбил лагерь перед осадными сооружениями повстанцев и для начала двинул на врага слонов. Их у Ганнона имелось не менее сотни.

Эти «живые танки» ворвались в лагерь мятежников и разнесли там все. Многие погибли, другие спаслись на холмах, надеясь, что там слоны не станут их преследовать.

Ганнон привык иметь дело с нумидийцами — те после подобной атаки обычно бежали не останавливаясь два-три дня. Поэтому и сейчас Ганнон решил, что битва закончена, враг разгромлен и больше не поднимет голову.

Но он имел дело отнюдь не с нумидийцами. Не так давно его противники сражались под знаменами Гамилькара Барки. Слонов они хоть и опасались, но панического страха не испытывали и далеко отступать не собирались.

Как только мятежники увидели, что Ганнон отошел от Утики и возвращается в метрополию, они развернулись и нанесли по расслабившимся карфагенянам контрудар. Обоз и осадные орудия (те, которые Ганнон забрал из Утики) перешли в руки противника Карт-Хадашта.

Только теперь в Карфагене приняли новообетенного неприятеля всерьез. Командовать кампанией на этот раз поручили Гамилькару.

Гамилькар, вероятно, понимал, во что выльется эвакуация с Сицилии в Африку оставшейся части пестрой толпы солдат-наемников, которым к тому же не заплатили полностью. Карфагенские сенаторы тоже были хороши — сначала Гамилькара отстранили от командования, а теперь, когда ситуация стала угрожающей, вернули. Существуют предположения, что после воз-

¹ Существенной проблемой мятежников было отсутствие у них флота. Соответственно, Ганнон обеспечивал себе господство на море даже с минимальным количеством судов.

Серебряный сикль с профилем Гамилькара Барки и боевым слоном.

вращения из Сицилии Гамилькар — непобежденный, но все же проигравший, — находился в своего рода опале. Так или иначе, опала закончилась, и Гамилькар снова вышел на войну, с небольшой армией и семьюдесятью слонами.

Теперь наемники контролировали перешеек, который соединял Карфаген с континентом. Они перекрыли все дороги, тропы и единственный мост через реку Макару (Меджерду).

При определенном направлении ветра в устье реки наметало большое количество песка и появлялся брод. Гамилькар, то ли обнаружив, то ли исходно зная об этом феномене, воспользовался им и темной ночью переправился со своим войском на другой берег, застав врасплох мятежников, охранявших мост.

Отряд Гамилькара оказался меж двух огней: с одной стороны охрана моста, с другой — мятежники, которые еще подходили от Утики на помощь своим товарищам. Гамилькар развернул войско, словно собирался отступить. На самом деле главные ударные силы карфагенян находились в арьергарде и именно они нанесли противнику поражение. Мятежники в беспорядке отступили. Гамилькар занял мост и добил всех, кого сумел догнать. Погибло восемь тысяч мятежников, а еще две тысячи были взяты в плен. Прочие разбежались. Но Гиппакрит все еще был в осаде, да и положение Гамилькара было небезопасным: его армия стояла на небольшом плацдарме, окруженном горами, а в тылу у него оставался отряд нумидийских всадников.

Сначала Гамилькар решил договориться с нумидийцами. Он лично знал их командира; тот был связан с Карфагеном родственными узами, и Гамилькар обещал ему в жены свою дочь, если будущий зять перейдет на его сторону со своими всадниками. Предложение сработало, и нумидийцы согласились поддержать Гамилькара.

Побежденным наемникам он предложил перейти на службу Карфагену, а тех, кто этого не пожелал, просто отпустил.

Вождям повстанцев доброе отношение Гамилькара к побежденным не сулило ничего хорошего, и в армии мятежников началось дезертирство. Теперь никто не боялся мести карфагенского полководца. Предводителям мятежа нужно было срочно что-то предпринимать, чтобы уничтожить любую возможность мира с карфагенянами.

Весьма удачным оказалось для них то обстоятельство, что в их руках находился Гискон и с ним несколько десятков воинов, ранее бывших в его подчинении. Как помним, Гискона мятежники заковали в железо и арестовали; с тех пор он и мыкал горе в плену.

Один из бывших наемников родом из Галлии по имени Автарит свободно говорил на языке пунийцев. Он начал уговаривать солдат казнить Гискона и всех его людей, причем самым мучительным образом. Уговоры не пропали втуне — Гискон был умерщвлен. Когда весть о расправе над Гисконом дошла до Карфагена, в городе поднялось волнение.

Беда пришла не одна — на Сардинии взбунтовалась наемная армия и захватила власть над островом. Впрочем, эти мятежники продержались недолго, однако начало было положено: вскоре Сардиния отложится от Карфагена.

В довершение несчастий Утика и Гиппакрит перешли к неприятелю, а большой караван с продовольствием и оружием, который морем шел к Карфагену из Эмпорий (одной из факторий, подвластных Карфагену), был застигнут бурей и бесследно исчез.

Карфаген находился почти на краю гибели, но спасение пришло, откуда не ждали.

Сиракузский правитель Гиерон не собирался вечно хранить верность Риму. Слишком сильный «старший брат» ему не был нужен. Напротив, Гиерону, чтобы сохранить свое маленькое царство, требовалось своего рода равновесие между двумя крупными хищниками. И когда один из них начал слабеть, Гиерон поспешил на помощь к тому с припасами и продовольствием.

Римляне же — возможно, слишком самоуверенные, возможно, утомленные длительной войной — не воспользовались ситуацией.

Жители Утики предлагали римлянам свой город, но те отказались. Ведь нарушать мирный договор нельзя, боги осудят. Римляне никогда не нарушают договоров, а гражданам Утики должно быть стыдно!

Жители Сардинии, восстав (на короткое время) против владычества Карфагена, призывали римлян «на царство» — «приходите и владейте нами», — но Рим снова не откликнулся. Нарушение договора, так поступать нельзя!

Впрочем, ставить это им в заслугу не стоит: когда Риму выгодно, вмешиваются боги, знаменами свыше они уничтожают любые мирные договоренности и находят священные причины для вторжения или аннексии.

Когда карфагеняне арестовали италийских торговцев, которые везли продовольствие мятежникам, Рим все-таки вмешался. Пленников было около пятисот, и Рим потребовал вернуть им свободу. Карфаген предложил обмен на своих военнопленных (захваченных на Сицилии). Рим согласился.

Однако Рим закрыл глаза на то обстоятельство, что Карфаген начал вербовать себе наемников в Италии. Хотя эти действия как раз и выглядели нарушением мирного договора, заключенного по итогам первой Пунической войны.

Римляне не мешали торговцам, которые снабжали Карфаген продовольствием и товарами, но всячески препятствовали любой попытке поддержать бунтовщиков.

Почему? Потому что одно дело — война между государствами, другое — бунт наемников. Бунт наемников «не имеет национальности», он легко может перекинуться на другую страну. С этим безобразием следовало разобраться как можно быстрее: тут помешанные на соблюдении законов латиняне были готовы не обращать внимания на любые действия былых противников.

В Карфагене тоже это понимали, и Гамилькар решил: пора нанести решающий удар. Для этого следовало объединить обе правительственные армии (под командованием Гамилькара и под командованием Ганнона) и соединенными силами уничтожить врага.

Судя по всему, между Ганноном и Гамилькаром уже давно существовала антипатия. К тому моменту, когда мятеж в Африке разросся, она достигла апогея. Командовать совместно и сообща они просто не могли. Было решено, что выбор командира будет предоставлен самим солдатам.

В результате Ганнон был отстранен, а армия перешла под командование Гамилькара. Помощником ему назначили военачальника по имени Ганнибал¹.

¹ Тёзка будущего великого полководца.

Мятежники в это время решились осадить саму столицу — Карфаген. На штурм хорошо укрепленного города они так и не решились, а вместо этого постарались перерезать все связи Карфагена с внешним миром. Тунет, как помним, перешел на сторону повстанцев, Утика также открыла перед ними ворота. Перешеек был отсечен от континента, а столица оторвана от остальной части страны. Поэтому мятежники рассчитывали на скорую капитуляцию.

Но задушить Карфаген им так и не удалось. Город снабжался с моря¹, а объединенная карфагенская армия получила избранного командира, и рассчитывать на разногласия среди высшего комсостава мятежники больше не могли. Гамилькар крепко держал войска в своих руках.

Ему удалось отрезать от обозов передовые отряды мятежников, которые находились возле самых городских стен. Теперь уже осаждающие начали голодать.

Мятежники пользовались своей обычной тактикой — они двигались параллельно войскам Гамилькара, то и дело вступая в мелкие стычки, но избегая крупных сражений. Для этого им просто нужно было не выходить на равнины — там их поджидали бы слоны и нумидийская конница.

Обе армии медленно перемещались в южном направлении. Полибий выразительно описывает эту войну на изнурение:

«Гамилькар истребил множество мятежников без битвы, потому что умел в небольших делах отрезывать им дорогу к отступлению и запирает их... причем он или заводил врагов в засады, о которых те и не подозревали, или внезапным и неожиданным появлением, днем или ночью, наводил на них ужас; всех, кого только захватывал в плен, бросал на растерзание зверям. Наконец Гамилькар совершенно неожиданно расположился лагерем против мятежников в местности, неудобной для врага, но выгодной для его собственного войска, и поставил противника в такое положение, что тот не отваживался на битву, но не мог и бежать, так как со всех сторон окружен был рвом и валом, наконец доведен был голодом до того, что люди поедали друг друга... После того как съедены были пленные, которыми, о ужас, питались мятежники, после того, как съедены были рабы, а с Тунета не было никакой помощи, начальникам явно угрожала месть разъяренной бедствиями толпы».

¹ Как мы помним, флота у мятежников не было.

Только тогда предводители мятежников явились к Гамилькару на переговоры. Гамилькар разрешил врагам уйти «в одних туниках» (без оружия и доспехов) при условии, что десять человек по его выбору останутся в плену карфагенян.

Переговорщики приняли это условие, и тогда Гамилькар «выбрал» тех, кто явился к нему для заключения мира, то есть всех предводителей.

Ливийцы узнали только то, что их вожди попали в плен. Об условиях мира им ничего не было известно, поэтому они схватились за оружие. Гамилькар окружил их слонами и поубивал на месте практически до единого человека, а слоны завершили разгром. Говорят, что при этом погибло более сорока тысяч человек.

Трудно предположить, что Гамилькар не предвидел последствий. Скорее всего, арест главарей бунта — притом что восставшим никто не разъяснил сравнительно мягких условий мирного договора — был провокацией со стороны Гамилькара, которому надоело отпускать неблагодарных мятежников на волю¹.

Тунет все еще находился в осаде. Со второй половиной повстанческой армии также следовало покончить.

Гамилькар подошел к Тунету с юга, его товарищ по командованию Ганнибал занял холмы и дорогу, ведущую из Тунета в Карфаген. Под стенами Тунета карфагеняне показательно распяли пленников, взятых ранее. Предводители бунта умирали на глазах у своих осажденных собратьев — это была распространенная практика еще со времен ханаанских финикийцев и соседних с ним семитских племен.

Однако мятежники не только наблюдали за казнью. Они решили действовать и, выждав момент, когда Ганнибал отвлекся, напали на его лагерь. Нападение оказалось действительно неожиданным, многие карфагеняне погибли, Ганнибал попал в плен. Торжествующие мятежники сняли с креста своего вождя и прибили к этому же кресту Ганнибала. Гамилькар находился далеко и узнал обо всем слишком поздно.

Тем временем политические интриги в самом Карфагене оказывали свое влияние на ход этой странной войны. Комиссия из тридцати человек, созданная при Совете старейшин, вернула в армию отстраненного от командования Ганнона. От Гамилькара потребовали, чтобы он помирился с Ганноном и действовал

¹ Возможно, такое решение Гамилькара было вызвано известием о каннибализме в рядах мятежников. Времена, конечно, были жестокими, но из цивилизованных держав людоедство никто не поощрял.

с ним сообща. Этого требует национальное единство! Гамилькар не смог возразить подобному аргументу — требует так требует.

Этот «вечный Ганнон» еще долго будет оставаться на плаву, неизменно выступая противником Гамилькара Барки и его рода, в том числе и великого Ганнибала, который в описываемое время был еще ребенком.

Итак, оба карфагенских полководца «помирились». Вместе с навязанным ему партнером Гамилькар наконец вызвал повстанцев на решающее сражение, которого те так старались избежать.

Победа была полностью на стороне Карфагена. В 237 году Ливийская война завершилась. В столице был отпразднован аналог римского триумфа, последние предводители мятежа, попавшие в плен, были подвергнуты «всевозможным кровавым истязаниям».

После этого северная Африка снова покорила Карфагену. Последними кое-как сопротивлялись Гиппакрит (Бизерта) и Утика: жители этих городов предвидели, что ничего хорошего их не ожидает, но в конце концов и они вынуждены были сдаться. Скорее всего, суровых мер к этим городам применено не было: разорять богатые поселения экономически нецелесообразно. Обычно Гамилькар довольно мягко обходился с теми побежденными противниками, которых еще можно было использовать на благо Карфагена.

Нумидийцы, предоставившие помощь Гамилькару, получили заслуженную награду. Племена, поддержавшие мятежников, утратили независимость: Ганнон и Гамилькар легко справились с ними и за их счет существенно расширили африканские владения Карфагена.

Однако другим, куда менее удачным для Карфагена последствием Ливийской войны стала утрата территории, которая более трех столетий находилась под его властью, — Сардинии.

ГЛАВА

Х

Сардиния «уплывает» от Карфагена

Еще два года назад, когда Гамилькар терпел поражение от повстанцев-наемников, другая наемная армия карфагенян, находившаяся в Сардинии, «вдохновленная» успехами своих собратьев, также захотела от жизни большего. Своего командира по имени Бостар они убили и захватили некую крепость (не удается установить в точности, какую именно).

Из Карфагена с войском выступил полководец с распространенным именем Ганнон. Он явился подавлять мятеж наемников, имея под своим началом опять же армию наемников — истинное проклятие военной структуры Карт-Хадашта! Последние не замедлили взбунтоваться и присоединиться к собратьям по оружию. Скоро почти весь остров находился в руках этой сборной армии.

Наемники хозяйничали там как хотели и сильно разозлили местное население, которое в конце концов вынудило их уйти. Незадачливым повстанцам пришлось бежать в Италию.

И вот тут моментально вмешался Рим.

Как мы помним, в первый раз, когда мятежники предложили римлянам поддержать их против Карфагена, Рим притворился глухим, слепым и строго соблюдающим мирный договор, подписанный в 241 году до н. э. Бунтовать — незаконно, за это наказывают!

На сей раз ситуация резко изменилась, потому что речь зашла о Сардинии. В мирном договоре Сардиния вообще не упоминалась, а между тем ее положение было стратегически чрезвычайно важным. И вот, когда в 238 году до н. э. наемники покинули остров, в Риме решили: пора! Хозяина этой лакомой территории

больше не существует. Карфагенян оттуда изгнали наемники, местные жители, в свою очередь, выставили наемников. Образовался вакуум власти, а значит, настал черед Рима.

Существует много объяснений, почему Рим протянул руки к Сардинии именно в этот момент. Некоторые пытаются оправдать аннексию какими-то благовидными предложениями. То ли это был реванш — римский ответ Карфагену на захват италийских торговцев. То ли необходимо было нанести болезненный удар Гамилькару — герою Сицилии, — а то что-то он слишком возвысился у себя в Карфагене (это был как раз тот самый момент, когда Ганнона отстранили и всю карфагенскую армию передали под начало Гамилькара). Но вероятнее всего, практичные римляне просто ухватились за удобный случай.

В конце зимы 238/237 года до н. э. римляне подготовились к высадке на Сардинии.

Карфаген прислал в Рим посольство и заявил о своих правах на остров.

«Любая попытка карфагенян проникнуть на Сардинию будет считаться началом враждебных действий по отношению к Риму, и Риму придется реагировать соответственно», — был ответ римского Сената.

У Карфагена сейчас не было сил начинать новую войну: три года непрерывных сражений с наемниками и ливийцами измотали армию и истощили казну. Карфагеняне отступили.

На Сардинию прибыл консул Тиберий Семпроний Гракх. Попутно он положил в римский карман еще и Корсику.

Таким образом Вторая Пуническая война стала неизбежной. В принципе, именно эту войну можно считать первой в истории мировой войной, учитывая, что она охватила практически всю Ойкумену: Италию, Галлию, Испанию, Северную Африку, Сицилию и Сардинию, а после того, как в нее вмешался Филипп V Македонский, — еще и Балканы.

Полибий, автор отнюдь не лишенный естественного чувства справедливости, называет «аншлюс» Сицилии основной причиной самой опасной для Рима войны — войны с Ганнибалом.

«Карфагеняне, — пишет Полибий, — под давлением обстоятельств неохотно удалились из Сицилии, ибо бессильны были оказать какое-либо сопротивление; они согласились уплатить сверх выданных раньше новые тысячу двести талантов, лишь бы в тог-
дашнем положении избежать войны. Это мы должны считать важнейшей причиной начавшейся впоследствии войны (т. е. Второй

Пунической), ибо к личному недовольству Гамилькара прибавилось теперь раздражение сограждан...»

Одной из главных причин войны Полибий называет также «чувство горечи в Гамилькаре», который не был побежден на Сицилии и вынужденно покорился и принял общее поражение Карфагена в Первой Пунической войне.

Личную неприязнь к римлянам унаследовал от Гамилькара и его сын Ганнибал. Захват римлянами Сардинии после того, как карфагеняне утратили Сицилию, лишь добавил дров в этот костер эмоций.

Как в Карфагене, так и в Риме существовала «партия мира». В Карфагене ее возглавлял все тот же Ганнон. Политические враги попытались переложить ответственность за потерю Сардинии на Гамилькара Барку. Его возвращение в столицу после победы над восставшими наемниками нельзя было назвать триумфальным, поскольку Карфаген только что лишился очередного островного владения, и это не могло не омрачить настроение сограждан. Гамилькар якобы дал наемникам слишком много обещаний, не смог выполнить обещанного — что и послужило причиной бунта; а бунт, в свою очередь, привел к потере Сардинии, которую ослабленный войнами Карфаген не смог удержать.

Ходили самые разные слухи, в основном вздорные. В частности, утверждалось, что Гамилькар неплохо поживился на Сицилийском походе, а также в войне с наемниками и ливийцами. Якобы, используя награбленное, он заручился любовью всякого сброда; такова, мол, цена его «популярности в народе». Если вспомнить о том, как народное собрание настояло на отстранении от командования Ганнона, то нетрудно объяснить распространение подобных слухов. Ганнон вряд ли простил сопернику столь неприятный эпизод.

По некоторым версиям, Ганнон даже предлагал отдать Гамилькара под суд (за разорительную войну с наемниками, якобы им спровоцированную, и за потерю Сардинии, произошедшую косвенным образом по его вине). Однако Ганнон опять получил болезненный щелчок по носу, потому что Гамилькар был не просто оправдан — ни о каком суде и речи идти не могло. Великий полководец неприкосновенен и во всем прав.

Дело в том, что Гамилькар не только был популярен в народе, но и обладал хорошими связями в олигархических верхах — мы ведь помним, что карфагенской элитой были сверхбогатые

купцы и торговцы. Из влиятельных родственников Гамилькара следует упомянуть его зятя Гасдрубала, который женился на второй дочери полководца.

Политическое противостояние в Карфагене, обозначаемое по именам лидеров как «партия Ганнона» и «партия Барки» (Гамилькара и его родни), в военном отношении означало выбор приоритетов: Ганнон и его сторонники стремились в первую очередь укрепить границы Карфагена и расширить его африканские владения; Гамилькар, очевидно, обдумывал экспансию в сторону римских территорий.

Рим продолжал требовать выплаты контрибуции по условиям мирного договора. Гамилькар искал выход из этой сложной ситуации в очередном военном походе за море, в данном случае — в Испанию, если еще точнее — в Андалусию, где имелись богатые серебряные прииски.

ГЛАВА XI

Испанское завоевание

Весной 237 года до н. э. Гамилькар пересек Гибралтарский пролив. Согласно преданию, его сопровождали зять — Гасдрубал и девятилетний сын Ганнибал, будущий великий полководец.

С этим эпизодом связана красивая легенда — то, что называется «историческим анекдотом» и служит сюжетом для многочисленных картин в стиле классицизма, — «Ганнибалова клятва».

Ее с небольшими вариациями пересказывают многиеистики. Например, Полибий, который считается наиболее достоверным из всех, сообщает следующее:

«В то время как отец его (Ганнибала) собирался перейти с войском в Иберию (т. е. Испанию), ему было девять лет, и, когда отец приносил жертву Зевсу, он стоял у жертвенника. (Далее идет прямая речь — рассказ от лица самого Ганнибала, который вспоминает об этом эпизоде на склоне лет.) «Когда жертва дала благоприятные знамения, богам сделаны были возлияния... отец велел остальным присутствовавшим при жертвоприношении удалиться на небольшое расстояние, а меня позвал к себе и ласково спросил, желаю ли я идти в поход вместе с ним. Я охотно изъявил согласие и по-детски просил его об этом. Тогда отец взял меня за правую руку, подвел к жертвеннику, приказал коснуться жертвы и поклясться, что я никогда не буду другом римлян».

Как помним, ненависть Гамилькара к Риму (которую он завещал своему сыну) считалась у античных историков одной из важнейших причин Второй Пунической войны. «Дух великого

Клятва Ганнибала. Бенджамин Уэст, 1770 г. (фрагмент)

мужа угнетает утрата Сицилии и Сардинии», — сформулировал в своем труде другой знаменитый историк — Тит Ливий, когда говорил о Гамилькаре и о «Ганнибаловой клятве».

Иберия была древним «плацдармом» финикийцев. Еще в VIII в. до н. э. они основали на средиземноморском побережье Андалусии свои фактории. Медные и свинцовые рудники, активная торговля (с Палестиной, Малой Азией, Египтом и греками, в том числе) — все это способствовало процветанию края. А воинские качества народов, населявших Иберию, делали их отличными наемными солдатами.

В 237 году до н. э. Гамилькар прибыл в Гадир (Гадес, Кадис), старинный финикийский город, расположенный на оконечности мыса и защищенный со стороны материка рекой — в книге первой история Гадира нами подробно описана.

Обстановка здесь была спокойная: еще сохранялись многие пунийские фактории, а население прибрежной полосы нижней Андалусии было настроено вполне дружелюбно по отношению к армии Гамилькара.

Что касается самого полуострова, то здесь все обстояло немало сложнее: одно дело — торговля и культурное воздействие,

другое — политическое присутствие. Скорее всего, у карфагенян не имелось в Иберии достаточного политического влияния. Карфаген рассматривался иберийцами только как торговый партнер. Гамилькар намеревался изменить это положение.

В первую очередь его интересовали золотые и серебряные рудники Сьерра-Морены. Задача усложнялась тем обстоятельством, что население Иберийского полуострова было очень разнородным, состояло из раздробленных племен. Одни племена готовы были идти на тесное сотрудничество с карфагенянами, другие яростно этому сопротивлялись.

В частности, Гамилькару пришлось замирать кельтиберов. Здесь он действовал как и обычно, то есть уничтожал вождей и враждебно настроенную к нему верхушку племени, а всех остальных включал в состав своей армии. Диодор Сицилийский рассказывает, что захваченному в плен кельтиберскому вождю Индортесу карфагенский полководец выколол глаза, а затем, после жестоких пыток, распял. После чего отпустил пленных вражеских солдат, которые не захотели к нему присоединиться; прочим предоставил место в своей армии. Вот разумное сочетание дипломатии и силовых методов, заключает Диодор.

Рудники Сьерра-Морены перешли к Гамилькару, и в Гадире возобновилась чеканка серебряных монет. Надо полагать, какая-то часть драгоценных металлов была перевезена на кораблях в Карфаген.

Согласно очередному «историческому анекдоту», в 231 году до н. э. римляне отправили к Гамилькару посольство в Иберию.

— Чем ты здесь занимаешься? — якобы спросил у великого полководца римский посланник.

— Тружусь в поте лица своего, дабы выплатить долги Карфагена Риму, — якобы отвечал Гамилькар, который действительно был сильно озабочен разработкой серебряных рудников и доставкой в Карфаген серебра в нужном количестве.

Гамилькар понимал: недостаточно контролировать побережье нижней Андалусии, бассейны Гвадалквивира и Гвадалета. Следовало двигаться дальше на восток. С 235 по 231 годы до н. э. Гамилькар не покладая рук сражался — с множеством племен, которые жили в областях Мурсии и Эльче. И это были не дикари, разбегавшиеся при одном только звуке лязгающего железного оружия, а люди высокой цивилизации, издавна торговавшие с греками, перенимавшие у них ремесленные умения, да и сами многого достигшие. Античный мир ценил оружие, которое изготавливали их оружейники.

Подчиняя Карфагену иберийские племена, Гамилькар также заботился о том, чтобы закрепиться на этой земле. В частности, Гамилькару приписывают основание нового города, который историки именуют «Акра Левка¹» — «Белый пик». Где он находился, сказать сейчас трудно; но, вероятно, где-то в районе Аликанте.

Зимой 229/228 года до н. э., оставив во вновь основанном поселении большую часть армии и всех слонов, Гамилькар сделал попытку захватить город Гелика. Гамилькар штурмовал его без поддержки своего зятя Гасдрубала, который был занят войной в другом месте.

И тут на помощь осажденным с плоскогорья Ламанчи явился царь племени ориссов. Положение Гамилькара стало сложным. Царь ориссов предложил ему «по-хорошему» отвести войска и снять осаду. Гамилькар видел, что ситуация складывается не в его пользу, и согласился.

Однако во время отступления враги внезапно нанесли удар карфагенянам с тыла. Гамилькар в этом сражении погиб.

Никто и никогда в точности не узнает, что произошло на самом деле. Согласно легенде, в этом неудачном походе с Гамилькаром находились два его сына, Ганнибал и Гасдрубал-младший (не путать с зятем). Гамилькар попытался отвлечь неприятеля на себя, чтобы спасти сыновей, в которых видел будущее Карфагена и своей семьи. Где-то на пути у него была река, которая отделяла Гамилькара (видимо, с небольшим отрядом) от основных частей его армии. Гамилькар попытался переплыть ее на коне и утонул в ее водах.

Существует еще несколько версий: Гамилькар пал с оружием в руках в разгар сражения; хитрые иберийцы устроили в лагере карфагенян пожар, загнав туда повозки с хворостом, который и подожгли, а Гамилькар погиб, когда его лагерь охватила паника, — и так далее.

В сухом остатке мы знаем лишь о смерти великого карфагенского полководца «где-то в Иберии» в начале 228 года до н. э. Ганнибалу было тогда менее двадцати лет.

Преемником Гамилькара на посту полководца в Иберии стал его зять Гасдрубал. В Карфагене народ полностью одобрил этот выбор. Гасдрубал был хорошо известен в военных и политиче-

¹ По другой версии, Акра Левка была греческой колонией, а Гамилькар основал в окрестностях её финикийское поселение, название которого не сохранилось.

ских кругах, в свое время он командовал карфагенским флотом, принимал участие в сухопутных сражениях; у него имелись также хорошие союзники «наверху».

Римские историки, впрочем, утверждают, что именно Гасдрубал виновен в нравственном разложении карфагенского общества. Он давал деньги в обмен на политическую поддержку — фактически развел коррупцию и только таким способом обрел влияние. Полибий, отмечая, что раздача взяток в Карфагене не считалась чем-то постыдным (в отличие от Рима, где подобное, в идеале, каралось смертью, а в реальности вполне практиковалось, но не афишировалось), не утверждает, однако, что именно Гасдрубал приучил свой народ к массовой коррупции. Надо полагать, роль Гасдрубала во всем этом (учитывая еще, что он большую часть времени проводил в военных походах) сильно преувеличена.

Всегда следует иметь в виду, что у родственников Барки имелись серьезные враги среди политической верхушки Карфагенской империи. Пока Барка, его сыновья и зятья сражались за море, в сенате Карт-Хадашта их противники протаскивали свои решения и распускали порочащие Баркидов слухи. Римский историк Тит Ливий прямо говорит:

«Располагая в качестве его (Гамилькара) зятя влиянием Баркидов, очень внушительным среди воинов и простого народа, он был утвержден в верховной власти вопреки желанию первых людей государства. Действуя чаще умом, чем силой, он заключил союзы гостеприимства с царьками и, пользуясь дружбой вождей, привлекал новые племена на свою сторону, такими-то средствами, а не войной и набегами, умножал он могущество Карфагена».

Карфагеняне контролировали уже не менее четверти территории Иберийского полуострова. Некоторые историки сообщают также о том, что Гасдрубал женился на дочери одного из местных вождей и таким образом вошел в состав иберийской «элиты» (неясно, овдовел ли он к тому моменту или же взял себе вторую жену).

Кроме того, Гасдрубал построил свой город, крупный порт, который получил название Новый Карфаген (Картахена) и статус новой столицы.

«Карфаген, — пишет Полибий, который побывал в тех краях и повидал все эти крепости и места сражений собственными

глазами, — находится посередине морского берега Иберии в заливе, обращенном к юго-западу... Весь залив получает значение гавани, и вот по какой причине: у входа в него лежит остров, по обеим сторонам которого остаются лишь узкие проходы внутрь залива. Так как морская волна задерживается у острова, то во всем заливе господствует затишье, если только не производят волнение юго-западные ветры... В глубине залива выдается в виде полуострова возвышенность, на которой и расположен город. С востока и юга он омывается морем, с запада и севера к нему прилегает лагуна... Самая значительная возвышенность господствует над городом с востока и тянется к морю; на ней находится святилище Асклепия (видимо, бога Эшмуна). Противолежащий этому холм на западной стороне похож на него по виду; здесь находится великолепный царский замок, сооруженный, как говорят, Гасдрубалом в то время, когда он домогался царской власти».

Что имел в виду Полибий, когда говорил о «царской власти», сказать трудно; возможно, речь шла о женитьбе карфагенского полководца на дочери одного из местных «царей», или же о том, что он обладал большой властью на покоренных землях. Подозревать его в попытке стать «царем Карфагена» невозможно — в метрополии были слишком сильны традиции «олигархической республики».

Лагуну и залив соединял особый канал. В городе также имелась верфь и большой арсенал. Здесь же накапливалось серебро, которое доставляли с ближайших рудников, — основа богатства Баркидов в Испании.

В Гадесе еще при Гамилькаре начали чеканить монету, причем из серебра высокой пробы. Самостоятельная чеканка монеты свидетельствует о том, что Гамилькар и его наследники установили в Иберии своего рода монархию «эллинистического типа» — подобно тем государствам, что построили эпигоны (бывшие соратники и наследники) Александра Македонского. То есть утверждение Полибия о том, что Гасдрубал стремился к «царской власти» в масштабе региона, небезосновательно.

Вообще же определить, какие конкретно отношения установились между Иберией Баркидов и метрополией — Карфагеном в Африке, — довольно сложно.

«Партия мира» в Карфагене, враждебная Гамилькару, распространяла и поддерживала мнение о том, что Гамилькар и особенно Гасдрубал основали в Иберии собственную «тиранию» (то есть стали узурпаторами власти), что на самом деле Барки-

ды — это кучка авантюристов, которые затеяли всю эту войну в личных интересах, и что карфагенское правительство не должно отвечать за их самовольные выходки. Некоторые вообще утверждали, будто Гасдрубал пытался установить единоличную монархию и в самом Карфагене, и только героическое противодействие карфагенского сената (не без участия Ганнона...) отстояло демократию и ее ценности. Олигархи спасли карфагенский мир, а посрамленный Гасдрубал якобы вернулся в Иберию и довольствовался своим кукольным королевством.

Полибий эту версию отвергает — у него хватает здравого смысла не принимать на веру все измышления политических противников Барки. В первую очередь он не верит в то, что именно Баркиды и именно из своекорыстных побуждений втянули Карфаген во Вторую Пуническую войну.

Тем не менее Гасдрубал в Иберии действительно выглядел и воспринимался как верховный правитель с царскими полномочиями. И римское посольство от Сената явилось именно к Гасдрубалу, а не в карфагенский сенат.

Это произошло летом 226 года до н. э. В Новом Карфагене появились уполномоченные Римским Сенатом ответственные лица. Результатом переговоров стало соглашение, по которому карфагенянам «с оружием в руках запрещено переправляться через реку Ибер».

Вряд ли Гасдрубал согласился бы на подобное, ничего не получив от римлян взамен. Однако конкретные статьи до нас не дошли. В любом случае само наличие подобного договора свидетельствует о том, что Рим признал достижения Карфагена в Иберии¹.

У Рима в этот момент имелась другая сильная головная боль: галлы в долине реки По. Римлянам не нужны были враждебно настроенные к ним карфагеняне в тылу, когда они начнут разбираться с галлами. Весной 225 года до н. э. в Цизальпинской Галлии действительно начались масштабные военные действия.

Однако для грядущей Второй Пунической войны гораздо принципиальнее другая причина, по которой, очевидно, римляне присылали к Гасдрубалу свое посольство.

А именно — город Сагунт.

¹ Также следует отметить, что, признавая суверенитет или по крайней мере дипломатическую субъектность Иберии, Рим создавал раздор внутри «Большого Карфагена».

ГЛАВА

XII

Сагунт как точка невозврата

Сагунт находился под протекторатом римлян, это был важный иберийский порт в устье реки Палансии, располагался он чуть северо-восточнее нынешней Валенсии и сохранился до наших дней с названием Сагунто.

Проримские историки утверждают, будто Сагунт наотрез отказался от покровительства карфагенян и что это вообще была древняя греческая колония со старыми, отнюдь не карфагенскими традициями. Говорили, что именно Рим по духу и политике сагунтийцам был ближе всего. Каково на самом деле было политическое настроение в этом городе, сейчас в точности установить невозможно.

С Гасдрубалом римляне подписали очередное соглашение. Тит Ливий сообщает:

«Видя его (Гасдрубала) замечательные способности возмущать племена и приводить их под свою власть, римский народ возобновил союз (с Карфагеном) под тем условием, чтобы река Ибер¹ служила границей между областями, подвластными тому и другому народу. Сагунтийцы же, обитавшие посредине, сохраняли полную независимость».

Успехи Гасдрубала вызывали в Риме нешуточную тревогу. Карфагенский полководец добился слишком многого, «действуя

¹ Современная река Эбро. Сагунт (совр. Сагунто) находился примерно в 150 км юго-западнее устья Ибера и представлял собой союзный Риму эксклав на территории, подчинённой Карфагену.

чаще умом, чем силой» (по определению Тита Ливия). Хуже всего было то, что ему удавалось ассимилировать местное население и присоединять к «карфагенскому миру» иберийские племена, которые расселились вокруг Сагунта.

Однако в начале 221 года Гасдрубал погиб. История его смерти покрыта мраком неведения или, точнее сказать, разукрашена цветастыми легендами — к великой печали гимназистов, которым приходилось писать сочинения на эту тему.

Лаконичнее всех был Полибий, который в немногих строках подвел итог жизни и деятельности Гасдрубала:

«Вождь карфагенян Гасдрубал... после восьмилетнего управления Иберией закончил жизнь в собственном доме, (где) он был коварно убит неким кельтом из личной мести. Гасдрубал много содействовал усилению могущества карфагенян и не столько военными подвигами, сколько дружественными отношениями с туземными владыками».

Однако миролюбие не гарантировало ему личной безопасности. Нельзя быть политиком и никого не обидеть. У Гасдрубала, естественно, имелись личные враги, и он пал жертвой мести.

Тит Ливий указывает на то, что Гасдрубал был убит кем-то из местных («варваров»): тот был «озлоблен казнью своего господина» и «убил Гасдрубала на глазах у всех, а затем дал схватить себя окружающим с таким радостным лицом, как будто избежал опасности; даже когда на пытке разрывали его тело, радость превозмогла в нем боль».

Естественным преемником Гасдрубала стал его зять Ганнибал, которому тогда исполнилось двадцать шесть лет. Его избрали солдаты, и народное собрание в Карфагене поддержало их.

Естественно, не мог промолчать заклятый друг семейства Баркидов — Ганнон, который прочно, на десятилетия, засел в карфагенском правительстве. Логика в его высказываниях отсутствовала; точнее, она была специфической: Ганнибал — это хорошо и справедливо, но все-таки это плохо и потому не надо.

Тит Ливий передает речь Ганнона в следующих выражениях:

«Требование Гасдрубала (вызвать Ганнибала в Испанию заранее, чтобы тот привыкал к обстановке и естественным образом стал его преемником), на мой взгляд, справедливо, однако я полагаю, что исполнять его не следует. Ганнибалу не пристало с раннего возраста знакомиться с „соблазном неограниченной власти, с блеском

отцовского царства“, дабы карфагенянам не сделаться „рабами сына того царя, который оставил наши войска в наследство своему зятю“ (плевок в сторону покойного Гамилькара). „Я требую, — завершил речь Ганнон, — чтобы мы удержали этого юношу здесь, чтобы он, подчиняясь законам, повинувшись должностным лицам, учился жить на равных правах с прочими. В противном случае это небольшое пламя может зажечь огромный пожар“.

Ганнона поддержало аристократическое меньшинство, однако народ высказался за то, чтобы отправить Ганнибала к его зятю за море. Ганнибал прибыл в Испанию — и сразу же, конечно, завоевал сердца всех отцовских ветеранов, которым показалось, «что к ним вернулся Гамилькар, каким он был в лучшие свои годы».

Отдавая дань храбрости, осмотрительности и воинским навыкам Ганнибала (у римлян не принято изображать врагов недостойными внимания, напротив — чем отважнее и сильнее противник, тем ценнее победа над ним), Тит Ливий подчеркивает: «Его жестокость, — пишет римлянин, — доходила до бесчеловечности, его вероломство превосходило даже пресловутое пунийское коварство. Он не знал ни правды, ни добродетели, не боялся богов, не соблюдал клятвы, не уважал святынь».

Три года служил молодой Ганнибал под началом своего зятя, а после его смерти унаследовал карфагенское войско — как и предрекал в Карфагене злокозненный Ганнон.

«Со дня своего избрания полководцем Ганнибал действовал так, как будто ему назначили провинцией Италию и поручили вести войну с Римом», — сетует Тит Ливий.

Ливий, конечно, рассуждает, заглядывая вперед: он-то знал, чем закончится вся эта история. Но Ганнибал в любом случае с самого начала понимал: ожидать, что римляне, разобравшись с кельтами на своих границах, будут терпеть активное карфагенское присутствие в Иберии, мягко говоря, наивно.

Римляне обязательно нападут на карфагенян в Испании. Это просто вопрос времени. Причем очень недолгого времени.

Итак, камнем преткновения стал Сагунт, гавань, представлявшая большой интерес для всех сторон конфликта. В те времена, как уже говорилось, Сагунт находился под протекторатом Рима. Насколько старым был этот протекторат — нельзя утверждать однозначно: одни считают, что римляне наложили загребушие лапы на Сагунт задолго до того, как Ганнибал получил «в наследство» карфагенскую армию, другие называют 226 год до н. э. —

год подписания договора, по которому Испания была разделена на сферы влияния Рима и Карфагена.

Ганнибал в первую очередь занялся, пока еще было время, укреплением своих позиций на Иберийском полуострове. С 221 по 220 годы до н. э., Ганнибал расширял карфагенские владения в северо-западной части Иберии. Он подчинил область, которая сейчас определяется как территория современной Ламанчи, и с хорошей добычей вернулся в Новый Карфаген. Там он выплатил жалованье наемникам и разделил между ними добычу, чем, несомненно, поднял свой авторитет в войсках на новую высоту.

На следующий год ему покорились Германдика (нынешний город Саламанка в Кастилии). Этот край был населен воинственными кельтиберами, и на обратном пути Ганнибал столкнулся с серьезной проблемой: разбитые, но не смирившиеся с поражением местные племена объединились против захватчиков.

Пунийцы были «отягощены добычей», их обозы были полны и двигались медленно. Кельтиберы прижали Ганнибала к реке Таг (Тахо). Ганнибал не стал вступать с ними в сражение и отошел к берегу, где разбил лагерь. Когда наступила ночь, он со своим войском перешел реку вброд и укрепился на противоположном берегу.

Как он и предвидел, враги продолжили преследование и также двинулись через водную преграду. Во время переправы Ганнибал и атаковал их.

Не исключено, что Ганнибал успел хорошо изучить психологию местных жителей. Кельтиберы были воинственны и горды, кроме того, их собралось гораздо больше, чем карфагенян. Путру они увидели, что пунийцы отступили, перешли на другой берег и там окопались, следовательно — испугались. Так это ли не хороший повод всей массой обрушиться на врага и раздавить его?

В этой истории немного удивляют кельтиберские методы ведения боевых действий, основанные на принципе: видишь врага — атакуй. Более того, Ганнибал разместил на берегу сорок своих слонов (уж слонов-то кельтиберы не могли не увидеть?). Возможно, противник уповал на свою многочисленность. Причиной подобного безрассудства могла стать гордость, присущая кельтиберам: враг отступил, значит, он слаб и его можно раздавить.

Последствия подобной опрометчивости для кельтиберов стали катастрофическими. Ганнибал двинул на них конницу, которая легко справлялась с пехотинцами, «застывшими» в реке.

Тех, кто все-таки добрался до суши, ожидала теплая встреча со слонами. И наконец, когда остатки воинства кельтиберов все-таки выбрались на противоположный берег; хорошо обученная пунийская пехота завершила разгром.

Теперь Ганнибал перешел на земли «по ту сторону» реки Ибер, откровенно нарушив договор с римлянами, — и сделал это явочным порядком. Единственный город, который ему не сдался, был Сагунт.

Тит Ливий пишет о нем: «Это был самый богатый из всех городов по ту сторону Ибера, расположенный на расстоянии приблизительно одной мили от моря... В скором времени город значительно разбогател благодаря выгодной морской торговле, плодородию местности, быстрому росту населения, а также строгости нравов; лучшее доказательство последней — верность, которую они хранили союзникам (т. е. римлянам) до самой гибели».

Ганнибал прибег к римской тактике «разделяй и властвуй» (что с точки зрения Рима было сущим безобразием и нарушением авторских прав): он настраивал соседние племена против Сагунта и сеял всяческие раздоры. В Сагунте сделали правильные выводы и отправили послов в Рим просить о помощи.

В Риме заскрипела государственная машина. Решено было поставить вопрос в Сенате. Затем отправить делегацию к Сагунту и рассмотреть дело на месте. Обсудить, сделать выводы, направить Ганнибалу ноту протеста, после чего двинуться в Африку и там переговорить с «пунийскими партнерами» на тему самоуправления Ганнибала и обид, чинимых союзникам римского народа. Римляне уже тогда знали толк в бюрократии — цивилизованная нация, не варвары какие неумытые!

Пока все это дело медленно набирало обороты, осада Сагунта началась.

Сенат собрал по сему поводу новое заседание. Следовало принять решение ввиду изменившейся обстановки. Одни сенаторы были настроены радикально: война и только война! Война против Карфагена повсеместно, в том числе и в Африке. Другие смотрели на вещи более реально и предлагали окоротить Ганнибала в Испании, а на Африку не замахиваться — дорого и без очевидных шансов на успех. Третьи бубнили, что лучше бы подождать тех посланников, которые уже сейчас на пути к Сагунту. Возможно, они привезут какую-то полезную информацию, на основании которой можно будет сделать новые выводы. Только если Ганнибал не внемлет увещаниям и не оставит Сагунт в покое, придется ехать в Карфаген и там обо всем доложить, настаи-

вая, чтобы правительство пунийцев само разбиралось со своим не в меру ретивым полководцем.

Осада Сагунта тем временем шла полным ходом. Для начала Ганнибал опустошил все окрестные поля, а затем подошел к городу. С одной стороны местность представляла собой равнину и позволяла выстроить войска для штурма, но именно там город был укреплен и защищен лучше всего.

Тем не менее Ганнибал попытался штурмовать Сагунт с равнины. Стрелки не подпускали пунийцев близко, и в одной из стычек Ганнибал был ранен дротиком в бедро.

Постоянный обстрел со стен Сагунта не позволял пунийцам создавать насыпи и рыть окопы, а вылазки защитников города приводили к большим потерям и уничтожению осадных орудий. В конце концов карфагеняне поняли, что город наскоком не взять, и приступили к осаде.

Сагунту тоже требовалась передышка. Обе стороны, естественно, не ограничились зализыванием ран; все это время интенсивно велись работы над строительством оборонительных и осадных сооружений. Карфагеняне отказались от идеи рыть окопы, зато придвинули к стенам города осадные навесы и тараны.

Жители Сагунта, следует отдать им должное, показали себя не только храбрыми, но и умелыми воинами. Насколько добродетель, понимаемая римлянами как верность союзу с ними, помогла им в сражении, конечно, большой вопрос; но то, что они держались против карфагенян очень уверенно — это точно. Правда, Ганнибал большой добродетели в этом не усмотрел.

Под ударом тарана рухнула часть одной из городских стен. Обрушение было таким сильным, что стена в своем падении увлекла за собой еще три башни. Страшный грохот и туча пыли оглушили осажденных и осаждающих. Карфагеняне теперь не сомневались в том, что им осталось сделать буквально шаг, чтобы окончательно завладеть городом. Однако когда пыль улеглась, стало видно: перед карфагенским войском в проломе стоят выстроенные правильным порядком отряды сагунтийцев. Горожане были готовы к решающей битве. Сражение началось фактически уже на окраинных улицах города.

Тит Ливий описывает оружие, которым бились сагунтийцы, — фаларика¹ с круглым сосновым древком и четырехгранным

¹ Разновидность тяжёлого метательного копья. Обычно для метания использовались специальные машины. Вручную использовать фаларику могли пользоваться только очень сильные люди.

металлическим наконечником длиной почти в метр. Эта часть еще была обмотана паклей и обмазана смолой, чтобы при случае можно было поджечь и метнуть горящий снаряд. При случае фаларика могла пробить насквозь человека вместе со щитом. Брошенная издалека горящая фаларика поджигала щит; таким образом, пораженный воин терял его и следующий удар встречал уже беззащитным.

Сражение велось настолько ожесточенно, что сагунтийцам удалось вытеснить врага из города и даже отогнать его в его собственный лагерь.

Ганнибал оказался, мягко говоря, в неприятной ситуации — и тут, в разгар боя, ему сообщают, что из Рима прибыли послы, которые хотели бы задать карфагенянину несколько бестактных и нелিপчатых вопросов.

Ганнибал не без оснований отвечал, что он сейчас слегка занят и что послам не стоит направляться прямо в гущу сражения — они могут пострадать от шальной стрелы.

Но как же быть? Ганнибал не сомневался в том, что римские послы, не сумев переговорить с карфагенянами в Испании, тотчас отправятся с жалобами на него прямо в Африку, к врагам Баркидов, и тогда из метрополии следует ожидать крупных неприятностей. Поэтому Ганнибал поспешно послал на родину своих людей с тем, чтобы те связались с членами семьи и своими сторонниками, подготавливая почву для превентивного удара. Когда римляне придут ябедничать на бесчинства, чинимые Ганнибалом в Испании, их будет ожидать весьма холодный прием.

В Африке римлян по крайней мере приняли, но выслушали с весьма кислыми лицами. Требования приструнить сына Барки не вызвали у карфагенян энтузиазма. Только оппозиция в лице непотопляемого Ганнона поддержала римских послов. Ганнон, если верить Титу Ливию, разразился речью, достойной Цицерона, и принялся упрекать карфагенское правительство в беспечности. Он, Ганнон, с самого начала говорил, что не следует давать войско сыну Барки. И что теперь? Нарушив мирный договор с Римом, он осадил Сагунт, союзный римлянам. Скоро, скоро, черным вороном каркал Ганнон, римские легионы будут осаждать сам Карфаген, возмездие придет!

Ну, насчет возмездия — оставим на совести Тита Ливия, который, в отличие от Ганнона, знал окончание этой саги. А вот что римляне вместо того, чтобы послать Сагунту в помощь свои непобедимые легионы, ездили взад-вперед и всюду говорили про-никновенные речи, — это оставим на совести римлян.

Если сагунтийцы до последнего обороняют родной город «из верности союзу с Римом» и это добродетель, то как назвать поведение союзников, не пришедших на помощь этим добродетельным горожанам? Вопрос повисает в воздухе: ведь римляне сами себя назначили «хорошим парнем истории», и, что удивительно, практически весь мир с ними до сих пор соглашается...

Так или иначе, в Карфагене римские послы слышали альтернативную версию событий: «Войну начали сагунтийцы, а не Ганнибал, и Рим поступил бы несправедливо, жертвуя ради Сагунта своим старинным союзником и любезным другом — Карфагеном». Никаких сомнений, произнося эти слова пунийские сенаторы за спинами вертели увесистые кукиши.

Пока шли унылые переговоры на высоком уровне и выдвигались аргументы и контраргументы, Ганнибал дал войску несколько дней отдыха и под конец обещал отдать город на разграбление, что сильно подняло энтузиазм среди его солдат.

В Сагунте на скорую руку заново возводили укрепления и готовились к новому штурму. Этим штурмом Ганнибал руководил лично, используя многоярусную осадную башню. Она была выстроена такой большой, что оказалась выше любого из оборонительных сооружений города, и с каждого яруса могла вести боевые действия: везде были расположены баллисты и катапульты.

Обстрел полностью уничтожил отряды, обороняющие стену. После этого карфагеняне приступили к разрушительной работе: стали разбивать саму стену молотами и таранами.

Видимо, эту часть стены возводили как раз наспех, потому что камни, из которой она была сложена, не скреплялись раствором.

Довольно скоро укрепление не выдержало натиска, и первые отряды карфагенян ворвались в город, захватив прилегающие к стене участки. Там они быстро закрепились, перетащив катапульту на башню, господствовавшую над районом.

Сагунтийцы все еще не сдавались. Пока карфагеняне разрушали первую стену, защитники города спешно возводили вторую — по сути обычную баррикаду, которая должна была хотя бы ненадолго задержать нападавших.

На что же рассчитывали осажденные?

У них оставалась эфемерная надежда на то, что внезапный бунт среди подчиненных Ганнибалу местных племен отвлечет пунийцев от осады. Два иберийских племена были недовольны жесткой политикой карфагенян: те забирали у них слишком много солдат для своей армии. Иберийцы уже подумывали над тем, чтобы отпасть от такого неприятного и явно навязанного

им «союза»; но Ганнибал посетил их лично, и они внезапно передумали.

Осада Сагунта не стала менее суровой на время этой короткой отлучки Ганнибала. Полководец оставил войска Магарбалу, сыну Гимилькона. Магарбал отличался завидной энергией и, когда Ганнибал вернулся, предъявил ему новые проломы в стене Сагунта. Еще один штурм привел к большим потерям, а карфагеняне продвинулись еще немного вглубь города.

В этот момент к Ганнибалу явился «посланник» из Сагунта по имени Алкон. Тот действовал на свой страх и риск, его никто не наделял полномочиями посла. По неизвестной причине — возможно, начитавшись «Илиады», — он решил, что личная просьба и искренние слезы окажут влияние на сурового полководца. Когда этого не произошло, Алкон просто превратился в перебежчика. Впрочем, Ганнибал назвал условия, на которых он даст Сагунту мир, но условия эти были просто ужасными: жителям сохраняют жизнь, если они уйдут из города с одной сменной одежды и поселятся там, где им укажут.

Тогда функции переговорщика взял на себя некий ибериец по имени Алорк. Он служил в войсках Ганнибала, однако вывался «помирить» враждующие стороны.

Ганнибалу, должно быть, стало любопытно, как он это сделает, поэтому он отпустил Алорка и наблюдал, как тот подходит к сагунтийцам и отдает им свое оружие.

Алорк сказал, что хоть условия сдачи, выдвинутые Ганнибалом, и тяжелы, но «душа человека покоряется там, где все средства к сопротивлению истощены». Алорк шел по городу, окруженный толпой, однако власти Сагунта решили выслушать посланника наедине, без участия широких масс общественности.

Алорк указал сагунтийцам на то, что римляне к ним на помощь не пришли и что средства к сопротивлению истощены практически все. Стены рушатся, продовольствия нет. Ганнибал победил в любом случае. Но сейчас еще не поздно попытаться сохранить свою жизнь — последнее, что осталось. Положим, карфагенянин забирает у сагунтийцев их город. Так этот город так или иначе уже принадлежит ему. Не лучше ли сосредоточиться на позитивном и думать, что Ганнибал оставляет побежденным, нежели скорбеть о том, что он у побежденных забирает?.. И так далее.

Пока велись все эти разговоры, толпа стягивалась к тому месту, где находился Алорк с городскими правителями. Люди пытались услышать, о чем идет речь.

И тем не менее власти Сагунта приняли решение не сдаваться ни за что! Поэтому они развели огромный костер и начали бросать в него ценности и все то, что Ганнибал намеревался у них забрать в качестве добычи. Некоторые горожане сами бросились в этот костер...

* * *

В то время как происходили вышеописанные трагические события, карфагеняне наконец развалили остатки стен Сагунта и вошли в город. Предложение Ганнибала о сдаче утратило свою силу. Был отдан приказ убивать всех взрослых граждан. Сагунтийцы с женами и детьми запирались в домах, поджигали собственные жилища и сгорали там вместе с домочадцами. Другие с оружием в руках бросались на врага и погибали в бою. Несмотря на то что часть города сгорела и знатные горожане побросали в костер свои сокровища, в руки карфагенян попала несметная добыча. Часть ее была отослана в Карфаген, часть роздана воинам; все остались очень довольны.

Падение Сагунта на самом деле осталось в памяти римлян как настоящая катастрофа, и даже спустя пять столетий Блаженный Августин — христианский святой! — в книге «О Граде Божием» вспоминает о нем. Августин направляет свою речь в первую очередь против римских богов, которые ничего не сделали для Сагунта. Языческие божества, говорит отец Церкви, — это просто идолы, предрассудки, которым не должно поклоняться, — и приводит пример из хорошо известной всем истории:

«Из всех бедствий Второй Пунической войны не было ни одного заслужившего более сожаления и жалоб, чем гибель Сагунта. Этот испанский город, весьма дружественный римскому народу, был разрушен за то, что хранил этому народу верность. Ибо Ганнибал, разорвав заключенный с римлянами договор, искал повод побудить их к войне. С этой целью он нагло подверг осаде Сагунт. Когда до Рима дошли об этом слухи, были отправлены к Ганнибалу послы, чтобы убедить его снять осаду. Не удостоенные вниманием, послы направились в Карфаген и жаловались там на нарушение договора; но, не добившись ничего, возвратились в Рим.

Пока все это тянулось, несчастный город... был разрушен карфагенянами на восьмом или девятом месяце осады. Ужасно читать о его гибели, а еще ужаснее описывать ее...

И что же, проявили как-нибудь себя в этом случае их боги, обжоры и плуты, с жадностью помогающие жертвенного тука

и дурачащие людей, помрачая их умы мнимыми откровениями в ложных гаданиях? Что сделали они, помогли ли чем-либо наиболее дружественному к римскому народу городу, не дали погибнуть ему, когда он погибал вследствие своей верности? Они же сами присутствовали, несомненно, в качестве посредников, когда он вступал в союз с Римской республикой, заключив с нею договор... Если эти самые боги навели потом бурей и молниями ужас на Ганнибала, когда он был вблизи римских стен, и заставили его отойти, то нечто подобное им следовало сделать и тогда, с самого начала.

Смею заметить, что честнее было бы с их стороны разразиться бурей за друзей римлян, которые погибали за то, что не нарушили клятвы верности, хотя и не получили при этом никакой помощи, чем за самих римлян, которые сражались сами за себя и владели достаточными силами, чтобы противостоять Ганнибалу. Если они были блюстителями римского благоденствия и славы, они должны были не допустить лечь несмываемым пятном на эту славу гибели Сагунта. В противном же случае не глупо ли верить, будто благодаря их защите Рим не погиб от руки победителя Ганнибала, когда они не в силах были помочь городу, погибавшему за дружбу с Римом?»

Августин рассуждает логично, хотя ту же логику следовало бы перенести с римских богов на самих римлян...

Итак, вся сагунтийская кампания заняла, как принято считать, восемь месяцев. Взятие Сагунта стало открытым вызовом Риму и перевернуло новую страницу истории: началась Вторая Пуническая война.

ГЛАВА

XIII

Ганнибал и кельты

Римским сенаторам стало стыдно. Стыдно за то, что не пришли на помощь Сагунту, стыдно за то, что потеряли в бесплодных переговорах столько времени. Хотя, в общем, можно предположить, что демагогию о «союзниках» и «переговорах» разводили одни сенаторы, а устыдились совсем другие.

Впрочем, имело место еще одно чувство, и оно стало едва ли не господствующим в римском Сенате. И это чувство — страх. Если Ганнибал сумел проделать такое с Сагунтом и никто его не остановил — то не случится ли, что карфагенский полководец в один прекрасный день доберется и до самого Рима? Ганнибал знает свое дело, его войско несметно, он запросто может взбунтовать против Рима недавно покоренные кельтские племена... Словом, достойные квириды засуетились и пришли к выводу, что лучшая защита — это нападение.

Консулы получили практически неограниченные ресурсы и очень непростые задания. Публию Корнелию предстояло разобратся с Испанией, Тиберию Семпронию — с Африкой и Сицилией. Под «неограниченными ресурсами» подразумевались шесть легионов, любое количество войск союзнических, т. е. вспомогательных, и весь наличный римский флот. Ганнибал воспринимался Римом как противник весьма серьезный — гораздо более серьезный, нежели разрозненные (хотя свирепые и дикие) галльские племена.

Когда набор в армию был закончен, следовало придать грядущей войне статус легальности, то есть фактически завизировать ее у богов и римского народа. Поэтому на народном собрании консулы «внесли предложение»: «Благоволите, квириды,

объявить войну народу Карфагена». Квириты благоволили. После этого богам были принесены надлежащие жертвы, и те, очевидно, немедленно одобрили предприятие. Можно было начинать.

Следовало соблюсти еще одну формальность: поставить в известность собственно народ Карфагена. Поэтому в конце марта 218 года до н. э. было отправлено в Карфаген весьма представительное посольство, сплошь политические деятели в летах, убежденные седидами и обладавшие мудростью.

Вопрос, который задали римляне, сам по себе содержал ловушку. Уполномоченный Сенатом говорить от лица всех Квинт Фабий спросил:

— Был ли захват Сагунта Ганнибалом санкционирован карфагенским сенатом или же Ганнибал действовал на собственный страх и риск?

Римляне были уверены, что получают желаемый ответ, то есть — что Ганнибал захватил Сагунт с полного одобрения своего правительства. Следующей репликой стало бы торжественное объявление войны.

После этого война, по римским представлениям, становится легитимной и вопрос о том, кто на кого напал и кто является агрессором, моментально теряет актуальность. Боги будут на стороне Рима.

Но карфагеняне, во-первых, и сами были не лыком шиты, а во-вторых, кое-что переняли у своих «римских партнеров», и в первую очередь — умение манипулировать фактами.

Поэтому римляне услышали немного не то, что ожидали.

— Поступок, совершенный гражданином Карфагена, вас, римлян, не касается: с этим разбираться уполномочено исключительно наше правительство, а вам не следует лезть в наши дела.

После этого в адрес почтенных римских послов полетела настоящая «отравленная стрела»:

— Когда-то вы аннулировали один договор с нами, поскольку он-де был заключен без одобрения Сената. Так вот, и тот договор, который вы заключили с Гасдрубалом — этот договор для нас теперь, по здравом размышлении, тоже под сомнением. Вы его заключали с Гасдрубалом у нас за спиной. Мы были не в курсе, что вы с ним там обсуждаете. Так почему мы должны нести ответственность за договоренности, которые не были нами одобрены?

В этот самый момент глава посольства, Квинт Фабий, сделал красивый исторический жест. Вообще римская история

изобилует такими жестами, и они производились римлянами вовсе не для того, чтобы спустя две тысячи лет досадить бедным школьникам, вынужденным писать сочинения на эту тему, и не для того, конечно же, чтобы дать сюжеты для огромных полотен академической живописи. Человек античного времени (как, впрочем, и человек грядущего Средневековья) иначе относился к жесту, чем мы. Для нас жест — просто дополнение к слову, причем слову записанному и нотариально заверенному, к бумаге с печатью. У древнего человека жест — это то, что видно богам, и боги здесь, скажем так, выступают в роли нотариусов.

Квинт Фабий, выслушав ответ карфагенского коллеги, выпрямился, красиво задрапировался в тогу, подобрал ее и сжал складки в кулак. «Здесь, — сказал он, — у меня за пазухой спрятаны мир и война. По вашему слову я могу вытряхнуть из-за пазухи что хотите. Выбирайте любое!»

Карфагеняне, с ясно различимым семитским акцентом, ответили:

— Может быть почтенный сам выберет?

— В таком случае я вытряхиваю для вас войну! — сказал Квинт Фабий, распуская складки.

— Очень хорошо, — был единодушный ответ карфагенского правительства.

Все версии этого события, даже приукрашенные, говорят об одном: войны жаждали обе стороны. Если здраво поразмыслить: а что оставалось римлянам? Махать кулаками после драки? Они не пришли Сагунту на помощь. Сейчас город уже захвачен, разграблен и разрушен. Что можно было требовать в качестве мирного условия? Чтобы карфагеняне отстроили Сагунт «как было» и вернули его под крыло Рима? Или пуститься в дипломатические и юридические тонкости, разбирая, чем договор Лутация отличается от договора с Гасдрубалом? Или выяснять, сколько раз карфагенское правительство промолчало, наблюдая за активной деятельностью Гасдрубала и безмолвно одобряя ее? В общем, доискиваться до правды в сложившейся ситуации — долго, а главное, бессмысленно.

Война была единственной реальностью и единственной необходимостью. Римский Сенат принес ее в своей тоге и выпустил на волю.

Сразу же после того, как война, ко всеобщему удовлетворению, была провозглашена, римские посланники, согласно полученной инструкции, направились в Испанию. Не вполне понятно, на что они рассчитывали, когда начали объезжать местные племена.

Беседы достопочтенных пожилых сенаторов с варварами-вождями происходили по одной и той же схеме. Мощная драпировка тоги не производила на местных кельтов никакого впечатления, и что там таилось за пазухой у римлян — мир или война, — мало интересовало жителей Испании.

— Не соблаговолите ли вы заключить с нами союз? — вопрошали сенаторы.

В ответ им летели насмешки.

— Почему мы должны это делать? — интересовались кельты. — С какой стати нам не поддерживать Ганнибала? До сих пор он действовал вполне успешно, так зачем нам становиться на сторону неудачников?

— В таком случае не могли бы вы оказать нам по крайней мере любезность — не поддерживайте карфагенян, когда мы начнем с ними воевать, сохраняйте хотя бы нейтралитет?

— Ничего не можем обещать, — говорили кельты. — У вас хотя бы совесть имеется? Сагунт был вашим союзным городом, он держался, сколько мог — а где были вы, когда карфагеняне разграбили и сожгли его? Что-то не складывается у нас такого впечатления, что от союза с Римом будет хоть малейшая польза.

Посланники Вечного города просили, чтобы кельты — ну такую-то малость они могут сделать? — не пропускали карфагенян через свою территорию. Тут среди собравшихся, особенно среди воинственно настроенной молодежи, поднимался хохот.

— Они боятся, что карфагеняне придут в Италию! — кричали кельтские воины. — Но мы-то здесь при чем? Почему мы должны выполнять их глупые и наглые требования? Может быть, они хотят сделать из нас щит, чтобы Ганнибал бил по нашим городам и людям, вместо того чтобы как следует ударить по римлянам? Ну так пусть бьет по римлянам, а мы посмотрим! Никто из кельтов никогда не видел от Рима ничего хорошего — все эти «союзы» просто способ собирать дань и навязывать свободным людям собственный образ жизни.

У Ганнибала, в отличие от злополучных римских послов, все складывалось очень удачно. Он вернулся в Новый Карфаген с добычей. Всем заплатил, всех наградил. Тут до него дошло известие с родины: мало того что в Карфагене официально утвердили его в качестве полководца — началась война с Римом, и он, Ганнибал, стал причиной этой войны.

Великий карфагенянин был удовлетворен подобным итогом. К этой войне он, в общем, и стремился.

Ганнибал прибег к своему обычному приему, который использовал для укрепления армии. Отряды у него были многонациональные, а солдаты имели обыкновение разбиваться по «землячествам». Ганнибалу же требовалось создать настоящее братство по оружию. Но главное — ему совершенно не нужно было, чтобы в разгар кампании часть солдат вдруг начала неудержимо тосковать по родине. Такая тоска чревата нарушениями дисциплины и дезертирством.

Поэтому новых воинов, набранных из числа иберийцев, он отправил в Карфаген — пусть приобретают там новых друзей и новые знания и заодно находятся подальше от родины, куда можно было бы сбежать, если накатит неуместная ностальгия.

А из Карфагена, наоборот, он вызвал подкрепление из числа пунийцев. Причины — те же самые. Впрочем, немалая часть иберийцев оставалась и в испанской армии Ганнибала. Всем этим людям предстояло сплотиться в боях.

Зная, что по полуострову разъезжают римские посланники, Ганнибал принял ответные меры — отправил своего брата, «ревностного» (по определению Тита Ливия) Гасдрубала, следить за тем, чтобы миссия сенаторов успехом не увенчалась.

В начале мая 218 года до н. э., как принято считать, Ганнибал покинул Новый Карфаген со своей армией. Несомненно, он хорошо был осведомлен о том, с каким противником ему предстоит иметь дело. Разведка у пунийцев работала великолепно — напомним, что военную разведку изобрели задолго до появления на картах Карфагена, в Египте эпохи Бронзового века.

Нашим «разведчиком» в данном случае может служить Полибий, который тоже достаточно точен. Римская армия — это четыре консульских легиона (у каждого консула по два). Набирались они из числа римских граждан. Легион, в свою очередь, — это 5200 пехотинцев и триста всадников. Имелись еще два дополнительных легиона, численностью меньше: по 4200 пехотинцев и 200 всадников в каждом. И еще вспомогательные войска, набираемые из числа латинских союзников.

Не стоило сбрасывать со счетов и римские резервы — граждане Рима и Кампании, а также представители италийских народностей. Как помним, в Италии жили не только римляне, точнее, далеко не все, кто жил в Италии, принадлежали к числу римских граждан со всеми правами. Лишь позднее все они смешались в единый народ, а в те времена люди точно знали, к какому племени они принадлежат: умбры, этруски, марсы, самниты, луканы и так далее... Их было много, и они также служили в римской армии как союзники.

Вся эта сила была огромной.

Но Ганнибал хорошо разбирался в ситуации и определенно знал, что верность многих италийцев Риму под вопросом, а доблесть их ниже, чем у легионеров, которые были натасканы многолетней службой и своего командира боялись гораздо больше, чем врага.

Римские граждане, в свою очередь, далеко не все отличались силой и доблестью. В состав резерва включались на самый крайний случай и люди пожилого возраста, способность которых носить оружие была весьма сомнительной.

С одной стороны, огромные резервы, которыми располагал Рим, были разбросаны по большой территории. Чтобы их собрать, вооружить, организовать, требовалось время и недюжинные организационные усилия. Но с другой стороны, это же обстоятельство открывало перед Римом практически неиссякаемый источник «человеческого ресурса».

У карфагенян такого источника ни в Испании, ни в Италии не имелось. Разве что удалось бы переманить на свою сторону какой-нибудь вспомогательный отряд, укомплектованный строптивыми италийцами. Но надеяться на «авось» было опрометчиво.

Однако имелась хорошая лазейка для умного стратега. «Разделяй и властвуй» — этим правилом руководствовались отнюдь не только римляне.

На территориях, по которым собирался пройти карфагенский полководец, жили римские граждане разных, так сказать, сортов. Были полноправные — со всеми политическими правами, а имелись и второсортные, не имевшие, скажем, избирательного права¹. Впоследствии эта система будет постепенно разрушаться, но пока время для подобных реформ еще не наступило.

Особенно обидно было то, что латинские граждане полностью обязаны были разделять ответственность и финансовые расходы по случаю войны наряду с римскими, притом что, начинать или не начинать войну, их не спрашивали. То есть права у них были разные, а обязанности одинаковые. И это не могло не огорчать италийцев и, следовательно, играло на руку Ганнибалу.

Область латинского права включала, в частности, такие города, как Цере (в Этрурии), Сена Галльская, Капуя в Кампании. В Капуе вообще имелись собственные органы политического

¹ О различии в типах гражданства см. примечание к гл. 4.

самоуправления, собственные магистраты, народное собрание и даже сенат. Все это крайне пригодились Ганнибалу в самом ближайшем времени. Ведь кампанская политическая элита стремилась пробиться на самый верх — в рамках римской конфедерации.

По всей италийской территории были разбросаны независимые города со своими магистратами и собственным традиционным правом. Некоторые города — такие как Сполетий (Сполето) или Беневент — продемонстрировали непоколебимую верность Риму. Но другие — в Апулии, Лукании, Бруттии — без особых нравственных судорог перешли на сторону пунийского полководца, бросив своих римских союзников на произвол судьбы¹.

Итак, в начале лета 218 года до н. э. Ганнибал, наконец, перешел назначенную пограничной реку Ибер. Благодаря его умелой работе с местным населением, жители тех краев, по которым предстояло идти карфагенской армии, были настроены к пунийцам доброжелательно. Ганнибал постоянно выспрашивал о безопасной дороге через Альпы.

Движение огромной армии карфагенян, «насыщенной» частями завербованных кельтов, было мощным и производило сильнейшее впечатление на местный люд. Однако на подходе к Пиренеям армия начала таять. То, что предвидел Ганнибал, отправляя часть иберийцев в Африку, произошло: как только разнесся слух о том, что ожидается серьезная война с Римом и ради этого предстоит одолеть альпийские перевалы, одно подразделение, укомплектованное галлами, внезапно испытало сильную тягу к домашней жизни. Война их не смущала, но переход через Альпы — другое дело.

Они прямо объявили об этом полководцу, и Ганнибал отпустил их. Уговаривать — бесполезно, задерживать силой — небезопасно: могли взбунтоваться и другие.

И, чтобы этого не произошло в более неподходящий момент, великий полководец сам предложил всем колеблющимся оставить его армию. Историки сообщают, что армия пунийцев «похудела» на десять тысяч человек. Ганнибал знал, что эти люди все равно дезертируют: они принадлежали к народам диким и строптивым и в любой момент могли передумать. Поэтому он и отпустил их, чтобы избавиться от балласта.

¹ Печальная история не дождавшегося римской помощи Сагунта также сыграла значительную роль.

А затем, чтобы и другие, поразмыслив, не захотели присоединиться к «балласту», стремительно перешел Пиренеи и разбил лагерь возле города Илиберриса¹, в Нарбоннской Галлии.

Об армии Ганнибала и о коренном ее отличии от армии Рима рассуждают все историки Второй Пунической войны. Главное отличие заключалось в том, что костяк римской армии составляли граждане Рима, а костяк пунийской армии — профессионалы-наемники. Полибий, которому во всем и всегда непременно нужно дойти до самой сути, пытается именно этим обстоятельством объяснить основную причину конечной победы римлян:

«Государство карфагенян... возлагало надежды свои... на мужество наемников, а римское — на доблести собственных граждан... Отстаивая родину и детей, римляне никогда не могут охладеть к борьбе...»

Но Полибий прав не во всем. Рассмотрим поближе армию Ганнибала. Из кого же состояли войска, которые он привел в Италию?

Изначально армия Карфагена действительно состояла из обычных наемников. В Карфагене, как помним, не существовало такой вещи, как воинский призыв. Граждане Карфагена если и объединялись в отряды, то только по особому случаю, например, если требовалось оборонить свой родной город от каких-нибудь залетных разбойников или диких кочевников из африканской саванны.

Однако со времен Гамилькара кое-что изменилось. Наемников стало значительно меньше. Увеличилось количество солдат, гораздо крепче привязанных к Карфагену, нежели обыкновенные наемники, служившие за деньги: это были профессионалы, выходцы из народов, подчиненных Карфагену, в первую очередь ливииофикийцев, то есть жителей Африки с примесью ханаанской крови.

Ливийцы были пугающе выносливыми и дисциплинированными. Вооружены они были дротиками, кинжалом и круглым щитом. Позднее, при Каннах Ганнибал раздал им дополнительное оружие, трофеи, полученные в битве при Тразименском озере.

Наряду с ливийцами в армии Ганнибала сражались иберийские пехотинцы. Они также принадлежали к числу народностей, покорившихся Карфагену и ставших его союзниками.

¹ Современный Эльн в департаменте Восточные Пиренеи (Франция), примерно в 15 км юго-восточнее Перпиньяна.

За плату у Ганнибала служило некоторое количество солдат из числа непокоренных народов, вроде кастильских кельтиберов. Полибий подробно описывает их вооружение: короткий обоюдоострый меч, фальката — серповидная сабля. Щит у них был круглый, как и у ливийцев; однако в тех случаях, когда они стояли в передовой линии (при Каннах, например), они использовали галльский щит, длинный, овальной формы.

Имелись также отряды «чистых» наемников — балеарцев. Главным их оружием считалась праща. Эти люди владели пращой виртуозно. Следует учитывать также, что праща считалась одним из самых опасных видов оружия. У пращников, как правило, имелось три пращи с ремнями разной длины, в зависимости от того, на какое расстояние требовалось метнуть снаряд.

В числе наемников упоминаются три сотни лигуров. Их использовали в легкой пехоте и в качестве разведчиков.

После вступления Ганнибала в долину По к его армии начали присоединяться и галлы. Воинственные и кровожадные, они зачастую открывали сражение и погибали во множестве, поскольку именно они стояли в передовых линиях и подвергались наиболее сильной первой атаке противника.

Что касается всадников, то их отряды были сформированы из нумидийцев. Нумидийцы были связаны с карфагенянами старым союзом. Что не помешало им, впрочем, впоследствии найти общий язык с римлянами... Но это произойдет позднее.

Поразительно, что Ганнибал ухитрился не только держать под контролем эту весьма разнородную армию — он фактически сплотил ее в некое единство, и на протяжении пятнадцати лет, с 218 по 203 год до н. э. она оставалась как бы одним «организмом». При этом отряды по-прежнему формировались по национальному признаку — ни о какой «дружбе народов» речь не шла. Однако общие испытания и, главное, оторванность от корней, от родины (это было сделано Ганнибалом сознательно) рождало у солдат его армии чувство близости. Все низшие командиры принадлежали к тому же народу, что и их солдаты, но высшее командование сплошь состояло из карфагенян, причем, скорее всего, аристократического происхождения. Эти люди были абсолютно преданы Ганнибалу и Баркидам.

Одной из самых примечательных особенностей армии Ганнибала являлись, несомненно, слоны. Ганнибал не был первым, кто решил выпускать слонов на поле битвы. В Южной Италии

гиганты с хоботами произвели фурор. Вспомним, что во время Первой Пунической войны и в Сицилийской кампании слоны участвовали в сражениях, а в ущелье Пилы Гамилькар с помощью этих животных расправился с мятежниками.

По поводу слонов, чьи изображения сохранились на карфагенских монетах, чеканившихся в Испании, историки делают вывод, что в Карфагене использовались не те огромные африканские слоны, рост которых превышает три метра, и не азиатская разновидность этих животных, а мавританские «саванные слоны», чья высота в холке достигает двух с половиной метров максимум. У них большие уши, большая впадина на спине, кольчатый хобот, длинные бивни. Подобные слоны тогда еще обитали на побережье Марокко, в предгорьях Среднего Атласа, недалеко от Геркулесовых столбов. В ту пору земли эти были более лесистыми, чем сейчас. Слоны обитали там вплоть до первых столетий нашей эры. Они исчезли из-за систематического истребления — хотя, возможно, какую-то роль в их гибели сыграли и климатические изменения¹.

В любом случае в конце весны 218 года до н. э. с войском Ганнибала шли двадцать семь слонов. Все они представляли собой невысоких североафриканских слонов, за исключением одного. Об этом слоне пишут историки, его называют Сирийцем.

С другой стороны, слово *Surrus* — имя этого слона — может означать не «сириец», а «кол», и в таком случае, по остроумной догадке современных исследователей, речь идет о животном с одним бивнем.

Помимо личного имени, этот слон обладал также характером и судьбой, описанными в античной литературе: о нем говорили как о «самом отважном» из всего четвероногого воинства.

На спинах невысоких слонов не устанавливали башен; там просто сидел погонщик. Таких погонщиков Полибий называет «индийцами»², но это, видимо, дань традиции, никаких индийцев в армии Ганнибала, разумеется, не было.

«Змеевидная рука» — хобот — также производила на римлян пугающее впечатление. Пока римляне не привыкли к слонам, эти животные представляли действительно грозную несокру-

¹ По-видимому, последние представители этого подвида были истреблены арабскими охотниками в Мали в начале XVI в. На этом популяция слонов севернее Нигера перестала существовать.

² Впервые со слонами европейцы встретились во время индийского похода Александра. Это оставило неизгладимый след во всей античной культуре.

Карфагенские боевые слоны в битве при Заме.

Анри-Поль Мотт, 1890 г.

шимую силу. Но позднее римляне приспособились к ней и научились обороняться.

Так или иначе, в армии Ганнибала служили симпатичные, сравнительно невысокие слоники, поэтому академические картины, которые изображают переправляющихся через Альпы карфагенян в сопровождении стада гигантских мамонтов, впадают в художественное преувеличение.

В конце мая или в начале июня 218 года войско Ганнибала выступило из Нового Карфагена. Пуниец вступил на территорию нынешней Каталонии, где столкнулся с воинственными народами, которые не хотели видеть на своей земле никого из чужаков и не были расположены вести «цивилизованные переговоры» на тему «мы только пройдем здесь, немного запасаемся провиантом и двинемся дальше». Этим людям вообще не нравилось, что какие-то подозрительные незнакомцы собираются передвигаться по их территории, поэтому карфагенянам пришлось вступить с ними в схватку. Полибий утверждает, что в этих стычках, в масштабах всей Второй Пунической войны достаточно незначительных, пунийцы все же понесли ощутимые потери:

«При переходе через реку Ибер он (Ганнибал) покорил народы илургетов и баргусиев... Подчинив эти народы своей власти и взяв приступом некоторые города, хотя и скорее, чем можно было

ожидать, но лишь после многих жестоких сражений и с большими потерями в людях.

Ганнибал оставил Ганнона правителем всей страны, что по сторону реки Ибер, и дал ему неограниченную власть над баргусиями; этим последним он доверял менее всего по причине сочувствия их римлянам. Из своих войск Ганнибал отделил Ганнону десять тысяч пехоты и тысячу конницы; ему же оставил и все припасы войск, вместе с ним выступивших в поход. Такое же количество войска он отпустил на родину с целью иметь друзей в покинутых дома на родах... Остальное войско, таким образом облегченное, он повел за собою... Войско его отличалось не столько многочисленностью, сколько крепостью здоровья и было прекрасно испытано в непрерывных битвах в Иберии».

Через Пиренеи Ганнибал переводил армию, уже значительно уменьшившуюся в размерах. Все историки дружно утверждают, что он в силу своей гениальности заранее предвидел такой ход событий, поэтому и набрал войско заведомо избыточное, а потом без особых сожалений избавлялся от людей, оказавшихся лишними. Все, в чьей верности у великого полководца имелись сомнения, остались по эту сторону Пиренеев. Остальные перешли с ним через горы.

Заканчивался июль. Ганнибал спешил, у него не было времени на задержки, тем более — на битвы в пути. Согласно легенде, сами боги направляли его. Темой для очередной порции картин академической живописи стал «Сон Ганнибала», который якобы привиделся ему в начале кампании: некий божественный юноша указывал карфагенянину путь, а некий гигантский змей, двигаясь вслед за Ганнибалом, разрушал римскую цивилизацию... Здравомыслящий и скептически настроенный Полибий этому сну не верит ни на грош, но последующие составители гимназических учебников любили этот сюжет.

«Ведомый богами» полководец в любом случае не хотел стычек с местными жителями. А те, напротив, решительно схватились за оружие.

Это были племена, которые поселились на территории нынешнего Руссильона. Они появились здесь в конце III в. до н. э. и возглавлялись кельтским племенем вольков. Объединенное войско этих племен собралось в Русциноне (Кастель-Руссильон) и ясно продемонстрировало свои намерения.

Ганнибал пустил в ход пунийскую дипломатию и просто откупился. Получив весьма щедрый дар, кельтские вожди дали ему

разрешение пройти мимо Русцинона. Никаких препятствий армии Карфагена эти воинственные, но внезапно проявившие благоразумие кельты чинить не стали.

И двинулись войска пунийцев по местности, которая спустя столетия станет известна в истории как Лангедок...

Стояло жаркое лето, урожай уже созрел. Войско Ганнибала шло, как полагают, по самому короткому пути — к Роне, немного выше ее слияния с рекой Дюранс. Между пунийцами и морем раскинулась болотистая местность. На вершинах холмов, тянувшихся по другую сторону дороги, находились небольшие укрепления, нечто вроде караульных башен. Они стояли на всем пути, от Нарбонна до Нима.

Эти вышки или укрепления позволили историкам строить догадки о том, куда подевались дополнительные тринадцать тысяч воинов из армии Ганнибала. Дело в том, что Полибий уверенно говорит об «исчезновении» еще более чем десяти тысяч солдат.

Как помним, Ганнибал набрал войско «с запасом». У Пиренеев он избавился от тех, в чьей преданности не был уверен, и они с облегчением лишили себя счастья стать частью легендарного похода.

В дальнейшем армия пунийца также продолжала таять. Куда подевалась такая прорва солдат, если по пути до Нима у Ганнибала не было сражений? Он же, помнится, уладил вопросы с кельтами мирным путем. Эпидемия? Не было; если бы была — о ней бы сохранились упоминания.

Однако если Ганнибал в каждой из крепостей, встречавшихся по дороге, оставлял гарнизон, — тогда «исчезновение» тринадцати тысяч солдат вполне объяснимо.

В любом случае Ганнибал шел через Русильон и Лангедок как нож сквозь масло.

В конце августа или в начале сентября 218 года Ганнибал вышел на берег Роны.

Навстречу ему двигались римляне.

* * *

Публий Корнелий Сципион провел флот вдоль побережья Этрурии, затем Лигурии и встал на якорь напротив Массилии (Марсель). На берегу одного из притоков Роны он разбил лагерь.

Вопрос: что делал Сципион на берегу Роны, если изначально его намерением была Испания, куда он собирался с двумя консульскими легионами?

Все дело в кельтах, обитавших в долине реки По.

Весной 218 года до н. э. римляне основали два города — свои колонии: Плаценцию (Пьяченцу) и Кремону. Это сильно не понравилось воинственным бойям, которые обитали поблизости, в местности, ныне известной как область Эмилия-Романья (главный город — Болонья). Не исключено, что определенную роль в этом недовольстве сыграли люди Ганнибала. Великий полководец готовил почву загодя и отправлял своих агентов в земли, где намеревался пройти с войском.

Полибий рассказывает об этих двух городах, которые спешно были заложены римлянами по обе стороны реки Пад (По). Оба города быстро укреплялись и заселялись колонистами, которым было приказано явиться к месту поселения в тридцатидневный срок. Любящий «точные» цифры Полибий утверждает, что для каждого из этих городов было назначено по шесть тысяч человек¹.

Бойи давно уже были готовы изменить «союзу» с римлянами, который, несомненно, был навязан силой. Теперь удобный случай представился: надвигались «несметные полчища» Ганнибала, а с ними и надежда скинуть ненавистное римское покровительство. Посланцы Ганнибала подливали масла в огонь — они тайно прибывали к бойям и обещали им помощь в священном деле освобождения от латинской деспотии. Поэтому бойи бросили своих заложников у римлян на произвол судьбы и не задумываясь вступили в союз с карфагенянами.

Римляне считали, что достаточно обезопасили себя и свои мирные договоры с бойями, забрав у них людей в качестве заложников. Но варвары и есть варвары: они были убеждены в том, что обреченные ими на смерть от римских палачей сограждане прекрасно поймут соплеменников и поддержат такое решение. История, впрочем, не сохранила достоверных известий ни о судьбе бойев-заложников, ни о том, как они сами к этой судьбе отнеслись.

Бойи быстро разорили земли, которые по жребью были разделены между римскими колонистами, и показали тем самым, что бывает с имуществом людей, посягающих на исконно кельтскую территорию.

¹ Так как колонистами считались лица, имеющие римское или латинское гражданство, т. е. мужчины в расцвете лет, то реальные числа в 4–5 раз выше. Как правило, римскими колонистами были отслужившие в армии ветераны в расцвете лет.

Римлянам пришлось бежать и скрываться в городе Мутина (сейчас — Модена). Там-то их и осадили. В числе осажденных оказались три знатных римских гражданина — они были присланы в Плаценцию и Кремону со специальным заданием: измерить и разделить между новыми поселенцами землю.

Из них двое — бывшие преторы, один — бывший консул; все это лица немаловажные для Римского государства. Видимо, полагаясь на свое высокое положение, они потребовали у бойев вступить в переговоры.

Варвары согласились. Но как только знатные римские господа явились, их попросту схватили и заперли, а потом потребовали обмена: пусть-ка теперь римляне вернут заложников.

Разъяренный Рим ответил боевыми действиями: претор Луций Манлий находился поблизости со своими войсками. Он бросился на помощь своим — и попал в засаду. В лесистой местности, где бои были у себя дома, римляне оказались окружены со всех сторон и почти поголовно перебиты, а немногочисленные уцелевшие бросились бежать. Вырвавшись из леса-западни, они кое-как сумели собраться, построиться, и дальнейшее отступление происходило упорядоченно и организованно.

Что, впрочем, не слишком спасло ситуацию: бои наступали им на пятки и в конце концов загнали римлян в одну безвестную деревеньку, где и осадили.

В Риме стало известно о плачевном положении отряда. В результате один из двух легионов Сципиона, который собирался в Испанию, ни в какую Испанию не отправился, а застрял в районе Мутины — разбираться с боями.

Пришлось срочно набирать новый легион взамен «израсходованного» — а на это потребовалось дополнительное время. «Лишнее» время, которого у римлян, естественно, не было. Только через три месяца Сципион добрался до Марсея.

В это время Ганнибал уже находился на полпути в Италию.

Однако римляне сдаваться не собирались. Сципион, хорошо зная местность, своими легионами преградил дорогу, наиболее удобную для пунийцев. Проще и лучше всего было бы для них переправиться через Рону ниже ее слияния с рекой Дюранс — неподалеку от Бокера. Течение реки там спокойно, а сама она не очень полноводна, тем более в конце лета. Но как раз там и стоял Сципион.

Легко представить себе позднейших историков, которые с курвиметрами в руках склоняются над картами и высчитывают пути и направления, основываясь на показаниях того же Полибия.

*Переправа Ганнибала через Рону. Анри-Поль Мотт, 1878 г.
Автор ксилографии вновь страдает преувеличениями, нарисовав саванных слонов едва ли не вдвое крупнее, чем они были в реальности.*

«Вступив в прилегающую к реке (Родан) область, — пишет Полибий, — Ганнибал немедленно стал готовиться к переправе в таком месте, где река течет еще по одному руслу. Лагерь свой он разбил днях в четырех расстояния от моря. Он всякими способами расположил к себе береговых жителей реки и закупил у них все суда из цельного дерева, а также значительное количество лодок... От них же он получил отборного дерева, пригодного для сооружения цельных лодок, благодаря чему в два дня изготовлено было бесчисленное множество судов, ибо каждый воин, дабы не нуждаться в другом, старался сам обеспечить себе переправу».

Переходя через Рону, Ганнибал внезапно наткнулся на враждебных вольков. Те заняли противоположный берег реки и не желали пропускать пунийцев. Переходить реку на глазах недружелюбно настроенных «варваров», которые только и ждали удобного момента напасть, в намерения Ганнибала не входило. Армия во время переправы через водную преграду наиболее уязвима. Ганнибал в прошлом и сам пользовался подобными обстоятельствами и подставляться под удар не собирался.

Он отправил один из своих отрядов в засаду. Командовал этим отрядом, собранным из воинов-иберийцев, Ганнон — сын старшей сестры Ганнибала. Эти солдаты прошли по противопо-

ложному берегу Роны вверх по течению. Там имелось хорошее место для переправы: река разделяется на два рукава и посередине находится небольшой островок. Очевидно, он выступает из-под воды к началу осени, когда река обмелевает. Вот в этом месте Ганнон со своими людьми перешел реку и двинулся обратно, чтобы незаметно зайти в тыл враждебно настроенным волькам.

Поднявшись на высоту, Ганнон развел костер и дымовым сигналом сообщил Ганнибалу о том, что засада готова. Началась переправа основных сил карфагенской армии через Рону.

Зрелище переправы было грандиозным. Люди использовали лодки и плоты, кони переплывали реку сами — их направляли с лодок. Некоторое количество лошадей, прямо в упряжи и полном боевом снаряжении, перевозили на плотках. Это делалось для того, чтобы всадники могли тотчас сесть на них верхом и вступить в бой, если потребуется.

Вольки рванулись навстречу врагу, ожидая, когда первые карфагеняне ступят на берег. Однако тут их ожидал пренеприятный сюрприз в виде засадного отряда Ганнона, который ударил их в спину.

Вольки, как и положено варварам, наступали беспорядочно и никакого строя не соблюдали. Наткнувшись на врага, который бил внезапно и сильно, оттуда, откуда удара не ожидалось, они попросту побежали. Переправа карфагенского войска, таким образом, была благополучно завершена.

Полибий, который писал для римского читателя, особое внимание уделил, как водится, слонам, поскольку эти крупные животные представляли главную экзотику в войске Ганнибала.

«Переправа слонов произведена была следующим образом: сколотив множество паромов, прилаженных один к другому, карфагеняне связали два из них, образовавшие площадь футов в пятьдесят ширины, и крепко вколотили их в землю на спуске к реке. К этим первым паромам карфагеняне прикрепляли с наружной стороны другие, выдвигая сооружение все дальше в реку. Обращенную к реке сторону помоста они укрепили на суше с помощью канатов, накинутых на деревья, которые росли на берегу... К паромам привесили множество канатов, благодаря которым буксирные лодки не давали течению унести их. Лодки эти должны были сдерживать напор течения и тащить находившихся на пароме слонов на другой берег. Кроме того, на все паромы снесено было много земли, которую бросали сюда до тех пор, пока не получилось подобие того

пути, какой на суше вел к месту переправы... Так как слоны привыкли следовать за индийцами до воды и ни за что не решились входить в воду, то проводники вели их по насыпной земле таким образом, что впереди шли две самки, а остальные следовали за ними. Как только поставили слонов на крайних паромов, веревки, соединявшие эти паромы с остальными, были разрублены, канаты натянуты с помощью лодок, и слоны вместе с находившимися под ними паромов быстро отделились от насыпи.

Сначала напуганные животные поворачивались и метались во все стороны, но будучи окружены отовсюду водою, они робели и по необходимости оставались на своих местах. Таким же способом прилаживались каждый раз два паромов, и на них перевезена была большая часть слонов.

Несколько животных в страхе кинулись посередине реки в воду. Все, что были при них, индийцы погибли, но животные были спасены. Ибо благодаря своей силе и длине хоботов, которые они держали на поверхности воды, которыми вдыхали воздух и выбрасывали всю попадавшую в них воду, слоны большую часть пути под водою сделали стоя и выходили невредимыми на берег».

Картина, конечно, поражала воображение античного читателя. Впрочем, она и современного читателя не оставляет равнодушным.

Так или иначе, Ганнибал вместе со своими слонами форсировал Рону, и теперь ничто не мешало его встрече с легионами Сципиона.

Сципион пережил несколько неприятных часов, когда прибыл к месту переправы карфагенян. До сих пор он был почти уверен в том, что Ганнибал не решится идти в Италию столь опасным путем: местность была населена «варварами, на коих нельзя положиться», воинственными и коварными. Но Ганнибал решился...

Варвары действительно отличались воинственностью и коварством, однако иметь с ними дело было все-таки возможно — по крайней мере, Ганнибалу это удалось.

После четырехдневного перехода Ганнибал прибыл к месту, которое у всех историков названо «Остров».

Как всегда, тщательно разведывая местность, Ганнибал выяснил, что обстоятельства ему благоприятствуют: местные племена находятся в состоянии вражды. На власть над Островом в данный момент претендовали два брата. Ганнибал долго не колебался и поддержал старшего — более сильного и обладающего

большим количеством сторонников. Общими усилиями они быстро разделались с младшим претендентом и изгнали его вместе со всеми приверженцами. После чего благодарный варвар снабдил войско Ганнибала продовольствием и новым вооружением, помог починить испорченное снаряжение, дал обувь и кое-какую одежду.

Впереди карфагенян ожидали встречи с еще более воинственными и коварными варварами — аллобригами, и иметь в тылу дружественно настроенное племя было для пунийцев отнюдь не лишним. Так что Ганнибал подходил к Альпам, не опасаясь, что ему внезапно ударят в тыл.

Десять дней карфагеняне продвигались по берегу реки до Альп. И все это время переход совершался спокойно. Но аллобриги, как волки, следовали за ним, держась на безопасном расстоянии и выжидая удобного момента, чтобы напасть. На равнине это не представлялось возможным из-за конницы и благодаря поддержке, которую дружественное племя оказывало карфагенянам.

Ганнибалу предстояло совершить самое грандиозное из своих деяний — перейти через Альпы.

ГЛАВА XIV

Со слонами через Альпы

Еще в древние времена историкам доставляло особенное наслаждение изучать варианты и версии легендарного перехода Ганнибала через Альпы. Возможности, маршруты, карты, перевалы, места для ночевки, горные хребты, слоны, лошади, повозки, огромные армии, марширующие по пояс в снегу, в нечеловечески тяжелых условиях... Опровергать или подтверждать предания, находить привязки к местностям, сопоставлять данные, выискивая несоответствия и неточности, язвить в адрес оппонентов... Человеческий ум не любит находиться без движения, ему необходимо цепляться за разные мелочи, оживлять события, соединяя и вновь смешивая кусочки мозаики, составляя из них причудливые картинки и предаваясь восторженному созерцанию оных.

Коротко говоря: где же прошли слоны? Какой перевал оказался достаточно податливым для этого «стада вооруженных мамонтов», ведомых военным гением Ганнибала?

Несомненно, Ганнибал хорошо подготовился к переходу, изучил тему. Он обзавелся толковыми проводниками и внимательно выслушал рекомендации. Никакого «чуда» в плане импровизации в его переходе через Альпы не было.

Полибий, который любил все пробовать и применять на себе (в частности, он обошел места действия многих событий, описанных в его книге), не жалеет ядовитых слов по поводу различных спекуляций на все эти темы.

Альпы вовсе не неприступны, утверждает он, поэтому у Ганнибала не было надобности в помощи сверхъестественных существ, наподобие того божественного юноши, который в пророческом сне указал ему путь в Италию.

Для начала, Альпы — не пустыня, они обитаемы. Ганнибал вошел в эту местность, не сомневаясь в успехе своей миссии. Он точно знал, куда направляется, с какими целями идет, и имел четкое представление о том, как своих целей достичь. Откровения, видения, озарения и случайности в его походе большой роли не играли, хотя если подворачивалась какая-то хорошая возможность, он ее, естественно, не упускал.

Кельты, которые расселились по долине Роны (Родана), неоднократно переходили Альпы большими армиями — для того, чтобы, объединившись с кельтами Паданской равнины, сразиться с римлянами. То есть дорога для достаточно многочисленного войска через Альпы была разведана и не раз испытана.

Ганнибал действовал как и всегда: без задержек, но и не спеша, тщательно изучая местность и сопутствующие обстоятельства. Здешние обитатели были настроены к римлянам, мягко говоря, не слишком дружелюбно, поэтому они охотно давали проводников карфагенскому войску.

Полибий, описывая легендарный переход, не сомневается в том, что сведения его более чем точны.

«Мы говорим с уверенностью, — пишет греческий историк, — ибо о событиях этих получили сведения от самих участников, местности в них осмотрены нами лично во время путешествия, которое мы совершили через Альпы ради изучения и любознательности».

Тит Ливий, напротив, сосредоточил свое внимание преимущественно на трудностях, практически — невыполнимости предстоящего перехода. Ливий излагал тему весьма живописно:

«Здесь (перед Альпами) воины, хоть они и были заранее подготовлены молвой... были поражены ужасом, видя вблизи эти громадные горы, эти ледники, почти сливающиеся с небесным сводом, эти безобразные хижины, разбросанные по скалам, эту скотину, которой стужа, казалось, даже расти не давала, этих людей, обросших волосами и одетых в лохмотья. Вся природа, как одушевленная, так и неодушевленная, казалась окоченевшей от мороза, все производило удручающее впечатление, не поддающееся описанию».

Помощь дружелюбных аборигенов, которые охраняли войско Ганнибала от волчьих атак аллобригов, закончилась вместе с равнинной местностью; в горах обстоятельства складывались уже принципиально по-другому.

В горах аллобриги были у себя дома. Они заранее заняли наиболее удобные для себя позиции, чтобы можно было напасть на чужую армию и не позволить ей пройти по своей земле.

Есть мнение, что им бы это отлично удалось, сумей они держать язык за зубами и вообще не шуметь. Но воинственная натура варваров давала о себе знать, и карфагенская полевая разведка без особого труда раскрыла их коварные замыслы. По крайней мере, Ганнибал был предупрежден. Какие-то потери пунийцы, естественно, в этих стычках понесли, но не настолько значительные, чтобы это могло их остановить.

Обмануть варваров — все равно что обмануть детей, и хитрость, которую применил Ганнибал, действительно выглядит очень простой. Но она возымела желаемый эффект.

Для начала он выяснил, каким образом аллобриги сидят в засаде. Это оказалось достаточно просто: в армии Ганнибала имелись галлы, которые практически не отличались от аллобригов, ни внешне, ни по языку. Эти люди и выступили в роли разведчиков: они без труда смешались с местными и подслушали, о чем те говорят.

Днем аллобриги и вправду караулили пунийцев, готовясь атаковать их в любой момент, но по ночам, когда никто благоразумный по незнакомой горной местности ходить не станет, покидали свои посты и отправлялись на обустроенные военные стоянки, где беспечно предавались отдыху.

Ганнибал оставил в своем лагере немногочисленных вахтенных и велел им разжечь как можно больше костров. В темноте казалось, что все пунийское войско находится в лагере. На самом деле Ганнибал ночью миновал узкий проход и захватил те места, где днем неприятель устраивал засады.

Теперь аллобригам некуда было вернуться, и пунийцы без особых проблем прошли по местности, где ранее их ожидало нападение врага.

Естественно, совсем избавиться от преследователей Ганнибалу не удалось, и он отлично отдавал себе в этом отчет. Аллобриги продолжали двигаться поблизости от пунийской армии, высматривая слабые места и выискивая, как еще нанести удар.

Ганнибал шел тяжело. С ним была конница, не приспособленная к горным переходам, и, что еще более существенно, — вьючный и убойный скот. Дорога поднималась в гору круто, она была узкой и скользкой, случалось, лошади падали в пропасть. Еще хуже, если какое-нибудь животное получало травму, оно начинало беситься, метаться и сбивало с тропинки других.

В конце концов Ганнибал с частью войска — без лошадей и вьючного скота — продвинулся вперед, занял перевал и оттуда, с высоты, атаковал аллобригов. Сражение было коротким, поэтому считается не слишком значительным, хотя потери имелись с обеих сторон, и нельзя сказать, что совсем уж нечувствительные.

Дорога для пунийцев оказалась расчищена — по крайней мере, от врагов, если не от снега. С большим трудом удалось провести по ней животных, да и людям приходилось нелегко. Когда наконец армия достигла перевала, Ганнибал собрал небольшой отряд и вернулся к тому поселению, откуда аллобриги совершали свои недружественные вылазки.

По всей видимости, это было укрепление в горах, небольшое, но все-таки способное доставлять неприятности незванным гостям. Там почти никого не оказалось: все его обитатели были заняты старинным и уважаемым делом — мародерством. Недавнее сражение оставило для них немало добычи.

Поэтому Ганнибал просто забрал укрепление себе. Заодно прихватил лошадей и скотину, а также припасы и некоторое количество пленников.

После всех этих деяний следовало бы отдохнуть, и пунийцы действительно сутки не двигались с места, но затем продолжили путь и шли еще четыре дня по горам.

Урок, который преподавал аллобригам Ганнибал, пошел впрок прочим местным обитателям: они начали вести себя осмотрительнее. При появлении пунийцев варвары демонстрировали бесконечное миролюбие, предлагали свою дружбу, продукты питания, проводников, заложников — короче, все, что только ни пожелает победоносный вождь.

Ганнибал понимал цену этого «дружелюбия», но осознавал и другое: открыто демонстрировать подозрительность бессмысленно, это может спровоцировать конфликт. С другой стороны, может быть, дикари и вправду одумались? По крайней мере, на какое-то время?

На случай, если этого все-таки не случилось, тыл походной колонны прикрывали тяжеловооруженные пехотинцы — лучшие воины карфагенского войска.

По трудным узким тропинкам их вели проводники из наиболее надежных местных племен. Дорога становилась все круче, подъем все опаснее... И в самом опасном месте варвары нанесли Ганнибалу удар. Тут ему следовало благословить свою предусмотрительность, поскольку тяжеловооруженные пехотинцы сумели отразить эту внезапную атаку. Будь в тылу карфагенской армии конница, катастрофа была бы неизбежной.

Варвары отошли и рассыпались по горам, не переставая тревожить проходившую по дороге армию мелкими укусами. Они то уводили у карфагенян лошадей, то устраивали обвалы, то пускали стрелы.

Но, как пишет Полибий, «величайшую услугу оказывали Ганнибалу слоны, ибо, в каком бы месте они ни появлялись, неприятель не решался подходить туда, устрашаемый видом неведомых ему животных». Каким образом по узким горным тропам шагали слоны и как много их упало в пропасть вслед за лошадьми — история в подробностях не сообщает. Ливий предполагает, что слоны «очень замедляли шествие, когда их приходилось вести по узким и крутым дорогам, зато доставляли безопасность той части войска, в которой шли, так как враги, никогда этих животных не видавшие, боялись подходить к ним близко».

Вершины перевала Ганнибал достиг на девятый день пути и сделал привал на два дня. За это время люди и животные отдохнули, а те, кто отстал или отбился, добрались до своих.

Старинная книга — «Рим» знаменитого доктора Вильгельма Вегнера, изданная товариществом «Вольф» в 1902 году, в таких выражениях повествует о Ганнибале и его воинстве в Альпах:

«Войско расположилось на пустынной высоте, где подымались еще выше негостеприимные зубчатые утесы. Нигде не было следа человеческих жилищ, нигде и следа жизни, разве что там и сям быстро пробежит робкая серна, испугавшаяся непривычного шума от войска, или несколько орлов в поднебесье опишут свои круги, как бы высматривая себе добычу обреченных на гибель странников. Однако природа и в этой пустынной местности на высоких склонах, где еще лежал слой зимнего снега, заложила гряды Альпийских роз, украшавшие бледную землю своими цвета ржавчины листьями и красными цветами, а вечером или утром, когда на долинах лежали сумерки, вершины и ледники горели дивным огнем, точно на исполинских алтарях, в неоскверненном святом уединении, горный дух приносит Подателю всех благ жертвы благодарности и радости».

Ливий вкладывает в уста карфагенского полководца роскошную речь, которая должна была «приободрить» его утомленных воинов. Но вернее было бы предположить, что их приободрил двухдневный отдых и осознание того, что они еще живы. Довольно сложно представить себе Ганнибала, вставшего в третью танцевальную позицию посреди промозглых Альп и толкнувшего получасовую диатрибу с глубокими метафорами, незатер-

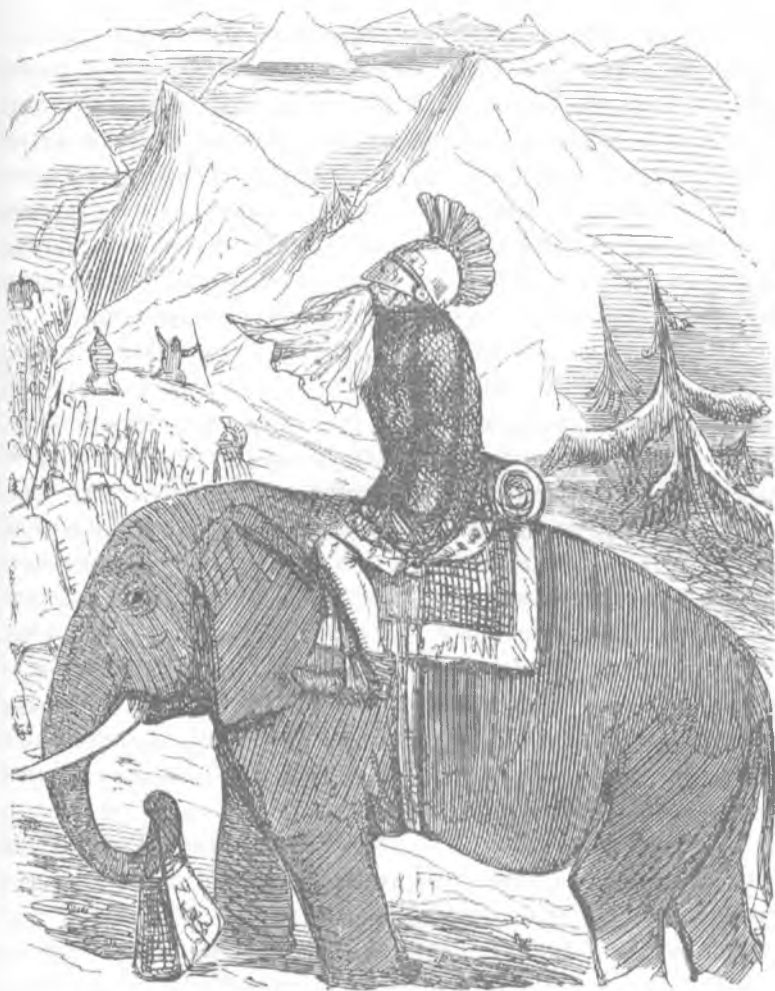

Иллюстрация к «Комической истории Рима», «Ганнибал в Альпах».

Джон Лич, 1850 г., Лондон

тыми сравнениями и риторическими изысками афинской ораторской школы. Ему явно было не до словесных изысков.

Полюбовавшись раскинувшимися перед ним видами Италии — с вершины они были как на ладони, — Ганнибал начал спускаться в долину.

Атаки недружественно настроенных варваров прекратились, но теперь войско Ганнибала столкнулось с новой проблемой: дороги были скользкими, под слоем снега лежала толстая корка льда. Оступиться и упасть в бездну можно было в любой момент.

Наконец возле одного обрыва войско просто остановилось. Обойти опасное место оказалось невозможно, этому мешал снег.

Ганнибал понял, что без лома и лопат не обойтись. Был разбит временный лагерь, и в течение нескольких дней солдаты расчищали дорогу. Солдаты ганнибаловой армии убирали снег и даже, как говорит Ливий, пробили тропинку сквозь гору, для чего развели костры, ослабили камень, раскаляя его и поливая затем уксусом, и разбили мелкие скалы, мешавшие передвижению. Только через трое суток удалось создать путь, по которому провели слонов, и еще через три дня Ганнибал спустился наконец в долину.

История эта звучит не то чтобы неправдоподобно — скорее, полуправдоподобно. Метод с поливанием раскаленных камней уксусом вызывает у современного, скептически настроенного человека определенные сомнения. Дело не в уксусе — как раз он использовался в те времена гораздо чаще, чем сейчас, армии брали его с собой и для чистки оружия, его обильно добавляли в пищу, им обеззараживали питье¹. Дело в тех деревьях, которые доблестные солдаты пунийской армии якобы валили, дабы развести костры, достаточно большие для того, чтобы скалы пошли трещинами. Где они на самом деле нашли топливо для этих костров и каково оно было — установить не представляется возможным.

Говорят, что дорога, построенная солдатами Ганнибала, еще вполне функционировала спустя триста лет; ее и в те времена именовали «Ганнибалов проход».

С момента выступления из Нового Карфагена прошло пять месяцев. Считается, что эпический переход через Альпы Ганнибал совершил за пятнадцать дней.

Где конкретно прошел Ганнибал — об этом, как уже упоминалось, споры ведутся до сих пор², и бесчисленное количество энтузиастов, с книгой Тита Ливия наперевес, совершает переходы через Альпы.

¹ Да и получить уксус особого труда не составляло. Уксусом являлось любое прокисшее вино.

² В 2016 г. группой европейских археологов в районе перевала Коль де ла Травесетт, расположенного к юго-востоку от Гренобля и к юго-западу от Турина, были обнаружены значительные массы окаменевшего лошадиного навоза. Радиоуглеродный анализ показал, что возраст органики примерно 200-е гг. до н. э. Если эти следы относятся к армии Ганнибала, а больше вроде бы и не к кому, то следует отметить, что полководец выбрал один из самых сложных альпийских перевалов. В чём причина этого — в том, что в античное время этот перевал был более проходим или в том, что на других местные племена были будированы римскими агентами — неизвестно. Ганнибал, к сожалению, записок не оставил.

* * *

Здесь уместно задать вопрос, почему Ганнибалу понадобилось форсировать Альпы в глухое предзимье? За всю историю военного искусства осенний переход через Альпы осуществлялся дважды: Ганнибалом и Суворовым. После высадки в Италии в сентябре 1943 г. командование союзников признало Альпы непреодолимыми до лета следующего года (речь шла о возможном наступлении в оккупированную Францию с юга).

Ганнибал — профессиональный военный в нескольких поколениях, естественно, понимал трудности такого похода, тем более в окружении недружественных местных племен. Что ему мешало отправиться в поход парой месяцев раньше? Или, на худой конец, перенести поход на следующий год, подгадав начать штурм перевалов ко дню летнего солнцестояния?

Чтобы ответить на этот вопрос, сначала спросим о том, почему Ганнибал вообще предпочел пеший поход? Карфаген вообще-то морская держава.

Ответ прост: контролируя Корсику, римский флот смог обеспечить свое превосходство в Лигурийском море, а Тирренское, после Первой Пунической войны, вообще превратилось во внутренний водоем Рима.

Это значило, что армия Ганнибала была чрезвычайно зависима от местного снабжения. Действительно, наладить коммуникацию с Иберией, даже чтобы обеспечить себя подкреплением, Ганнибалу не удалось. Что уж тогда говорить о фураже и продовольствии? Рассчитывать можно было только на местное население. А перед вторжением в Италию, где, как предполагалось, заметная часть племен союзна римлянам, необходимо было иметь запасов по-максимуму. Когда сельские жители более всего готовы делиться своими запасами? В сезон сбора урожая — осенью.

Вторая причина, существенно влияющая на планы Ганнибала — необходимость переправы через Рону. Это достаточно полноводная река (вторая по полноводности после Нила из непосредственно впадающих в Средиземное море). Ниже Лиона глубина реки в тальвеге в среднем около 4 метров. Драматическая история «шнорхельного перехода» слонов говорит о том, что глубина реки на переправе была не менее 2,5 метров. Гидрологический режим Роны сложен. В верхнем течении она питается ледниковыми водами, притом Женевское озеро служит естественным напорным водохранилищем. В среднем течении питание обусловлено притоками, берущими начало в ледниковых долинах Альп. Следовательно, их межень приходится на период

устойчивого перехода через ноль в основании снеговой зоны. В настоящее время это вторая половина сентября — начало октября. В нижнем течении Рона имеет в основном дождевое питание. Межень приходится на август — сентябрь. Иными словами, летом переправа будет представлять существенную трудность.

Изучение текстов Полибия и Марка Теренция Варрона говорит о том, что переправа через Рону действительно состоялась в конце августа — начале сентября 218 г. до н. э., а штурм перевалов пришелся на 15–29 октября того же года.

Возможно, Ганнибал смог бы «отыграть» еще месяц, переправившись в конце сентября, но опыт Суворова говорит о том, что это навряд ли бы решило его проблемы.

И, наконец, нельзя не учитывать еще один нюанс — возможно, Ганнибал сознательно отрезал себе путь к отступлению: едва он спустился с гор на Паданскую равнину, перевалы закрылись снегом и льдом, вернуться обратно стало невозможно. Путь был только один — вперед, к победе.

* * *

И вот карфагеняне — в Италии! В римском Сенате, что неудивительно, сильно забеспокоились, получив столь ошеломляющее известие. Основной театр военных действий переносится в Италию, и решение это отнюдь не принято победоносным Римом, оно навязано чужаками. Унизительно, но ничего не поделаешь. Следовало принять факт и реагировать соответственно.

Второй консул, Тиберий Семпроний Лонг, находился в это время, как помним, на Сицилии. Сицилия подождет, решили сенаторы, поэтому Тиберия срочно отозвали.

Тиберий отправил флот к Италии. Сципион сильно надеялся на то, что он, во-первых, соединит свою армию (в первую очередь драгоценную римскую пехоту) с армией Тиберия, а во-вторых, быстрой атакой не позволит карфагенянам собраться с силами и напасть. Но он просчитался: Ганнибалу потребовалось гораздо меньше времени на то, чтобы восстановиться и двинуться дальше.

Завершив труднейший переход, у самого подножия гор карфагеняне действительно буквально упали на землю. Однако на то, чтобы перевести дух, им понадобилось лишь несколько дней. Припасы, которые удалось перетащить с собой через горы, были тем временем съедены, и Ганнибал начал приглядываться к окрестностям. Пора начинать действовать.

Главную проблему, как и всегда, представляло местное население, с которым следовало бы, в идеале, подружиться. Причем

так подружиться, чтобы оно добровольно делилось бы с незваными гостями едой, вином и прочими благами.

В этих краях обитали, во-первых, таврины и, во-вторых, инсомбры (инсумбры), которые, естественно, враждовали между собой. Таврины, как предполагают, были племенем не галльским, а лигурийским, или же галльским только отчасти. (Кстати, имя этого племени сохранилось в названии современного города Турина.)

Для начала Ганнибал повел переговоры с тавринами. Возможно, те находились ближе или выглядели более перспективными в плане заключения с ними союза. Таврины никакого альянса с пришельцами не захотели и вели себя грубо, поэтому Ганнибал от уговоров быстро перешел к делу: он подошел к самому крупному городу, принадлежавшему тавринам, окружил его и через три дня захватил. Всех его жителей карфагенянин перебил и полностью разграбил взятый город. Это произвело должное впечатление на остальных, и воинственные варвары быстро сделались миролюбивыми.

Однако к карфагенянам присоединялось значительно меньше кельтов, чем рассчитывал Ганнибал. Как помним, он еще раньше засылал к ним своих гонцов, вел с ними переговоры и заручился их поддержкой еще до перехода через Альпы. Карфагеняне обещали разбить римлян, выбросить их с кельтской земли и покончить с их владычеством навсегда. Кельтам эта идея очень нравилась.

В чем же дело? Куда подевались значительные силы, которыми располагали местные кельтские племена?

Ответ был прост и заключался в одном-единственном слове: римляне.

Римские легионы находились уже там и стояли так, что отрезали кельтов от вторгшихся в Италию карфагенян. Более того, многим варварам, которые намеревались присоединиться к войскам Ганнибала, пришлось поневоле сделаться «союзниками» римлян и следовать за ними.

Это был, конечно, внезапный удар. Настолько внезапный, что Ганнибал поначалу даже не поверил в его возможность.

Но все подтвердилось. Сципион не просто так отказался преследовать карфагенян, когда те находились еще по эту сторону Альп. Он однозначно понимал, что перейти Альпы Ганнибалу удастся: проводники из местных, хорошо поставленная разведка, настойчивость, которая свойственна была карфагенскому полководцу, и знаменитая выносливость его армии...

И когда Ганнибал двинулся вверх по левому берегу Роны, Сципион решил не преследовать противника и не навязывать ему генерального сражения, а вместо этого вернулся в Италию.

Следовало заблаговременно подготовиться к обороне долины По: теперь место встречи с враждебной армией будет перенесено, по всей видимости, туда.

Пока события на Паданской равнине только-только готовились, Сципион назначил командующим своего брата и отправил его в Испанию. Там консульские легионы связали по рукам и ногам Гасдрубала и не позволили ему посылать подкрепление Ганнибалу в Италию. Это было умно и дальновидно со стороны Сципиона: в чужой стране Ганнибал оказался без возможности восполнять потери.

Сам же Сципион направился в Италию, чтобы встретить там Ганнибала лицом к лицу. Настало время для пунийцев изумляться. Месяц назад Сципион от изумления глотал ртом воздух, когда увидел, что у Ганнибала хватило дерзости переправиться через Родан со всеми своими слонами. Реванш был взят: Ганнибал в Италии, а Сципион его уже поджидает, и поверить в это почти невозможно.

Каким же путем прошел Сципион и как ему удалось опередить пунийцев?

Сципион сориентировался еще у переправы через Родан. Сам по себе факт, что пунийцы ухитрились осуществить эту переправу, стал для него своего рода «откровением». Но на это откровение следовало реагировать, и как можно быстрее и эффективнее. Генерального сражения у Родана — сражения, которое позволило бы покончить с врагом раз и навсегда, так сказать, не сходя с места, — не получилось. Ганнибал ушел.

И Сципион отлично понял — куда тот направляется со всеми своими наемниками и слонами. Поэтому он отвел легионы к морю и посадил на корабли.

Сципион возвращался в Италию морем, надеясь опередить пунийцев, которые направлялись туда же, но по суше и наиболее неудобным путем, через горы.

По пути Сципион забрал войска у преторов Манлия и Атилия — те еще не пришли в себя после того, как их разбили бойи. И собрав все те силы, какие были ему доступны, Сципион разбил свой лагерь в Плаценции на берегу реки По.

Тем временем Рим едва отходил от шока, вызванного вестями о вторжении Ганнибала. Сенат очухался и начал отдавать приказы. Легионы снимали с одних позиций и перебрасывали

на другие. Второй консул, Тиберий Семпроний Лонг, был отозван из Сицилии. Не до Сицилии сейчас, отечество в опасности! А он там только-только разогрелся и начал готовить африканский поход. Для начала Семпроний получил (кто бы сомневался) поддержку от правителя Сиракуз — тирана Гиерона.

Гиерон, как помним, был своего рода сиракузский Брежнев: благодаря гибкой политике и дружбе по необходимости с наиболее опасными соседями он просидел на троне полвека. Вот и Семпроний с его помощью создал на Сицилии систему обороны — на тот случай, если пунийский флот вздумает атаковать остров. Далее его взоры обратились в сторону Мальты. Гарнизон, находившийся там, сдался римлянам без боя. Короче, все началось очень хорошо, и Семпроний рассчитывал закончить консульский срок с отличными показателями и заработать триумф.

Но тут все карты смешало карфагенское вторжение. Пришлось бросать планы по африканскому походу и возвращаться в Италию. В середине ноября, наскоро передав дела другим должностным лицам, Семпроний с войском прибыл в Аримин (Римини). Там была назначена его встреча со Сципионом.

ГЛАВА

XV

На берегах Требии

Семпроний не успел к сроку. Точнее, не успел Сципион: первая стычка его с карфагенянами случилась прежде, чем обе римские армии объединились.

Тем временем Ганнибал произвел очередное легендарное действо, которое, по мнению древних историков, как нельзя лучше вселило мужество в его разнородное, потрепанное и уставшее войско.

Люди, следовавшие за Ганнибалом, привыкли за время перехода через Альпы не умываться, не бриться, не следить за чистотой и целостностью одежды, то есть фактически превратились в бродяг. С этим тоже следовало что-то делать — заново приучить их к чистоте, подтянутости и готовности сражаться.

Если верить легенде, Ганнибал вызвал пленников — варваров из числа тех племен, что шли, как волки, следом за его армией и время от времени совершали на нее набеги, а потом отскакивали и прятались. Перед ними Ганнибал положил оружие и предложил: пусть они разобьются на пары и сражаются между собой. Кто из пары останется в живых — войдет в число Ганнибалова воинства, а кому не повезет — ну, тому не повезет.

Все охотно приняли предложение. Прекрасное воинственное зрелище взбодрило и солдат, которые изначально следовали за Ганнибалом. Все подтянулись, напитались боевым духом, привели себя в порядок и снова были готовы сражаться. Вот какой комментарий дал сам прославленный полководец (если верить Полибию):

«Он (Ганнибал) выступил вперед и объяснил, с какою целью выведены были пленники: для того, говорил он, чтобы воины при виде чужих страданий научились, как лучше поступать самим в настоящем положении; ибо и они призваны судьбою к подобному состязанию, и перед ними лежат теперь подобные же победные награды. Им предстоит или победить, или умереть, или живыми попасть в руки врагов, но при этом победными наградами будут служить для них не лошади и плащи, но обладание богатствами римлян и величайшее блаженство, какое только мыслимо для людей».

Другими словами, гладиаторские поединки, организованные Ганнибалом, представляли собой не что иное, как весьма кровавую и убедительную живую метафору с элементами жертвоприношения.

Римляне, естественно, готовили симметричный ответ, но даже сквозь толщу тысячелетий мы видим, что Сципион был куда менее убедителен. Ему нужно было, чтобы солдаты навели переправу через реку Тицин¹, и он отправил вперед отряд с топорами и пилами. Сципион сказал своим солдатам следующее: «Ганнибал явился к нам, потеряв большую часть своего войска; а уцелевшие воины вследствие перенесенных лишений обессилены и не пригодны к битве. Точно так же он потерял и большую часть лошадей, да и оставшиеся ни к чему не пригодны». Сципион просто не знал, к каким действенным педагогическим приемам прибегал его гениальный визави².

На следующий день после этих попыток подбодрить свои армии и вселить в неумытых солдат воинственный и победный дух, обе армии двинулись вдоль реки навстречу друг другу. О том, что противник близко, обе стороны узнали от своих разведчиков — или, как пишут, от фуражиров, которые, видимо, столкнулись где-то на узкой дорожке в попытках раздобыть корм для лошадей.

Узнав о том, что враг близко, обе армии остановились и разбили укрепленные лагеря. На это ушло еще дня три, а затем вперед осторожно выдвинулась конница: предстояло провести более тщательную разведку.

¹ Современное название Тичино. Одноимённый город — Павия.

² Притом что о перемещениях своего противника римляне имели более или менее адекватное представление, а следовательно, разведка у них имелась.

Так начиналось знаменитое Тицинское сражение, названное по реке Тицин, близ которой оно произошло. Войска заметили друг друга — сначала это были облака пыли, поднимаемые лошадьми и людьми, затем отчетливо стали видны всадники и пехотинцы.

Обнаружив противника так близко, Сципион поставил вперед метателей дротиков и конных галатов. Ганнибал двинул против неприятеля тяжелую конницу. Легкую — нумидийцев — он оставил на флангах, так можно было окружить противника кольцом, когда тяжеловооруженные всадники разорвут его строй.

Кони рванулись вперед, копьеметатели едва успели бросить по одному копьё и тотчас побежали, потому что их буквально смела с лица земли конная лавина, и не чужая, а своя собственная. Нумидийцы, как и было задумано, окружили римлян с обеих сторон и ударили на них с тыла, а римская пехота была затоптана лошадьми. В конце концов римляне разбежались, большинство солдат рассеялось по полям, некоторые — более дисциплинированные или же те, кому больше повезло, — собрались возле Сципиона.

Сам Сципион был ранен, и его жизнь и свобода подверглись опасности (по преданию, консула спас его еще несовершеннолетний сын — будущий победитель Ганнибала, тоже Публий Корнелий Сципион; согласно альтернативной версии, спасителем Сципиона оказался раб-лигуриец). История со спасением консула от плена — тоже легендарная. Одни авторы стоят за версию с сыном — это красиво и символично; другие, настроенные к римлянам неприязненно и предвзято, держатся за раба-лигурийца: это более «реалистично» и куда менее пафосно.

Доказать ту или иную версию, понятное дело, не представляется возможным. Мы вполне можем предположить, что юный Публий (чья истинная слава далеко впереди) направил раба-лигурийца по нужному маршруту. Так или иначе, Сципион был спасен, хотя под нажимом карфагенян римская армия обратилась в бегство.

Обстоятельства складывались отнюдь не в пользу консула. Конница Ганнибала, о которой Сципион так смело говорил, что она потрепана и больше ни на что не годится, оказалась сильнее римской. Следовало отвести войска, пока они не были окончательно уничтожены, в более безопасное место. Поэтому он оставил лагерь и перешел Пад¹ по заранее подготовленному мо-

¹ Современная река По.

сту, после чего приказал мост разобрать, что и было исполнено, но только отчасти¹.

Ганнибал некоторое время выжидал, не решаясь преследовать врага. Преследование растянуло бы его армию, а пунийцы не были склонны недооценивать силу римской пехоты.

Но римская пехота не нападала. Ее попросту больше не было поблизости. Тогда Ганнибал разведаль обстановку. Римский лагерь стоял покинутым. Римляне действительно ушли.

Ганнибал двинулся следом и нашел место их переправы. Мост был почти совершенно разобран, оставался только небольшой отряд, который охранял его остатки. С этими солдатами карфагеняне легко разобрались и от них же, по всей видимости, узнали, что Сципион со всей римской армией ушел далеко вперед.

Ганнибал повернул в другую сторону и пошел по берегу реки Пад в поисках такого места, где можно было бы переправиться без особых потерь. Спокойный участок реки был вскоре обнаружен, и переправа совершилась при помощи лодок.

Как только Ганнибал оказался на другом берегу, к нему явились делегации от местных кельтов с изъявлением почтения и предложениями «сердечной и искренней дружбы». Ганнибал охотно принял от них и дружбу, и дары, и продовольствие, и подкрепление.

Затем он пошел по противоположному берегу реки Пад в обратном направлении — догоняя Сципиона².

Сципион разбил лагерь возле города Плаценции, где он рассчитывал обрести хотя бы подобие безопасности. Но через три дня явились карфагеняне и выстроились в боевой порядок так, чтобы из римского лагеря их хорошо было заметно.

Римляне наблюдали за врагами из своего лагеря и ничего не предпринимали. Напрасно карфагеняне пытались поразить их воображение своим воинственным и вызывающим видом.

— Да что там происходит? — должно быть, с досадой вопрошал Ганнибал, на что верные товарищи, щуря глаза и вглядываясь в неприветливую даль, пожимали плечами:

¹ Был ли это стационарный мост, усиленный для переправы войск, или наплавной — неизвестно, мнения комментаторов расходятся. Строить наплавные мосты римляне умели, а Тичино осенью довольно мелка. Однозначно, это не «Крытый мост» в Павии, про который иногда рассказывают местные экскурсоводы, тот построен в позднем Средневековье.

² Ганнибал двигался по правому южному берегу реки По, отрезая Сципиона от Рима.

— Абсолютно ничего.

Это было досадно, да ничего не поделаешь, и Ганнибал разбил собственный лагерь приблизительно в полутора километрах от римского.

У римлян имелось слабое звено — кельты. Те самые, которых они в свое время отсекали от наступающей карфагенской армии и заставили служить в качестве вспомогательной силы при легионах. Вот эти самые кельты слишком близко и слишком хорошо видели карфагенян.

Карфагеняне были сильнее, перевес отчетливо оставался на их стороне. Зачем же сражаться за спесивых римлян, от которых одни неприятности? Тем более что присоединиться к легионам не было добровольным решением подавляющего большинства «варваров», напротив: они хотели совершенно иного — избавиться от римского господства. А тут такой случай!

Поэтому кельты дождались подходящего времени. Сначала — ужин. Ужин — это святое. Легионеры спокойно доели свою кашу и отправились спать. Атаковать их немедленно никто не собирался — пусть заснут покрепче. И только ближе к рассвету кельты напали на римлян, которые мирно спали в соседних палатках. Кого-то убили, кого-то ранили, отсекали некоторое количество голов для пущей убедительности и отправились к карфагенянам — продемонстрировать им трофеи и решимость перейти на их сторону.

Ганнибалу, видимо, понравились отрубленные римские головы. Он приветливо и по-доброму принял кельтов-перебежчиков (сообщают, что их явилось около двух тысяч), каждому обещал дары, кое-кого отослал на родину, в их родные города и селения с точкой: пусть все желающие приходят в карфагенское войско, где их ждут победы, слава и хорошая добыча. Ганнибал не сомневался: как только в кельтских поселениях узнают о том, что их сородичи скинули римское ярмо, примкнули к пунийцам и намерены сражаться против римлян, в этих местах тотчас перейдут на его сторону и начнут снабжать его продовольствием и лошадьми.

Кстати, Ганнибалу привели и трех настоящих, живых римлян — это были те самые чиновники из Рима, которые прибыли, чтобы нарезать земельные участки для римских поселенцев.

Сципион только сейчас, кажется, понял, до какой же степени местное население ненавидит латинян. Если немедленно ничего не предпринять, все окрестные города перейдут на сторону Карфагена, а сражаться в таком враждебном окружении весьма хлопотно, ведь удар в спину можно получить в любой момент и от кого угодно.

В следующую же ночь Сципион оставил лагерь и направился к реке Требии¹. Там были холмы, которые позволяли лучше укрепить лагерь, а кроме того, поблизости жили союзники римлян. Во всяком случае, Сципиону хотелось считать их союзниками².

От Ганнибала, естественно, маневр противника не укрылся, и он отправил конницу вслед за римлянами. Нумидийцы ворвались в покинутый римский лагерь, разграбили все, что там нашли, остальное сожгли. Недисциплинированность легкой кавалерии Ганнибала фактически спасла отступающие римские легионы. Если бы нумидийцы не предались грабежам и поджогам и занялись бы своим непосредственным делом — атаковали бы римский арьергард, плохо пришлось бы пехоте на равнинной местности при нападении на нее легкой конницы³. Но пока нумидийцы спохватились и погнались за римлянами, те уже успели переправиться через Требию. Карфагениям достались лишь немногие, кто замешкался на берегу: эти были убиты или попали в плен.

Сципион же, как и намеревался, перешел реку Требию и разбил лагерь на холмах. Римские легионеры соорудили привычные укрепления: окопали лагерь рвом, поставили частокол. За этими стенами Сципион наконец обрел относительный покой и занялся своими ранами. Он уже понимал, что большого сражения с Ганнибалом не избежать, и хотел быть по крайней мере здоровым к этому времени.

Ганнибал тоже разбил свой лагерь — и опять неподалеку от римского, приблизительно в километре. В отличие от римлян, которые чувствовали себя буквально в осаде, карфагенияне расположились на этой земле вольготно. Окрестные кельты переходили на их сторону, привозили им припасы, изъявляли желание присоединиться к их войску.

Особенно жестокий удар нанесли римлянам жители города Кластидия (Кастеджио). Этот городок находится десятью километрами южнее реки По. Там у римлян имелся большой зерновой склад. Комендант сдал город карфагениям, причем совершенно добровольно, опередив Ганнибала, который уже поглядывал на это в прямом смысле слова хлебное местечко и прикидывал, не взять ли его штурмом. Зачем же штурмом, сказал комендант, мы и так вам сдадимся.

¹ Ныне Треббия.

² Долина Требии была местностью со смешанным этрусского-лигурийским населением.

³ С другой стороны, не исключено, что оставить в лагере существенные запасы было частью тактики Сципиона.

Это было тем более обидно для римлян, что всего четыре года назад именно завоевание Кластидия принесло славу римскому полководцу Марцеллу, который прослыл «покорителем цизальпинских галлов». Не так уж он их и покорил, как выясняется, если они с легкостью открыли ворота захватчикам.

Ганнибал, как и всегда, отнесся к перебежчикам тепло и дружески. Помимо продовольствия, жители Кластидия поставили в армию Ганнибала людей, которые охотно встали в строй.

Римляне, разумеется, имели собственный взгляд на происходящее. Римское войско — это, с точки зрения римлян, в первую очередь непобедимая пехота и сверкающие аквилы легионов. Пока пехота жива, никакого поражения не было. В самом Риме, в Вечном городе, так и считали. Ничего, что Сципион отходит и теряет земли и «союзников»-кельтов. Пехота-то целая!¹ Подкрепление, которое направлялось к нему из метрополии, исправно грохотало подошвами калиг. Один только вид римских пехотинцев означал победу, и никто не сомневался в том, что именно зрелище шагающих легионов решит исход сражения в пользу Рима. Поэтому Сципион худо-бедно сохранял оптимизм.

Наступил декабрь 218 года до н. э. Сципион лечил свои раны, но от тревоги почти не мог спать: он боялся, что примеру Кластидия последуют другие города. Карфагеняне находились слишком близко. Римляне могли дышать запахом их костров.

В конце концов Сципион перешел Требию и новый лагерь разбил на холмах на восточном берегу реки. Эта позиция выглядела более защищенной. Кроме того, здесь удобнее было встретиться со вторым консулом, который все еще шел на соединение со Сципионом из Аримина (в Аримине назначено было начальное место встречи, но Ганнибал нарушил римлянам все их столь хорошо продуманные планы).

В середине декабря Семпроний, наконец, прибыл, дыша энтузиазмом. Энтузиазм его объяснялся, впрочем, очень просто: консульские полномочия заканчивались, а впечатляющей победы над неприятелем он так и не получил. Все уже было подготовлено для того, чтобы прославиться на Сицилии и в Африке; но обстоятельства выдернули Семпрония оттуда и бросили на новый театр войны. Еще пара месяцев промедления — и придется сда-

¹ Не следует забывать также и фактор гражданства. В этих землях не было ни одного римского гражданина, кроме легионеров. Область латинского права распространялась только на римские колонии. Остальные местные жители имели статус перегринов, фактически лиц без гражданства.

вать дела новому консулу. Обидно будет, если этот новый консул воспользуется всем тем, над чем так упорно трудился Семпроний, одержит долгожданную победу и все лавры заберет себе.

Семпроний рвался в бой. Карьеру хотелось завершить триумфально.

Тем временем некоторые галлы внезапно перешли на сторону римлян.

Это, в целом, было ожидаемо. Галлы оказались меж двух огней: с одной стороны — римляне, с другой — карфагеняне. Карфагеняне были сильнее, но окончательно ссориться с римлянами себе дороже, мало ли что. Поэтому галлы, которые жили в областях между реками Пад и Требия, предусмотрительно сотрудничали и с теми, и с другими.

Ганнибал не то чтобы не понимал такого отношения, но одобрить его не мог и для примера решил наказать двуличных союзников. Подобные акции устрашения он проводил действительно устрашающе, а не для вида, поэтому несколько селений были вырезаны и дочиستا разорены. Спасшиеся разозлились не на шутку и, вместо того чтобы изъявить полную покорность карфагенянам, отправились жаловаться на вероломных захватчиков добрым римлянам. Они явились в войска Семпрония.

Ободренный такой поддержкой местного населения и, как уже упоминалось, полный нетерпения Семпроний тотчас же начал действовать. На противоположный берег Требии он выслал конницу и метателей дротиков. Произошло несколько мелких стычек с карфагенянами. У Семпрония сложилось впечатление, что Ганнибал слабее, чем римляне. Стычки эти большого стратегического значения не имели, однако карфагеняне в них не побеждали. Что немудрено, потому что Ганнибал успешно скрывал от римлян свои основные силы. Семпроний даже представить не мог, каким ресурсом располагает противник.

Сципион отговаривал второго консула от слишком активных действий. Какая война может быть зимой? Лучше посидеть в лагере, набраться сил, потренировать новобранцев. Да и время работает не на Ганнибала. В здешних краях многое зависит от галлов, от того, как поведут себя аборигены и на чью сторону они станут к моменту решающей битвы. Понятно, что они будут колебаться и переходить от одной армии к другой. Но в день решающей схватки хорошо бы галлы находились в составе римской армии, а не карфагенской.

Добиться этого можно просто выжидая. Если карфагеняне вынуждены будут просто сидеть у себя в лагере, то ни кровавых

схваток, ни богатой добычи галлы не увидят. И постепенно покинут своих союзников...

Однако над Семпронием, как дамоклов меч, нависало переизбрание. Он продолжал думать о будущих консулах, которым достанется вся слава победителей Ганнибала. Он жаждал действовать — не хуже любого из кровожадных галлов. Сципион был болен, у него не хватало энергии и сил остановить не в меру рьяного коллегу.

А Ганнибал... думал приблизительно так же, как и Сципион: время-то работает на римлян. Сейчас римские новобранцы неопытны, а за зиму Сципион мог бы хорошо обучить их в своем лагере. Сейчас галлы рвутся в бой, но месяцы бездействия охладят их пыл, и они уйдут. Семпроний недалёковиден, что показали его вылазки за реку, с Семпронием проще будет разобраться, чем со Сципионом, уже битым, уже понявшим истинную силу карфагенской армии.

Оба лагеря, римский и карфагенский, разделяла равнина, по которой протекал ручей. Берега этого ручья были заболочены и густо поросли кустарником, настолько высоким, что там мог скрыться не только пехотинец, но и всадник. Русло Требии здесь распадалось на множество рукавов.

В день зимнего солнцестояния 218 года Ганнибал собрал военный совет. Своему младшему брату Магону он приказал взять две сотни солдат — наиболее проверенных и сильных. Главкомандующий лично отбирал их еще загодя, когда обходил войска. С этими солдатами Магону надлежит посоветоваться, чтобы каждый назвал еще девять столь же надежных товарищей. Таким образом Магону следовало получить отборнейший отряд в количестве двух тысяч человек и с ними отправиться в засаду.

На следующий день рано утром Ганнибал велел нумидийцам перейти Требию, подойти к римскому лагерю и забросать часовых дротиками. Когда римляне, что вполне естественно, разозлятся и захотят разобраться с наглецами, нумидийцам надлежит отступить и броситься к берегу реки.

Провокация удалась на славу. Нумидийцы подлетели к римскому лагерю, принялись кричать, дразнить противника и метать дротики. Раздался сигнал тревоги. Семпроний понял: пробил час! Враг атакует. Он немедленно поднял свою конницу и поскакал к переправе, а следом двинулась и остальная часть римской армии.

Заканчивался декабрь, валил мокрый снег. Римские солдаты, не успевшие даже позавтракать, выскочили из палаток, вооружились и тотчас промокли. Им пришлось догонять нумидийцев, которые уже проскочили реку. Вода доходила римлянам до под-

мышек, солдаты продрогли до костей и тряслись от холода. Оружие прыгало в их дрожащих руках.

Что касается нумидийцев, то те, напротив, проснулись рано, плотно покушали, натерли тело жиром, согрелись у костров. Руки у них не дрожали, и чувствовали они себя, в общем, превосходно.

Против Ганнибала стояли сейчас все четыре консульских легиона. И хотя римские солдаты не вполне были готовы к этому сражению, все-таки римская армия в любом случае представляла собой внушительную силу. Недооценивать ее не следовало.

Ганнибал отошел от своего лагеря километра на полтора и развернул войска: в авангарде — пращники и легкая пехота, далее, в центре, — тяжелая пехота, и наконец на флангах — конница и слоны.

Фронт растянулся километра на три. Прямо против Ганнибала находились те силы, которые смог выставить Семпроний. Это был классический манипулярный строй, столько лет приносивший легионам победы.

Не сумев догнать нумидийцев, вернулась римская конница и заняла привычное место на флангах.

Карфагенская кавалерия однозначно превосходила римскую — римляне никогда не славились искусством верховой езды — плюс в коннице обычно служили не римские граждане (те занимали место в почетном пехотном строю испытанных манипул), а союзники. А у карфагенян к тому же были их знаменитые страшные слоны! Говорят, к тому моменту у Ганнибала сохранилось семь слонов (по другой версии — один, зато самый большой и злой, тот самый Сириец). В любом случае слоны производили впечатление еще более жуткое, чем первые танки на полях Первой мировой.

Римская конница была смята и отступила, и фланги римской пехоты обнажились. Карфагенские пращники и копейщики кинулись на римлян с двух сторон. Праща считалась, напомним, одним из самых смертоносных¹ видов вооружения тех лет.

Когда римляне впали в растерянность от этой атаки, из засады им нанес удар отряд Магона.

Этот «засадный полк» бил римлян прямо в тыл. Римляне оказались в таком положении, что для них теперь существовало одно-единственное направление — вперед. Сзади у них находились люди Магона и ледяная река. На фланги наседали карфагенские копейщики.

¹ И одним из самых дальнобойных видов личного оружия.

Римляне бросились вперед и прорвали строй тяжелой пехоты карфагенян. Центральную позицию занимали части, укомплектованные из галлов. Они и понесли наиболее тяжелые потери в этой схватке (что вызвало естественное недовольство у их вождей, которые сочли, что Ганнибал нарочно поставил их на самые опасные участки, жалея соотечественников и используя кельтов как приманку).

Спаслось около десяти тысяч¹ римских солдат. Они сумели организовать и довольно ровными рядами отошли к Плаценции. Позднее к ним присоединялись другие из разбитых и деморализованных частей фланговой пехоты. У этих римлян остались крайне неприятные воспоминания о карфагенской коннице и особенно о слонах.

В ход войны вмешалась демократия. К концу декабря 218 года до н. э. Семпроний прибыл в Рим: согласно закону, он как консул уходящего года должен был руководить комициями по избранию новых консулов. Семпронию пришлось держать перед согражданами ответ по самому большому счету: что, собственно, произошло на берегах Требии? Как вышло, что непобедимые легионы проявили себя, мягко говоря, не самым лучшим образом?

У Семпрония имелась лишь одна жалкая отговорка: погода. Все дело в дурной зимней погоде. Вода в реке холодная, снег валит сырой, слоны очень страшные.

В принципе, Семпронию следовало бы благодарить дурную погоду, поскольку именно она помешала Ганнибалу добить его отступающую армию. Но об этом консул уходящего года благодушно предпочел промолчать.

У пунийцев также не все обстояло благополучно, хотя они и победили в этой схватке. Хуже всего было то, что они потеряли много животных — практически всех слонов и вьючных лошадей. Животные вообще, прямо скажем, более чувствительны к погоде, нежели люди: человека можно уговорить, воззвать к силе его духа, согреть у костра, а лошадь обычно погибает².

В Риме подошел к концу ежегодный спектакль на радость народу: выборы. Как мы знаем, консулов обычно выбирали двух, причем одного из патрицианского рода, а другого — из плебейского. Патрициев на сей раз достойно представлял Гней Сервий Гемин, а плебеев — Гай Фламиний Непот.

¹ Около двух легионов. Начиналось, как мы помним, с четырёх.

² Напомним, что основу кавалерии Ганнибала составляли непривычные к холоду нумидийские (берберские) лошади.

Фламиний в своем роде был одиозной фигурой. Полибий относится к нему плохо и не без удовольствия пересказывает все связанные с ним скандалы.

Именно Фламиний в должности претора стал первым правителем Сицилии (в 227 году до н. э.), которая присоединилась к Риму после Первой Пунической войны. Через пять лет Фламиний впервые был избран консулом, однако разразился скандал: непопулярного в аристократических кругах консула от плебеев попытались отстранить под тем предлогом, что выборы происходили при крайне неблагоприятных предзнаменованиях. Фламиний был вольнодумцем, что не улучшало его репутацию. Однако основными грехами Фламиния были вовсе не отсутствие типично римского доверия к разного рода приметам, а тщеславие (на котором так удачно сыграл впоследствии Ганнибал) и проводимая им политика в галльских владениях: ранее эти земли принадлежали сенонским галлам, а в 232 году до н. э. они отошли к Риму; народный трибун Фламиний добился, чтобы эти территории были «отрезаны» римскому плебсу. Плебс, конечно, восхвалял Фламиния за это, но недовольных оказалось гораздо больше: это были римские патриции — раз, и собственно галлы — два. Политика Фламиния означала, что римляне отныне были отягощены особенной ненавистью галлов, и те в самый неподходящий для Рима момент перешли на сторону карфагенян.

Интересно, кстати, как много знал о Фламинии Ганнибал, который никогда не жалел усилий на то, чтобы тщательно изучить не только топографию местности, нравы и чаяния местных жителей, но и по возможности характер своего очередного противника в этой войне? Данный вопрос остается открытым...

ГЛАВА

XVI

Римские боги и Тразименское озеро

После победоносной битвы при Требии Ганнибал переправился на правый берег реки и со всеми удобствами расположился в римском лагере, который построили трудолюбивые и исполнительные солдаты Сципиона. Передохнув и набравшись сил, Ганнибал отправился в сторону города, который сейчас называется Болонья. Те земли принадлежали племени бойев, которые считались надежными союзниками карфагенян — или, вернее сказать, ненавистниками римлян.

И Полибий, и Тит Ливий охотно рассказывают о том, что Ганнибал в то время определенно опасался покушения на свою жизнь, поэтому обзавелся разными комплектами одежды и, главное, разными париками, подходящими к ним, и постоянно переодевался. Так что задача для того, кто задумал бы убить Ганнибала, сильно затруднялась: ведь требовалось не просто знать полководца в лицо, но и распознать под любым гримом.

Имело ли место это странное переодевание на самом деле или же «чисто финикийская уловка», продиктованная, несомненно, «традиционным пунийским вероломством», — просто выдумка, анекдот, долженствующий принизить образ великого героя? Трудно сказать. Следует также помнить, что Полибию довелось беседовать с людьми, которые реально находились некогда в армии Ганнибала. С другой стороны, очевидцы и участники событий могут относиться ко всему более пристрастно, нежели историки позднейших эпох... Возможно, впрочем, что рассказанная история — правда, потому что рассчитывать на безоговорочную верность галльских союзников Ганнибал не мог.

Галлы, кстати, тоже славились непостоянством и коварством. У них имелись собственные счеты к карфагенянам после Требии: ведь именно галлы пострадали больше всех, а любезных своих африканцев и даже иберов Ганнибал берег и не бросал в самую гущу сражения.

Но хуже всего, впрочем, было другое: военные действия по-прежнему велись на галльской территории, что не лучшим образом сказывалось на настроении галльских союзников. Им обещали, что война будет быстрой, победоносной, обогащающей — и на чужой земле. Вместо этого они топчутся у родного порога и не столько обогащаются, сколько несут потери.

Ганнибал тоже хотел бы поскорее войти в Этрурию и Умбрию, но подобных акций он никогда не предпринимал без надлежащей подготовки, а она требовала времени. Ему необходимо было установить связи с союзниками Рима и переубедить их.

Для этого Ганнибал прибег, как он часто делал, к «овеществленной метафоре» — или, точнее сказать, к «одушевленной, живой метафоре». Для этого у него имелся под рукой соответствующий «материал» — пленные. Пленники, захваченные при Требии (и раньше), представляли собой неоднородную массу. С одной стороны, в их числе находились римские граждане, «настоящие римляне», а с другой — солдаты из народов, считавшихся союзниками Рима.

Ганнибал разделил пленников по национальному и гражданскому признаку, и «настоящих римлян» принялся мучить по-настоящему. Он организовал для них фактически концлагерь, где морил голодом, избивал и вообще обращался с ними «сурово». Для союзников же были созданы разные послабления, неплохая кормежка — и отношение к ним было подчеркнуто доброе. Когда разница в положении пленных стала очевидной, Ганнибал собрал всех в одну толпу и обратился к ним с воззванием.

— Мы воюем не с союзниками Рима, — сказал он, — а исключительно с самим Римом, с этим хищником, который подчинил себе чужие земли. С Римом, заставившим некогда свободные народы связать себя невыгодным для себя союзом, с Римом, который сосет соки из провинций и союзных земель. Давайте все вместе покончим с этим кровопийцей.

Звучало так, словно карфагеняне пришли в Италию под знаменем освободителей от римского ига.

Кластидий уже перешел на сторону пунийцев. И что же? Жители Кластидия счастливы под рукой Ганнибала. Поэтому и всем прочим итальяским городам стоит последовать их примеру.

Накачав агитацией пленников из числа союзников Рима, Ганнибал распустил их по домам без выкупа. Пусть несут благую весть о пришествии освободителя по городам и весям близлежащих земель. Теперь оставалось ждать результатов.

Результаты последовали. Рим ответил оглушительным взрывом божественных откровений, которые сами по себе выглядели достаточно зловеще.

Тит Ливий так описывает происходящее:

«В числе прочих передают, будто полугодовалый ребенок свободных родителей на Овощном рынке крикнул: „Триумф!“, на Бычьем рынке бык сам собою взобрался на третий этаж и бросился оттуда, испуганный тревогой, которую подняли жильцы; на небе показались огненные изображения кораблей; в храм Надежды, что на Овощном рынке <воздвигнутый в годы Первой Пунической войны>, ударила молния; в Ланувии копье шевельнулось, и ворон влетел в храм Юноны и сел как раз на ложе богини <имеется в виду Юнона Спасительница, древнее божество латинов, облаченная в козью шкуру, с козьей головой вместо шлема и с копьем в руке>; в окрестностях Амитерна <город сабинов> во многих местах показывались издали призраки в белой одежде, но ни с кем не повстречались; в Пицене шел каменный дождь; в Цере вещи дощечки утончились <имеются в виду дощечки с надписями, которые вытягивал ребенок во время предсказания>; в Галлии волк выхватил у караульного меч из ножен и унес его».

На эти несомненно зловещие знаки богов римляне отвечали адекватным благочестием:

«По поводу каменного дождя в Пицене было объявлено девятидневное празднество. По истечении его приступили к другим очистительным обрядам, в которых приняли участие почти все граждане. Прежде всего... богам заклали известное число взрослых животных; в Ланувии поднесли Юноне дар из сорока фунтов золота, а замужние женщины посвятили Юноне на Авентине медную статую; в Цере, где вещи дощечки утончились, был устроен лектистерний <угощение для богов> и вместе с тем молебствие Фортуне на горе Альгид; также и в Риме был устроен лектистерний Ювенте и молебствие в храме Геркулеса для отдельных избранных... сверх того определено, чтобы претор Гай Атилий Серран произнес обеты на случай, если бы положение государства не изменилось к худшему в течение следующих десяти лет».

Римские боги, если найти к ним правильный душевный подход, в принципе, сговорчивы и не желают римлянам плохого. Зато строптивый политик, успевший за свою карьеру несколько раз насолить сенату и патрициям, мог ожидать от них всяческих помех.

Фламиний не мог выступить без благоприятных предзнаменований. Как консул, отправляющийся на войну, он был обязан совершить ауспиции — гадания по птицам. Полет птиц истолковывался авгурами. О том, как именно авгуры истолковывали эти полеты, как ловко умели поворачивать «предзнаменования» в нужную сторону, сохраняя при том невозмутимое и благолепное выражение лица, — уже в Древнем Риме складывали нелепые и неприятные поговорки. У Фламиния не возникало ни малейших сомнений в том, что истолкование будет не в его пользу. Поэтому под предлогом «поездки по частным делам» он просто уехал из Рима, однако отправился не куда-то там, а напрямик в свою провинцию.

Тут-то ему припомнили все былые вольнодумные поступки. Будучи консулом в первый раз, в 223 году до н. э., Фламиний отправлялся против галлов в долину реки Пад. А между тем Фламиний был избран «при зловещих предзнаменованиях» — но пренебрег этим и «отказал в повиновении богам и людям, когда они отзывали его с самого поля битвы». Фламиний с поля битвы не ушел, напротив — он победил. Тогда мстительный Сенат отказал ему в триумфе, а вот это было совсем обидно.

Помимо откровений, видений и жертвоприношений Рим откликнулся на угрозу Ганнибала грандиозной мобилизацией. Собрали аж одиннадцать легионов — такого еще не случалось за всю римскую историю. Этими легионами предстояло закрыть бреши, которые образовались вследствие активной деятельности пунийцев в Италии, — Сицилия и Сардиния требовали военного присутствия Рима, плюс стоило позаботиться об обороне самого Вечного города. Всякое может случиться! Так что два легиона оставили в Риме. Они получили название «городских».

В декабре 218 года до н. э. четыре консульских легиона понесли большие потери после столкновений с карфагенской армией, о чем мы уже знаем, — их следовало быстро пополнить новобранцами, иначе от них не осталось бы ничего, кроме золотых орлов. Мобилизация обошлась Риму в весьма круглую сумму, и бронзовая монета сильно потеряла в весе.

Четыре консульских легиона провели зиму 218/217 года до н. э. в долине По: два (легионы Семпрония) в Плаценции, два других (Сципиона) — в Кремоне.

Эти два города, как помним, представляли собой две римских колонии, Плаценция на правом берегу По, Кремона — на левом. По типу оба города были «латинскими колониями» — самоуправляющимися городами-поселениями латинского права. При основании колоний в каждый из городов было направлено, как уже упоминалось, по шесть тысяч поселенцев. Сейчас там стояли еще и легионы, так что нагрузка на жителей возросла: приходилось кормить еще и этих солдат. Впрочем, до сих пор обе колонии хорошо снабжались продовольствием, которое направлялось по реке из областей, расположенных ниже по течению.

Ганнибал не имел намерения осаждать эти города — долго, хлопотно и расходно. Вскорости Сципион отбыл в Испанию — к своему брату Гнею. Два кремонских легиона он передал претору Гаю Атилию. С наступлением весны Аtilий вышел с ними из города и отвел их в Аримин, где передал под командование Сервилия.

Семпроний тоже покинул долину реки По — вверенные ему два легиона он успешно довел до Ареццо, где сдал с рук на руки Фламинию.

Ганнибал по своему обыкновению тщательно изучил обстановку и местность. Сервилий сейчас перекрывал со своими войсками северные подходы к Апеннинам. Фламиний стоял на пути в Этрурию.

Для своей армии карфагенский полководец выбрал путь, которого римляне предугадать не смогли. В принципе, они могли бы уже понять если не характер, то образ действий своего противника: Ганнибал, как правило, совершал то, что, по мнению «нормальных людей» совершить практически невозможно. То переход через Альпы со слонами, то теперь вот — беспрецедентный четырехдневный марш по болотам.

Полибий пишет об этом нетривиальном решении Ганнибала так:

«Лишь только пора года изменилась, посредством расспросов (Ганнибал) узнал от людей, слывших за наилучших знатоков местности, что все пути в неприятельскую землю длинны и проходят на виду у неприятелей, за исключением одного, ведущего через болото в Тиррению, хоть и трудного, зато короткого и совершенно не принятого во внимание Фламинием. Всегда по природе склонный к такого рода предприятиям, он избрал этот последний путь. Когда в войске распространилась молва, что вождь их намерен идти через болота, все со страхом думали о походе, опасаясь ям и тинистых мест на этом пути».

Болота, как выяснил Ганнибал, достаточно неприятные и сырые, но там нет топей, то есть по ним вполне можно пройти. Вперед он выслал своих лучших людей — ливийцев и иберов. С ними же отправил и обоз, приказав не беречь припасы и ни в чем себе не отказывать — по возможности.

Он рассуждал логично: если карфагеняне будут разбиты, обоз им больше не потребуется; если же они одержат победу, то припасов станет сколько угодно.

Сразу за обозами двинулись кельты, следом — конница, и наконец в арьергарде, с конными же отрядами, — Магон, брат Ганнибала. Магон с кавалерией должен был, с одной стороны, оберегать тыл карфагенской армии, а с другой — следить за тем, чтобы кельты не вздумали внезапно повернуть назад, потому что у них изменилось настроение.

Ситуация вокруг карфагенской армии складывалась такая, что подобная перемена настроения была бы только логична. Хотя болота и не представляли собой гиблую непроходимую трясику, все же идти по ним оказалось трудно и до крайности некомфортно. Ливийцы с обозом продвигались еще довольно бодро, но они с неизбежностью растапывали дорогу, так что кельты, шедшие следом, буквально вязли по пояс. Но отступить некуда, позади наседали конница и Магон, поэтому они, проклиная все на свете, брели вперед, и конца-края этому видно не было. Болота везде, куда ни помотришь, и так четыре дня кряду. В принципе, если глядеть сквозь толщу веков и с точки зрения мировой истории, то это, наверное, очень короткий промежуток времени, но вообще четыре дня по пояс в холодной воде и с заградотрядом Магона, подгоняющим с тыла, — субъективно это ужасно долго и противно.

Сильнее всего во время этого «героического марша» хотелось спать. Спать было попросту негде — в прямом смысле слова, негде голову преклонить. В грязи вязли лошади, у них начинали гнить копыта, животные страдали и погибали. Солдаты ложились передохнуть на конские трупы и на кучи поклажи, но надолго заснуть все равно не удавалось.

Теперь уж точно в карфагенской армии остался только один слон. На нем ехал сам Ганнибал. Казалось бы, Ганнибалу было легче, чем прочим, он хотя бы не чавкал сапогами по вязкой жиже, но на самом деле и у него ситуация со здоровьем складывалась плохо: он страдал от глазной болезни, а остановиться, передохнуть, тем более — найти врача и полечиться было в данных условиях невозможно. Инфекция, определить которую сейчас

не удастся, сильно мучила его — настолько, что в конце концов он потерял один глаз.

Но вот наконец болота остались позади. В это почти не верилось. Люди рухнули на сухую землю. Ганнибал позволил им передохнуть прямо на краю болота, а сам, не желая терять времени, разослал разведчиков.

Ему важно было узнать, как и всегда, каково настроение здешних жителей, каков рельеф местности, кто конкретно стоит сейчас с армией против него, какова численность этой армии и ее общее состояние. И наконец карфагенский военачальник потратил силы и время на то, чтобы изучить характер своего соперника.

Вообще сама по себе идея понять нрав, или, как мы бы сказали сейчас, образ мышления вражеского полководца граничит с гениальностью, которой римляне до поры не располагали. Ведь один и тот же Ганнибал противостоял им на протяжении нескольких лет — и они до сих пор не поняли, что он предпочитает выбирать дорогу прямую и неожиданную для врага, находить путь там, где «нормальный» полководец никаких проходимых троп не отыщет. Они не изучили ни нрав его, ни способ, которым он обычно если не побеждает окончательно, то, по крайней мере, не терпит серьезных поражений.

Почему? Загадка. Ганнибал всегда находил время понять «сердце человека» и отыскать ключик к этому сердцу. И таких «разгаданных» противников у него было множество.

Фламиний, впрочем, был, что называется, душа нараспашку, понять и затем спровоцировать его особого труда не представляло.

Сейчас Фламиний стоял с армией возле Аретцо («возле города арретинов», пишет Полибий).

Страна, в которой очутились измученные невероятным переходом люди Ганнибала, «обещала большую поживу», она была богата и не разграблена. Что касается Фламиния, то он представлял собой зрелый плод, который вот-вот упадет Ганнибалу прямо в руки. С одной стороны, Фламиний очень заботился о своей популярности у народа, еще точнее — у плебса, а вернее всего — у толпы. Он стремился быть любимым. Следовательно, насмешек той же толпы он не вынесет и на опустошение страны, которую поклялся защищать, спокойно смотреть не станет, а кинется в битву очертя голову и без долгого (и должного) размышления.

А вот насчет его военных талантов сомнения имелись очень и очень большие. Точнее, их не имелось вовсе. Ждать, пока при-

будет подкрепление, он не станет, ему захочется все лавры возложить на собственную голову, а не делить их с товарищем, тем более — равным ему по власти. «Нерассудительность, слепая смелость, суетность и высокомерие — качества вождя, выгодные для врагов и весьма губительные для своих», — заключает Полибий длинное нравоучительное рассуждение о том, что необходимо бывает изучить слабые стороны своего противника. Фламиний — личность колоритная, но именно «выгодная» врагам Рима.

Приведя армию, насколько это было возможно, в порядок, Ганнибал двинулся дальше, миновал римский лагерь и вторгся в богатую область, которая, как он уже знал, лежала перед ним словно в ожидании, пока по ней пройдут голодные солдаты. Он разрешил не только брать все, что пожелается, и грабить без зазрения совести, но и поджигать дома несчастных местных жителей. Дым поднялся к небесам, словно взывая о мщении.

Фламиний отреагировал ровно так, как и рассчитывал Ганнибал. Он взбесился и утратил способность здраво рассуждать. На него уже показывали пальцем: консул допустил разграбление страны, а дальше что? Дальше орды варваров двинутся на сам Рим? Почему легионы бездействуют?

Фламиний свято верил в свои легионы. Он мог не верить в знаки и приметы, но армия — это другое, это реальное и святое. Не разведав обстановку, не выяснив, сколько у Ганнибала конницы, и не пересчитав его слонов (ладно, слон оставался один, но и одного слона могло хватить, чтобы посеять панику), Фламиний рванулся навстречу дерзкому противнику.

Самоуверенность Фламиния была настолько велика, что передалась и его людям. Полибий утверждает, что за вооруженными солдатами следовали безоружные — маркитанты и прочие, и они несли с собой цепи и другие орудия, чтобы удобнее было вязать пленных. Очевидно, ожидалось, что пленных они будут захватывать в товарных количествах.

Ганнибал двигался по направлению к Риму через Тиррению. Слева простирались горы, справа — Тразименское озеро, которое скоро даст название знаменитой битве.

По пути Ганнибал, как и было задумано, опустошал все, что только видел. В основном он делал это «из вредности», нежели по необходимости, — исключительно для того, чтобы досадить противнику и разозлить его как можно сильнее.

Наконец пыль от шагающих отрядов стала заметна — легионы приближались. Ганнибал выбрал место для битвы и начал ждать.

Полибий, который, как знаем, посетил места исторических сражений, так описывает эту местность:

«На пути его (Ганнибала) лежала ровная долина, по обеим продольным сторонам которой тянулись высокие непрерывные горы; на широкой передней стороне ее возвышался крутой, труднодоступный холм, а на задней находилось озеро, оставлявшее очень узкий проход в долину у подошвы горы. Ганнибал прошел эту долину и, направляясь вдоль озера, занял возвышавшийся против него холм, на котором и расположился лагерем с иберами и ливийцами. Балеарских пращников и копейщиков, находившихся во главе войска, он растянул в длинную дугобразную линию и скрыл за высотами, замыкающими долину справа; конницу и кельтов он также повел в обход левых возвышенностей и выстроил их в длинную сомкнутую линию таким образом, что крайние воины находились у того входа вдоль озера и у подошвы гор, который ведет в долину.

Приготовления эти сделал Ганнибал ночью, окружив долину помещенными в засадах войсками.

Тем временем Фламиний следовал за ним с тыла, желая поскорее настигнуть неприятеля. Накануне поздним вечером он расположился лагерем у самого озера, а на следующий день ранним утром повел передовые ряды вдоль озера в открывавшуюся перед ним равнину с целью вызвать неприятеля на битву».

Сражение на Тразименском озере произошло, по некоторым данным, 21 июня 217 года до н. э. Фламиний пренебрег разведкой и просто направил армию в ущелье, а когда римляне вышли на прибрежную равнину, Ганнибал приказал атаковать. Из засады карфагеняне напали на легионеров, а те даже не сумели выстроиться в правильный боевой порядок. Поднялась общая суматоха, к тому же сильно мешал туман. Началось безжалостное истребление римских солдат — по некоторым данным, их погибло свыше пятнадцати тысяч¹. Можно считать удачей для консула Фламиния, что и его не миновала та же участь, его убил галльский копейщик.

Из ловушки, которую так хорошо расставил Ганнибал и в которую с такой охотой угодил Фламиний, удалось вырваться только авангарду римлян. Они прорвались сквозь строй иберов и ливийцев и добрались до близлежащих вершин.

¹ Из 11 вновь мобилизованных легионов было безвозвратно утрачено не менее двух.

День уже занимался, туман начал рассеиваться. Перед побежденными расстилалась долина, вся усеянная телами. С холмов хорошо можно было оценить масштаб катастрофы, случившейся с римской армией.

Приблизительно шесть тысяч человек спасшихся римлян сумели сохранить порядок. В порядке был залог их выживаемости и успеха. Они выстроились и зашагали к соседней деревушке. Но там их уже ожидали — Магарбал¹ с копейщиками атаковали последних уцелевших римлян и захватили их в плен.

Здесь в ход пошло легендарное «пунийское вероломство». Тита Ливия оно немало возмущает. Магарбал, по его словам, обещал римским солдатам жизнь и свободу, если те сложат оружие и сдадутся, как цивилизованные люди. Вариантов, в общем, оставалось немного: либо послушаться Магарбала и довериться ему, либо сыграть в увлекательную игру «триста спартанцев» и пасть на месте. Солдаты сложили оружие.

Магарбал отконвоировал их в лагерь карфагенян, где они присоединились к прочим своим собратьям, захваченным ранее.

— А как же нам обещали?.. — начали спорить пленные.

Ганнибал им ответил, что у Магарбала не было никаких прав давать им опрометчивые обещания. Мало ли что сказал начальник конницы! У него вообще нет таких полномочий. Прежде чем сдаваться, надо соображать, кому сдаешься и на каких условиях.

Поэтому никаких исключений для героического римского авангарда Ганнибал делать не стал. Он разделил всех новых пленников по старому принципу: римляне налево, римские союзники — направо. Римских граждан отправили под надзор карфагенских отрядов, где им, надо полагать, приходилось несладко. Тех же, у кого не имелось полноценного римского гражданства, Ганнибал отпустил без выкупа².

¹ Командир конницы Ганнибала. Упомянутые копейщики — скорее всего, ливийская конница, вооружённая в т. ч. короткими копьями.

² Здесь уместен вопрос: что мешало римским гражданам выдать себя за латинян? Никаких военных билетов и паспортов в те времена не существовало. Во-первых, костяк легионов состоял всё-таки из римских граждан, латинские союзники занимали в них только вспомогательные должности. Чисто латинский легион производил бы странное впечатление даже в таких чрезвычайных условиях. Во-вторых и в главных, играли роль знаменитые римские честность и спесь. Римляне считали ниже своего достоинства лгать ради облегчения собственной участи, тем более лгать, отказываясь от гордого гражданства Рима! И в-третьих, прочие италийские языки ещё не были окончательно вытеснены латинским, и диалектные различия были сильны. Человек, хорошо

И снова он сказал им на прощание: передайте всем — карфагеняне, мол, явились в Италию не для того, чтобы сражаться здесь с коренным населением, мы выступаем только против самого Рима и римских граждан, ради того, чтобы всей Италии вернуть утраченную ею свободу.

Затем карфагенский полководец, как вполне цивилизованный человек, приказал похоронить павших и отдать посмертные почести военачальникам. У пунийцев и их союзников потери были, в общем сравнении, несущественные, причем тяжелее всех опять пришлось галлам.

С честью были похоронены не только свои командиры, но и римские. Однако тело Фламиния так и не было найдено.

Ганнибал, как и подобает сыну аккуратного купеческого народа, всегда тщательно прибирал за собой рабочее место. Он не бросал тела и тем более не оставлял вооружение, сколько-нибудь пригодное для употребления¹. Всеми историками отмечалось, что ливийцы сражались преимущественно трофейным римским оружием, вплоть до того, что под стены Рима они пришли не со своими круглыми маленькими щитами, а с большими прямоугольными римскими. Надо полагать, осматривалось каждое тело погибшего.

Однако Фламиния — которого искали нарочно, — так и не обнаружили в этой горе трупов. Возможно, его успели раздеть раньше, чем на поле пришли люди Ганнибала. Не исключено также, что тело не было идентифицировано по очень простой причине: если римского военачальника действительно убил кто-то из галлов, то он, скорее всего, отрубил ему голову. Без головы и консульских знаков различия опознать некий безымянный труп в куче ему подобных было, естественно, невозможно.

Сервилий поспешно отправил из Аримина четыре тысячи всадников на помощь Фламинию. Всадники эти опоздали — Фламиний хотел все лавры исключительно себе и в результате «все лавры» и получил. Но попутно прихватил с собой в безымянную могилу — так уж получилось, — и запоздавшую подмогу.

знавший латинский язык, смог бы отличить римское произношение от умбурского, окского или сабинского. Кто-кто, а переводчики в армии Ганнибала были. Сам Ганнибал помимо финикийского знал как минимум греческий, латынь, какой-то из иберийских языков (неизвестно индоевропейский или нет).

¹ Это неудивительно ввиду отсутствия любого снабжения из Африки и Иберии. Фактически Ганнибал был вынужден использовать партизанскую тактику.

*Галльский воин с головой Фламиния.
Жозеф-Нозль Сильвестр, 1882 г.*

Ганнибал знал о том, что со стороны Аримина на него движется вражеская кавалерия, и, разгромив на Тразименском озере Фламиния, отправил отряд Магарбала на перехват.

Еще четырех тысяч солдат не досчиталась теперь римская армия.

Спустя тысячелетия лорд Байрон («Путешествия Чайльд-Гарольда») посвятил этому разгрому проникновенные строки:

Где зыблется в теснине Тразимена,
Где для мечты — ее желанный дом.
Здесь победила хитрость Карфагена,
И, слишком рано гордый торжеством,

Увидел Рим орлов своих разгром,
 Не угадав засаду Ганнибала,
 И, как поток, в ущелье роковым
 Кровь римская лилась и клокотала,
 И, рухнув, точно лес от буревала,
 Горой лежали мертвые тела, —
 Храбрейшим, лучшим не было спасенья,
 И жажда крови так сильна была,
 Что, видя смерть, в безумстве исступленья
 Никто не замечал землетрясения,
 Хотя бы вдруг разверзшийся провал,
 Усугубляя ужас истребления,
 Коней, слонов и воинов глотал.
 Так ненависть слепа, и целый мир ей мал.
 Земля была под ними как челнок,
 Их уносивший в вечность, без кормила,
 И руль держать никто из них не мог,
 Затем что в них бушующая сила
 Самой Природы голос подавила —
 Тот страх, который гонит вдаль стада,
 Взметает птиц, когда гроза завывала,
 И сковывает бледные уста, —
 Так, словно человек умолкнул навсегда.

(Перевод В. Левика)¹

¹ Не остался равнодушным перед Тразименской катастрофой и Н. С. Гумилёв, посвятивший этой теме сонет «Тразименское озеро», полный мрачных аллюзий:

Зелёное, всё в пенистых буграх,
 Как горсть воды, из океана взятой,
 Но пригоршней гиганта чуть разжатой,
 Оно томится в плоских берегах.

Не блещет плуг на мокрых бороздах,
 И медлен буйвол грузный и рогатый,
 Здесь тёмной думой удручён вожатый,
 Здесь зреет хлеб, но лавр уже зачах,

Лишь иногда, наскучивши покоем,
 С кипеньем, гулом, гиканьем и воем
 Оно своих не хочет берегов,
 Как будто вновь под ратью Ганнибала
 Вздохнули скалы, слышен визг шакала
 И трубный голос бешеных слонов.

Но если для Байрона эта битва служила поводом для лирических размышлений (а также мысленного созерцания купающейся в ныне мирных водах озера воображаемой нимфы), то для тогдашнего Рима событие оказалось шоковым.

В Риме в те дни творилось нечто невообразимое. На Форуме толпился народ. Разбалованный плебс, как бушующее море, бился о двери курии — здания, где обычно заседал сенат, — и требовал ответов. Что происходит? Почему в эту войну, как в прорву, бросают сынов отечества, которые не возвращаются? Что за кровавый Ваал пожирает римских граждан?

Незадолго до заката перед народом выступил претор по делам иноземцев — Марк Помпоний. Очевидно, высшие должностные лица Рима долго препирались, кому взять на себя ответственность и объявить о случившемся. Ведь именно с этим человеком отныне в сознании римского народа будет связана одна из самых позорных страниц истории. В конце концов Помпоний взобрался на трибуну, прокашлялся и провозгласил: «Мы проиграли большое сражение».

Никаких подробностей он сообщать не стал, поэтому слухи покатались по Риму, как снежный ком, разрастаясь и становясь все более фантастическими.

Один консул мертв. Другой заперт в Аримине. Конница уничтожена. Два легиона Фламиния сгинули. У Сервилия остались, правда, его драгоценные солдаты, но в Риме, похоже, никто отныне не считал, что «пока цела пехота — Рим не побежден». Пехота эта находилась в Аримине и не могла оттуда выбраться, чтобы прийти на помощь Риму, буде таковая потребуется¹.

Ночью никто в Риме не спал, все ходили друг к другу или сидели у очагов и обменивались предположениями, одинаково беспочвенными. Наутро возле ворот собрались толпы горожан. Вскоре в город начали стекаться жалкие остатки уцелевших после сражения солдат. К каждому легионеры кидались, обступали со всех сторон и расспрашивали о своих близких.

Вестей пришельцы приносили немного, большинство тех, о ком спрашивали, почти наверняка были мертвы. В Риме разыгрывались душераздирающие сцены: одна женщина считала своего сына убитым, и когда он вернулся, умерла от внезапной радости... Преторы заперли сенаторов в курии, чтобы те ре-

¹ Вообще-то в Риме оставались ещё два «городских» легиона. Но качество их подготовки и оснащения оставляло желать лучшего.

шили наконец, что делать и под началом какого вождя выступить против непобедимого карфагенского полководца. А что, если Ганнибалу вздумается прямо сейчас пойти на Рим? Что тогда?

Полибий так сообщает о действиях пунийского военачальника:

«Ганнибал, хоть и уверенный в окончательной победе, не считал пока нужным приближаться к Риму; он исходил страну в разных направлениях и беспрепятственно разорял ее по мере приближения к Адриатике. К побережью Адриатики он прибыл после десятидневного перехода через землю омбров и пиценов, причем собрал такое множество добычи, что войско его не могло ни везти за собою всего, ни нести; кроме того, он истребил на пути множество народу. Как бывает при взятии города, так и теперь Ганнибал отдал своим войскам приказ убивать всякого встречного взрослого человека. Поступал он так в силу прирожденной ненависти к римлянам¹».

И попутно заменял вышедшее из строя вооружение на лучшее, взятое у римлян, добавляет автор.

А что же Рим — город Рим? Штурмовать его было бы весьма затруднительно, даже для такой армии, какая имелась сейчас у Ганнибала. Его окружала прочная крепостная стена, возведенная еще в шестом веке и укрепленная после 390 года (после нашествия галлов) и после 378 года, когда ее перестраивали и укрепляли по приказу цензоров. Сейчас стена тянулась на одиннадцать километров и представляла собой своего рода шедевр фортификационной мощи. Там, где она была слабее, на восточной стороне, были построены дополнительные сооружения, насыпан земляной вал с внутренней стороны (своего рода пандус, по которому могли подняться защитники), выкопан ров — с внешней. Ров был глубоким — метров на десять.

Осаждать такую крепость возможно только при наличии определенной техники, а у Ганнибала ничего подобного не имелось. Сидеть под стенами города и осаждать его было бы заведомо проигрышным решением. Ганнибал силен, пока наступает. Наступление — это динамика и добыча. Остановиться — значит

¹ Современные комментаторы, впрочем, считают, что делал он это, чтобы сохранить секретность. Действительно, о перемещениях Ганнибала в Риме узнавали спустя 5–10 дней.

погибнуть. Время снова начало бы работать на римлян, ресурсы у них большие, в позиционной войне они всегда были сильнее, а Ганнибал, помимо проблем со снабжением, неизбежно начал бы терять союзников: галлы и италийцы почти наверняка стали бы покидать его армию.

Осаждать Рим было не с руки, а вот пройтись огнем и мечом по его окрестностям — это, пожалуй, полезно и поучительно. И для своих, и для чужих¹.

¹ Ганнибал фактически вёл войну против экономики Рима в заведомо невыгодных условиях. Отсюда и партизанская тактика, и необходимость искать генерального сражения.

ГЛАВА XVII

Фалернская лоза

Наступала зима 217/216 года. Ганнибал остался со своими людьми возле Болоньи. Там дело складывалось не очень хорошо, было голодно и холодно, а люди ослабели от непрерывных боев и походов, страдали от недоедания и болезней.

«Войско его (Ганнибала), — пишет Полибий, — провело зиму в Галатии под открытым небом, на холоде и в грязи; вследствие этого и тех лишений, с какими сопряжен был дальнейший переход через болота, почти все лошади его, а также и люди переболели так называемой голодной коростой и подобными болезнями. Поэтому, завладев страной благодатной, Ганнибал постарался подкрепить силы лошадей, восстановить тело и душу своих воинов. Потом заменил вооружение ливиян отборным римским оружием, так как в его руках было огромное количество римских доспехов».

Здесь следует отметить, что речь идет, видимо, об оборонительном вооружении, потому что известно, что римские мечи делались из железа отнюдь не лучшего качества, и вряд ли их можно было бы считать «отборными», а вот доспехи — другое дело. Тит Ливий заметит позднее, что из-за того, что ливийцы носили не свои круглые щиты, а римские прямоугольные, в битве при Каннах происходила путаница, и тяжелую карфагенскую пехоту то и дело принимали за римскую.

Итак, Ганнибал вышел к морю. Это произошло впервые за много месяцев. Наверное, тяжело было карфагенянам так долго находиться вдали от моря, и они обрадовались ему, как старому другу. Но еще больше они обрадовались возможности

отправить весть на родину. Вести были добрые, поэтому партия Баркидов восприняла их на ура, а пакостный Ганнон, по-прежнему возглавляющий антибаркидскую партию в карфагенском сенате, изрядно пригорюнился.

Тем временем Ганнибал деятельно занялся лечением личного состава и животных от парши и других кожных заболеваний, которые, как напасть, грызли в его войске все живое после долгих изнурительных переходов, сражений и зимовки в антисанитарных условиях — напомним, что знаменитых общественных бань в римских городах еще не было, они появятся лет через двести. Историки не без возмущения пишут о том, что он купал своих лошадей (и солдат тоже) в отличном выдержанном вине, которое во множестве нашел в захваченных им поселениях на Адриатическом побережье. Вынужденная противоэпидемическая мера.

Так что же делать с Ганнибалом? Кого ему противопоставить? Чрезвычайные ситуации диктуют чрезвычайные меры, и в Риме с его демократической забюрократизированной государственной структурой на случай подобного форс-мажора имелось чрезвычайное средство, также предусмотренное законом, — диктатура.

Диктатор наделялся неограниченной властью, он мог принимать решения самостоятельно, эти решения никто не ограничивал, в ответ на его требования никто не собирал собрание и не кричал «мы этого не допустим, а как же вековые демократические устои» и т. п. Диктатору просто подчинялись. Другое дело, что власть диктатора была ограничена временем или обстоятельствами. Некоторые известные личности после того, как своей диктатурой спасли Родину, спокойно возвращались к радостям тихого сельского землевладения¹.

Диктатора должны были назначить консулы. И только консулы.

Живой консул был сейчас только один, но как с ним связаться? Италия захвачена карфагенянами. Отправить к нему гонца с письмом, чтобы тот пробрался через земли, кишящие врагами? Немыслимо. Да, в общем-то, это же формальность — почему непременно нужен консул... ситуация ведь действительно критическая, диктатор требуется быстро, он был необходим еще вчера по большому счету!

¹ Имеется в виду Луций Квинкий Цинциннат (ок. 519 г. до н. э. — посл. 439 г. до н. э.). Римский диктатор 458 и 439 гг. до н. э. Согласно Титу Ливию диктатура 458 г. до н. э. продолжалась всего 14 суток.

Поэтому диктатора «избрал народ». И это был Квинт Фабий Максим Веррукоз¹.

В своих знаменитых «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарх оставил красноречивую характеристику этого деятеля, пятикратного консула Римской республики:

«...Прозвище — Овикула, что значит „Овечка“, ему дали еще в детстве за кроткий нрав и неторопливость. Спокойный, молчаливый, он был чрезвычайно умерен и осторожен в удовольствиях, свойственных детскому возрасту, медленно и с большим трудом усваивал то, чему его учили, легко уступал товарищам и подчинялся им, и потому людям посторонним внушал подозрения в вялости и тупости, и лишь немногие угадывали в его натуре глубину, непоколебимость и величие духа — одним словом, нечто львиное.

Но вскоре, побужденный обстоятельствами, он доказал всем, что мнимая его бездеятельность говорит о неподвластности страстям, осторожность — о благоразумии, а недостаточная быстрота и подвижность — о неизменном, надежнейшем постоянстве.

Видя, что римское государство стоит на пороге великих свершений и многочисленных войн, он готовил к военным трудам свое тело, словно полученный от природы доспех, и в полном соответствии с той жизнью, какую ему предстояло прожить, старался превратить речь в орудие для убеждения толпы. Ораторскому дарованию Фабия были свойственны не прикрасы, не пустые дешевые приманки, но упорно противящийся чужому воздействию здравый смысл, отточенность и глубина изречений, как говорят, более всего сходных с Фукидидовыми».

Забегая вперед, можно напомнить, что это тот самый Квинт Фабий, который остался в истории под прозвищем «Медлитель» — Кунктатор. Существует небольшая полемика на тему — является ли это прозвище почетным изначально или же оно приобрело таковой оттенок позднее? В эпиграмме на смерть Фабия (203 год до н. э.) Энний говорит: «Один человек спас нам Республику промедлением». Это было написано значительно позднее самого «промедления», которое у современников событий вызывало столько протестов. Энний, которому на момент диктатуры

¹ Квинт Фабий уже успел побывать диктатором в 221 г. до н. э., притом начальником конницы при нём был печально известный Гай Фламиний. Также возможно, что это тот Квинт Фабий, который вынул из тоги войну.

Фабия было двадцать два года, служил в армии, поэтому хорошо знал репутацию диктатора и мог оценить его заслуги. По всей видимости, прозвище Кунктатор Фабий получил именно тогда; другой вопрос — насколько почетно оно звучало тогда и как быстро мог измениться знак «минус» на «плюс».

Но вернемся к тому моменту, когда Фабий только получил свои диктаторские полномочия.

Фабий в римском Сенате принадлежал к «партии мира»¹: он выступал за переговоры с Карфагеном, а не за войну. Впрочем, Фабий хорошо разбирался в политической обстановке. Он знал о расприх в политических кругах Карфагена и поддерживал противников Баркидов, то есть «партию мира» в карфагенском сенате. С ними еще можно иметь дело, считал Фабий, и если заключать мир, то именно с ними. С потомками Гамилькара Барки и особенно с его сыном Ганнибалом никаких мирных переговоров вести нельзя и мира с ним быть просто не может. Здесь — только война.

Ранее, в 221 году до н. э. он был диктатором просто для проведения выборов, а не для ведения столь ответственной войны². Диктатора-полководца в Риме не случилось действительно очень давно, аж с 249 года до н. э.

Вообще диктатура была явлением, довольно широко распространенным в Лации с древних времен. Во многих латинских городах так называлась высшая государственная должность. Для римлян времен Республики эта должность стала исключительной и чрезвычайной. Ее заимствовали у латинов и применяли в случаях большой военной опасности, угрозы для существования государства. Позднее диктаторов стали избирать и для внутrigосударственных дел³.

¹ Именно это вызывает сомнение в том, что Квинт Фабий возглавлял посольство в Карфаген. Другой возможный вариант — посольство возглавлял отец Квинта Фабия, его полный тезка, знаменитый в том числе и скандальным поведением на дипломатическом поприще.

² Некоторыми историками это оспаривается.

³ Список регулярных оснований для назначения диктаторов в описываемое время был таков: ведение войны, подавление мятежа, организация комиций, чрезвычайные сакральные причины (осквернение храмов и т. п.). Допускалось учреждение диктатуры и по другим поводам (с согласия Сената). Также допускалась комбинация причин в любом порядке, например, для проведения законов и наведения порядка в республике (диктатура Суллы). Важно понимать, что чаще всего диктатура вводилась в случае невозможности организации привычной демократической процедуры или угрозы таковой.

Как уже говорилось, диктатура на время «отменяла» демократию, хотя на самом деле это было не совсем так. Назначенный консулом сам назначал себе «правую руку» — начальника конницы (должность, которую мы бы назвали на современном языке начальником штаба), — диктатор пользовался практически безграничной властью в течение шести месяцев. Потом он должен был безоговорочно уйти. Если диктатор справлялся с возложенной на него задачей ранее шести месяцев, то он слал с себя полномочия сразу же по исполнении долга. Если же он за шесть месяцев не успевал исправить ситуацию, то все равно уходил с поста. Предполагалось, что диктатором мог стать только человек, который некогда уже занимал должность консула, однако история знает исключения из этого правила. Короче говоря, мера была исключительная и действенная.

Заместителем Фабия, его «начальником конницы», стал Марк Минуций Руф, который в 221 году до н. э. уже побывал консулом. Минуций и Фабий принадлежали в римском Сенате к разным политическим группировкам. Фактически они были политическими врагами.

Первоочередной задачей Сенат определил для них укрепление городских стен: «Будем сражаться за Город и родные очаги, коль скоро Италию отстоять не смогли».

Тит Ливий не жалеет ярких и светлых красок для портрета Квинта Фабия. С чего же начал диктатор — спаситель Отечества? Ну конечно же, с божественного. Без непряменного благочестия в таком деле никуда.

«В день своего вступления в должность (Квент Фабий Максим) созвал сенат и начал с рассуждения о божественном. Консул Фламиний, сказал он сенаторам, больше виноват в пренебрежении к обрядам и ауспациям (гаданиям), чем в дерзкой неосмотрительности, и надо спросить самих разгневанных богов, как их умиротворить. Фабий добился того, что разрешается только в случае зловещих предзнаменований: децемвирам велено было раскрыть Сивиллины книги¹. Децемвиры, справившись с книгами судеб, до-

¹ Сборник ритуальных текстов, пророчеств и, возможно, гаданий. Существовал с царских времён — их появление связывается с именем Тарквиния Гордого. Хранились в capitoлийском храме Юпитера, доступ к ним осуществлялся специальной коллегией жрецов-децемвиров и только по решению Сената. Оригинальные книги погибли во время capitoлийского пожара 83 г. до н. э., что было истолковано как крайне мрачное предзнаменование последовавших печальных

ложили сенату, что обеты Марсу, данные по случаю этой войны, не исполнены как положено; нужно сделать все заново и с большим великолепием... Кроме того, нужно устроить молебствие и лектистерний, а также пообещать „священную весну“ на случай, если война пойдет удачно и государство останется таким же, как до войны».

Здесь любопытно, кстати, заметить, что «удачной» римляне сочли бы войну, итоги которой оставили бы их государство хотя бы в прежних границах. Это не свидетельствует о повороте к миролюбию — мы знаем, что Рим в своих завоеваниях и расширениях не ограничивал себя ничем. В четвертом веке нашей эры карта этого государства уже не помещалась на столе и свешивалась справа и слева; страну пришлось разделить пополам, иначе ею невозможно стало управлять.

Скорее, эта фраза свидетельствует о том, что римляне вообще не чаяли выбраться из конфликта с Ганнибалом живыми. И если им хотя бы удастся сохранить то, что они имели изначально, они уже будут благодарны богам по гроб жизни.

Распоряжения насчет «священной весны» были особенно подробными.

«Если государство римского народа на протяжении ближайших пяти лет будет сохранено невредимым в нынешних войнах, а именно в войне народа римского с карфагенским и в войнах народа римского с галлами, обитающими по сю сторону Альп, то пусть тогда римский народ квиритов отдаст в дар Юпитеру все, что принесет весна в стадах свиней, овец, коз и быков — с того дня, какой укажет сенат, и что, кроме того, не обещано другим богам. Кто будет приносить жертву, пусть приносит, когда захочет и по какому захочет обряду, как бы он ее ни принес, это будет правильно... Если кто по неведению принесет жертву в несчастный день, считать жертву правильной. Принесена ли жертва ночью или днем, рабом или свободным, считать, что принесена она правильно...»

событий. Были заменены копиями. Считается, что были написаны на древнегреческом языке, однако некоторыми современными исследователями эта версия ставится под сомнение, поскольку подобная традиция в греческой ойкумене не зафиксирована. Там оракул, как правило, давал ответ «в реальном времени». В качестве альтернативы предлагается этруская традиция, в которой как раз такая практика встречалась, например *Liber Linteus (Agramentis)* — этрусский культовый календарь с описанием ритуалов и молитв.

О «священной весне» уместно напомнить, что именно этому обряду, согласно некоторым преданиям, мы «обязаны» появлением специфического народа мамертинцев — тех самых, с которых, собственно, и начались сначала недоразумения, а затем и полномасштабные войны между Римом и Карфагеном. Как уже говорилось, мамертинцы считаются потомками изгнанных (вместо того чтобы быть убитым) из родного города в качестве жертвы «священной весны».

Фабий уделил делам благочестия много внимания, все было расписано — кому какой храм обещать и построить, кому какие дары преподнести, где какие гадания провести и так далее. Если уж воевать с таким серьезным противником, как Ганнибал, то следует сделать все правильно, иначе война не будет считаться справедливой. Поддержка богов, а не защита родных очагов, — вот что придает войне статус праведной и священной.

«Покончив с тем, что касалось богов», как выразился Ливий, диктатор наконец доложил сенату о положении дел на фронте и о состоянии собственно государства. Изложив все факты, он спросил у правительства:

— Как по-вашему, сколько нам требуется легионов, чтобы разобраться со всем этим?

Сенаторы были уклончивы. Раз Фабий диктатор, пусть он и диктует. Можно, мямлил кто-то, взять легионы Гнея Сервилия... Еще надо бы набрать из граждан и из числа союзников Рима какие-то войска... Правда, неясно, сколько получится, а надо бы побольше... Короче, прозвучал «конкретный» вывод: пусть диктатор «действует как считает нужным для блага государства». Собственно, для того он и был избран. Точнее, назначен. И не кем-то, а самим римским народом. А глас народа — глас богов, теперь не отвертись.

То ли дали карт-бланш, то ли переложили на его плечи всю ответственность. Так или иначе, Фабий занялся этим важнейшим вопросом сам. Он решил, что к легионам Сервилия можно прибавить еще два легиона. Очевидно, набрать больше просто было нереально. Этим и занялся начальник конницы.

Одновременно Фабий распорядился, чтобы все, кто живет в городках, не имеющих стен, и в деревеньках, перебирались под защиту римской крепостной стены. Урожай и все, что не удастся забрать с собой, предписывалось уничтожить, ничего не оставляя врагу. Если Ганнибал придет — а он придет, — то его ждет лишь выжженная пустыня.

Встреча Фабия и Сервилия, который наконец сумел выйти из Аримина, произошла на Фламиниевой дороге. Эту дорогу построили по распоряжению того самого «плачевного» Фламиния, который совсем недавно пал в битве и который отличался вольнодумством, послужившим причиной всех его несчастий. Вольномыслие не помешало ему, однако, позаботиться во время предыдущего его консульства, в 220 году до н. э., о строительстве дороги от Рима через Этрурию до Аримина.

Сейчас по ней два легиона Фабия двигались навстречу легионам Сервилия. Они увидели друг друга издалека, и произошло это возле города Окрикула¹, примерно в семидесяти километрах от Рима.

Личная встреча Фабия и Сервилия наглядно показывает, что такое диктаторская власть.

«Фабий послал гонца уведомить консула, чтобы тот явился к диктатору без ликторов. Консул повиновался; встреча диктатора и консула показала гражданам и союзникам все величие диктатуры, за давностью почти забытое», — сообщает Тит Ливий.

Ликторы² представляли собой олицетворенную власть. Недаром, когда Полибий объясняет, что такое диктатура, он начинает именно с ликторов:

«Отличие диктатора от консула, — пишет Полибий, — заключается в следующем: за каждым из консулов следует по двенадцати секир, а за диктатором двадцать четыре; тогда как консулы во многих делах нуждаются в соизволении сената для осуществления своих планов, диктатор — полномочный вождь, с назначением которого все должностные лица в Риме, за исключением народных трибунов, немедленно слагают с себя власть».

¹ Район современного Отриколи.

² Первоначально, ещё при царской власти, ликторы были ближе всего к тем, кого мы назвали бы «судебными исполнителями». В описываемый период они приводили в исполнение смертные приговоры, исполняли церемониальные функции и служили охраной высших магистратов Рима. Консулам полагалось 12 ликторов (6 внутри городских стен Рима), диктатору — 24 (12 внутри городских стен). Вооружены ликторы были фасциями (связанными пучками берёзовых или буковых прутьев), вне городских стен в них вкладывался топорик или секира. Фасции символизировали право магистратов добиваться исполнения своих решений силой. С другой стороны, фасции были символом цивилизационного уклада. Единственный, кто, как считалось, мог сломать фасции, был бог Марс, что символизировало нарушение традиционного порядка во время войны.

Фабий принял интересное решение — «не действовать опрометчиво», как пишет Полибий, и «не подвергать себя случайностям битвы, но прежде всего и больше всего заботиться о целости своих подчиненных».

Диктатор начал проводить свою знаменитую стратегию «затягивания» или «медлительности». Он не боялся непопулярности в народных массах. Фабий был знатен, немолод, опытен и точно знал, чего хочет и как этого добиться.

Ганнибалу предстояло изучить этого нового, весьма неожиданного для него противника. Он попытался навязать римлянам бой, однако Фабий уклонился.

Пунийцы снялись с места и двинулись по Италии. Римляне выступили следом. Они шли так, чтобы не выпускать карфагенян из виду, но не приближались настолько, чтобы можно было завязать сражение. Карфагеняне прибегали к обычным для них провокациям, нападали и отскакивали, однако Фабий не отвечал никак.

Вся эта затяжная «потеха» развивалась на землях, принадлежавших самнитам. Иногда армии заходили в Кампанию. Ганнибал изо всех сил злил римлян. Разорил несколько городов, двинулся к северу к реке Вольтурн¹, в царство знаменитого фалернского вина. Это был один из самых благодатных районов Италии. Вторжение в него чужаков выглядело сродни кощунству.

Начальник конницы Минуций рвал и метал: сколько можно терпеть? Доколе, я вас спрашиваю?! Для чего мы набирали легионы? Любоваться на безобразия, учиняемые карфагенянами в святая, можно сказать, святых римской территории — там, где производят лучшее в мире вино?

Но Фабий оставался непоколебим. Двадцать четыре ликтора — это не пустой звук, это абсолютная власть, и своей абсолютной властью Фабий повелевал не делать вообще ничего. Его армия шла рядом с карфагенской, он наблюдал, иногда атаковал группы вражеских солдат, если те, увлекшись грабежами, отбивались от основного войска, — но на этом все.

Разбив лагерь на холме, Фабий молча смотрел, как ветер разносит дым от пожаров. Горели деревни. Вырубались лозы — слава и достояние кампанских поселенцев.

Ганнибал уже успел кое-что узнать о своем визави. Выдержка у этого человека, конечно, железная, и он явно что-то задумал, коль скоро не ведется ни на одну из провокаций — а провокации

¹ Ныне Вольтурно.

карфагенян становились жестче день ото дня. Ну а как ему понравится, если Ганнибал выставит его предателем?

Большой удачей было обнаружить владения римского диктатора неподалеку от тех мест, где предавалась своей деструктивной деятельности карфагенская армия. У Фабия именно здесь были свои земли. И Ганнибал приказал выжигать и уничтожать все, но не касаться имений Фабия. Заодно распустить слухок о том, что у Фабия с Ганнибалом, мол, имеется тайная договоренность. Впрочем, тайное легко становится явным: кругом все черным-черно, и только на пажитях у Фабия все зеленеет, колосится, мычит и блеет. С чего бы это?..

В Кампанию Ганнибал явился не просто так и не по случайности. Как помним, после разгрома римлян у Тразименского озера он набрал пленных и среди них выделил тех, кто принадлежал к числу римских союзников, и отнесся к тем гораздо мягче, чем к полноправным римским гражданам. Среди отпущенных Ганнибалом были трое землевладельцев из Кампании. Им понравилось отношение карфагенянина, и они, как и рассчитывал Ганнибал, не умолчали о том перед своими земляками. Вот эти-то люди и прислали весть Ганнибалу, что его ждут в Кампании, у них на родине. Если он приведет сюда войска, то Капуя — главный город Кампании (ее жители были римскими гражданами, но неполноценными, без права голоса¹) — сразу сдастся ему без боя. Фактически они пригласили карфагенян к себе.

Ганнибал, бесспорно, не мог полностью довериться этим людям. «Дело было серьезное, а люди пустые», — пишет Ливий. Однако что-то в их предложении все-таки было. Карфагенский полководец обдумал все обстоятельства, взвесил свои силы и возможности, посмотрел на карту, расспросил людей — и решился. Захват Капуи не выглядел невозможным, поэтому стоило попробовать.

И из Самнии он двинулся в Кампанию. «Проводнику он велел вести себя к Казину²: люди, знающие эти места, уверили его — если он захватит там перевал, то римляне будут отрезаны от союзников», — объясняет Ливий. Казин был последним городом Лация на латинской дороге. Дальше эта дорога идет уже по Кампании.

¹ Статус, промежуточный между римским и латинским гражданством, данный жителям Капуи и некоторых других городов Кампании после Второй Латинской войны в знак уважения за то, что они не примкнули к восстанию Латинского союза. Эта правовая категория получила название цереанского права (по этрусскому г. Цере, впервые получившему такой статус).

² Современное название Кассино, у подножия знаменитой горы Монте Кассино.

Но произошла досадная ошибка. Проводник неправильно понял Ганнибала — возможно, кстати, бедолага действительно не разобрал произношение (хотя и не исключено, что решил сыграть в Сусанина). Как бы то ни было, но вывел он карфагенскую армию не к Казину, а к Казилину¹ — совсем другому пункту, городу в Северной Кампании на реке Вултурн. Он находился недалеко от Капуи, и там же заканчивалась дорога. Это было совершенно не то, чего хотел Ганнибал. Не разбираясь в причинах, он приказал высечь и распять нерадивого проводника, а затем начал обдумывать свое положение.

Хороший маневр не удался, поэтому следовало извлечь лучшее из возможного. Ганнибал отправил войска грабить Фалернскую область. Нумидийцы наводили ужас на округу, предавая огню и мечу все, что попадалось им на пути.

Ливий прямо говорит, что главным противником Фабия можно было считать в те времена не столько Ганнибала, сколько его собственного начальника конницы — Минуция.

Вот Минуций и был самым подходящим «клиентом» для Ганнибала, сродни покойному Фламинию. Раздразнить этого человека и затащить его в заведомо безнадежное сражение Ганнибалу бы ничего не стоило. Мешал этому только Фабий...

«Был он (Минуций) человеком неистовым, — пишет Тит Ливий, — скорым на решения, необузданным на язык; сначала в небольшом кругу, а потом открыто в толпе стал бранить Фабия, который будто бы не медлителен, а ленив, не осторожен, но трус; истолковывая доблести диктатора как пороки, он унижал высшего и превозносил себя — гнусное искусство, доставившее многим блестящий успех и потому процветающее».

Сначала в войске римлян царило приподнятое настроение. Фабий вел легионы быстрым маршем, и солдаты думали, что он готовится наконец вступить в сражение с захватчиками. Душа горела, руки рвались к мечам. Очевидно, картины, которые разворачивались перед солдатами Рима, способствовали росту подобных настроений: карфагеняне, а особенно нумидийские всадники, не церемонились с жителями Кампании и с их имуществом. Однако Фабий опять ничего не предпринял.

Глядя на пылающие поля Фалернской области, Минуций сказал (как передает Ливий):

¹ Ныне ушёл с лица Земли.

«Ужели пришли мы сюда наслаждаться приятнейшим зрелищем — смотреть, как убивают союзников и жгут их жилища! Если нам никого не стыдно, то постыдимся хотя бы граждан, которых отцы наши поселили в Синуэссе, чтобы всему этому краю была защита от самнитов. А сейчас пожары устраивает не сосед-самнит, а чужеземец, пуниец, который по нашей беспечности и медлительности пришел сюда с края света! Мы не сыновья наших отцов: мы выродки! Они считали для себя позором, если пунийский флот проходил мимо их земли; мы еще увидим, как тут будет полным-полно нумидийцев и мавров...»

Ливий, не столько историк, сколько беллетрист, любит сочинять длинные речи и вкладывать их в уста своих героев, поэтому и Минуций у него распинаятся добрых две страницы, кратко пересказывая события Второй Пунической войны до «настоящего момента». Если же коротко, начальник конницы подстрекал солдат выступить немедленно и начать сражение с захватчиками.

Фабий был осведомлен о своей непопулярности. Он отлично знал, что Минуций окончательно утратил лояльность к диктатору и подстрекает солдат. Известно ему было и то, что бранят его уже не только в собственном войске, но и в самом Риме.

Тем не менее от своего изначального замысла Фабий не отступался, и с твердостью, «достойной античного героя», продолжал не делать ничего. На самом деле заставить подчиненных не делать ничего бывает даже труднее, чем заставить их делать хоть что-то. Люди существа удивительные в этом отношении.

Лето миновало, осень заканчивалась, надвигалась зима. Зима в Кампании хоть не слишком суровая, но все-таки зима¹. В области, где застрял Ганнибал, летом было много всего прекрасного, и можно было дразнить римлян, уничтожая их виноградники. Однако Кампания, как справедливо замечает историк, «богата только тем, чем дарит лето и что ласкает зрение и вкус, но не тем, что поддерживает жизнь». Короче говоря, запасов хлеба и иного продовольствия карфагеняне там не нашли.

Фабий знал, что Ганнибал пойдет обратно той же дорогой, какой пришел сюда. Карфагеняне «отяжелели», они тащили с собой награбленное за лето. Фабий перевел свои легионы в Казилин, тот самый, который не нужен был Ганнибалу, — и перекрыл карфагенянам проход через долину реки Вультурн.

¹ По данным палеоклиматологии в годы 220–210 до н. э. зимы были холодными, а лета дождливыми.

Минуций был отправлен им следить за Аппиевой дорогой.

У Ганнибала остался один путь из Кампании — по узкой долине реки Калликулы. Эта речка протекала севернее города Калы¹.

Когда Ганнибал двинулся вдоль реки, Фабий решил его перехватить и устроил засаду из четырехсот всадников в самой долине, а прочие свои силы разместил на холме неподалеку.

Здесь мы опять вступаем в область легендарного.

Сначала попробуем хотя бы приблизительно разобраться, что, собственно, происходило в долине Калликулы. Некоторые историки относят эпизод с «Казином»-«Казилином» и распятым проводником-«Сусаниным» именно к осени 217 года до н. э. и к моменту, когда Ганнибал отходил из Капуи. Конечно, это выглядит более логично, ведь ошибка проводника вполне могла стоить Ганнибалу армии и жизни. Он мог счесть, что его завели в фатальную ловушку. Но ловушка эта фатальной для Ганнибала вовсе не была, и выбрался он из нее вполне эффективно.

С другой стороны, тот же Тит Ливий относит эпизод с проводником не к выходу Ганнибала из Кампании, а к появлению его в Кампании, то есть несколькими месяцами ранее.

Так или иначе, обстановка на осень 217 года до н. э. выглядела так: Ганнибал в тесной долине, Фабий на холме и четыреста всадников пытаются обойти карфагенян.

А вот всадниками этими командовал человек, который был Ганнибалу крайне удобен, поскольку разделял мнение и представление Минуция о том, как именно следует вести войну. Звали этого командира Луций Гостилий Манцин, был он молод и весьма горяч. Под началом у него были конники из числа римских союзников.

Манцин поначалу старался сдерживать свой нрав и действовал как разведчик: он выслеживал неприятеля, но в стычки не вступал. Однако для нумидийцев не составило труда разозлить его до потери сознания. Когда Манцин увидел «беззащитных» и «беспечных» нумидийцев, которые просто бродили по округе, он набросился на них.

«Нумидийцы то выезжали вперед, то скакали обратно, истомили у Манцина и лошадей и людей и завлекли его к самому их лагерю, — рассказывает Ливий. — Оттуда Карфалон, командовавший всей вражеской конницей, гоня лошадей во всю прыть, почти пять миль безостановочно преследовал бегущих римлян, пока не подошел к ним на перелет дротика».

¹ В настоящее время Кальви.

Манцин уже оценил ситуацию: убежать не получится, придется принимать бой с врагом, который превосходит его во всем. Римляне развернулись навстречу противнику — и полегли почти все во главе со своим доблестным командиром. Немногие уцелевшие разбежались и кое-как добрались до ближайшего города — это были Калы. Оттуда почти непроходимыми тропами они доползли до Фабия.

Итак, что, собственно, произошло с войском карфагенян? Оно оказалось, в общем-то, в «котле».

Ганнибал угробил целое лето на то, чтобы заставить Фабия сделать хоть что-нибудь. Он прошел по Кампании, заглянул в Фалернскую область (славную своим вином) и там безнаказанно грабил и сжигал все, до чего дотягивались руки. Досадно было, что ни один из тамошних городов не перешел на сторону пунийцев, как это происходило в Галлии¹. Хотя итальяцам приходилось тяжело и Ганнибал здорово их донимал своими набегами, они стойко держались союза с Римом.

Ганнибал хотел либо вызвать Фабия на бой и заставить того дать решительное сражение, либо запугать итальянские города. Но ни то, ни другое не получалось: все упорно хранили статус-кво.

Ганнибал шел плодородной равниной, демонстрируя свои самые худшие намерения. Фабий двигался параллельным курсом по горам и демонстрировал желание и с возможного поля боя не уходить, и в бой не вступать. Это безумно раздражало.

Покончив с долиной Капуи и награбив астрономическое количество добычи, Ганнибал остановился. Уничтожать столько добра у хозяйственного финикийца рука не поднималась, но двигаться дальше с обозом настолько тяжелым было просто невыносимо. Поэтому для добычи было подготовлено особое хранилище. На эту работу ушло какое-то время.

Фабий тем временем понял, что у Ганнибала только один путь для отхода из местности, где тот очутился: тем же путем, каким он в нее вошел.

А вошел он через довольно узкий проход, и кругом была теснина. Так Ганнибал оказался заперт в «котле». Из этой ловушки он и вырвался тем самым легендарным способом, память о котором осталась в веках. Возьмем самое классическое из всех описаний этой пунийской хитрости — то, что у Полибия:

¹ Имеется в виду Цизальпинская Галлия в современной Ломбардии и на Падуанской равнине. Более известная нам по сочинениям Г. Ю. Цезаря Галлия носила название Трансальпинской.

«Когда явились карфагеняне и разбили свои палатки на равнине у подножия горы, Фабий рассчитывал не только отнять у них без труда добычу, но, что гораздо важнее, положить конец самой борьбе, воспользовавшись столь удобным местоположением. Поэтому он был всецело поглощен своими планами и соображениями о том, где поставить ему войско и каким образом выгоды местоположения обратить в свою пользу... Ганнибал проник в замыслы врагов и не дал им ни времени, ни возможности осуществить задуманное. Он тотчас призвал к себе Гасдрубала, заведовавшего работами при войске, и распорядился связать поскорее и побольше факелов из разного сухого дерева, потом велел взять из всей добычи отборных, самых сильных рабочих быков тысячи две и собрать их перед стоянкою. Когда это было сделано, он созвал мастеровых и указал им на высоты, лежащие между его лагерем и тем проходом, через который собирался проходить. К этим высотам он велел по данному сигналу гнать быков быстро, подгоняя их ударами, пока они не достигнут вершин возвышенности. Засим приказал всем им ужинать и вовремя отдохнуть.

На исходе третьей части ночи Ганнибал немедленно вывел мастеровых и велел привязать факелы к рогам быков. При множестве людей приказание это исполнено было быстро. Тогда Ганнибал распорядился зажечь все факелы и отдал приказ гнать быков к противлежащим высотам. Копейщиков он поставил сзади погонщиков и приказал им некоторое время помогать погонщикам; затем, лишь когда быки будут достаточно возбуждены, копейщики должны... овладеть высотами и занять заблаговременно вершины их; они должны были быть готовы сразиться с врагами, лишь только эти последние устремятся к высотам и нападут... К тому же времени снялся со стоянки и сам Ганнибал, причем впереди поставил тяжелооруженную пехоту, за ними конницу, дальше добычу; наконец иберов и кельтов — и пошел к узкому проходу».

Если Фабий хорошо изучил Ганнибала, то и Ганнибал, можно не сомневаться, неплохо изучил Фабия за минувшее лето. Но, в принципе, не нужно быть великим знатоком человеческой природы, чтобы понимать: при виде моря огня, которое из ночной тьмы внезапно потекло на склоны горы и подбирается уже к твоему лагерю, любой человек, даже римский солдат, слегка обалдеет и неминуемо дрогнет.

Быки с горящими факелами на рогах ворвались в римский лагерь и смяли там все. Фабий видел их издалека, как и его солдаты. Он мог бы, наверное, попробовать дать отпор, — более того, он догадывался, что имеет дело с какой-то хитростью, что это не лесной пожар, например, — но рисковать не стал. Как и рассчитывал

Ганнибал, осторожный римский полководец принял решение дожидаться утра и ничего не предпринимать в темноте наобум.

Но утром будет уже поздно: Ганнибал вслед за быками прорвется через теснину. Римляне, которые охраняли узкий проход и должны были остановить карфагенян, покинули свои посты.

Когда поднялось солнце, с первыми лучами Ганнибал увидел, что выше его копейщиков, на том же холме, стоят римляне. Произошла стычка, и иберы без большого труда уничтожили тысячи три римлян, которые попали в тиски между карфагенскими копейщиками (те находились ниже по склону) и иберами (а вот те нападали с самой вершины).

После этого трюка с быками, который вошел во все хрестоматии, Ганнибал вышел из Фалернской области. Теперь ему предстояло решить, где он проведет зиму.

Собственно говоря, мы наблюдаем исторический триллер с элементами саспенса и мистическими вкраплениями, рядом с которым все современные экшен-сериалы покажутся составленными унылыми ханжами трактатами о пользе добра и благотворительности в пользу вдов и сирот. То, что творилось тогда в Италии — сюжет, разумом почти непостижимый. И тем не менее это была реальность.

ГЛАВА XVIII

Диктатор и испанская проблема

Репутация Фабия была даже не подмочена — она была, выражаясь образно, подпалена. Он и раньше-то не пользовался популярностью — его стратегия «затягивания» выглядела как трусость, как нерешительность, склонность к перестраховке. Кто знает, в принципе, что произошло бы, если бы Фабий, например, решился сразиться с карфагенянами той ночью в ущелье. Может быть, потери были бы гораздо больше. Может, от римской армии в очередной раз остались бы рожки да ножки.

Но боги были крайне раздосадованы, и Фабий отправился в Рим — пообщаться с богами и принести им новые жертвы. Войском на время отсутствия диктатора будет командовать начальник конницы — Марк Минуций Руф. Фабий рисковал, когда уезжал и оставлял Минуция без присмотра, однако выбора у него не было.

Перед отъездом Фабий долго наставлял заместителя:

— Наша задача — не нанести вред неприятелю, а следить за тем, чтобы неприятель не нанес вреда нам. Этот человек привык побеждать. Уже одно то хорошо, что мы не терпим от него поражений. Пока нас не бьют, мы можем считать себя если не победителями, то по крайней мере не побежденными.

Минуций кивал, но думал о другом. Ему очень хотелось сражения.

Ганнибал тем временем, как помним, тщательно выбирал место для своих зимних квартир и в конце концов остановился в городке под названием Гереоний (Геруний). Сообщения о том, что городок этот был «покинут» жителями, несколько ретушируют картину: Ганнибал, по всей видимости, решив, что Геруний

ему подходит по всем пунктам (тут и положение удобное, и склады для добычи есть где разместить) сделал жителям городка предложение, от которого тем не следовало бы отказываться: открыть ворота и сдаться на милость пунийца. Вообще местные могли бы уже понять, что союзникам Рима, если те не оказывали сопротивления или, по крайней мере, сдавались быстро, от карфагенян больших неприятностей не грозило. Ганнибал неизменно придерживался политики мягкого отношения к ним. Но в Герунии карфагенянину ответили отказом. Тогда он очень быстро захватил городок и всех жителей его истребил. При этом стены и дома остались нетронутыми — они были нужны для зимовки.

Войско разбило лагерь перед городком, стоянка была, как это делали и римляне, окопана и огорожена. Добыча и особенно продовольствие помещены были под защиту городских стен. Теперь можно с комфортом проводить зиму.

Фуражиры, которых Ганнибал отправлял на плодородные поля (то и дело сам выезжая с ними, чтобы прикрывать их в случае нападения), собирали урожай, выращенный местными жителями.

Минуций последовательно нарушил все запреты своего начальника, едва тот отбыл. Сначала он еще держался, но при виде карфагенян, которые преспокойно жали то, что не сеяли, он не выдержал. Вместо того чтобы двигаться параллельным курсом с врагом (пунийцы — по долине, римляне — по горам и холмам, наблюдая за ним с вершины), Минуций спустился.

Ганнибал, несомненно, знал, что у римской армии сейчас поменялся командующий. За такими вещами он следил особенно тщательно. Отправив часть людей за хлебом на поля, Ганнибал с остальными — приблизительно двумя третями личного состава — встал так, чтобы отрезать дорогу римлянам к своим фуражирам.

Карфагеняне подошли к римлянам ближе и расположились на небольшой возвышенности. Ночью Ганнибал отправил две тысячи человек тайно занять холм, господствовавший над местностью. Таким образом, над головой ничего не подозревающих солдат Минуция оказались карфагенские копейщики — в засаде. Минуций ничего этого не знал. Он видел перед собой только наглого врага — и рядом не оказалось Фабия, чтобы удержать карающую руку.

Поэтому на следующий день Минуций пошел на приступ карфагенского лагеря. К тому же у Ганнибала было мало людей — он ведь отправил часть своих солдат на поля, собирать хлеб.

Римляне атаковали и одержали победу. Существует предположение, не лишенное смысла и логики, что на самом деле мысль о «полной победе» внушил Минуцию сам Ганнибал: ему требовалось распалить противника и заставить его совершить глупость куда большего масштаба.

Минуций был в восторге. Ганнибала можно и нужно бить. А Фабий просто трус, немощный старец и перестраховщик.

Ганнибал определенно воспользовался в данной ситуации «уроками», полученными от Фабия: он оставался на месте и никуда не торопился. Вместо этого он перешел в старый лагерь — под Герунием. И стал ждать. Роли, определенно, поменялись.

В Рим пришла ликующая весть о победе. Граждане обнимались на улицах. Только диктатор ходил мрачный и говорил, что побед боится больше, чем поражений.

Народный трибун Марк Метелий выступил с зажигательной речью: «Это невыносимо: диктатор мешает удачному ведению войны не только своим присутствием, но и отсутствием! Он тянет время, чтобы подольше занимать свою должность! Минуция он держал едва ли не под стражей, не давая ему развернуться! Если бы в римском народе жил дух отцов...» — и так далее.

Фабий отмалчивался. Если бы он напомнил, какие поражения терпели римские военачальники от Ганнибала, его попрекнули бы низкопоклонством перед врагом.

В Риме выбрали нового консула — им стал Марк Атилий Регул (ранее он уже один раз был консулом). Сразу после выборов Фабий отбыл к войскам. Он уехал ночью, чтобы его никто не остановил. В Риме велись шумные и многословные споры о власти. Фабия не хотелось принимать в них участия.

Дело же заключалось вот в чем. Если верить Плутарху, Фабий один раз все-таки выступил. Когда народный трибун от лица римского плебса похвалил Минуция за храбрость и доблестные действия против врага, Фабий отвечал, что оправдываться он не намерен, давать отчет в своих действиях не обязан, а вот Минуций нарушил приказ и должен быть наказан. Поэтому он, Фабий, завершит положенные обряды как можно скорее и вернется к войску, где Минуция ждет справедливая кара.

Тут в народе началось сильное брожение. Диктатор обладал абсолютной властью, и этот закон никто не отменил. В частности, диктатору позволялось без всякого суда и ни с кем не советуясь арестовывать граждан, заключать их в оковы и казнить. У римлян не было наказания тюремным заключением, поэтому все обычно заканчивалось довольно быстро.

Мысль о том, что Минуцию грозит именно такая участь, волновала и страшила. Многие были уверены в том, что Фабий слишком долго сдерживал себя. Сейчас несчастный начальник конницы дал ему повод выпустить наружу весь тот гнев, который копился месяц за месяцем.

Согласно Плутарху, решающее слово произнес народный трибун Метелий — статус народного трибуна обеспечивал ему неприкосновенность, он мог говорить то, что думает, не опасаясь, что диктатор снимет с него за это голову. Если верить Титу Ливию, то предложение исходило от претора¹ прошлого года — Гая Теренция Варрона. Поскольку Фабий в римской истории — герой положительный, то Варрон, выступавший против него, — персонаж до крайности отрицательный: Тит Ливий передает все дурные известия о нем. Происхождения он был плебейского, отец его держал лавку и торговал мясом, сам он, терзаемый честолюбием, прорвавшись на вершины власти, стал *«рьяным защитником подлого люда и чернил доброе имя порядочных»*.

Так или иначе, кто-то из плебейских лидеров взял на себя ответственность и выступил с дерзким предложением. Как говорит Плутарх, граждане Рима «при всем своем недовольстве Фабием, не осмелились принудить его отказаться от диктатуры, но постановили, чтобы Минуций по положению был равен командующему и чтобы военными действиями руководили оба на равных правах».

Постановление об «уравнивании власти», которую отныне будут делить диктатор и его начальник конницы, все, даже противники Фабия, сочли намеренным оскорблением. Собственно, так оно и было.

Фабий получил письмо о принятии этого постановления уже в дороге. «Прекрасно зная, что обладание властью и искусство властвовать очень между собой разнятся, Фабий вернулся к войску — не побежденный ни согражданами, ни врагами», — пишет Ливий.

Минуций почивал на лаврах и хвастался тем, что победил непобедимого Ганнибала. Впрочем, еще больше радовала его победа над занудой Фабием.

¹ В описываемый период претор — следующий за консулом городской магистрат, в обычное время обладавший судебной властью по гражданским делам. В случае отсутствия в городе обоих консулов, претору переходила вся полнота власти. Претору полагалось 6 ликторов (2 в пределах городских стен).

Произошла вещь беспрецедентная для римской истории: власть диктатора была разделена надвое. Появились *два диктатора*, чьи полномочия имели одинаковую силу. Ситуация абсурдная: диктатора назначают именно для того, чтобы кто-то один, единолично, не тратя время на полемику, уговоры, интриги и прочие демократические процедуры, мог решать все срочные и болезненные проблемы. Два диктатора — это парадокс.

Фабий понимал, что Минуций будет действовать интуитивно, полагаясь больше на удачу, нежели на расчет. Катастрофа при таком раскладе неизбежна. Минуций вообще предложил поделить полномочия таким образом, чтобы один отрезок времени командование отходило в безраздельную власть к одному диктатору, а другой отрезок — к другому. Это был отличный способ обеспечить полный хаос в римской армии. Фабию с трудом удалось отговорить своего честолюбивого «коллегу», и в результате они поделили между собой легионы: первый и четвертый достались Минуцию, второй и третий — Фабию. Обычно так разделялись полномочия между консулами.

Начальник конницы забрал также половину вспомогательных войск и конницы и пожелал устроить собственный лагерь.

Ганнибал, естественно, был отлично осведомлен обо всех этих событиях: перебежчики и собственные лазутчики регулярно докладывали ему о нараставшем у римлян бардаке. Количество войск у Фабия уменьшилось вдвое! Минуций отделился от старика и жаждет новых сражений и славы! Что может быть лучше!

Минуций со своими людьми стоял сейчас на равнине за холмом. Ганнибал занял позицию по другую сторону холма. Тот, кто захватит возвышенность, разумеется, будет в более выгодном положении, поэтому схватка за холм вроде как неизбежна.

На самом деле не так уж принципиально важна была эта позиция — Ганнибал и на равнине неплохо справлялся, — настоящая причина заключалась в другом: пока у Минуция есть половина войска и желание драться, следует этим воспользоваться. И делать это надо быстро, чтобы Фабий не успел остановить своего опрометчивого со-диктатора.

Как и всегда, Ганнибал начал с того, что тщательно разведал местность. Долина здесь была голая — ни леса, ни рощи, ни даже кустов, чтобы засесть в засаде. По крайней мере, так она выглядела со стороны.

Зато имелись глубокие овраги, и вот там-то Ганнибал и спрятал пять тысяч воинов — больше просто не поместилось. Изда-лека их невозможно было заметить.

Минуций наверняка уже решил для себя, что местность не позволяет устраивать засады и вообще как-то проявлять хваленое пунийское коварство. А тут еще малочисленный отряд карфагенян отправился на холм с явной целью захватить доминирующую высоту.

Никто не будет доминировать над Минуцием — спасителем отечества и человеком, победившим нестигаемого Ганнибала!

Минуций пошел в наступление.

Ответные действия последовали мгновенно: пунийцы контратаковали, используя те самые засадные отряды, спрятанные в ложбинах. Минуций был на грани разгрома, когда Фабий явился к нему на помощь и отогнал врага. Ганнибал отошел, не желая больше рисковать.

После этого Минуций признал правоту Фабия, раскаялся во всех своих опрометчивых поступках, превознес своего спасителя до небес, восхвалил его осторожность, которая, правда, не позволила им разгромить врага, но, с другой стороны, не дала и врагу разгромить их...

Пока оба диктатора обменивались любезностями и филиппиками, срок их диктаторских полномочий истек. Демократия.

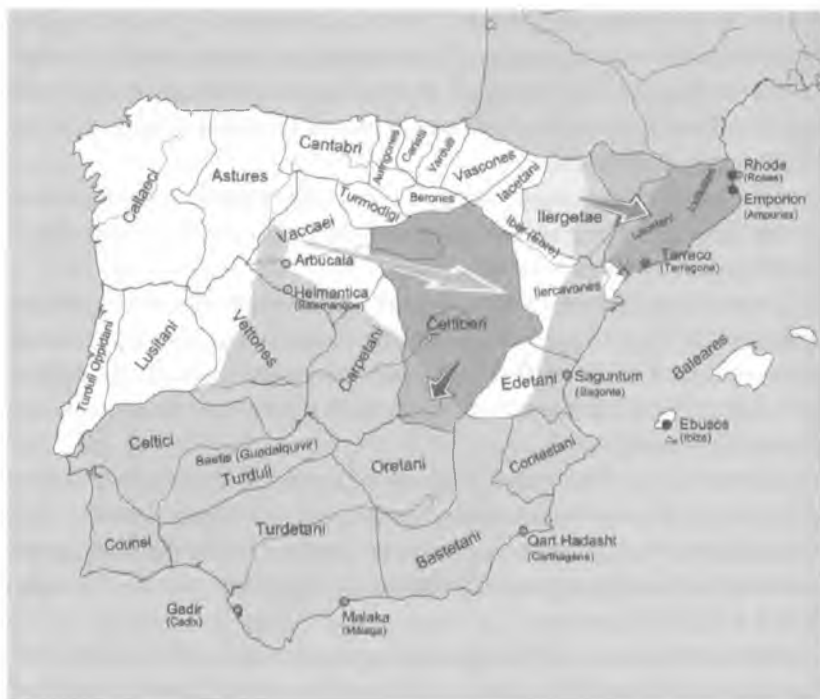
* * *

Война в Италии развивалась для карфагенян неплохо, но проблема заключалась в том, что для окончательного разгрома римлян Карфагену требовались победы на обоих фронтах, не только в Италии, но и в Испании. А там дела обстояли несколько иначе.

В какой-то мере «беда» Ганнибала заключалась в том, что «герой должен быть один»: Ганнибал не мог находиться в Испании, потому что он находился в Италии. На этой, казалось бы менее сложной территории Ганнибал оставил вместо себя Ганнона с войском.

Гней Корнелий Сципион с двумя легионами вошел в Испанию в августе 218 года до н. э. и расположился у Эмпорий. Опираясь на этот ключевой пункт, он начал передвигаться по всему побережью, а затем и по внутренним землям полуострова (территория современной Каталонии), везде агитируя за римлян и подчас прибегая к более весомым аргументам в виде остро заточенных металлических предметов. В результате северо-восток Испании, от предгорий Пиренеев до северного берега реки Эбро (Ибер), склонился к римлянам.

Ганнон сразился с латинянами у местечка Кисса (район современной Лериды). Сципион легко разбил Ганнона и забрал

Карфагенская Иберия и территории основных племен

добычу, которую Ганнибал «сбросил» Ганнону, когда уходил в Италию.

К югу от Эбро стоял Гасдрубал — брат Ганнибала, охранявший испанские владения Карфагена на этом участке. Узнав о поражении Ганнона, Гасдрубал бросился тому на помощь, но опоздал. Он переправился через Эбро и попал к «шапочному разбору»; все, что ему оставалось, — это напасть на экипажи римских кораблей.

Наступала зима, и Сципион отправился в Тарракон¹. Пока римляне отдыхали и бездействовали, Гасдрубал спешно укреплял города к югу от Эбро. За зиму 218/217 года до н. э. Гасдрубал оснастил сорок боевых кораблей. Флотом карфагенян командовал Гимилькон. С этими сорока кораблями он двинулся вдоль побережья, по суше к Эбро перемещалась карфагенская армия во главе с самим Гасдрубалом.

Возле устья реки Эбро произошло сражение «река-море», которое завершилось для пунийцев поражением практически

¹ Ныне Таррагона.

фатальным. Римляне захватили двадцать пять карфагенских кораблей и сделались хозяевами акватории — отныне они господствовали вдоль побережья, от Каталонии до Адриатики. В Карфагене схватились за голову и быстро отправили семьдесят кораблей — спасти ситуацию. Эскадра добралась до Сардинии, передохнула и пополнила запасы, после чего летом 217 года до н. э. подошла к побережью Италии — недалеко от нынешнего города Пиза. Попутно эти корабли еще прихватили груз с римских торговых судов, которые направлялись в Испанию — везли все необходимое для армии Сципиона. Это, конечно, было удачно для Карфагена — и весьма досадно для Рима.

Поэтому сто двадцать римских кораблей под командованием Гнея Сервилия погнались за семьюдесятью карфагенскими судами. Карфагеняне искусно ушли от преследования. Мореходами они были куда более опытными, и корабли их обладали значительно лучшей маневренностью, чем хорошо вооруженные, но тяжелые и неуклюжие римские квинквиремы¹. Однако римский флот преградил путь карфагенскому, поэтому, покружив на месте, тот вынужден был повернуть назад и возвратиться домой ни с чем.

Гней Сервилий бросил якорь в Лилибее (Сицилия), а оттуда направился прямо к африканскому берегу. Он обложил данью жителей Керкеннских островов, возвратился на Сицилию, захватил по дороге остров Коссиру, похозяйничал и там — короче, показал всему миру и Карфагену в первую очередь, кто теперь господствует на море.

Брат Гнея — Публий Сципион, проконсул, привел корабли к Тарракону. Там он высадился с сухопутной армией, численностью, как предполагают, около восьми тысяч человек. Это войско соединилось с силами Гнея Сципиона. Римлян стало в Испании много. Даже слишком много.

На протяжении всего лета 217 года до н. э. Гасдрубал был озабочен кельтиберами, которые в очередной раз взбунтовались против очередной попытки подчинить их себе (ни римлянам, ни пунийцам так и не удалось добиться от них верности). Кельтиберы атаковали западные границы испанских владений Карфагена. Гасдрубал с трудом сдерживал этого агрессивного врага.

Гней и Публий Сципионы переправились через Ибер, не желая упускать удобный случай. Впереди находился Сагунт. Этот город вовсе не был уничтожен окончательно — Ганнибал превратил его

¹ См. примечание к гл. 3.

в карфагенский форпост. Именно там находились в плену заложники, которых свезли за эти стены со всей Испании.

Римляне проявили коварство в лучших «пунийских традициях»: они решили не осаждать хорошо укрепленный город, а вместо этого нашли «слабое звено» в лице одного из знатных горожан.

У Ливия он назван Абелуксом, у Полибия приводится более «кельтское» написание имени — Абилиг. Раньше, утверждает Ливий, этот человек поддерживал карфагенян, но когда ветер подул в другую сторону, переметнулся к римлянам. Но как перейти к Сципиону наиболее выгодным для себя образом? Перебежчик, которому нечего предложить новому хозяину, — существо «жалкое и презренное». Сам по себе он ценности не представляет, рассуждал Абилиг. А вот если бы он помог римлянам отобрать у карфагенян заложников... Полибий так описывает ситуацию, в которой огромную роль сыграл пресловутый «человеческий фактор»:

«Абилиг решил изменить карфагенянам и выдать заложников римлянам. Он видел, что Бостор, военачальник карфагенян, которого послал Гасдрубал для задержания римлян при переправе через реку, но который не отважился на это и после отступления расположился станом в приморских частях Заканфы (имеется в виду Сагунт), — что Бостор человек бесхитростный и относится к нему с полным доверием...»

Абилиг начал внушать Бостору, что карфагенянам Иберию одним только страхом и силой оружия не удержать. Пунийцам приходится заискивать перед племенами, которые были ими покорены, и всячески угождать побежденным, чтобы те сохраняли им верность. А римляне уже близко. Вон они, жгут костры недалеко от Сагунта. Сейчас римляне нацелены на то, чтобы с боем отбить заложников, томящихся в Сагунте. Если карфагеняне в этот критический момент позаботятся о безопасности заложников и отправят их по домам, к их семьям, то до всех окрестных племен дойдет, какая благодать — власть Карфагена. И тогда местные племена точно поддержат пунийцев в их борьбе...

Наивный Бостор признал справедливость аргументов своего коварного советчика, а тот предложил свою кандидатуру для исполнения столь важного поручения.

«Он ручается за величайшую благодарность со стороны иберов, ибо возвращением юношей в их города он приобретет тем призна-

тельность не только родителей, но и народа, потому что на деле покажет им великодушные карфагеняны по отношению к союзникам».

Получив заложников, он вывел их из Сагунта... и передал из рук в руки римлянам.

После этого Абилиг, уже под охраной римских легионеров, разъезжал с заложниками по испанским городам, везде возвращал юношей в лоно семейств, но передавал их от лица римлян. Таким образом, великодушные Сципионов стало известно по всей Испании, и их повсюду «превозносили» (насколько искренне — другой вопрос).

Бостор, несомненно, поплатился за свое легкомыслие. Историки не пишут, но вообще, зная, как свирепо карфагеняне расправлялись с незадачливыми полководцами, можно смело предположить, что этого доверчивого человека ничего хорошего не ожидало.

Дела карфагеняны в Испании складывались отнюдь не лучшим образом, и там не оказалось на тот момент Ганнибала, чтобы спасти ситуацию. Он был про горло занят в Италии.

ГЛАВА

XIX

Канны: победа, которой не воспользовались

В Италии римляне сочли, что можно теперь вернуться к прежнему образу демократического правления, и «содиктаторы» передали легионы консулам: Фабий — консулу Марку Атилию¹, а Минуций — Гнею Гемину Сервилию. Оба консула занялись укреплением лагерей, где собирались зимовать с войсками, и попутно донимали Ганнибала по способу Фабия, то есть не вступая с ним в сражения, а изматывая ему нервы (и силы) короткими набегами и не позволяя собирать продовольствие в округе.

В Риме обнаружился карфагенский лазутчик — этот шпион действовал там уже два года, снабжая Ганнибала информацией; ему отрубили руки и отпустили, чтобы Ганнибал, узнав об этом, хорошенько призадумался.

Тем не менее Ганнибал оставался страшным противником, поэтому консулы не решились оставить войска для того, чтобы вернуться в Рим и провести выборы, как положено; пусть-де выборы лучше проведет интеррекс (дословно — «междуцарь»²), еще одна удивительная должность в республиканском Риме:

¹ Марк Атилий Регул был избран взамен убитого Гая Фламиния. Избранных экстраординарно магистратов называли магистратами-суффектами. Поскольку именно должность консула была из всех магистратов наиболее рискованной, то и консулов-суффектов (в противоположность, например, цензорам) известно больше всего. Часто консулов-суффектов называют просто суффектами.

² Эта должность появилась во времена царского Рима, когда обязанности интеррекса включали выборы нового царя после смерти предыдущего и надзор над передачей власти.

этот «междущарь» избирался сенаторами-патрициями из своей среды для проведения выборов в случае гибели обоих консулов.

Выборы в Риме — дело небыстрое и затратное, поэтому одним интеррексом обычно не ограничивались, и каждые пять дней выдвигали нового интеррекса — и так до тех пор, пока консулы не будут названы. Эта громоздкая демократически-бюрократическая процедура, как ни странно, работала.

Пока что консулам продлили срок на год; два интеррекса сменили друг друга, но результата не было. Опять столкнулись интересы различных партий. К власти упорно рвался уже известный нам Гай Теренций Варрон, который до этого обличал нерешительность и медлительность Фабия. Тит Ливий настроен к Теренцию крайне отрицательно; он утверждает, что «чернь старалась вытащить его в консулы, а сенаторы всячески этому противились, чтобы люди, желающие сравняться со знатью, не привыкли ее преследовать».

Иными словами, в Риме разгоралась борьба между древней патрицианской аристократией и «новыми людьми», персонажами активными (чтобы не сказать агрессивными), разбогатевшими недавно и теперь желающими получить все то, что уже было у старой знати. Понятно, что эта «зарвавшаяся чернь» крайне раздражала патрициев.

Родственник Теренция, народный трибун Квинт Бебий Геренний, в своих выступлениях прямо обвинял римскую элиту в том, что она повинна во вторжении Ганнибала в Италию и что именно она затягивает войну, хотя могла бы закончить ее одним ударом.

В результате всей этой активной агитационной деятельности консулом все же был избран Гай Теренций.

Аристократическая партия разволновалась: срочно требовалось противопоставить такой популярной (точнее, популистской) фигуре, как Теренций, собственного кандидата, настолько же сильного, идейного и авторитетного. Выбор патрицианской знати остановился на Луции Эмилии Павле.

Эмилий Павел происходил из одной из древнейших римских фамилий. Некогда он (как и Фабий) входил в посольство, которое столь памятным, эффектным образом «дало войну» Карфагену.

В 219 году до н. э. Эмилий Павел был консулом, однако по истечении консульского срока товарищ Павла был обвинен в растрате денег из военной добычи. Это бросало тень и на самого Павла; тот также побывал под судом, хотя и был оправдан. Павел считал себя человеком опозоренным, он крайне щепетильно относился к вопросам чести, поэтому самый факт, что его могли

заподозрить в растрате, был для него непереносим. История эта оставила на душе Эмилия Павла жестокие шрамы и утвердила в крайне отрицательном отношении к «черни».

Такой кандидат и был необходим патрицианской знати для того, чтобы уравновесить влияние Теренция. Но патрициям пришлось столкнуться с отчаянным сопротивлением своего, такого удобного для них кандидата. Павел не сомневался в том, что возвращение в политику навлечет на него новые бедствия. В конце концов, патриции Эмилия Павла уломали, и он дал свое согласие, в душе убежденный в том, что подписал себе смертный приговор.

В результате Римскую республику возглавили два враждующих между собой консула. Войско опять увеличили, однако точные цифры неизвестны. В любом случае пополнение составили новобранцы — мобилизационный резерв Рима тех лет нам не известен, но после всех военных катастроф он вряд ли был значительным.

Боги также приняли активное участие в событиях и разразились новой порцией зловещих знамений. Процитируем богобоязненного Ливия:

«И в Риме на Авентине, и в Ариции в одно и то же время шел каменный дождь, в Сабинской области на статуях выступила кровь, в Цере кровь появилась в водах горячего источника — это особенно устрашало, потому что не раз повторялось, в Крытом проулке, ведущем к Марсову полю, молнией убило несколько человек».

Были вновь раскрыты Сивиллины книги, и по указаниям, вычитанным в них, совершены соответствующие жертвоприношения. Немедля явились благоприятные знаки, первым из которых стало прибытие в порт Остию кораблей от царя Гиерона. Посланников от Гиерона представили Сенату, перед которым они произнесли приличествующие и трогательные речи, рассказав о том, как опечален их царь несчастьями Рима — гораздо, гораздо больше, нежели своими собственными! В знак своих добрых чувств он присылает любезным квиритам увесистую статую Победы из чистого золота. Статуя была принята Сенатом как доброе предзнаменование. Помимо статуи, сиракузский владыка отправил продовольствие, а также некоторое количество пращников и лучников.

Перед выступлением из Рима оба новых консула произнесли по речи. Теренций обвинял аристократию в том, что она «пригласила» Ганнибала в Италию и теперь не желает стряхнуть его с шеи римского народа. Эмилий Павел же рассуждал о том, что

действовать следует с осторожностью и т. д. и в финале прибавил: «Да будет все благополучно; если же случится какая беда, то я предпочту погибнуть от вражеских дротиков, а не от ярости голосующих граждан».

Плутарх изображает Эмилия Павла последовательным учеником и сторонником Фабия Максима. Теренций же, пишет Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» (биография Фабия), ведя шапкозакидательскую пропаганду, «набрал такое огромное войско, какого у римлян никогда еще не бывало»: в строй готовились стать восемьдесят восемь тысяч человек, и это не внушало Фабию и всем здравомыслящим римлянам ничего, кроме страха. Они были убеждены, что государству не оправиться от потери, если оно разом лишится стольких бойцов.

(Заметка на полях: неясно, были эти восемьдесят тысяч совокупностью ранее мобилизованных и новобранцев или только новобранцами. Последнее маловероятно, человеческий ресурс неограничен).

Вот почему Фабий, обращаясь к товарищу Теренция по должности, Эмилию Павлу, призывал его обуздать безумие коллеги и внушал, что бороться за отечество ему предстоит не столько с Ганнибалом, сколько с Теренцием; оба, говорил он, спешат со сражением, один — не зная силы противника, другой — зная собственную слабость.

«Право же, Павел, — закончил Фабий, — я заслуживаю большего доверия, чем Теренций, во всем, что касается Ганнибала, и я, не колеблясь, утверждаю, что если в этом году никто не потребует его битвой, он либо погибнет, оставаясь в Италии, либо бежит без оглядки. Ведь даже теперь, когда он, казалось бы, победитель и владыка, никто из наших врагов к нему не примкнул, а из тех сил, какие он привел с собою, едва ли цела и третья часть».

На это, как сообщают, Павел отвечал так:

«Когда я думаю только о себе, Фабий, то для меня вражеские копья лучше нового суда сограждан. Но коль скоро таковы нужды государства, я предпочту, руководя войском, услышать похвалу от тебя, нежели от всех прочих, навязывающих мне противоположные решения»...

Судя по этим разговорам, Павел на полном серьезе считал себя человеком, обреченным на заклание, и шел на войну как

на бойню. Ему, потомку древнейшего патрицианского рода, ничего другого не оставалось, как принести себя в жертву на алтарь Отечества. А Теренций расхаживал по Риму, окруженный разгоряченной толпой, которой, по слову историка, определенно «не хватало достоинства».

Наконец весь этот цирк закончился, и консулы с армией выступили из города. Когда они прибыли в лагерь, то постарались смешать старые войска с новыми.

Лагерьей на самом деле было два: новый, он находился ближе к расположению карфагенской армии; и старый, по размерам превосходивший первый. Там находились лучшие римские солдаты из числа «обстрелянных».

Консулы прошлого года разделились: старичок Марк Атилий вернулся домой¹, а Сервилий стал начальником нового, меньшего лагеря².

Консулы командовали войском поочередно — таково было предложение Теренция, и Павел безропотно его принял.

Ганнибал уже точно знал, в какой день лучше производить нападение: атаковать нужно в период «правления» Теренция. Карфагенянина как нельзя больше обрадовало появление в римской армии такого командующего. У пунийцев заканчивалось продовольствие, и обстановка в их лагере грозила стать катастрофической. А тут такой подарок судьбы!

Когда карфагеняне отправились грабить окрестности — то, что еще можно было ограбить в местности, очищенной почти под корень, — на фуражиров напали римские солдаты. Произошла стычка, в которой пунийцы потерпели поражение. Римляне бросились догонять убегающего противника, и тут Павел остановил их. Он опасался засады.

Теренций устроил грандиозный скандал; ему чудилось, что прямо сейчас можно было покончить с войной в последней, решающей битве.

Ганнибал не огорчился из-за потерь, которые понесли в этот день карфагеняне, напротив, он рад был тому, что дело сдвинулось с мертвой точки. Он знал, что среди консулов согласия нет и что Теренция легко подбить на безумную выходку, надо лишь его раздражить. Пусть думает, что действительно в состоянии завершить войну «малой кровью, могучим ударом». Ведь и в са-

¹ Полибий оспаривает эту точку зрения.

² Он был поставлен командовать легионом, усиленным двумя тысячами союзниками.

мом деле римские солдаты прогнали фуражиров и даже убили довольно большое их количество. Так почему бы не попробовать развить «успех»? Ганнибал был уверен, что сумеет воспользоваться самоуверенностью консула.

На следующий день, когда власть от сдержанного Эмилия Павла опять перешла к раздражительному Теренцию, Ганнибал со своими людьми оставил лагерь, поднялся в горы и спрятал там солдат: с одной стороны пехотинцев, с другой — конницу. Уходили налегке, брали с собой только оружие. Обоз перевели через долину, находившуюся между этими горами, и там оставили. Пусть римляне сочтут, что карфагеняне устрешились и бежали, побросав все свое имущество. Ничто так не разрушает дисциплину, как грабеж, вот пусть римляне этим и займутся.

В лагере горели брошенные костры. Некогда Ганнибал сумел с помощью таких же костров обмануть латинян. Тогда они видели горящие огни и думали, будто в лагере остались люди, поэтому не нападали. Ныне римляне увидят костры и решат, что карфагеняне ушли, а огни оставили для того, чтобы обмануть неприятеля, чтобы те думали, будто карфагеняне не ушли... А они действительно не ушли! Это была простая шарада: Ганнибал не действовал одними и теми же методами, он хорошо понимал, что на одинаковые только глупцы попадают дважды.

Наступил рассвет. Римлян удивила тишина, стоявшая вокруг. Догорающие костры, брошенные палатки, обоз, оставленный неподалеку, — все это говорило о том, что карфагеняне действительно бежали, попытавшись с помощью жалкой, уже использованной некогда хитрости задержать погоню. Был отдан приказ: преследовать врага и разграбить лагерь. Напрасно Павел твердил о том, что следует быть осмотрительным, что осторожность превыше всего, что Ганнибал слишком хитер. Солдаты были взбудоражены, и удержать их сейчас не удавалось.

Лагерь карфагенян римляне осматривали с некоторой осторожностью. Хитрость внутри хитрости, однако, вполне удалась: костры были оставлены с той стороны, где их хорошо могли видеть римляне — со своих позиций; серебро валялось посреди лагеря нарочно, как бы выставленное напоказ.

— Определенно, тут кроется некое коварство, — сделал вывод Павел. Но он не успел понять — какое.

Солдаты подняли крик. Если полководцы отказываются вести их на врага, значит, они сами пойдут и уничтожат проклятых захватчиков. Теренций тут же приказал трубить сигнал к выступлению.

Ганнибал при Каннах, гравюра. Генрих Лейтемманн, 1877 г.

В тот день римлян спасла простая удача: двое рабов, захваченных в свое время нумидийцами, сбежали и оказались в руках римлян. Солдаты привели этих людей к консулам, а перебежчики сообщили, что Ганнибал сидит в засаде за ближайшей горой.

Погоню за «сбежавшим» врагом отменили. Ганнибал прождал еще какое-то время и вернулся в свой лагерь.

Теперь для Ганнибала ситуация складывалась совсем неприятно. Еда заканчивалась. Солдаты голодали. Вместе с дефицитом продовольствия росла и дороговизна: всегда найдутся люди, которые сумеют где-то достать то, чего достать нельзя, и потом продавать это по баснословным ценам. Наемники, которых было много в карфагенской армии, начали уже в открытую говорить о том, что намерены оставить пунийцев и перейти к тем, кто их накормит. Готовы были взбунтоваться иберы. Поползли слухи о том, что Ганнибал вообще собирается все бросить и вернуться в Испанию с одной лишь конницей, а пехоту оставить — она его будет только задерживать во время этого бегства.

Короче, пока ситуация не взорвалась, следовало что-то предпринимать, причем очень быстро. Ганнибал решил перейти в Апулию. Там и климат лучше, и урожай снимают раньше. И вообще лучше держаться сейчас подальше от римлян, чтобы у морально нестойких испанцев не возникало соблазна перебежать к врагу. Поэтому в одну прекрасную ночь Ганнибал снова

развел костры для демонстрации их римлянам и тайно выступил из лагеря.

Римляне окончательно запутались: что означают эти яркие костры в ночной темноте? Какого рода обман? Означают они, что противник сидит в засаде и только ждет, чтобы римляне попали в очередную ловушку? Или же карфагеняне действительно ушли? Или вообще ничего не происходит и возле костров мирно отдыхают солдаты?

Римляне остались на месте, выслав наутро лазутчика. Тот обошел лагерь, затем осторожно заглянул за горы, где в прошлый раз была засада.

Карфагеняне исчезли. С этой новостью разведчик возвратился к консулам.

Теренций требовал немедленно пуститься в погоню. Эмилий возражал. Эмилия поддерживал консул прошлого года — Сервий, который, как помним, был начальником одного из двух римских лагерей. Теренция же поддерживали все остальные. Демократия победила, и римская армия выступила в погоню за Ганнибалом.

Ганнибал добрался до деревни под названием Канны¹ и там поставил лагерь, тщательно выбрав расположение таким образом, чтобы юго-восточный ветер, который сейчас называется «сирокко», несущий с полей тучи пыли, дул карфагенянам в спину. Соответственно, римлянам этот ветер будет дуть в лицо, и пыль забьет им глаза.

Знаменитые благодаря развернувшемуся здесь сражению Канны — это деревня, находящаяся на правом берегу реки Офанто («Ауфид» в древности), близ Адриатического побережья. Согласно Ливию, римляне, достигнув этого места, разбили два лагеря, один на левом, другой на правом берегу реки. Теренций действительно привел сюда беспрецедентную по размерам армию.

Плутарх передает «анекдот», характеризующий Ганнибала как человека, умеющего найти нужные слова в нужное время.

«Поначалу даже карфагеняне пришли в смятение, изумленные отвагой командующего и размерами войска: ведь они уступали противнику числом более чем вдвое. Ганнибал приказал своим вооружаться, а сам в сопровождении нескольких всадников поднялся

¹ Ныне известны как Канны Батальийские (Canne della Battaglia), к Каннам — столице известного кинофестиваля, — отношения не имеющие.

на невысокий пригорок и стал наблюдать за противником, который уже строился в боевые ряды. Один из его спутников, по имени Гискон, человек равного с ним положения, сказал, что число врагов кажется просто поразительным. „Но есть вещь еще более поразительная, Гискон, и ты ее проглядел“, — возразил Ганнибал, прищурившись. „Что же это?“ — спросил Гискон. „А то, что среди такого множества людей нет ни одного, которого бы звали Гисконом!“ Шутка была совершенно неожиданной, все рассмеялись и, спускаясь с холма, пересказывали ее каждому встречному, так что смех все ширился, и даже сам Ганнибал не мог сдержать улыбки».

Как помним, Фабий «Медлитель» вообще категорически советовал избегать каких-либо крупных сражений с карфагенянами, в чьей армии полно было тех, кого зовут Гисконами. Раз уж римляне набрали такое огромное войско, то лучше всего окружить карфагенян плотным кольцом и запереть возле Гереония или на любом другом небольшом пятачке, и там, осаждая, просто взять измором.

Но тактика осады не сулила ни славы, ни добычи. Такую победу и победой-то вряд ли назовут. Другое дело генеральное сражение. Вот это грандиозно и производит впечатление на сограждан.

Благодаря генеральному сражению незначительная деревушка Канны сделалась настолько известной, что даже спустя тысячелетия ее вдруг начнут упоминать советские газеты, живописуя Сталинградскую битву¹. По неизвестной причине — возможно, кто-то из журналистов «Правды» или «Красной звезды» вспомнил свое гимназическое прошлое — Сталинград будут сравнивать с Каннами...

Наиболее увлекательно ход событий у Канн описан у Плутарха.

«Во время битвы, — сообщает он, — Ганнибал применил несколько военных хитростей. Во-первых, он так расположил своих солдат, что ветер дул им в спину. А ветер этот был подобен знойному вихрю — вздымая на открытой, песчаной равнине густую пыль, он проносил ее над рядами карфагенян и бросал в лицо римлянам, которые волей-неволей отворачивались, нарушая строй. Во-вто-

¹ Интересно, что довоенная советская историография рассматривала Ганнибала как прогрессивного правителя, притом настолько, что в исторических картах ещё долгое время действия Ганнибала обозначались красными стрелками, а римлян — синими.

Гибель Эмилия Павла. Джон Трамбулл, 1773 г.

тяжелейшею скорбью, сел на какой-то камень и ждал смерти от руки врага. Кровь так обильно залила ему голову и лицо, что даже друзья и слуги проходили мимо, не узнавая его. Только один человек заметил и узнал консула — молодой патриций Корнелий Лентул. Он спрыгнул с коня, подвел его к Павлу и принялся умолять, чтобы тот спас себя ради сограждан, которые теперь, как никогда, нуждаются в хорошем полководце. Но Павел не склонился на его просьбы; не обращая внимания на слезы юноши, он заставил его снова сесть на коня, подал ему руку и промолвил, поднимаясь с места: «Расскажи, Лентул, Фабию Максиму и сам будь свидетелем, что Павел Эмилий следовал его советам до конца и ни в чем не нарушил уговора, но был побежден сначала Варроном, а затем Ганнибалом». С этим поручением Павел отпустил Лентула, а сам бросился в самую сечу и нашел свою смерть...»

Здесь интерес представляет в первую очередь то, что Ганнибал как бы нарушил все «законы» тактики и «неправильно» выстроил свои войска: в центр поставил наименее надежных солдат¹ (иберов), на флангах — напротив, наиболее крепких, своих африканцев. Действуя по принципу «вопреки, а не благодаря»,

¹ Впрочем, в том, чтобы подставлять под удар менее надёжных союзников, Ганнибал был замечен и ранее.

он тем не менее одержал одну из самых знаменитых побед в античной истории.

Предтеча всех наших любителей порассуждать на диване о тактике, построении войск, захватах, окружениях, фланговых атаках и прочих «методах заточки мечей», великий Ганс Дельбрюк в своей «Истории военного искусства» уделяет битве при Каннах много внимания. Его мысль в основном сосредоточена на том, как и в каком количестве были выстроены противоборствующие войска.

Сначала он окидывает мысленным взором римские легионы. Здесь у читателя может возникнуть своего рода когнитивный диссонанс, потому что маневренный и вроде бы удобный римский манипулярный строй в изложении Дельбрюка — по крайней мере, в его описании битвы при Каннах — выглядит громоздким и консервативным.

«Легионы, — пишет он, — не ставились друг за другом, так как они были построены по возрастам, причем молодые воины не могли стоять позади отцов семейств. Большая углубленность... достигалась тем, что каждая манипула разворачивалась гораздо больше в глубину, чем в ширину, причем... сокращались интервалы между манипулами».

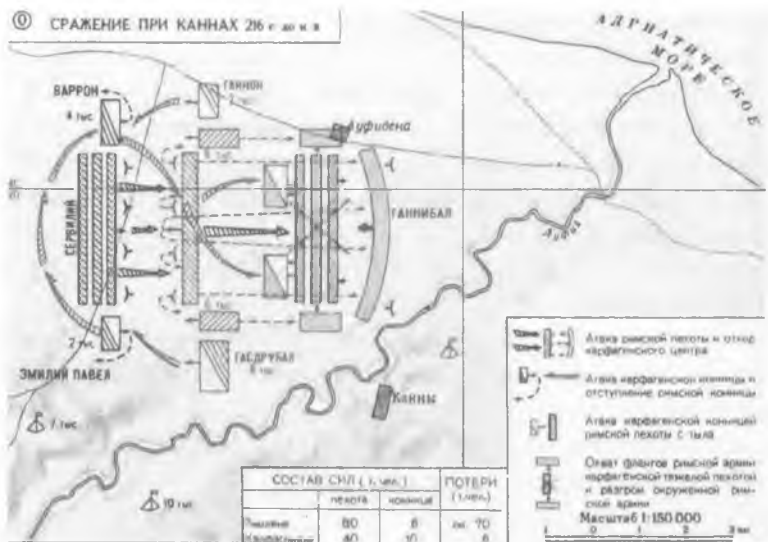
И далее он указывает точные цифры:

«Я полагаю, что ширина фронта пехоты не превышала 800–900 метров, так как в глубину строилось человек 70».

К этой мысли Ганс Дельбрюк пришел не сразу; в предыдущих изданиях своей книги, как он указывает в примечании мелким шрифтом, он *«допускал возможность двойной длины при соответственно малой глубине. Но теперь я пришел к убеждению, что фронт, развернутый на 2 км, не мог бы продвигаться вперед, сохраняя хороший порядок»*.

Теренций утверждал, что увеличенная глубина строя увеличивает и силы римлян вдвое. Эмилий Павел не без тревоги рассуждал о том, что конница врага может охватить римлян с флангов. (О, эти «охваты с флангов», как много тревожили они воображение как диванных полководцев, вплоть до кадета Биглера, так и полководцев реальных, включая Наполеона Бонапарта!)

Поле сражения было идеальным, особенно для конницы: ровным и широким.

Ход сражения при Каннах

У Ганнибала было почти вдвое меньше пехоты, чем у Теренция и Эмилия, количество стрелков (лучников и пращников) у противников было приблизительно равное, а вот кавалерии у карфагенян было значительно больше, чем у римлян. Эту кавалерию Ганнибал разделил на две части и расположил на флангах. Между ними, в центре, стояли пехотинцы, иберы и кельты. Солдаты из Африки стояли сзади, как пишет с полным знанием дела Дельбрюк, «позади каждого фланга у стыка пехоты с кавалерией».

«Так поступил и Александр Македонский при Гавгамеле», — добавляет историк. Кстати, данное обстоятельство послужило для Дельбрюка поводом утверждать, что Ганнибал, вне всяких сомнений, изучал наследие Александра и временами пользовался его «наработками».

Что в сражении при Каннах было, с точки зрения «науки тактики», неправильным? И в чем гениальность Ганнибала, который вопреки этой неправильности одержал блестящую победу?

Дельбрюк тщательно изучает построение армий и с птичьего полета орлиным оком окидывает изогнутые линии, образованные пехотой и кавалерией.

«Концентрические действия против неприятеля не подобают более слабой стороне», — цитирует он многозначительного Клаузевица и тут же подкрепляет цитату аналогичным высказыванием Наполеона: «Более слабый не должен одновременно обходить с обоих флангов».

Именно это и сделал Ганнибал: располагая силами меньшими, нежели противник, он совершил обход с обоих флангов и сомкнул кольцо¹. Манипулы могли прорвать это окружение только с одной стороны. Они не имели возможности развернуться и нанести удар там, где окружение было слабее. Почему? Потому что манипула обращена всей своей мощью только вперед. Для перестройки ей необходимы время и место. Она, как утверждает Дельбрюк, не маневренна.

«Манипулы не являются самостоятельными тактическими единицами, а лишь отдельными членами однородного тактического целого, называемого фалангой. Легионы также не были тактическими единицами, способными и привычными к самостоятельным действиям. Они являются лишь единицами административными...

Большая глубина достигалась глубоким построением каждой отдельной манипулы (наиболее характерная особенность римской тактики), причем три эшелона манипул — гастаты², приципы³ и триарии⁴ — были нераздельны⁵. Нам кажется очень простым, что манипула триариев могла, повернувшись, обороняться от конницы

¹ Как раз в этом и близость сражений у Канн и на Волге: в обоих случаях окружение осуществляла слабейшая сторона. При этом центр позиции в сражении за Сталинград был прикрыт географически: великой рекой.

² Воины, составлявшие авангард манипулы. В гастаты ставились молодые, физически сильные воины, без особого боевого опыта. В описываемое время были вооружены коротким мечом (гладием), двумя метательными копьями (пилумами) и лёгким овальным щитом. Набирались, как правило, из плебса.

³ Воины второго эшелона манипулы. Тяжёлая пехота. Наиболее опытные воины среднего возраста. Были вооружены гладием, пилумами и тяжёлым прямоугольным щитом (скутумом). Имели шлем и кольчугу. Набирались из всаднического сословия.

⁴ Воины третьего эшелона манипулы. Тяжёлая, полностью защищённая пехота. Вооружены были гладием, длинным копьём, скутумом. Были защищены шлемом, поножами, панцирем и кольчугой. Набирались из сенаторского сословия.

⁵ Манипулярная тактика заключалась в короткой атаке гастатов, которые затем отступали за строй принципсов. Последние, в зависимости от ситуации, либо продолжали атаку, либо сдерживали натиск противника и затем переходили в контратаку. Если и этого оказывалось недостаточно, уступали своё место триариям, отступая за их строй. Перестроения производились синхронно, порядно. Естественно, развернуться в таком построении триариям, вооружённым длинными копьями, невозможно.

Гасдрубала копьями, а гастаты и принципы при их огромном численном превосходстве могли бы продолжать начатый натиск. Но такой тактический поворот, хотя и кажется очень простым, не мог быть импровизированным, а триарии тем менее могли принять бой с тыла, что в манипулах имелись большие интервалы, которые они не были в состоянии сразу заполнить и, таким образом, упорядочить фронт».

Итак, манипула оказалась тяжеловесной и неповоротливой, и когда ей ударили в тыл, она не смогла развернуться и дать надлежащий отпор.

А в тыл триариев (это были лучшие, старослужащие солдаты, «отцы семейств») била карфагенская кавалерия. Римляне пытались добраться до карфагенской пехоты и уничтожить кельтов и иберов — тех было меньше, и они были слабее. В результате римляне сбивались к середине, что облегчало, в свою очередь, африканцам маневр окружения.

Опасность такого маневра, продолжает Дельбрюк, заключается в том, что «при охвате фланга собственный центр, который необходимо для этой цели ослабить, легко может быть прорван. То, что при Каннах такого прорыва не было, является отличительной чертой этого сражения».

И далее:

«Как ни правильно то положение, что более слабой стороне не следует обходить неприятеля одновременно с двух сторон, ибо этим чрезмерно ослабляется центр, Ганнибал решился наперекор этому правилу окружить с 50 тысячами человек неприятельское войско в 70 тысяч и почти целиком уничтожил его в этом железном кольце...

Самое существенное в этом сражении то, что пунический центр мог держаться, пока кавалерия гнала римскую конницу и закончила обход ее; но почему Ганнибал не поставил в середину свои самые надежные войска — африканцев — и почему он еще при этом выдвинул центр?..»

Дельбрюк считает, что центр выдвинулся по ходу сражения и что Ганнибал серьезно рисковал, потому что нельзя было не предвидеть: центр пунийских войск обязательно подвергнется натиску превосходящих сил врага. Тем не менее в этом месте полководец поставил наименее надежных своих людей — галлов.

Почему? Ответ очевиден: потери здесь были запланированы наибольшие, а своих африканцев Ганнибал щадил, они были нужны ему для следующих битв. Оставим в стороне «веру в собственную звезду» и прочие мистические красоты, которыми далее автор, томимый «сумрачным германским гением», аргументирует свои пространные рассуждения.

Наибольший интерес представляют выводы, которые Дельбрюк делает из описания сражения Полибием. Дельбрюк свято уверен, что Полибий воспользовался если не мемуарами Ганнибала, то во всяком случае записанным с его слов рассказом. Почему?

«Характерны места умолчания, — рассуждает Дельбрюк. — ...Весь упор рассказа — в распределении африканцев на двух крыльях, находившихся на отлете. О причине, заставившей так щадить эти войска, не упомянуто. Полководцу всегда немного тяжело, когда он одну часть войска намеренно подвергает большей опасности, чем другие... <«Немного тяжело»! Дельбрюк, вы великолепны!»> В вышеупомянутом повествовании... все внимание сосредоточено на тактическом маневре охвата как на основном замысле данного боевого построения. Решающий же момент — атака кавалерии — остается в тени, ибо для полководца в ней нет ничего необычайного; это его привычная техника. Этот момент мог быть и на этот раз исчерпывающим, если бы Ганнибал не расставил африканцев в определенном боевом порядке, а укрепил бы ими флангу, победа в сражении была бы все равно обеспечена. Но Ганнибал хотел не только победы, он хотел полного уничтожения неприятельского войска. И он дерзает ослабить центр, а на обоих флангах поставить в боевой готовности африканцев для охвата, чтобы римское войско не могло никуда бежать, а было взято в тиски. В повествовании о сражении все наше сочувствие на стороне африканцев, которым дано было выполнять такую трудную задачу, и мы забываем о заслугах кавалерии.

Из рассказа о боевом порядке, принявшем форму полумесяца, о смятии сгрудившихся в середине римлян, о потрясениях ослабленного центра, обращении полководца читателю ясно, под каким углом зрения наблюдалась картина сражения. И в самом повествовании первое место занимают факты не наиболее значительные, а те, которыми больше всего полна душа полководца».

Потери пунийцев были сравнительно велики — насчитывают до шести тысяч погибших. А для римлян Канны обернулись глобальной катастрофой: Полибий готов оплакивать семьдесят

тысяч убитых, Ливий, поморщившись, соглашается на сорок семь тысяч. Расхождения в цифрах, как и всегда, огромны, и Ливий, вероятно, ближе к истине, которую не знает никто.

Ливий живописно представил картину наутро после сражения.

«Чуть рассвело, — сообщает историк, — карфагеняне вышли на поле боя собрать добычу; даже врагу жутко было смотреть на груды трупов; по всему полю лежали римляне — тысячи пехотинцев и конников, — как кого с кем соединил случай или бой, или бегство. Из груды тел порой поднимались окровавленные солдаты, очнувшиеся от боли в ранах, стянутых утренним холодом, — таких нумидийцы приканчивали... Взгляды всех привлек один нумидиец, вытасченный еще живым из-под мертвого римлянина; нос и уши у него были истерзаны, руки не могли владеть оружием, обезумев от ярости, он рвал зубами тело врага — так и скончался...»

Командный состав римлян понес большие потери: погибли Гней Сервилий Гемин (консул прошлого года), Минуций (известный нам начальник конницы, который не давал житья Фабию), военных трибунов погибло двадцать девять. Магон позднее увез в Карфаген несколько корзин, доверху наполненных золотыми кольцами, снятыми с пальцев римских всадников.

Драматически погиб и Эмилий Павел, который, если верить описаниям Ливия и Плутарха, предпочел пасть смертью храбрых возле своих солдат. В его последних словах, обращенных к трибуну Лентулу, — все тот же упрек гражданам Рима. Если при своем избрании консулом Павел утверждал, что лучше драться с карфагенянами, нежели иметь дело с римскими гражданами и их демократическими капризами, то перед самой смертью он говорил о том, что сначала его убил Варрон, а потом Ганнибал.

Варрон упомянут не просто так — ведь именно он бежал с поля боя, спасая свою драгоценную плебейскую шкуру. Павел же предпочел не пятнать древнее родовое имя подобным позором.

От огромной римской армии осталась горстка деморализованных бойцов. Над Римом нависла серьезная угроза. Насколько она была реальной? Второго августа 216 года до н. э. прозвучали знаменитые слова Магарбала, обращенные к великому карфагенянину: «Ты умеешь побеждать, Ганнибал, но не умеешь пользоваться победой».

Так ли это? Римские историки утверждают, что это их любимые боги внушили Ганнибалу идею «подумать немного», помед-

лить, вообще наслали на него некую нерешительность — и таким образом спасли Вечный город¹.

Вопрос о том, насколько реальны были шансы Ганнибала в тот момент «пировать на Капитолии», оставался открытым много столетий.

У Плутарха эта тема изложена следующим образом:

«После такого блистательного успеха друзья горячо убеждали Ганнибала не упускать своего счастья и по пятам беглецов ворваться в Рим. «Через четыре дня ты будешь обедать на Капитолии», — говорили они. Трудно сказать, что за соображения удержали его от этого — вернее всего, не разум, а какой-то гений или бог внушил ему эту робость и медлительность. Недаром, как сообщают, карфагенянин Барка в сердцах заявил своему главнокомандующему: «Ты умеешь побеждать, но пользоваться победой не умеешь!»

И все же победа резко изменила положение Ганнибала: если до битвы он не владел в Италии ни единым городом, торговым портом или хотя бы даже гаванью, едва-едва мог прокормить своих людей с помощью грабежа и, выступая в поход, не оставлял за спиною никакого надежного убежища, но скитался с войском, точно с огромною разбойничьей шайкой, то теперь сделался господином почти всей Италии. Большая часть самых значительных племен добровольно покорилась ему, Капуя, первый город в Италии после Рима, распахнула перед ним свои ворота...»

¹ После поражения при Каннах римляне вновь обратились к Сивиллиным книгам. Само по себе это было событием — книги открывались пятый раз за два года. Но результат поразил всех ещё больше: коллегия децемвиров, посоветовавшись, постановила принести человеческие жертвы. Согласно Ливию, «повинуясь указаниям Книг, принесли необычные жертвы; между прочими галла и его соплеменницу, грека и гречанку закопали живыми на Бычьем Рынке, в месте, огороженном камнями; здесь и прежде уже свершались человеческие жертвоприношения, совершенно чуждые римским священнодействиям». После свержения царской власти человеческие жертвоприношения в Риме были чрезвычайно редки, совершаемые в годину лютых бедствий, и каждое из них выступало знаковым событием. Практика человеческих жертвоприношений была отменена законом 97 г. до н. э. (гладиаторские поединки не в счёт). Любопытно, что уже к цезарианскому времени сложился канон признания народа цивилизованным, который включал следующие условия: 1) почитание богов и предков; 2) существование законов; 3) наличие магистратов (исполнительной власти); 4) денежный оборот и налоги; 5) отсутствие человеческих жертвоприношений. Кельты не удовлетворяли только пятому пункту этого списка.

* * *

Именем Ганнибала еще и сто лет спустя римские матери пугали непослушных детей, говоря им, если те шалили: «Тише, Ганнибал у ворот». По крайней мере, такова легенда.

Так почему же Ганнибал не подошел к этим воротам и не постучался в них?

Существует предположение, что Ганнибал не видел своей целью полное уничтожение римского государства. Он добивался не того, чтобы Рим был стерт с лица земли, но чтобы Рим ему покорился и признал главенство Карфагена в Ойкумене. Именно поэтому он развел активную «дипломатическую» деятельность на юге Италии. Слово «дипломатическую» берем в кавычки, потому что Ганнибал действовал не просто добрым словом, но мечом и добрым словом, и второй метод ожидаемо оказался гораздо более действенным.

Апулийцы, самниты, луканцы, жители Бруттия — все отнеслись теперь к предложениям Ганнибала перейти на его сторону куда более заинтересованно. Канны убедили многих в том, что окончательная победа карфагенян не за горами. А малым городам и народам следует прибиться к большому брату. И чем больше этот брат, тем лучше. Если же у «большого брата» есть еще и слоны... Впрочем, кажется, к моменту битвы при Каннах никаких слонов у Ганнибала уже не было. У него, возможно, оставался тот последний, по кличке Сириец, но описание сражения его не упоминает.

ГЛАВА

XX

Золотая Капуя

После Канн Ганнибал ожидал, что из Рима к нему придут послы и запросят мира. Полибий пишет по этому поводу так:

«После победы при Каннах Ганнибал получил во власть восемь тысяч римлян. Даровав жизнь всем пленным, он позволил им отправить послов к оставшимся дома согражданам для переговоров об освобождении их ценою выкупа. Когда римляне выбрали из своей среды десять знатнейших граждан, Ганнибал обязал их клятвою возвратиться и отпустил. Уже по выходе из лагеря один из выбранных сказал, что забыл что-то, и возвратился в лагерь, взял забытую вещь и опять ушел, полагая, что возвращением в лагерь он сдержал данное слово и освободил себя от клятвы. По прибытии в Рим послы просили и убеждали сенат не противодействовать спасению пленным и позволить всем им по уплате трех мин (около 300 денариев) за каждого возвратиться к присным своим... Сенаторы не склонились перед несчастьями, не забыли велений долга и все обсудили, как подобало. Они поняли намерения Ганнибала, увидели, что он желает этим способом добыть себе денег и вместе с тем охладить военный пыл противника, дав понять, что и побежденному остается надежда на спасение. Сенаторы решительно отвергли просьбу послов, и ни сострадание к своим, ни ожидаемые выгоды от возвращения пленных граждан не изменили их решения. Отказом от выкупа пленных они разбили расчеты и надежды Ганнибала, и для римских воинов издали закон, повелевающий побеждать или умирать в сражении и не оставляющий побежденному

никакой надежды на спасение¹. Сделав такое постановление, сенаторы отпустили девять послов, добровольно согласно клятве возвращавшихся к Ганнибалу, сами отослали обратно к неприятелям и десятого, который думал было освободиться от клятвы обманом. Так что Ганнибал не столько радовался победе, одержанной над римлянами, сколько изумлялся и унывал при виде несокрушимого мужества, какое эти люди проявляли в принятом решении».

Хитрость десятого заложника, таким образом, не удалась. Вся эта история должна была подчеркнуть еще большую решимость Сената биться до последнего. По сему поводу Тит Манлий Торкват выступил с гневной речью против тех, кто сдается в плен живыми. Учитывая, что сами сенаторы, люди знатные и пожилые, в сражениях не участвовали, остается только восхититься тем мужеством, с каким они соглашались проливать чужую кровь. Впрочем, добавляет Ливий простодушно, сенаторы «испугались и выкупной суммы: нельзя было оставить казну пустой — много денег ушло на покупку и вооружение рабов, взятых в солдаты, — не хотели и обогащать Ганнибала, по слухам, в деньгах весьма нуждавшегося».

Вместе с пленными, которые явились своего рода «посланцами доброй воли» карфагенян, в Рим прибыл Карталон (Карфалон), знатный карфагенинин — полномочный представитель Ганнибала. Если бы римляне согласились на переговоры, Карталону поручено было изложить предлагаемые условия. Однако к нему были высланы ликторы с сообщением: пусть Карталон как враг до ночи покинет землю Рима. Никаких переговоров не будет.

Ганнибал действительно считал, что война закончилась и что он как победитель может диктовать условия побежденным. Однако этого не произошло, и Ганнибал фактически увяз в Италии.

По некоторым версиям, Ганнибал не решился двинуться против непосредственно Рима потому, что армия его была ослаблена множеством битв, а из Карфагена не поступало подкреплений. Родное правительство не присылало своему великому полководцу ни солдат, ни денег, оно не поддерживало его и флотом. В карфагенском сенате заседало слишком много противников Баркидов, которым ни к чему было усиление их авторитета и влияния.

¹ Советская позиция, приравнивающая плен к предательству, восходит, как ни странно, именно к этому закону.

Таким образом, согласно этой версии, в полной мере «воспользоваться своей победой», одержанной при Каннах, Ганнибалу помешали политические враги дома¹.

Еще одно соображение: решиться на штурм такой сильной крепости, как Рим, — это фактически пойти ва-банк. Если штурм окажется неудачным (а некоторые исследователи не без оснований полагают, что «штурмовать города Ганнибал не умел»), то это одним махом уничтожит все победы и достижения карфагенян в Италии. На такой риск Ганнибал пойти не мог. Рисковать он умел, но, с другой стороны, всегда имел наготове план «Б». Если такого плана не было, Ганнибал отступал.

Поэтому вместо штурма главной цитадели он продолжил свою подрывную деятельность среди италийских союзников Рима, склоняя их по очереди на свою сторону.

Существует, правда, и прямо противоположная точка зрения на события: не-использование победы при Каннах рассматривается как фатальная ошибка Ганнибала, которому следовало бы не давать врагу опомниться и наносить удар за ударом, пока тот не сломается. А так Ганнибал не только подстраховался сам, но и римлянам дал время собраться и залечить раны².

Новый диктатор Марк Юний Пера при полной поддержке своего начальника конницы Тиберия Семпрония Гракха начал очередную мобилизацию. Призывали уже семнадцатилетних юношей, но свободных граждан все равно не хватало. Поэтому пошли на крайние меры: у граждан выкупили подходящих по возрасту и физическому состоянию рабов и вооружили их

¹ Не следует забывать и о том, что войну Ганнибал развязал как де-факто независимый правитель Иберии, поставив Карфаген перед фактом. Естественно, сторонников дома это ему не прибавляло.

² Для разнообразия, вспомним здесь «дюнкерское чудо» в 1940 году. Многие эксперты утверждали, что основная причина остановки немецкого наступления «в шаговой доступности» Дюнкерка — это стремление «сохранить лицо» отступающим англичанам, что, мол, сделало бы их более сговорчивыми в случае мирных переговоров. Между тем полное лишение противника возможности к сопротивлению делает его сговорчивым на переговорах куда надёжнее, нежели сохранение лица. Так что следует сделать вывод, что состояние армии Ганнибала было таковым, что ещё одного боевого столкновения с римлянами в этот момент она бы не выдержала. Кроме того, отказаться от продолжения войны было бы равносильно нарушению знаменитой «Ганнибаловой клятвы». В этой ситуации единственная возможность — максимально воспользовавшись результатами генерального сражения, восстановить боеспособность армии и надеяться на предложение римлян о мире.

за государственный счет (что, собственно, как говорит Ливий, и привело к истощению казны). Новое римское войско, сформированное таким образом, состояло из четырех легионов и еще тысячи конников — из числа союзников Рима.

Ганнибал уже понял, что война не окончена, и в первый раз за все это время разделил свою армию на две части. Магон, брат Ганнибала, с меньшим войском двинулся на юг, к тем римским союзникам, которые не прочь были найти себе другого покровителя и отложиться от союза с Римом: это были оски, жители Бруттия. По словам Тита Ливия, то было одно из тяжелейших для Рима последствий поражения при Каннах: *«Союзники, до сих пор неизменно верные, начали колебаться — утратили веру в мощь Рима»*.

Заодно Магону поручено было прибрать к рукам греческие города, разбросанные вдоль побережья, а после этого — вернуться в Карфаген и отчитаться там о проделанной работе.

Магон прибыл на родину на исходе 216 года до н. э. Трудно переоценить впечатление, которое произвело его появление в Карфагене и особенно в Сенате. Несколько лет карфагенские правители довольствовались слухами, которые доходили до них по случаю. Несомненно, они обсуждали ход войны, но достоверных сведений из первых рук не имели. И вот является Магон, с ним — Карталон, побывавший в самом Риме (правда, не допущенный в римский Сенат). Они приносят корзины, доверху наполненные золотыми кольцами, снятыми с пальцев убитых римских всадников. Магон добавил, что такие украшения носят только знатные римляне; если столько полегло знатных — то трудно даже вообразить количество погибших простолюдинов!

Эффектный жест произвел впечатление на сенаторов, и Магон поспешил развить успех: ему требовались деньги, чтобы брат мог продолжать войну, коль скоро римляне, даже после тяжелейшего поражения, отказались ее закончить.

«Главный смысл его речи, — сообщает Ливий, — был в том, что чем ближе конец войны, тем большая помощь требуется Ганнибалу: он воюет вдали от родины, на чужой земле, окружен врагами; тратится столько хлеба, столько денег; в стольких сражениях уничтожены вражеские войска, но ведь каждая победа уменьшала и карфагенское войско; надо послать пополнение, надо послать хлеба и денег на жалованье солдатам, так хорошо послужившим Карфагену».

В карфагенском сенате до сих пор чугунным седалищем заседал враг Ганнибала — Ганнон. Он, естественно, не упустил случая вылить на разгоряченные головы Баркидов пару ведер холодной воды.

«Я неизменно досадую на эту войну, — если верить Ливию, изрек Ганнон, — и не перестану обвинять вашего непобедимого вождя, пока не увижу, что война кончилась на условиях, сколько-нибудь терпимых... Чему же мы радуемся сейчас? „Я истребил вражеское войско; пришлите мне солдат“. А чего другого ты бы просил, потерпев поражение? „Я взял два вражеских лагеря, обильных провиантом и всякой добычей. Дайте хлеба и денег“. Чего бы требовал, если бы взят и разграблен был твой лагерь?.. Послали римлян к Ганнибалу с предложением мира?.. Война в том же положении, как и в тот день, когда Ганнибал вступил в Италию».

Вывод, сделанный Ганноном, был, к сожалению, абсолютно правильным. Тем не менее сенаторы Карфагена были настроены достаточно воинственно и большинством голосов «благословили» отправить в Италию четыре тысячи нумидийских всадников, деньги, провизию и сорок слонов. Карфагеняне верили: еще одно усилие — и Ганнибал победит, раздавит Рим и установит в Италии и на Средиземном море абсолютное карфагенское господство.

Летом 215 года до н. э. подкрепление и продовольствие было доставлено Ганнибалу.

Магон с дополнительным подкреплением — двенадцать тысяч пехотинцев, полторы тысячи всадников, двадцать слонов и шестьдесят военных кораблей — весной того же года отправился в Испанию, где ситуация резко ухудшилась.

Тем временем Ганнибал отправился обратно в Кампанию. Там его в первую очередь привлекал порт — Неаполь. Но Неаполь оказался слишком хорошо укреплен, а тратить время на осаду и человеческие ресурсы на штурм Ганнибал не решился, это было бы непозволительной роскошью, поэтому он повернул к северу¹. На сей раз своей целью Ганнибал избрал Капуя.

Капуя — город, основанный этрусками, — считался главным в Кампании. Его влияние в этой местности трудно переоценить. С 334 года до н. э. жители Капуи пользовались римским гражданством². Кроме того, Капуя была невероятно богата

¹ Кроме того, у Ганнибала не было парка осадных орудий.

² Точнее, цереанским (см. примечание к гл. 17).

и обладала репутацией «столицы изобилия». Среди «капуанских наслаждений», знаменитых по всему цивилизованному миру, первое место занимали благовония, для продажи которых была отведена целая улица.

Ганнибал не без оснований предполагал, что гордые капуанцы не могли забыть о тех временах, когда были независимы и диктовали свою волю всей Кампании. Кампанцы — римские аристократы, имеющие корни в этой земле, — представляли особую партию в Сенате.

Еще после Тразименской битвы в Капуе началось брожение умов. Но все же у капуанской верхушки было слишком много личных связей в Риме, поэтому поначалу все оставалось на уровне кухонных разговоров.

И вот местный правитель, главный магистрат города, Пакувий Калавий (судя по имени — самнит), связанный родственными узами (через брак) с римскими сенаторами и консулами, сделал решительный шаг.

Он знал, конечно, что капуанцы готовы взорваться. Поэтому Пакувий Калавий осторожно провел на выборах в местный сенат своих людей, а народ уговорил: мол, никто, кроме него, Пакувия, не сумеет так хорошо защитить общие интересы всех граждан Капуи. Теперь нужно было только расслабиться и ждать.

Ганнибал захватывал все больше территорий в Южной Италии, так что сделать правильный выбор для капуанцев становилось все легче. После Канн всякие сомнения как будто отпали вообще. Но все же в Капуе пока что было достаточно влиятельных семейств, связанных с Римом, поэтому капуанцы отправили избранных посланников к консулу — Варрону. Тот находился в Ветузии с небольшим числом плохо вооруженных солдат.

«Хорошие союзники его пожалели бы, — пишет Ливий, — горделивые и неверные кампанцы к нему отнеслись с презрением. Пренебрежение это еще увеличилось оттого, что он, ничего не скрывая, рассказал о несчастье римлян... “Легионы, конница, оружие, знамена, кони, люди, деньги, продовольствие — все погибло в день боя или на следующий день, когда мы потеряли оба лагеря. Вам, кампанцы, придется не помогать нам, а почти что воевать вместо нас”».

Варрон пытался «держать лицо» и напомнил кампанцам дела давно минувших дней, когда римляне защитили Капую от врагов. Но все это происходило в незапамятные времена, а Ганни-

бал стучал в ворота Рима прямо сейчас. И слишком болезненно звучал вопрос: а хочется ли кампанцам воевать вместо римлян со столь могущественным врагом?

По Италии упорно ходили слухи о том, что Ганнибал, помимо прочих зверств, питается человеческим мясом. Он-де нарочно приучил своих солдат к каннибализму — на тот случай, если продовольствие закончится и из всего, что можно съесть, останутся только римские пленники. В людоедство карфагенян верили безусловно. Откуда пошел слух и на чем он основывался — в общем, уже не выяснить. То ли речь шла о религиозном обряде, во время которого выпивали чашу с кровью (но такие обряды были и у римлян), то ли это обычная пропагандистская страшилка: римляне очень умело пользовались «черным пиаром»...

Кампанцы выслушали пораженческие речи Варрона и сделали собственные выводы. Они не побежали затыкать своими телами прорехи в римском государстве, а вместо этого прямым ходом направились к Ганнибалу и предложили ему мир и дружбу.

В числе условий союза они выдвинули требование — чтобы им не нести воинской повинности, что и было обещано. Кроме того, триста молодых капуанцев служили сейчас на Сицилии (фактически были заложниками), и капуанцы попросили отобрать триста римских военнопленных из числа подходящих, чтобы обменять их на этих юношей.

Ганнибал разместил в Капуе свой гарнизон и лично явился в город. Горожане приняли его в общем и целом радушно. Правда, тут же разыгрался еще один сюжет для мелодрамы или классической пьесы: знатный юноша-капуанец, сын римлянки, спрятал под одеждами меч, дабы кровью Ганнибала смыть позор Капуи. Ганнибал в тот день предпочел бы заняться делами и хотел созвать местных магистратов, чтобы обсудить с ними дальнейшие планы, но кампанцы попросили его «радостно и спокойно отпраздновать свое прибытие».

«Ганнибал, — пишет Ливий, — был по природе вспыльчив, но, не желая сразу отвечать отказом, потратил немалую часть дня на осмотр города». Вечером в честь него устроили пиршество, на котором молодой человек и собрался совершить свое покушение. В передаче Ливия диалог между сыном, который решил пожертвовать собой во имя чести, и отцом, упрасаивающим его не совершать столь опрометчивого поступка (покушение, скорее всего, будет неудачным; а кроме того — это же клятвопреступление!), звучит высокопарно, но очень эффектно. Так или иначе, никто ни в кого меча не вонзил.

Из-за такой мелочи, как попытка покушения на его жизнь, Ганнибал не стал портить отношения с капуанцами. Он пообещал Капуе, что она в самом скором времени сделается столицей всей Италии.

Таким образом, мы снова видим, что целью Ганнибала была вовсе не война на уничтожение (вкуче с людоедством), но установление карфагенской гегемонии над Италией. Риму отводилась в этой гегемонии не более чем роль провинциального города, чье влияние ограничивается небольшой территорией Лация. А весь юг Италии, вся Сицилия оказываются под карфагенским протекторатом.

Блицкриг приостановился. Линия фронта сформировалась: она проходила по большей части по течению реки Вультурн, отделявшей Фалерн от капуанской территории.

По обоим берегам реки стоял город Казилин, ключ к местности. Сейчас этот город соединен с Капуей, но тогда он представлял собой отдельный населенный пункт. Там встал лагерь претор Марк Клавдий Марцелл, который собрал остатки уничтоженной армии Варрона и возглавил ее.

В Кампанию выступил диктатор Пера. Впервые в истории Рима в состав армии включили не только выкупленных рабов, но и уголовных преступников, что было едва ли не святотатством. Других людских ресурсов у Вечного города уже не оставалось.

Ганнибал вышел из Капуи (там он оставил гарнизон) и прошелся огнем и мечом по непокорным городам. Он захватил Нуцерия¹. Этот городок был взят измором, и когда жители, не выдержав осады, все-таки открыли карфагенянам ворота, Ганнибал велел с ними не церемониться. Некоторые авторы, впрочем, утверждают, что Ганнибал обещал отпустить жителей Нуцерии «с двумя одеждами», а сам поступил согласно прославленному «пунийскому коварству»: сенаторов непокорного городка запер в бане и там сжег, а кто пытался выбраться — тех заколол копьями.

Свой лагерь он поставил близ Нолы, однако к Ноле подошел Марцелл, и Ганнибал передвинулся к Казилину. По пути он наткнулся на город Ацерры²; там уже царила паника, поэтому жители даже не стали разговаривать с пунийцами, они просто собирали вещички и сбежали под покровом ночи.

Ганнибал осадил Казилин. Гарнизон там был небольшой, но захватить Казилин с марша у Ганнибала не получилось.

¹ Современный г. Ночера-Инферьоре.

² Современный г. Ачерра.

О мире с карфагенянами жители Казилина тоже разговаривать не захотели. В результате Ганнибал отошел от Казилина и вернулся в Капую — зимовать.

Что такое зимние квартиры в Капуе для карфагенских солдат? Капуя, как помним, — «столица наслаждений». И вот люди, которые несколько лет спали на голой земле и питались чем придется, внезапно оказались в городе, где хорошие кровати, ласковые женщины, отличное питание... Все элементы сладкой жизни были налицо, и карфагеняне стремительно начали морально разлагаться.

«Тех, кого не могла осилить никакая беда, погубили удобства и неумеренные наслаждения — и тем стремительнее, что с непривычки к ним жадно ринулись в них и в них погрузились. Спать, пить, пировать с девками, ходить в бани и бездельничать вошло в привычку, и это с каждым днем незаметно подтачивало душевное и телесное здоровье, — пишет Ливий. — Ганнибал вышел из Капуи словно с другим войском; от прежнего порядка ничего не осталось. Большинство и вернулось в обнимку с девками, а как только их поместили в палатках, когда начались походы и прочие воинские труды, им словно новобранцам не достало ни душевных, ни телесных сил. На протяжении всего лета большинство солдат покидало знамена без разрешения, и приютом дезертирам была Капуя».

Если верить Ливию, армия Ганнибала пришла в негодность, не выдержав столкновения с роскошью и покоем, которые предоставила ему развращенная «золотая Капуя». Однако факты говорят об обратном: Ганнибал еще десять лет удерживал Южную Италию. С разложившейся армией ему бы это, по всей очевидности, не удалось.

ГЛАВА

XXI

Переменный неуспех

Собственно, не столько битва при Каннах сама по себе, сколько ее последствия оказались страшны для римлян. Победа карфагенян стала поводом для народов, недовольных союзом с Римом, отпасть от него. Список этих народов весьма длинен: все приморские греки, все предальпийские галлы, умбры, кампанцы, этруски, апулийцы, самниты, бруттии, луканы... Однако нельзя упускать из виду то немаловажное обстоятельство, что перечисленные общины не столько поддерживали карфагенян, сколько надеялись избавиться от римского владычества. Поэтому и карфагенян они могли предать в любой момент. Ганнибал, надо полагать, отлично отдавал себе в этом отчет.

Новые консулы, избранные в конце 216 года до н. э., деятельно принялись разгребать проблемы, оставленные им минувшим годом. В результате один из них, Луций Постумий Альбин (избранный от патрициев) почти сразу погиб близ Модены, сражаясь с бойями — бывшими союзниками Рима, а ныне союзниками карфагенян. Галлы вообще оказались очень ненадежны, и галльские территории, которые Рим не так давно «триумфально» ввел в сферу своего влияния, успели отпасть. Из колоний Плаценции и Кремоны римляне вынуждены были уйти.

Вместо погибшего Альбина с большим энтузиазмом выбрали нового консула — Клавдия Марцелла. Ведь именно он не так давно добился успехов против самого Ганнибала. Но... в самый торжественный момент, когда Марцелл вступал в должность, с небес прогремел гром. Очевидно, этот гром «организовали» те сенаторы, которым не понравилось, что оба консула 215 года

до н. э. будут из плебеев. Традиционно консулов выбирали «поровну»: один — плебей, другой — патриций. Марцелл, как и второй консул того же года, Тиберий Семпроний Гракх, был плебеем... Срочно требовался патриций, причем обладающий авторитетом военачальника. На сцену вновь выступил старик Квинт Фабий Максим.

Максим принял командование у бывшего диктатора Юния Перы. Марцелл, которому пришлось довольствоваться должностью проконсула, отправился к Ноле.

Кампания оказалась блокирована римлянами с севера и юга.

Ганнибал, подумав, отправил в Бруттий Гимилькона, одного из своих верных людей. Бруттий¹ был необходим Ганнибалу для того, чтобы удобнее было связываться с родиной через море. Кроме того, Ганнибал планировал вторжение на Сицилию. Так что выход к морю был важен в первую очередь!

Гимилькон начал с города Петелии². Это была знаменитая осада со своей легендой-притчей. Как и Нуцерия, Петелия была взята измором, причем осада продолжалась одиннадцать месяцев. Ливий сообщает: «Съеден был весь хлеб, все животные... под конец питались травой, кореньями, корой, листьями, ели кожу». Последнюю крысу в городе продали за мешочек монет, причем тот, кто ее купил, выжил, а тот, кто продал, — умер. В живых осталось восемьсот человек.

Консенция (Козенца) сдалась Гимилькону достаточно быстро, вслед за ней пал греческий город Кротон³ (Кротон осаждали бруттии — союзники карфагенян), захвачен был пунийцами порт Локры⁴. До конца оставался верным Риму только Регий (Реджо-ди-Калабрия).

Весной на побережье Бруттия высадились македоняне. Молодой царь Филипп V Македонский к тому моменту уже принял решение заключить союз с Ганнибалом. Это был договор о взаимопомощи. Интересно, что при произнесении клятвы, которая скрепляла этот договор, Ганнибал назвал богов «официального» карфагенского пантеона, а не фамильных божеств. Это косвенно подтверждает тот факт, что Ганнибал всегда оставался полководцем, которого негласно назначило для ведения войны

¹ Область примерно соответствующая современной Калабрии. Носок «итальянского сапога».

² Точное положение неизвестно, вероятно, в окрестностях современного г. Стронголи.

³ Современный г. Кротоне.

⁴ Современный г. Локри.

правительство, а не авантюристом, действующим по собственному усмотрению.

Дальнейшие события показали, что Филипп не выполнил своих обещаний союзника. Но не потому, что не хотел, а потому, что не смог.

Интересно развивались события и на Сицилии. Мы помним, что сицилийским царем, невероятным даже для нашего времени долгожителем, был Гиерон. Он просидел на троне полвека и прожил девяносто лет.

Так вот, старший сын Гиерона, Гелон (видимо, также уже не молодой человек), призадумался, глядя на события, разворачивающиеся в Италии. Канны сильно повлияли на умы тогдашних политиков, и Гелон не стал исключением. Он вознамерился отказаться от союза с Римом и перейти к Ганнибалу... но внезапно умер. Это произошло весьма кстати. Вскоре скончался и его престарелый отец. Престол отошел к внуку — Гиерониму, которому тогда было пятнадцать лет.

Сам Гиероним, естественно, мало что решал. Но его окружение полагало, что следует отправить к Ганнибалу послов, и это было сделано. Обрато на Сицилию эти посланники возвратились вместе с одним из молодых карфагенских командиров, которого тоже звали Ганнибал. Был подписан договор, и Гиероним отправил документы в Карфаген. Поскольку Гиероним со стороны матери приходился внуком царю Пирру, то ему хотелось в случае победы Карфагена получить в свою власть весь остров Сицилия. Карфагеняне охотно согласились поделить шкуру неубитого медведя именно таким образом. Главным было для них сейчас — выдвинуть из Сицилии римское влияние.

Юный Гиероним уже видел себя в лучах славы, он рванул-ся воевать с Римом прямо сейчас, отправился в Леонтины¹, где и был убит в результате заговора. Сиракузы после этого продолжили вяло и пассивно поддерживать союз с карфагенянами.

На Сардинии дело обстояло для Ганнибала значительно хуже.

Население Сардинии, замученное римскими налогами, готово было восстать. Весной 215 года до н. э. с острова в Карфаген прибыли тайные посланники с сообщением, что все готово для мятежа против римлян. Просили помощи, которую и получили.

Но планы заговорщиков смешал случай: вместо претора, неопытного и незнакомого с обстановкой, который внезапно захворал, в Сардинию отправили Манлия Торквата, а это был человек

¹ В окрестностях современного г. Лентини.

бывалый, жесткий, бескомпромиссный. Двадцать лет назад он уже покорял Сардинию и хорошо знал местность и население.

Пока карфагенские корабли, которые шли на Сардинию, погибали в шторме возле Балеарских островов, Торкват подавлял сопротивление сардинцев. Гасдрубал с уцелевшим после шторма войском наконец добрался до Сардинии, соединился с остатками сардинской армии.

Торкват разгромил их всех, захватил в плен Гасдрубала и вернулся в Рим.

А в Риме снова развлекались ежегодными консульскими выборами. Выдвинутых кандидатов отверг Фабий. Он раскритиковал их в пух и прах за предшествующие действия, а затем перешел к критике римской военной организации. Хорошо Ганнибалу: он командует единолично и точно знает, что и на следующий год, и через пять лет, если не погибнет, останется главнокомандующим. Карфагенский полководец в состоянии выстраивать стратегию на несколько лет вперед, не опасаясь, что через год на его место выберут какого-нибудь идиота-недоросля, который все испортит своей неопытностью и избыточным рвением.

Из речи Фабия Максима римские избиратели сделали единственный и совершенно правильный руководящий вывод: выбрали самого Максима. Вторым консулом был назван Клавдий Марцелл. Теперь римляне могли выстраивать свою стратегию дальше, по крайней мере еще один год, не опасаясь пришествия на руководящий пост жаждущего славы и горящего нездоровым энтузиазмом балбеса. Отношение к «молодым и эффективным менеджерам» уже тогда было скептическим.

Марк Клавдий Марцелл отправился к городу Нола. Там давно уже существовали две политические группировки: одна поддерживала идею перейти к карфагенянам, другая стремилась сохранить верность Риму. Тем временем Ганнибал подобрался к Ноле слишком близко, поэтому волнения там усиливались и борьба обострялась. Ливий сообщает, что «знатнейшие... упорно оставались верными римскому союзу, народ же по обыкновению чрезвычайно склонен к переговорам и потому всецело предан Ганнибалу».

Втайне от народа ноланские аристократы отправили своих людей к Марцеллу. Тот находился в Казилине, недалеко от места событий.

У ноланских простолюдинов имелись собственные планы, и они точно так же втайне отправили своих людей к Ганнибалу.

Под Нолой Ганнибал впервые потерпел открытое поражение от римлян. Эта битва имела в первую очередь огромное психологическое значение: «не понести поражения от Ганнибала было в то время для победителей труднее, нежели потом победить его», формулирует Ливий, называя ноланские события «величайшим подвигом».

Что же тогда произошло?

«Когда Ганнибал подошел к самым воротам Нолы... ноланская чернь опять только и думала, как бы отпасть к Ганнибалу, — сообщает Ливий. — При его приближении Марцелл заперся в городе: он... не хотел, чтобы у желающих отдать город Ганнибалу... оказался удобный к тому случай. Оба войска начали строиться: римляне перед стенами Нолы, карфагеняне перед своим лагерем...

Оба войска так день за днем и стояли, когда ноланская знать сообщила Марцеллу, что между чернью и карфагенянами по ночам ведутся переговоры и там решено, как только римское войско выйдет из города, разграбить обоз и имущество воинов, запереть ворота, занять стены и, получив возможность хозяйничать в городе, впустить уже не римлян, а карфагенян.

Марцелл... решил попытать счастья в бою. У трех ворот, обращенных к неприятелю, он выстроил по отряду солдат... обоз он расположил в тылу; конюхам, торговцам при войске и солдатам послабее велел нести колья. У средних ворот он поставил цвет легионов и римскую конницу, у двух других — новобранцев, легковооруженных, а также союзническую конницу. Ноланцам запрещено было подходить к стенам и воротам; к обозу приставлена была охрана, чтобы его не разграбили, пока легионеры будут сражаться...

Ганнибал... был вполне уверен, что городская чернь восстанет, как только он нападет на медлящих римлян. Его воины торопливо разбежались по своим местам, и первые отряды уже подходили к стенам, как вдруг ворота раскрылись, зазвучали трубы, поднялся крик и по приказу Марцелла сначала пехота, а затем конница стремительно кинулись на врага, внося расстройство и ужас в ряды находившихся в центре; меж тем легаты Публий Валерий Флакк и Гай Аврелий, поставленные у боковых ворот, напали на фланги врага... Карфагеняне презирали малочисленное римское войско, и вдруг им показалось, что перед ними огромное...»

Ганнибал отказался от идеи взять Нолу и отошел к Ацеррам, а Марцелл запер ворота города и поставил там стражу. Семье-

сят человек из граждан Нолы были арестованы и казнены как предатели.

Тем временем Ганнибал продолжил свой рейд по Италии. Он взял штурмом Нуцерию и сжег ее, после чего та же участь постигла Ацерры. Потом карфагеняне направились к Казилину, но этот город взять штурмом опять не удалось. Ганнибал осадил его небольшими силами, а большая часть пунийской армии отправилась в Капую — зимовать.

Казилин буквально погибал от голода. Римляне посылали по реке в блокированный город хлеб и прочее продовольствие, но карфагеняне — с благодарностью к заботливому врагу — перехватывали эти караваны. По рассказу Страбона, Ганнибал «увидел, что они (жители Казилина) сеют репу близ стен и не без основания удивился их упорству, так как они надеялись выдержать осаду до тех пор, пока репа не вырастет».

Но до репы не дошло; Ганнибал все-таки склонил жителей упрямого города к переговорам, получил за каждого по семь унций золота и позволил им уйти.

В 215 году до н. э. римские консулы, Тиберий Семпроний Гракх и Марк Клавдий Марцелл, видели своей основной задачей окружить силы карфагенян в Капуре. Таким образом главным театром военных действий оставалась Южная Италия.

Ганнибал направился в Апулию — к городу Арпы, чтобы защитить самнитов и гирпинов, которые отпали от союза с Римом и примкнули к карфагенянам. Гракх двинулся к Арпам вслед за Ганнибалом. Две другие римские армии — во главе с Марцеллом и проконсулом Фабием Максимом (сыном Медлителя) направились к Капуре.

Человеческие ресурсы Рима, неоднократно разбитого в боях, понесшего колоссальные потери, удалось восполнить. Римляне проявляли неслыханную гибкость: когда граждан, достойных служить в легионах, становилось критически мало, уменьшался имущественный ценз (призыву подлежали мужчины, чье имущество было значительным, поскольку служить в римской армии — это почетно¹). В армию начинали брать вольноотпущенников и даже рабов (которые после победы, если оставались в живых, получали свободу). Снижали призывной возраст до 17 лет. Легионы не иссякали: все новые и новые солдаты выстраивались перед карфагенянами.

¹ Кроме того, экипировку римский воин приобретал за собственный счёт.

Несколько небольших побед римляне одержали в стычках с карфагенянами и вернули «под крыло» Рима пару городов, а затем Ганнибал нанес Марцеллу удар под стенами Нолы... и проиграл.

Поражение оказалось для карфагенян болезненным. И это несмотря на помощь, которая прибыла с родины — слоны, солдаты, провизия, выделенные карфагенским сенатом! Неужели все дело в том, что благочестивый Фабий не проигнорировал очередные зловещие знамения, ниспосланные богами, и принес искупительные жертвы?

Впрочем, оставим богов и обратимся к фактам. Ганнон пришел к Ноле из Бруттия с подкреплением и слонами. Ганнибал разбил лагерь неподалеку от города. Союзники — гирпины и самниты, которые слезно просили их защитить, — сообщали карфагенскому полководцу, что взять Нолу ничего не стоит, что Марцелла легко спровоцировать. Однако личные наблюдения Ганнибала говорили об обратном: Марцелл всегда выходил из города только после проведенной разведки и с хорошим прикрытием. Он тщательно обеспечивал себе возможность отхода и вообще действовал так предусмотрительно, словно сам был Ганнибалом.

Ганнон попросил ноланцев о переговорах, но ответом ему был решительный отказ. Прощупав таким образом почву и попытавшись понять настроение жителей, Ганнибал понял, что теперь надеяться на измену не приходится. Ноланцы не сдадут ему город.

Марцелл выстроил свои войска напротив ворот. Ганнибал окружил город, чтобы напасть сразу со всех сторон. Первая битва была жестокой, но недолгой. Начался ливень, поднялась буря, которая «разделила» сражающихся. Пришлось переждать непогоду, а это заняло всю ночь и еще часть следующего дня.

Войска сошлись на ровном поле недалеко от Нолы. Ход сражения неизвестен. Ливий в своей книге традиционно сводит дело к зажигательным речам, которые произносили оба полководца. Так или иначе, карфагеняне опять были разгромлены, потеряли множество людей убитыми, кроме того, четыре слона погибли и два попали к римлянам. Один нумидийский отряд из трехсот воинов перешел к противнику, а это был очень тревожный звонок: карфагенские солдаты начали терять веру в окончательную победу. Захваченные у врага доспехи Марцелл торжественно сжег, принеся их в жертву богу Вулкану.

Существуют, правда, мнения, что никакой «сокрушительной победы римлян» под Нолой не было: армии схлестнулись на поле,

потеряли множество людей убитыми, а затем разошлись. Прочее — лишь домыслы Тита Ливия, который писал свой труд, заранее зная, чем закончится противостояние Рима и Карфагена.

Но так или иначе, Ганнибалу не удалось удержать свое господство в Апулии. Он увел войска в Кампанию, к ПUTEОЛАМ¹, а в Арпах оставил гарнизоны из иберов и нумидийцев.

Численность пунийской армии продолжала уменьшаться. Медлитель оказался прав: время работало на римлян, и следовало это время тянуть как можно дольше.

У Ганнибала истощались ресурсы. Продовольствие заканчивалось. Где брать? Отбирать хлеб у собственных союзников в Италии он не мог, следовательно, приходилось совершать набеги на союзников римлян, то есть таскать армию по всей Италии. Из Карфагена помощь поступала нерегулярно: там все большее влияние получала группировка, враждебная Баркидам. В Испании дела обстояли не лучше, братья Сципионы действовали против карфагенян достаточно активно и достаточно успешно, чтобы связать пунийцев на Иберийском полуострове. Еще один союзник Ганнибала, македонский царь Филипп, попал в тяжелое положение: летом 214 года до н. э. он отправился в Эпир, решив закрепиться в Иллирии, но встретил отпор римлян и не получил никакой поддержки от местных жителей. В результате Филиппу V пришлось оставить свои замечательные захватнические планы. Он так был ими занят, что о помощи Ганнибалу, естественно, позаботиться уже не мог.

¹ Современный г. Поццуоли, фактически в городской черте Неаполя. В описываемые времена назывался Дикеархия, название ПUTEОЛЫ приобрёл спустя примерно 20 лет после учреждения там римской колонии. В районе Поццуоли расположены знаменитые Флегрейские поля.

ГЛАВА XXII

Сиракузы

Летом 214 года до н. э. был убит молодой царь Сиракуз Гиероним. Он-то как раз пытался выполнить свой союзнический долг перед пунийцами, отправив две тысячи воинов против римских гарнизонов на Сицилии и во главе армии двинулся к Леонтинам где и погиб в результате заговора.

В Сиракузы прибыл со своими легионами консул Марцелл. Римский флот встал в сиракузской гавани. Граждане разволновались, пытались помешать римлянам сойти на берег. Но внутри города оставалась сильной политическая группировка, которая поддерживала Рим. После пятидесятилетнего правления Гиерона, который неизменно держал руку латинян, это было и неудивительно. В конце-концов народное собрание снова заключило с Римом мирный договор. Иначе, утверждали старые соратники умершего царя, Сиракузы оказались бы в состоянии перманентной войны, а кому это нужно?

Леонтины — еще один сицилийский город, склонявшийся к Карфагену, — был захвачен римлянами в том же 214 году до н. э. Жители были перебиты, сам город разграблен. Это было сделано для устрашения тех, кому дружба с Карфагеном все еще представлялась привлекательной. Однако карательная акция имела и обратное действие: Сиракузы насторожились. Слишком уж круто забирают дорогие союзнички. Не повторилась бы история с Леонтинами и в самих Сиракузах. Заподозрившие неладное сиракузяне заперли ворота своего города и выставили стражу. Внутри городских стен обострялась политическая борьба. Марцелл поспешно двинулся от Леонтин обратно к Сиракузам... но на сей раз его встретили враждебно и ворот не открыли.

Это стало знаком того, что Сиракузы перешли на сторону Карфагена.

Попытки переговоров ни к чему не привели. Римляне разбили лагерь неподалеку от города.

Шел 213 год до н. э. К теме осады и штурма римскими легионами во главе с Марцеллом города Сиракуз относится история изобретений великого математика Архимеда, чье имя знакомо каждому школьнику, равно и легенда о его гибели. Архимед изобретал весьма оригинальные приспособления, которые помогали защищать родной город, поэтому штурм Сиракуз римлянами оказался безуспешным. Марцелл перешел к осаде.

Полибий так описывает эти события:

«Приготовив навесы, метательные орудия и все прочее, нужное для осады, римляне надеялись при многочисленности рабочих рук покончить с приготовлениями в течение пяти дней и опередить неприятеля. Но при этом они не приняли в расчет искусства Архимеда, не догадались, что иногда дарование одного человека способно сделать больше, чем огромное множество рук. Теперь они убедились в этом по опыту. Город был достаточно крепок уже тем, что облегающая кругом стена покоилась на высотах и поднимающемся перед городом утесе; к ним трудно подойти даже и тогда, если бы осаждаемые не оказывали никакого сопротивления... Архимед заготовил внутри города, а равно и против нападающих с моря такие средства обороны, что... у них заранее готово было все для отражения врага на всякие случаи.

...Архимед соорудил машины, приспособленные к метанию снарядов на любое расстояние... Если же снаряды начинали лететь поверх неприятеля, Архимед употреблял в дело меньшие машины, каждый раз сообразуясь с расстоянием, и наводил на римлян такой ужас, что они никак не решались идти на приступ или приблизиться к городу по суше...

... В течение восьми месяцев римляне оставались под стенами города, и не было такой уловки или отважного дела, перед которыми они остановились, но ни разу уже не осмеливались идти на приступ...»

Неудача легионеров под Сиракузами сразу же вызвала подъем антиримских настроений по всей Сицилии, а затем там очень кстати появились карфагенские войска, которые подошли и с суши, и с моря. Сицилийцы начали изгонять из своих городов римские гарнизоны.

Сиракузы пали в 212 году до н. э. благодаря измене¹. Во время разграбления города погиб и Архимед². В Рим были отправлены статуи и картины, захваченные в Сиракузах в качестве добычи. Впрочем, сетует Ливий, в конце концов подобное деяние послужило причиной упадка нравов и разрушения благочестия: распространилась распущенность, с которой грабили святилища, да и посещать святилища исключительно ради того, чтобы полюбоваться на красивые статуи, тоже несколько противоречит идее богопочитания...

Говоря о том храме, который был украшен Марцеллом из воинской добычи, взятой в Сиракузах, Ливий имеет в виду храм Чести и Доблести возле Капенских ворот. Этот храм был выстроен по обету в 233 году до н. э. Квинтом Фабием (Медлителем) и был посвящен Чести. Затем в 222 году до н. э. там дал обет уже сам Марцелл — он тогда воевал с галлами и ему требовалась «поддержка свыше». В 211 году до н. э., после взятия Сиракуз, Марцелл повторил свои обеты и преподнес храму взятую им добычу.

Позднее Марцелл захотел посвятить старый храм уже обоим воинским божествам, то есть присоединить к Чести Доблесть, но понтифики воспротивились. Тогда Марцелл возвел для Доблести новую часть храма. В 205 году до н. э. сын Марцелла (сам Марцелл к тому времени погиб, это случилось двумя годами ранее) освятил пристройку. Так что история храма возле Капенских ворот, украшенного статуями и картинами из Сиракуз, достаточно сложна и запутанна.

...Сицилия еще продолжала сопротивляться римлянам, но Марцелл умело вел свою политику, общался с проримски настроенными гражданами, заново заключал союзнические договоры, предоставлял покорным городам льготы: так, он согласился не размещать в Тавромении римский гарнизон, хотя это, конечно, сильно противоречило интересам Рима.

На Сицилии продолжали действовать карфагенские военачальники — Эпикид³ и Ганнон; третьим к ним был прислан

¹ По другой версии, город был взят во время праздника, посвященного Артемиде, когда стража на стенах оказалась пьяна.

² Обстоятельства смерти учёного окружены многими легендами, однако все они сходятся на том, что Марцелл отдал приказ взять Архимеда живым, но потом что-то пошло не так.

³ Изгнанник из Сиракуз, сын грека и карфагенянки, по другим сведениям — наемник. Входил в посольство, отправленное Ганнибалом в Сиракузы к Гиерониму. После возобновления союза с Римом скрылся и будировал Леонтины, а после зачистки последних — и Сиракузы.

от Ганнибала Муттин — также родом из Африки. Он был человеком «надежным» и «хорошо изучившим у Ганнибала военное дело». С верными нумидийцами Муттин ходил по всей Сицилии, «поддерживая чувство верности в союзниках» Карфагена и приходя им на помощь, когда те в ней нуждались.

Ганнон вышел из Агригента, где его осаждали римляне, и встал лагерем у реки Гиммера. Марцелл развернул свои силы приблизительно в четырех километрах от него и стал смотреть — что тот предпримет.

Подошел Муттин и ринулся через реку в немедленную атаку. Передовые части римлян были смяты и отошли за укрепления.

И тут у Муттина восстали нумидийцы. Триста человек покинули карфагенскую армию. Муттин пошел за ними, чтобы уговорить их вернуться. Перед уходом он упрасивал Ганнона не начинать сражение, пока не вернется сам¹.

Ганнон был недоволен: он — карфагенский полководец, его на эту войну отправил сам Сенат Карфагена, а какой-то африканец (Муттин происходил из африканского племени, связанного с Карфагеном родством) будет ему указывать, как поступать. Еще и вся слава достанется Муттину. Нет уж.

Марцелл уже обо всем знал. Особенно радовало его отсутствие сейчас у противника страшной нумидийской конницы, которая внезапно закапризничала и отправилась восвояси из действующей армии.

Сражение началось и длилось недолго. Оставшиеся нумидийцы просто стояли на флангах и смотрели. Когда солдаты, находившиеся в центре, побежали — началось бегство и на флангах. В тот день Марцелл захватил восемь слонов. Разбитые карфагеняне из числа уцелевших разбрелись кто куда, кто-то бросился в Агригент, кто-то попал в плен.

Марцелл победителем вернулся из Сицилии. 212 год до н. э. подходил к концу.

На Сицилии еще не было так спокойно, как хотелось бы: карфагеняне удерживали несколько городов. Окончательно избавиться от пунийцев римлянам удалось лишь в конце 210 года до н. э.

Однако основным театром военных действий все еще оставалась Южная Италия. Здесь римляне отвоевывали то, что

¹ До определённой степени сюжет стал повторять историю Варрона и Эмилия Павла.

когда-то принадлежало им — и что, по их мысли, теперь по праву должно принадлежать им вечно. Кое-какие греческие города оставались верны Риму исключительно благодаря тому, что там размещались римские гарнизоны. Так, стоило римлянам вывести из Метапонта своих людей, как тот мгновенно перешел к карфагенянам.

На самом деле греческие поселенцы южной Италии не любили ни римлян, ни карфагенян. Карфаген издревле оставался их естественным врагом — соперником в торговых делах. Если бы Ганнибал одержал окончательную победу и установил в обитаемых землях карфагенское господство, то греки потеряли бы свои старые торговые связи.

В свою очередь коренные жители Южной Италии сильно недолюбливали греков, эти колонисты были им ни к чему. Говоря проще, в регионе, как и в самом начале греческой колонизации, о которой рассказано в книге первой, царила здоровая атмосфера взаимной ненависти — надо заметить, что греки и сами себя-то не любили, поскольку греческий сосед из города напротив — такой же конкурент и враг, как римлянин или карфагенинин.

И римские союзники, и пунийцы были для греков одинаково нежелательны. Но приходилось решать, какое зло на данный момент для греков наименьшее. Поэтому в каждом из греческих городов южной Италии образовались по две враждующих группировки.

Богатый, удобно расположенный у моря Тарент подумывал перейти на сторону Ганнибала. Этому во многом содействовала умело организованная карфагенским полководцем «пятая колонна»: несколько сотен местных юношей, служивших в римских вспомогательных войсках, попали в плен к Ганнибалу и были им милостиво отпущены на свободу. Теперь они громко агитировали в пользу доброго, щедрого, всегда отзывчивого к незнакомым людям карфагенинина. Это сработало. Кроме того, по обыкновению идею союза с Карфагеном поддерживала местная чернь. Она, в отличие от аристократии, не была связана с Римом родственными узами.

Таким образом, внутри Тарента организовался заговор. Город перейдет к Ганнибалу при условии, что пунийцы позволят не платить дани, жить по своим законам и самостоятельно решать важные вопросы: выделять ли солдат для карфагенской армии, выдавать ли карфагенянам римских солдат, попавших в плен.

Благодаря поддержке внутри городов Ганнибал в 212 году до н. э. получил Тарент, Гераклею¹, Фурии и Метапонт.

Говоря о жителях южной Италии, массово переходивших на сторону Ганнибала, следует отметить, что основным их желанием было получить обратно те земли, которые были отобраны римлянами для создания латинских колоний. Ничего иного они от этого союза не хотели и ничего этому союзу от себя давать тоже не стремились.

И в первую очередь они не собирались воевать за далекий Карт-Хадашт в том числе и потому, что семитская цивилизация Северной Африки была для них абсолютно чуждой: чуждой по языку и ментальности.

В северной Италии дела обстояли совершенно иначе. Галлы, которые пришли к карфагенянам, дополнили ряды армии. Они рвались в бой.

Но жители Южной Италии сражаться вообще не намеревались. Им нужна была только земля, их земля. Капуя, например, как помним, внесла в договор с Ганнибалом следующий пункт: никто из местных не обязан служить в карфагенской армии, разве что по доброй воле.

В результате Ганнибал получил союзников, которые не столько помогали ему, сколько обременяли. Они не давали пунийцам ничего, зато Ганнибал обязан был защищать их от римлян и даже не мог оставлять солдат на постой, не говоря уж о том, чтобы забирать у капуанцев продовольствие².

Самыми крепкими сторонниками Рима — если не считать городов-крепостей с хорошими римскими гарнизонами — оказались Неаполь, Кумы, Нола, Петелия и несколько этрусских городов. Там власть принадлежала в первую очередь аристократам, а те оставались нерушимыми союзниками Рима. Там, где чернь имела хоть какое-то влияние, власть Рима была гораздо слабее.

Нерушимым оказалось господство Рима в средней Италии. Там жили старые римские союзники. Они веками сражались с римлянами бок о бок, вместе делили невзгоды и добычу. Эта

¹ Развалины на берегу залива Таранто.

² На момент заключения этих договоров положение Ганнибала отнюдь не было безвыходным. Наоборот, сомнения вызвали возможности Рима. Следовательно, это был временный тактический союз, направленный на то, чтобы лишить римлян возможности снабжения в Южной Италии на время восстановления карфагенских войск и подготовки генерального сражения.

территория стала опорой Рима в войне с Карфагеном. Здешние жители не видели никаких выгод для себя в переходе на сторону Карфагена.

Эквы, марсы, марруцины, сабиняне, оски, пицены сохранили верность старинному союзу. Ни одна из здешних общин не согласилась вступить в союз с Ганнибалом.

Кстати, именно об этом обстоятельстве и напомнили Ганнибалу (через его брата Магона) карфагенские сенаторы, когда говорили о неудачах карфагенян в поисках союзников в центральной Италии.

ГЛАВА XXIII

«Ганнибал у ворот»

Существует обоснованное мнение, что судьба Рима решалась не в Италии, а в Испании. Проиграв войну в Испании, карфагеняне автоматически проигрывали ее и в Италии. Именно там, на Пиренейском полуострове, римляне, как это ни странно прозвучит, сражались за свою родину.

Испания была основным резервом Карфагена в этой войне. Она поставляла пунийской армии солдат и присылала деньги (помним об испанском серебре), которые служили жалованьем наемникам.

Однако братья Сципионы блокировали Гасдрубала в Испании своими удачными действиями, и он не мог помочь Ганнибалу. Римляне вытесняли пунийцев с полуострова планомерно и довольно успешно. Население больше не поддерживало пунийцев, которые донимали жителей поборами и забирали молодых мужчин в свою армию. Ганнибал в Италии вынужден был церемониться с местными; Гасдрубал в Испании этого не делал.

В 212 году до н. э. к Сципионам присоединились даже те племена, которые до сих пор раздумывали, чью сторону принять. Гасдрубалу приходилось беречь каждого солдата. Он не мог прислать в Италию ничего. Ресурсы, тающие на глазах, требовались ему самому.

Тем временем римляне нашли союзника под самым боком у Карфагена. Их новый лучший друг — Сифакс, предводитель нумидийского племени массивиев, — начал военные действия в Северной Африке. Он открыто выступил против Карфагена, и Гасдрубалу пришлось отправиться туда. На целый год Гасдрубал был занят умирением беспорядков, учиненных Сифаксом.

В новой Ливийской войне Сифакс был разбит, и в 211 году до н. э. Гасдрубал вернулся в Испанию. Он прибыл не с пустыми руками: нумидийский царь Масинисса отправился вместе с ним.

Теперь со Сципионами можно было разговаривать с позиции силы. Римлянам в Испании противостояли целых три армии: одну возглавлял Гасдрубал Барка, другую — Гасдрубал, сын Гискона, третью — Магон. Все три действовали в разных частях Испании.

Сципионы также вынуждены были разделить свои силы. Ничем хорошим это для них не закончилось: оба сложили головы в Испании — сначала Публий Сципион, а вслед за ним и Гней Сципион.

Остатки разбитых римских армий перебрались на другой берег реки Ибер и там соединились под началом избранного военачальника по имени Марций. Луций Марций Септим был простым римским всадником, однако Ливий утверждает, что по ночам вокруг его головы можно было заметить сияние. В любом случае этот человек обладал какой-то исключительной харизмой. Сам он начал именовать себя пропретором. В Риме сенаторов коробило от такого самоуправства: с какой стати солдаты сами выбрали себе командира? Но Испания далеко, и дотянуться до нее из здания Сената было затруднительно.

Вскоре Марций со своей разбитой, но не побежденной армией атаковал карфагенский лагерь и нанес врагу урон, о чем не преминул доложить Сенату. Огромный серебряный щит (в описании Плиния Старшего — золотой) с портретом Гасдрубала Барки Марций прислал в Рим. Эту почетную добычу под названием «щит Марция» поместили в храме на Капитолии. В 83 году до н. э. пожар в этом храме¹ уничтожил «щит Марция», и это весьма обидно потомкам, ведь если бы он сохранился, мы могли бы любоваться сейчас на профиль Гасдрубала.

Римлянам приходилось решать одновременно несколько задач. Раз уж в Испании ничего толком не вышло, надо сосредоточиться на Капуе. Город этот знаменит, богат, для Рима — важен, не только политически и стратегически, но и с точки зрения престижа. На Капую смотрит вся Кампания, если не вся Италия. И пока там хозяйничают эти карфагеняне (не забываем, что помимо пунийцев в армии Ганнибала было много неотесанных кельтов, грубых нумидийцев и прочих варваров с плохими манерами), о каком уважении к Риму можно говорить? Мелкие го-

¹ Это тот самый пожар, в котором сгорели Сивиллины книги.

рода по-прежнему будут переходить на сторону Ганнибала. Переубедить эти общины можно только силой оружия.

В 211 году до н. э. к Капуе отправились армии во главе с обоими консулами. Аппий Клавдий Пульхр и Квинт Фульвий Флакк выступили против города-предателя, который был для римлян «ненавистнее Карфагена».

Фактически от того, как решится дело под Капуей, должен был зависеть весь дальнейший ход войны. Ганнибал не мог этого не понимать.

Часть карфагенской армии осталась с обозом в Бруттии. Ганнибал налегке, с одними только отборными войсками — лучшей пехотой, конницей и боевыми слонами, — поспешил на помощь Капуе. Консулы, осаждавшие город — «столицу» карфагенян в Италии, — вот-вот должны были сдать дела консулам нового призыва. Отзывать командующих в разгар кампании было, мягко говоря, неразумно даже для такой бюрократической демократии, какой являлась Римская республика. Поэтому римляне продлили Клавдию и Фульвию полномочия на время, пока осада не будет окончена. А новыми консулами избрали Гнея Фульвия Центумала и Публия Сульпиция Гальбу.

Таким образом, и демократия не пострадала, и война шла своим чередом. Теперь Фульвий Флакк и Клавдий Пульхр действовали в качестве проконсулов. Так называлась их должность; обязанности при этом, естественно, не менялись.

Когда римляне узнали о том, что Ганнибал уже близко, они разделили силы. Клавдий остался у городских стен, продолжая осаду, а Квинт Фульвий отправился навстречу Ганнибалу.

Началось сражение возле самых стен Капуи. Капуанцы произвели вылазку и напали на Аппия Клавдия, коль скоро он остался один, с половиной войска. Но римлянам удалось оттеснить горожан к воротам. Квинт Фульвий также сумел остановить Ганнибала. Если смотреть «объективно», то результатом этого сражения можно считать ничью. Но стратегически оно стало поражением Карфагена.

И вот тогда Ганнибал решился наконец двинуть армию прямо на Рим — «как корень всей войны». Впрочем, Полибий считает, что это был всего лишь маневр, предназначенный для того, чтобы отвлечь римские войска от Капуи и снять наконец осаду.

Карфагенская армия перешла реку Вультурн и перегородила ее кораблями, создав своего рода мост¹. Тотчас же к Риму

¹ Особой экзотики в этом нет. Римляне в это время уже довольно активно использовали наплавные мосты.

от Капуи двинулось пятнадцатитысячное войско во главе с проконсулом Фульвием. Ганнибал шел по Латинской дороге. Фульвий — по Аппиевой, которая вела вдоль побережья. Перед армией двигались курьеры, которые заранее готовили места для стоянок. Фульвий старался догнать карфагенян, однако опаздывал почти на сутки. Но зато он двигался по римской земле и не сомневался в том, что находится у себя дома, в то время как Ганнибал не мог быть уверен в дружелюбности местного населения.

Фульвий миновал город Рим и разбил свой лагерь между Эсквилинскими и Коллинскими воротами.

Ганнибал, потеряв время возле заблаговременно разрушенных римлянами мостов, занял позицию к востоку от Рима.

В городе поднялась нешуточная паника. «Ганнибал у ворот»! Сенат заседал, не жалея седалищ, в храмах возносились молитвы, претор по гражданским делам расставлял вооруженные отряды по всем важным пунктам внутри города, поскольку возникла угроза сражений внутри самого Рима¹.

Ганнибал теперь стоял всего в пяти километрах от городских стен. Во главе отряда из нескольких тысяч нумидийских всадников он лично показался возле Коллинских ворот, изучая местность и прицельно щуря глаз.

Фульвий Флакк решил воспользоваться нумидийцами-перебежчиками — кто лучше отгонит отборных всадников Ганнибала от римских ворот? Однако когда эти нумидийцы проскакали по улицам, римляне впали в истерику. Добрые римские обыватели не умели, естественно, на глаз отличать «хороших» нумидийцев от «плохих» и вообразили, будто страшные африканские конники уже ворвались в город. Насмерть перепуганных мещан едва удалось утихомирить.

Наконец через несколько дней возле стен Рима произошло первое столкновение. Полибий сообщает, что в бой вступили новобранцы из вспомогательного легиона, спешно набранного новыми консулами весной 211 года до н. э. Причем воинская служба этих новобранцев, вот удача, началась ровно в тот день, когда Ганнибал подошел к воротам Рима и, так сказать, поступался в них. Мы помним, что в Риме начали набирать в армию «кого попало»: было уже не до разборчивости. И вот эти неопытные солдаты, только-только приступившие к службе, якобы

¹ Впервые со времён войны с галлами в 387 г. до н. э. римлянам специальным эдиктом было разрешено носить оружие внутри городских стен.

вызвали у Ганнибала приступ внезапной задумчивости? Слабо верится.

Тит Ливий утверждает, что новые консулы 211 года до н. э. и проконсул Флакк были остановлены сильным градом, внезапно ниспосланным небесами.

На следующий день боги повторили трюк с градобитием, и сражение опять не состоялось. И Ганнибал как будто понял, что боги категорически против битвы под стенами Рима.

Новобранцы ли испугали непобедимого Барку, божественный ли град, просыпавшийся на него с неба, — неизвестно. Тит Ливий приводит еще один оскорбительный для Ганнибала анекдот: якобы в то самое время, когда Ганнибал стоял под стенами Рима, в самом городе была проведена торговая сделка. Участок земли, на котором карфагенянин разбил свой лагерь, был выставлен на продажу и, более того, продан!¹ Настолько, говорит историк, римляне были уверены в своей победе. Далее Ливий утверждает, что история о продаже «лагерного поля» стала известна Ганнибалу (очевидно, кто-то потрудился донести ему слухок, распространившийся по городу), поэтому Ганнибал якобы через глашатая передал Риму и римскому народу, что он продает лавки менял, раскинувшиеся вокруг Форума.

В изложении Ливия ситуация выглядит так, словно Ганнибалу сделали внушение боги, хотя в другом месте Ливий как раз обвиняет Ганнибала в безбожии и равнодушии даже к самым отчетливым знамениям. Напомним, что атеизм считался в Риме одним из самых страшных грехов; позднее в нем будут обвинять христиан, поскольку они не приносили жертв римским богам. Другой причиной ухода Ганнибала от римских стен он называет историю с «продажей поля» — раз римляне не сомневаются в своей победе, значит, они действительно могут победить.

Полибий, куда более прагматичный и материалистичный, нежели романтик-Ливий, называет иные причины. Ганнибал под стенами Рима достиг своей изначальной и истинной цели: Клавдий, оставшийся под Капуей для продолжения осады, забрал войска и двинулся к Риму².

Но этот расчет карфагенянина оказался ошибочным. Капуанцы действительно поверили, что карфагеняне их бросили. В сенате города звучали все более панические речи. В конце концов

¹ Вероятно, это первый в истории пример фьючерсной сделки.

² И не следует забывать, что у Ганнибала по-прежнему не было осадного парка.

большинством голосов они решили сдаться на милость римлян и открыли ворота. Это произошло весной 211 года до н. э.

Римляне не простили Капуе предательства. Несколько десятков самых знатных граждан были подвергнуты публичной экзекуции и казнены. Простых горожан, в том числе живших в соседних с Капуей городках, продали в рабство. Разрушать богатый и роскошный город римляне не стали — зачем добро переводить? — но отныне Капуя получила статус деревни¹. Никакого самоуправления, никакого сената. Все постройки города стали собственностью римского народа, а суд отдавался в руки римского префекта, который будет приезжать раз в год и разбираться, кого казнить, а кого миловать.

¹ Соответственно, статус города цереанского права Капуей был утрачен.

ГЛАВА

XXIV

Италия как ловушка

Вся эта жуть, случившаяся с капуанцами, произвела страшное впечатление на жителей италийских и греческих городов — в античном мире статус гражданина, наделяющий человека неоспоримыми правами, ценился чрезвычайно высоко. Персона без гражданства мало того что выпадала из общины, так еще и лишалась элементарной защиты закона.

Союз Ганнибала с новыми друзьями осыпался, как карточный домик. В 210 году до н. э. римские войска вернули Арпы, потом Салапию¹, через год им сдался Тарент, и у Карфагена исчез последний оплот в территориальных водах. Ганнибал оказался фактически заперт в Калабрии.

А это, в свою очередь, позволило римлянам сосредоточиться на Испании.

Претор Гай Клавдий Нерон отправился туда с несколькими тысячами пехотинцев и тысячей всадников. Он намеревался соединиться с солдатами Марция и принять на себя командование от лица Сената и римского народа.

На южном берегу Ибера он сумел загнать Гасдрубала Барку в ловушку и запереть его в ущелье. Ситуация была критическая: Гасдрубал видел, что шансов выбраться нет, а Нерон, безусловно, понимал, что ему придется играть в «300 спартанцев» за персов. Поэтому он просто предложил карфагенянину уйти из Испании по-хорошему.

Гасдрубал согласился.

¹ Ныне развалины в окрестностях г. Тринитаполи.

Был назначен день вывода всех пунийских войск, но тут Гасдрубал неожиданно вспомнил о богах, знамениях, религиозных запретах и еще каких-то непонятных вещах, которые невероятно мешали ему вывести армию именно сегодня. Время потянулось, Нерон терпеливо ждал... и дождался: в один ненастный день, скрываясь под покровом ночи и тумана, Гасдрубал... ушел. Фактически он и его люди растворились в тумане. Пунийское коварство на марше, так сказать.

Стало совершенно очевидно, что в Испании нужен человек, который блистал бы не происхождением или харизмой в виде сияния вокруг головы, а военачальник толковый и умный. Воспоминания о погибших братьях Сципионах, которые так успешно воевали в Испании пока не пали смертью храбрых, также сыграли роль: желателен был кто-то из их семьи.

Выбор пал на молодого Публия Корнелия Сципиона (будущего Африканского).

Выборы происходили в исключительной обстановке: консулы Фульвий и Сульпиций созвали выборщиков и предложили избрать проконсула — командующего, облеченного всей полномочиями власти.

Назвали имя — Сципион. Выбирайте немедленно, альтернативы нет, демократия потерпит.

Его репутация уже была известна, несмотря на молодость: ведь это он, как утверждают, в ноябре 218 года до н. э. спас своего отца, раненного при Тицине.

Сципиону сопутствуют различные легенды, которые также стали впоследствии темами для школьных сочинений и помпезных картин в стиле классицизма. Так, говорят, что после битвы при Каннах, когда римская армия была позорно разгромлена, молодой Сципион возглавил маленький отряд командиров, также очень юных, и они все вместе принесли торжественную клятву никогда не изменять Республике. Кругом царили хаос и паника, а эти молодые герои стали островком патриотизма и веры в будущее.

Кроме того, существует «Сципионова легенда», утверждающая, что Сципион имел и откровения от божеств. Рационалист Полибий, впрочем, утверждает, что все рассказы о «видениях» были просто ловким пиар-трюком самого полководца, который понимал, что необходимо воздействовать на народ разными способами, в том числе и мистическими. Так или иначе, но «сама судьба» предопределила выдающуюся роль Сципиона в жестокой войне против Ганнибала и карфагенян.

В Риме существовал возрастной ценз на занятие руководящих должностей. Существовал термин «suo anno», то есть «в свой год», «в свое время» — он означал, что некий человек занял должность в минимальном возрасте, когда ему это разрешено законом, буквально в тот же год, сразу. Но Сципион, будущий Африканский, стал курульным эдилом в 213 году до н. э., в возрасте двадцати трех лет¹, возраст немыслимо малый даже для того сурового времени, когда в армию призывали семнадцатилетних юнцов.

К своей легенде Сципион Африканский относился крайне внимательно и старательно выстраивал ее буквально с первого дня. Якобы сам он не собирался никуда баллотироваться и предложил свою кандидатуру только для того, чтобы поддержать брата Луция. Попутно Сципиону очень удачно приснился сон, в котором он с братом добивается успеха на радость матери, достопочтенной матроне Помпонии. Последняя же достойно исполняла роль главы семьи в отсутствие мужа, пока тот сражался в Испании.

Легенда, выстраиваемая Сципионом вокруг собственной персоны, имела целью не только морочить голову внушаемой и суеверной толпе. В Риме, где многие вещи «решались» богами, подобное благоволение небес обладало юридической силой. Из-за неблагоприятных знамений могли отменить сражение или отозвать только что избранного магистрата.

В 210 году до н. э. Сципион отбыл в Испанию, получив назначение на должность главнокомандующего. Каким образом такой пост доверили новичку в политике — непонятно. Сципион не успел побывать ни консулом, ни претором — и тут он возглавил целую армию. Если не принимать во внимание особое расположение богов, остаются лишь догадки, по степени достоверности недалеко ушедшие от рассуждений о «богоизбранности».

¹ С понятием *suo anno* тесно связано ещё одно *cursus honorum*, буквально «путь чести» — последовательность магистратур, через которые проходила карьера представителей римской знати сенаторского сословия. Считалось особо почётным проходить этот путь максимально быстро. В описываемое время *cursus honorum* включала должности: военная служба (призывной возраст — 17 лет, срок — 10 лет); военный трибун (военная служба обязательна); квестор (после прохождения военной службы, минимальный возраст 27 лет); курульный эдил (36 лет); претор (40 лет); консул (41 год); цензор (требуется предварительно занимать должность).

В сухом остатке — римские бюрократы попросту побоялись взять на себя ответственность за военные действия в Испании. Слишком многое решалось в этой войне. Никому не хотелось прослыть «губителем Отечества», а дело к этому, похоже, и шло семимильными шагами. Так не лучше ли взвалить тяжелую ношу на неопытного юнца, который прикрывается волей богов, а когда тот потерпит неудачу, указать на него пальцем и пожать плечами?

Согласно другой точке зрения, которая также не имеет материальных подтверждений, Сенат постарался сделать так, чтобы кроме Сципиона не оставалось кандидатов на эту должность. Это были происки родственников Сципиона Корнелиев, которые занимали влиятельную позицию в Сенате¹.

Так или иначе, имея под командой десять тысяч римских солдат и еще тысячу пехотинцев-союзников, Сципион погрузился на тридцать кораблей, вышел из Остии и затем высадился на Эмпории². Далее он передвигался по суше вдоль побережья, а корабли следовали за ним по морю и прикрывали римские войска. Сципион направлялся к Тарракону. Рядом с ним постоянно видели Луция Марция, человека, сумевшего отомстить за гибель братьев Сципионов, отца и дяди нынешнего, «восходящего» героя.

Вторым лицом при испанском командующем был, однако, не этот харизматичный персонаж, а сенатор Марк Юний Силан, в должности пропретора. Он был формально подчинен Сципиону, хотя существенно превосходил его по возрасту. Семья Силана находилась в дружественных отношениях с кланом Сципионов, поэтому Сципион с доверием относился к своему помощнику.

Сципион оставил Силана с частью армии на римском берегу Ибера, а сам перешел реку. Его целью был главный оплот противника на Иберийском полуострове — Новый Карфаген.

Как и Ганнибал, Сципион тщательно разведывал обстановку, прежде чем что-либо предпринимать. Лазутчики успели сообщить ему о том, где находятся основные силы карфагенян. Как мы помним, пунийская армия была разделена на три части: Гасдрубал, сын Гискона, находился на побережье, между Гадесом

¹ Сципион сам был представителем рода Корнелиев. Его полное имя, напомним: Публий Корнелий Сципион. Корнелии же были заинтересованы в торговле с Испанией.

² Также Эмпорион. Ныне развалины в окрестностях Сан-Марти-д'Ампуриас (фактически место выхода современной франко-испанской границы к морю).

и устьем Тага (Тахо), Магон — в Верхней Андалузии, Гасдрубал Барка — где-то в области Новой Кастилии. Таким образом, в Новом Карфагене (Картахене), до которого римлянам было дней десять пути (римские легионы на марше проделывали до сорока километров в день), находился совсем небольшой гарнизон — около тысячи человек. Поэтому, пока пунийцы ожидали удара врага, разбросав силы по всему полуострову, Сципион пошел напрямик на Новый Карфаген.

Об этом походе Полибий пишет подробно и, что самое ценное, — со слов очевидца: между 168 и 160 годами до н. э. историк познакомился с человеком по имени Лелий, который долгие годы служил при Сципионе. Он происходил из «новых людей», то есть не из старой аристократии, а из тех, кто выдвинулся недавно. В истории Лелий ничем особенным не прославился: великий Сципион полностью затмил его (как, впрочем, и многих других). В 210 году до н. э. префект Лелий командовал флотом в Испании.

Флот, как указано выше, прикрывая армию Сципиона, двигался вдоль побережья. К Новому Карфагену морские и сухопутные силы римлян подошли одновременно. О том, сколько времени занял этот переход, историки спорят, но это, в принципе, и не важно.

Римский флот бросил якорь на рейде в узком заливе, на юге, а Сципион разбил лагерь на востоке от города. С запада и севера от Нового Карфагена находилась лагуна, ее воды служили естественной преградой, дополнительной перед городскими стенами.

Разумно предположить, что именно в этом наиболее защищенном месте Нового Карфагена будет находиться наименьшее количество солдат.

Сципион не поленился расспросить местных рыбаков, и те охотно выболтали ему, что лагуна неглубока и что по вечерам, когда направление ветра меняется, мельчает еще больше. Заменяв местных рыбаков на Нептуна, который с роковой неумолимостью явился ему во сне, Сципион поделился информацией со своими солдатами.

Это решило успех операции. Немногочисленный по сравнению с римской армией карфагенский гарнизон решился на вылазку, которую Сципион отбил, после чего город был атакован с востока.

Карфагеняне отразили первую атаку, и Сципион дождался вечера. В это время начался отлив. Римские солдаты с лестницами наготове ждали, выстроившись на берегах лагуны. Когда воды

отступили, открывая путь, суеверные римляне поверили, что наблюдают знак благоволения Нептуна и что их предводитель действительно находится в дружеском контакте с богами.

Вброд, по пояс, а то и по колено в воде, солдаты подобрались к стенам Нового Карфагена. Штурм шел со стороны стены и восточных ворот. На стенах вообще не оказалось никого, так сильно надеялись горожане на лагуну. Ворота удалось выломать довольно быстро, а городская цитадель сдалась совсем без боя.

Вообще история взятия Нового Карфагена остается своего рода загадкой, разрешить которую не получилось за две с лишним тысячи лет, и вряд ли удастся когда-либо. Этот город считался ключом к Иберийскому полуострову, основным оплотом карфагенян в Испании. Кроме того, это был своего рода «форт Нокс», там содержали золото и прочую ценную военную добычу плюс всех испанских заложников. То есть значение Нового Карфагена для пунийцев переоценить невозможно. Почему же настолько важный пункт имел исчезающе маленький гарнизон? Почему ближайшая армия, способная прийти ему на помощь, располагалась на расстоянии десяти дней пути?

Предполагают (и, видимо, это единственное разумное объяснение), что Новый Карфаген считался неприступным, в том числе благодаря лагуне.

Но неужели никто не знал, что лагуна мелкая, более того — что каждый вечер она мелеет еще больше? Сципион выведал это запросто, просто задав вопросы местным жителям. Римляне якобы стали свидетелями чуда, когда воды лагуны «отступили» перед Сципионом, однако как они умудрились не наблюдать его днем ранее? Ведь отлив случается ежедневно!

Почему на стенах, обращенных к лагуне, не оказалось защитников, которые должны были знать об уязвимости этого участка обороны? Почему Сципион, зная, что отлив будет вечером, начал атаку утром? Отбил бы вылазку карфагенского гарнизона и спокойно ждал бы себе сумерек, когда произойдет ежедневное «чудо»... Вопросов много, но ответов на них нет. Есть только подробное описание добычи, захваченной Сципионом в павшем городе: тут и катапульты, и военные корабли, невероятное количество золота и серебра, собранного за тридцать лет пунийского господства в Испании.

К людям, освобожденным в Новом Карфагене, Сципион отнесся милостиво: ему требовалось заручиться поддержкой местного населения. Все карфагенские граждане получили свободу. Заложники также были освобождены. Своим солдатам Сципи-

Великодушие Сципиона. Помпео Батони, 1771 г.

он запретил издеваться над пленными, хотя тем, очевидно, очень хотелось.

Далее Сципион дал повод для сюжета классической живописи «Целомудрие (великодушие, воздержание и т. д.) Сципиона» — на эту тему нарисовано едва ли не полсотни картин со времен Ренессанса до нашего времени; если не верите, можете сами посмотреть в интернете по запросу «Continence of Scipio».

Красавицу-испанку приводят на ложе победоносного полководца, тот, однако, с благородным негодованием отвергает всякую мысль о насилии над женщиной и приказывает отыскать ее родителей и жениха. Женихом оказывается «принц» из какого-то кельтиберского племени; спасенная красавица и ее суженый па-

дают к ногам милостивого победителя, который просит, в свою очередь, лишь одного — их дружбы по отношению к римскому народу. Все оглушительно рыдают.

Тем временем дело близилось к зиме. В Новом Карфагене был оставлен римский гарнизон, а Сципион отправился в Тарракон зимовать.

Его политика (включая «Целомудрие Сципиона») уже стала приносить плоды. Уставшие от карфагенского владычества испанские племена начали массово переходить к римлянам. Тяжелым ударом для Гасдрубала Барки стало предательство одного из испанских вождей — Индибилиса (в греческом написании — «Андобалы»). Еще недавно в качестве союзника карфагенян Индибилис помогал им уничтожить братьев Сципионов, но карфагеняне допустили ошибку, взяв его жену и детей в заложники, которых удерживали в Новом Карфагене. Сципион освободил их, и Индибилис сделал свой выбор, который в данной ситуации выглядел более чем разумно.

Гасдрубал отважился на решительный шаг: генеральное сражение здесь и сейчас, как можно быстрее, пока не все еще кельтиберы порвали союз с Карфагеном. В случае победы Гасдрубал соберет вокруг себя все верные Баркидам войска и рванется в Италию.

Сципион не возражал против большого сражения. Весной 209 года до н. э. он вышел из Тарракона с большим войском, к которому присоединились новые союзники. Зимой Сципион не терял времени даром и собирал силы. Теперь ему не терпелось попробовать их в действии.

На правом берегу Гвадалquivира, на труднодоступной скале, стояли войска Гасдрубала. Римляне подошли туда, и сражение состоялось возле Бекулы¹. Сначала Сципион засомневался: имеет ли смысл вообще штурмовать скалу? Но стратегия «промедления и затягивания», которая так хорошо работала в Италии в исполнении старого Фабия «Медлителя», здесь могла оказаться роковой. Пока римлянин «затягивает», к Гасдрубалу дойдут другой Гасдрубал и Магон со своими армиями, и тогда латинянам придется плохо.

Лелий ударил справа, Сципион — слева. Гасдрубал не успел развернуть войска и выстроить их в боевой порядок, когда римляне двусторонней атакой смяли их. Гасдрубалу не оставалось ничего, как отступить к долине Таго. Он уводил последних сло-

¹ Современный г. Байлен.

нов и остатки своей армии в сторону Пиренеев. Сципион не стал его преследовать: два других карфагенских отряда могли подойти на помощь Гасдрубалу в любой момент, а столкновение с таким многочисленным противником для римлян, скорее всего, оказалось бы фатальным.

Победа римлян при Бекуле произвела ошеломляющий эффект на испанских вождей. Они наперегонки рванулись присягать Сципиону на верность и даже провозгласили его царем. Известие об этом, в свою очередь, взорвало римский Сенат, который всегда стоял на страже демократии и слово «царь» воспринимал как неприличное и ругательное.

Отношения с Сенатом стремительно портились, однако Сципион, который и без того был запанибрата с богами, не слишком обеспокоился и на обращение «ваше величество» реагировал спокойно. Конечно, он предупреждал своих новых иберийских союзников о том, что *«титул царя, высокопочитаемый во всем мире, в Риме не признается»* (по выражению Тита Ливия), но, с другой стороны, он понимал: таким способом «варвары» выражали ему любовь и преданность. «Называйте меня лучше императором», — уговаривал их Сципион.

«Впрочем, — добавил Сципион, видя глубочайшее разочарование, отобразившееся на бородатых лицах новых союзников, — если вам так хочется, можете звать меня царем... только шепотом».

* * *

Император и царь — это совершенно разные титулы, хотя в нашем сознании они практически соединены, поскольку русские цари¹ называли себя императорами. Для нас что царь, что император — одно и то же. Для республиканских же римлян это несовместимые понятия. «Император» всего лишь почетное звание, происходящее от глагола *imperare*, означающего «приказывать, повелевать». «Монархический» оттенок это слово приняло два столетия спустя, уже при Октавиане Августе.

Формулировка «император Сципион» тогда звучала для римлян примерно как для нас «Лауреат Сталинской премии авиаконструктор С. Ильюшин» или «Герой Советского Союза летчик А. Покрышкин». Красиво, почетно, но не несет никаких политических коннотаций и не ассоциируется с официальными государственными должностями.

¹ Ирония, но русское слово «царь» производное от имени Цезарь.

* * *

Тем временем Магон и оба Гасдрубала соединились возле южных предгорий Пиренеев и обсудили ситуацию. А ситуация была сложная... Следовало хотя бы удержать нижнюю долину Гвадалквивира и Гадир-Гадес — выход в море. Гасдрубал, сын Гискона, забирает две армии, свою и Магона, и отправляется к Гадиру отбиваться от римлян, а Магон с остатками казны — на Балеарские острова, за наемниками.

Гасдрубал Барка возглавил тех кельтиберов, которые еще оставались на стороне Карфагена, и двинулся дальше к Пиренеям, а далее перешел Альпы. Романтически настроенные авторы утверждают, что он-де полностью повторил путь, проделанный его легендарным братом, но это сомнительно¹.

В Риме обо всем знали, только поделаться ничего не могли, разве что бессильно наблюдали за передвижениями Гасдрубала. Пунийцы в Галлии. Гасдрубал задабривает и вербует галлов в свою армию. Гасдрубал в долине реки По. Сюрприза для римлян у карфагенян не получилось, но ситуация от этого менее неприятной для римского Сената не становилась.

Ганнибал в Италии, как помним, оказался в своего рода ловушке, в Калабрии, откуда — ни туда ни сюда. Но появление в Италии Гасдрубала несло ему новую надежду. Нужно было просто продержаться еще немного.

В начале лета 209 года до н. э. римляне осадили Тарент. Чтобы Ганнибал не пришел на помощь этому городу, проконсул Марцелл (которому продлили полномочия) задержал его, навязав сражение. Ганнибала он застал возле Канузия², где карфагенянин вел активную пропаганду и уговаривал население принять его сторону. Ганнибалу не хотелось вступать в битву, однако Марцелл вынудил его отбиваться и в конце концов заставил отступить. Преследовать отходящих пунийцев Марцелл не стал — эта победа далась ему слишком тяжело.

Ганнибал поспешил к осажденному Таренту, но не успел: город уже был захвачен римлянами. Важную роль в падении Тарента сыграло предательство. В Таренте римляне захватили добычу, которая по богатству могла сравниться с сиракузской. Это было кстати, потому что казна Сената истощилась.

Карфагеняне отошли к Метапонту.

¹ В первую очередь ему никто не мешал двигаться вдоль побережья. Римский флот был занят где угодно, только не в Лигурийском море.

² Современный г. Каноса-ди-Пулья.

Война длилась слишком долго. Измучены были оба противника. Но римляне находили все новые и новые ресурсы, в то время как карфагеняне постоянно теряли людей и территории и ничем не могли заполнить образовавшиеся бреши.

Консулами 208 года до н. э. были избраны Марцелл (в четвертый раз) и Тит Квинтий Криспин.

Криспин отправился в Бруттий — сменить Фульвия. Марцелл, который засиделся в Ветузии — его бездействие вызывало недовольство среди римских политиков высшего эшелона, — вышел ему навстречу. Пора уже было дать Ганнибалу решающий бой и покончить с этой утомительной, надоевшей всем и каждому войной. Оба римских полководца встретились недалеко от Ветузии и встали там.

Ганнибал находился совсем близко. Обе армии разделяло небольшое пространство, где имелся чрезвычайно удобный холм. Там, среди деревьев, Ганнибал на всякий случай спрятал нумидийскую конницу.

И тут оба консула внезапно решили лично произвести разведку. Надо же посмотреть, где завтра состоится сражение! Лучше увидеть собственными глазами, а не слушать сбивчивые рассказы бестолковых солдат. Знамения были не то очень благоприятными, не то совсем неблагоприятными — жрец, производивший гадание по внутренностям жертвенного животного, подстраховался и был крайне невнятен хотя бы потому, что в случае дурного исхода шишки посыплются на него.

Но Марцелл уже принял решение. Прихватив двести всадников (среди них не было ни одного римлянина — одни этруски, люди исключительно преданные), Криспин и Марцелл, а также сын Марцелла — военный трибун — вышли из лагеря... и угодили прямо в объятия нумидийцев, ожидавших на холме среди зарослей. Криспин был тяжело ранен и едва сумел спастись; он скончался от полученных ран позднее. Спасся бегством и сын Марцелла — он также был ранен.

Марцелл, получивший удар копья в живот, погиб на месте. Таким образом, оба консула 208 года до н. э. практически одновременно пали на поле боя. Точнее, не успев даже толком вступить в бой.

Плутарх в своих «Сравнительных жизнеописаниях» говорит о Марцелле следующее:

«Никто и никогда не желал чего бы то ни было так страстно, как Марцелл — решительного сражения с Ганнибалом. Об одном

грезил он по ночам, об одном советовался с друзьями и товарищами по службе, об одном молился — о встрече с Ганнибалом на поле битвы <...> он обнаружил больше честолюбия и мальчишеской запальчивости, чем подобало человеку в его возрасте: ведь ему было уже больше шестидесяти, когда он стал консулом в пятый раз...

Ганнибал... узнав о смерти Марцелла, сам поспешил к месту схватки и, стоя над трупом, долго и пристально глядел на сильное, ладное тело убитого; с его губ не слетело ни единого слова похвалы, лицо не выразило и следа радости оттого, что пал непримиримый и грозный враг, но, дивясь неожиданной гибели Марцелла, он только снял у него с пальца кольцо, а тело приказал подобающим образом украсить, убрать и со всеми почестями предать сожжению, останки же собрать в серебряную урну и, возложив на нее золотой венок, отправить сыну покойного. Но воинам, выполнявшим это поручение, случайно встретились какие-то нумидийцы и попытались отнять у них урну, те оказали сопротивление, завязалась борьба, и кости рассыпались по земле. Когда об этом сообщили Ганнибалу, он промолвил: «Ничто не случается помимо воли богов», — и нумидийцев, правда, наказал, но не стал заботиться о том, чтобы останки вновь собрали и доставили в Рим, полагая, что какой-то бог судил Марцеллу столь неожиданно погибнуть и лишиться погребения».

У истории с кольцом Марцелла есть небольшое продолжение. Ганнибал забрал этот артефакт не для того, чтобы отправить его карфагенскому сенату в качестве похвалы: кольцом он запечатал письмо, адресованное жителям Салапии. Этот город Ганнибал несколько раз избирал для зимовки, но два года назад римляне его отбили. И вот салапийцы получили письмо как бы от Марцелла (и с его печатью) о том, что тот-де скоро прибудет. Криспин перед смертью, однако, успел сообщить о пропаже кольца. (Если подумать, то как он вообще об этом узнал? В сумятице боя, раненый? Учитывая, что Ганнибал снимал кольцо с пальца убитого уже после того, как битва была закончена...) История, прямо скажем, мутная, но можно предположить, что римлянам был известен обычай карфагенян забирать кольца у убитых римлян, занимавших высокий пост. Так что в Салапии могли знать просто о смерти Марцелла.

Ганнибал рассчитывал, что весть не дошла до Салапии так быстро. Первыми в город вошли те римляне, которые перешли на сторону карфагенян, — дезертиры и предатели. Жители Са-

лапии впустили их, как бы считая своими друзьями, а затем быстро закрыли ворота. С предателями расправились быстро и жестоко, а Ганнибал остался за городскими стенами.

Он не захотел штурмовать город и отошел к Локрам, где Магон отбивался от римлян. Как только Ганнибал очутился у стен, осада была снята. Там и были устроены зимние квартиры для карфагенских войск.

В Риме поспешно избирали новых консулов — на 207 год до н. э. Руководил выборами диктатор Манлий Торкват. С севера надвигался Гасдрубал с большой армией. Настроение в Риме было паршивое, основные кандидаты на должности отличались преклонным возрастом, — иными словами, следовало найти новое решение, причем срочно. Напрашивалась кандидатура Сципиона, но тот был занят в Испании, и ему продлили срок проконсульских полномочий.

В конце концов римляне избрали Гая Клавдия Нерона, человека пылкого и уже сталкивавшегося с карфагенянами в Испании. Вторым консулом стал Марк Ливий Салинатор, который был уже стар и долгое время находился не у дел, поскольку некогда обвинялся в злоупотреблении служебным положением. Салинатор не хотел принимать назначение, но его уговорили.

Основной стратегией римлян стало не допустить соединения двух братьев Баркидов. Поэтому Ливию Салинатору было поручено запереть Гасдрубала в Северной Италии, а Клавдию Нерону — удерживать Ганнибала на юге.

Гасдрубал вышел к долине По в конце весны 207 года до н. э. Этот переход дался ему гораздо проще, чем некогда Ганнибалу: он выбрал более простой маршрут и к тому же шел в теплое время года. Отдохнувшие, полные сил карфагенские солдаты выглядели слишком сильными противниками, поэтому римляне не стали связываться с ними в этой местности.

Дело обстояло для римлян весьма ненадежно. Оставались, правда, две римских колонии — Плаценция и Кремона; но на том и все. Местное население если не враждебное, то вероломное, опорных пунктов нет, коммуникаций тоже, любой путь мог быть перерезан карфагенянами в любой момент. Поэтому римляне сосредоточились на обороне северной границы Этрурии: их основной задачей стало не пустить пунийцев в Центральную Италию.

Знамена в Риме, что неудивительно, были сплошь неблагоприятные, боги ясно сигнализировали о своем недовольстве. Гасдрубал уже стучал в ворота Плаценции. К несчастью для

карфагенян, Плаценция оказалась крепким орешком, и Гасдрубал просто потерял возле нее время. Конечно, если бы ему удалось взять город, он получил бы массу преимуществ — от резкого повышения престижа карфагенской армии в глазах кельтов до получения отличного опорного пункта в этой местности. Но Планценция не сдавалась. Осенью Гасдрубал снял осаду и отправился дальше на юг.

Ганнибал, в свою очередь, понимал, что ему неизбежно следует двигаться на север, на соединение с братом. Но сначала следовало обеспечить тылы: нельзя оставлять без присмотра Бруттий, необходимо удержать Локры и Кротон — два порта, обеспечивающие связь с родиной, с Карфагеном. Из Карфагена, как Ганнибал не переставал надеяться, должно прибыть хоть какое-то подкрепление. А если война все-таки будет проиграна, то Локры и Кротон станут воротами к спасению остатков карфагенской армии.

Ганнибал собрал солдат из гарнизонов, оставленных по Калабрии, и с этими силами встал лагерем возле города Грумент¹.

К Грументу подошел Клавдий Нерон с легионами из Венузии. К нему же присоединился проконсул Фульвий Флакк с легионами из Бруттия. Сколько на самом деле людей собралось возле маленького Грумента — трудно сказать наверняка, но римлян определенно было больше. Сражение закончилось не в пользу Ганнибала, у карфагенян были серьезные потери, и они отошли к Венузии. Там разыгралось еще одно сражение, и снова пунийцы были разбиты.

Под покровом ночи, по горным тропинкам, Ганнибал уводил свое поредевшее войско к Метапонту. Там стоял карфагенский гарнизон, начальником которого был племянник Ганнибала по имени Ганнон. Этот гарнизон также влился в армию Ганнибала.

Ганнон был отправлен в Бруттий — ему предстояло забрать оттуда солдат и привести их к Ганнибалу в качестве подкрепления. Затем Ганнибал перешел в Апулию и разбил лагерь в Канузии.

Нерон решил соединиться со своим коллегой-консулом и стремительно двинулся на Пицен. Римские солдаты, когда ими хорошо командовали, были в состоянии передвигаться очень быстро и действовать уверенно. Без обоза, почти не останавливаясь, они шли днем и в темноте и довольно скоро добрались до лагеря Ливия Салинатора. Гасдрубал находился совсем непо-

¹ Ныне развалины в окрестностях современного г. Грументо-Ново.

далеку от него. Нерон применил хитрость: он не стал разбивать отдельный лагерь, а подселил своих людей в палатки к солдатам Салинатора.

Однако обмануть Гасдрубала не удалось: карфагеняне слишком хорошо наблюдали за противником и отлично видели прибытие второй армии. Более того, Гасдрубал сделал из этого факта неправильный вывод: он подумал, что брат его разбит и поэтому Нерон, освободившись от задачи сражаться с Ганнибалом, явился к Салинатору со своими людьми. Это вызвало у карфагенян приступ если не паники, то сильнейшего уныния.

Ближайшей ночью Гасдрубал увел своих людей на другой берег реки Метавр¹. Каковы были его планы в действительности — неизвестно, потому что, какие бы они ни были, Нерон их пресек. Проводники, которых нанял Гасдрубал, бежали. Карфагеняне заблудились и некоторое время бродили вдоль реки в поисках брода. Имея за спиной реку, то есть находясь в крайне невыгодной позиции, Гасдрубал вынужден был принять бой от Нерона.

Левым флангом римской армии командовал Ливий Салинатор, и на него обрушился основной удар карфагенян — поначалу это были слоны, а за ними рванулись лигуры, на вербованные совсем недавно, во время перехода через Альпы.

Другие союзники карфагенян, галлы, били по правому флангу римской армии, которым командовал сам Клавдий Нерон. Справа от Нерона находился холм, который затруднял маневры, поэтому консул отошел со своими людьми назад, миновал центр римской армии и пришел на помощь левому флангу. Там решил исход битвы — карфагеняне неизбежно должны были проиграть. Гасдрубал направил коня прямо в гущу сражения и пал с оружием в руках.

Клавдий Нерон вернулся в свой лагерь в Канузий и привез с собой отрубленную голову Гасдрубала. Этот ужасный трофей он приказал бросить в распоряжение карфагенской армии.

Множество воинов из числа африканцев — отборные солдаты карфагенян — были закованы в цепи. Солдаты Ганнибала отлично видели это. Но для верности Нерон отправил двоих освобожденных пленников в лагерь Ганнибала, чтобы те рассказали о случившемся в подробностях.

Ганнибал решил больше не искушать судьбу и со всеми оставшимися у него людьми отступил в Бруттий.

¹ Современная р. Метауро.

ГЛАВА XXV

Сципион: новая сила

Тем временем в Испании Сципион разбирался с остатками пунийских войск. Да, конечно, карфагенское влияние в Испании уменьшилось, но «остатки» его все же были весьма значительны: там доселе действовали Магон и Гасдрубал, сын Гискона, и у них до сих пор имелись существенные силы. Кроме того, они продолжали вербовать солдат.

Сципион же распоряжался всего четырьмя легионами, поэтому поспешно договаривался с местными вождями. Впрочем, он ни на минуту не забывал о том, что именно кельтиберы не так давно предали римлян и что их измена стала причиной гибели отца и дяди. Иберы ему были, конечно, нужны, но основные надежды он возлагал исключительно на свои легионы.

Генеральное сражение кампании состоялось на правом берегу Гвадалквивира, под Сильпией¹, недалеко от современной Севильи.

Войска Сципиона разбивали лагерь и еще не закончили работы, когда карфагенские конники во главе с Магоном и Масиниссой атаковали их. Сципион догадывался, что такое может произойти, поэтому работающих солдат прикрывали всадники, которые прятались за окрестными холмами. Когда нумидийцы напали, римские всадники вышли из-за холмов и встретили их с оружием в руках. Нападавшие тотчас отошли.

Несколько дней обе армии стояли друг против друга, изредка обмениваясь беспокоящими ударами. Сципион наблюдал и делал выводы. Он видел, например, что Гасдрубал обычно ставит

¹ Также Илипа, современный г. Алкалья-дель-Рио.

африканцев в центр своего расположения, что фланги он укрепляет слонами, и в ответ также расположил по центру самых лучших своих солдат, римских легионеров, а на флангах размещал иберийцев.

Поскольку события никак не развивались и все стычки происходили довольно вяло, людям позволяли выспаться и поднимали «на войну» довольно поздно. Так поступали в обеих армиях.

Это была игра, вроде «веришь — не веришь», где кто-то один должен был сделать неожиданный и решительный шаг.

Этот шаг предпринял Сципион. В один прекрасный день легионеры вскочили ни свет ни заря, кроме того, при построении легионеры заняли фланги, а иберийцы — центр. Сципион, таким образом, повторил «фланговый маневр» Ганнибала, который тот применил при Каннах. И это принесло успех.

Гасдрубал, сын Гискона, нашел спасение в Гадесе, а оттуда отправился в Африку.

В Карфагене выслушали его доклад и пришли к выводу: удержать Иберийский полуостров не получится и Магон там лишь теряет время и силы.

Баркиды проиграли. Враждебная им партия в карфагенском сенате высказала все, что накипело за минувшие годы. Сейчас потомкам Барки нечего было предъявить в ответ на бурные обвинения. Испания еще вяло сопротивлялась, пытаясь оставаться независимой от обеих держав, Карфагена и Рима, но ее судьба была решена: ей предстояло стать римской.

Сципион тем временем пересек Мессинский пролив, сделал своей базой город Регий, который все это время оставался верным Риму, и захватил Локры.

* * *

206 год до н. э. был для Ганнибала «никаким»: сам он оставался в Бруттии и ничего не предпринимал, а римляне его не трогали. Тит Ливий обращает внимание читателя на то обстоятельство, что за все эти годы, пока Ганнибал находился вдали от родины и вел сражения на чужой земле, в его армии ни разу не поднялся бунт. А ведь пунийские солдаты не только «морально разлагались» в Капуе, посещая игривых девиц и участвуя в пирах. Большую часть времени они проводили в тяжелых походах, часто в условиях нехватки продовольствия. Вопрос: почему они не бунтовали? Другой вопрос: каким образом Ганнибал, который практически не получал помощи с родины, столько лет

ухитрялся сохранять многочисленное войско и вести с ним все эти многочисленные битвы? Ливий объясняет данные обстоятельства «чудом»: видимо, Ганнибалу (которого тот же Ливий обвиняет в безбожии) помогали какие-то боги...

В самом же Карфагене вовсе не оставили затею отхватить кусок Италии. Ганнибал по-прежнему оставался полководцем, выполняющим волю своего правительства. А воля Карфагена была в том, чтобы давить на Рим изо всех сил. Гасдрубал разгромлен и погиб, Испания для Карфагена потеряна, это, конечно, сильно разочаровывало и давало поводы для пессимизма, но все же не настолько, чтобы отказаться от первоначальной идеи «карфагенского мира»¹.

Магон находился осенью 206 года до н. э. в Гадире, и туда пришел приказ из метрополии: забрать флот, на вербовать галлов и лигуров и идти в Северную Италию, поддержать Ганнибала в его одинокой борьбе.

Магон забрал все деньги, до каких дотянулся, включая казну союзных городов и те сундуки, что прислали ему из Карфагена. По дороге он попытался отбить у римлян Новый Карфаген, но эта затея провалилась. Оттуда он добрался до Ивисы (Ибицы), от Ивисы — к Майорке, но там ему были не рады, поэтому с Майорки Магон перешел на Минорику и там уже остался зимовать.

К весне 205 года до н. э. Магон располагал внушительным флотом из тридцати военных кораблей и множества грузовых. Двенадцать тысяч человек пехоты и две тысячи всадников были перевезены за один рейс к берегам Лигурии. Это была отлично организованная и проведенная операция.

Магон действовал уверенно и быстро. Он взял Геную (без особого труда), подтвердил давний союз карфагенян с одним из лигурийских племен, военную добычу оставил в крепости, корабли отослал в Карфаген — лишь несколько были использованы для защиты порта.

В Карфагене, определенно, Магон вызывал одобрение. Это вам не Ганнибал, который восхищал и одновременно с тем пугал; Магон был деловит и понятен. С родины ему прислали новое подкрепление. Лигуры и галлы из долины реки По приходили к нему десятками — всем им не нравились римляне. Еще

¹ Более того, с потерей Иберии Карфаген концентрировал оставшиеся силы, а Рим, наоборот, теперь вынужден был часть своих войск держать в Испании.

немного — и от Магона Риму придется ожидать неприятностей едва ли не больших, чем от его старшего брата, по-прежнему запертого в Бруттии (хотя и с армией, которая за все пятнадцать лет ни разу не взбунтовалась).

Но Магону не удалось встретиться с Ганнибалом в Италии. Римляне, перегруппировав войска, поспешно изолировали его. Магон простоял на месте почти два года. Летом 203 года до н. э. близ Медиолана¹ он решился наконец принять бой, но ему не помогли даже слоны. Магон сражался в первых рядах и получил тяжелое ранение в бедро. Несмотря на это он все же сумел отвести уцелевших солдат на лигурийское побережье и посадить людей на корабли. На корабле Магон и умер от полученной раны.

Ганнибалу же так и не удалось пробиться в Центральную Италию. Он не смог соединиться ни с Гасдрубалом Баркой, ни с Магоном. Да он и не предпринимал таких попыток, заранее понимая их тщетность. Он по-прежнему находился в Бруттии и от Карфагена не получал никакой поддержки.

Вместе с тем в Карфагене полагали, что военного присутствия Ганнибала и Магона на итальянской территории достаточно, чтобы внушить римскому Сенату здравую идею — пойти наконец с Карфагеном на переговоры и прекратить войну. Естественно, на приемлемых для пунийцев условиях. Неужели римлянам не надоело наблюдать за тем, как на их землях столько лет хозяйничают чужаки?

Римляне, однако, никак не могли прийти к единому мнению по данному вопросу. Конечно, война всем надоела, ведь она велась в Италии, да и вообще за эти годы произошло немало унижительного для Рима. С другой стороны — заканчивать перезатянутый конфликт миром на совсем уж невыгодных для себя условиях как-то не хотелось...

Тем временем молодой и инициативный Сципион предпринял довольно дерзкий рейд к берегам Африки. Это произошло летом 204 года до н. э.

Естественно, Сципион, как и Ганнибал, выискивал среди союзников противника слабое звено. Карфагену подчинялись, в той или иной форме, многие вожди и царьки; среди них легко могли найтись недовольные. Самым могущественным и желанным из таких перебежчиков был царь масилиев Масинисса. До сих пор он оставался верным союзником Карфагена. Кстати,

¹ Надеемся, что многие помнят это название со школьных времён: современный г. Милан.

Нумидия в эпоху Пунических войн III–II веков до н. э.

он был одним из тех, кто ответствен за гибель братьев Сципионов, Публия и Гнея.

Но с какого-то момента Масинисса, для которого, естественно, своя туника была ближе к телу, начал задумываться: на ту ли лошадку он поставил. В 206 году до н. э. Масинисса встретился со Сципионом в Гадире.

Отец Масиниссы, царь Гала, верный союзник Карфагена, как раз в это время скончался, поэтому Масиниссе требовалось вернуться на родину и принять бразды правления. Со Сципионом он достиг предварительной договоренности: когда римляне войдут в Африку, они могут рассчитывать на помощь.

Однако задерживаться в Испании Масинисса не мог: просто взять и занять опустевший после отца престол не получалось — следовало сперва разобраться с теми, кто на этот престол претендовал. Одним из них был Сифакс, еще один нумидийский вождь. Сифакса поддерживали в Карфагене, и он успешно захватил наследство Масиниссы. Тот бежал в Малый Сирт (Эмпории) и проводил часы на берегу моря, ожидая, когда римский флот придет к нему на выручку и поможет вернуть наследство.

Сифакс, кстати, тоже не был таким уж верным другом Карфагена: он, как и Масинисса (и даже еще раньше), поглядывал в сторону Рима. Посланники ездили туда-сюда и обменивались дарами, но вслух ничего не произносилось и решительные действия не предпринимались. Сифакс продолжал «официально» считаться союзником Карфагена.

Летом 206 года до н. э. Сципион вместе с Лелием прибыл в Сигу, столицу Сифакса. Ему требовалось переговорить с Сифаксом еще раз. Римлянин прибыл на двух квинквиремах. Это была не военная, а дипломатическая миссия.

Тем неприятнее оказался сюрприз: именно в тот момент близости обнаружились корабли Гасдрубала, сына Гискона. Гасдрубал как раз получил новое назначение — главнокомандующего в Африке. У него имелась информация о том, что Сципион предполагает завязать дружбу с Сифаксом, более тесную, чем это мог бы допустить Карфаген, поэтому Гасдрубал тоже направился в Сигу. «Неожиданная» встреча произошла в море, неподалеку от Сиги. Поскольку у Сципиона было всего два корабля, вступать в битву с карфагенским флотом означало для него самоубийство. Он решился на довольно смелый шаг и проскочил под носом у Гасдрубала прямо в гавань.

Теперь Сципион считался гостем Сифакса и к тому же находился на как бы нейтральной территории. Гасдрубалу требовалось доброе отношение Сифакса, он не стал рисковать и атаковать гостя нумидийского царя. Пришлось скрипеть зубами и терпеть. Согласно Ливию, Гасдрубал именно в тот момент понял, насколько хитрым и опасным противником может оказаться Сципион: «Карфагену надо думать не о том, что он потерял Испанию, а о том, как бы не потерять Африку», — думал Гасдрубал, наблюдая за бойким молодым римлянином.

А Сципион был доволен тем, как прошли его переговоры с Сифаксом. Более того, он возвращался в Новый Карфаген уверенный в том, что теперь-то нумидийский царь — союзник Рима. Сифакс тоже был удовлетворен: он не сказал ни «да», ни «нет». Ссориться с Карфагеном, который находился под боком и все еще оставался могущественной державой, не входило в планы Сифакса — что бы там ни воображал на сей счет молодой Сципион.

В Карфагене задабривали Сифакса как могли и в конце 205 года до н. э. выдали за него дочь Гасдрубала. Считается, что брак с молодой, умной девушкой лишил Сифакса остатков разума, и он решительно присягнул Карфагену на верность. Хитрая политика лавирования дала трещину: Гасдрубал сумел привязать Сифакса к Карфагену.

В конце 206 года до н. э. Сципион вернулся домой. Его популярность в народе была огромна, и консулом 205 года до н. э. называли именно его. От плебейского сословия вторым консулом был избран Публий Лициний Красс, обладавший баснословным

богатством. Красс был еще и верховным понтификом (жрецом Юпитера) и потому не имел права покидать родную землю. Поэтому вариантов не было: Красс получил задание разобраться с Ганнибалом в Бруттии, а Сципиону досталась Сицилия.

Сципион настойчиво предлагал перенести военные действия в Африку. Сенат, где должность принцепса (спикера) занимал престарелый Фабий Максим, был против. Максим, в частности, как принцепс имел право первым высказываться по любому вопросу. Вот он и высказывался: война слишком затянулась, хозяйства Италии в упадке, союзники Рима страдают, жертв чересчур много, всем все надоело и вообще доколе?! Надо бы просто выкинуть Ганнибала из Италии и на том успокоиться.

Фабию Максиму не нравился Сципион и все то, что он собой олицетворял: агрессивный молодой полководец, опирающийся на народ, популярный в собственной армии и стремящийся к расширению границ государства.

Фабий уныло напоминал о том, как провалилась попытка Регула действовать на территории врага. Сейчас не то время, возражал Сципион, и шансы велики: нумидийцы как союзники Карфагена ненадежны (тот же Масинисса), наемники склонны к бунту...

Сенаторы еще какое-то время торговались. Существовала опасность, что Сципион обратится напрямую к народу и проведет народное голосование (плебисцит¹). Поскольку в народе Сципион неизменно пользовался любовью, результаты возможного плебисцита были известны сенаторам заранее. Они пошли на компромисс и предложили Сципиону действовать на Сицилии. А там, если обстоятельства его вынудят, возможно... возможно и вторжение в Африку!

На Сицилии Сципион получил два легиона, набрал дополнительных солдат среди местных племен — сабинян, марсов, умбров, пелигнов; увеличил флот вдвое. Итальянские жители

¹ Первоначально плебисцитом называлось постановление, принимаемое народным собранием плебса. В патрицианской среде его аналогом считалось голосование по трибутным комициям. Первоначально предметом плебисцита был весьма ограниченный круг вопросов, в основном культового характера или, например, выборы народного трибуна (*tribunus plebis*). Однако уже с V в. до н. э. плебисцит постепенно становится общенародным голосованием, а список вопросов, выносимых на него расширяется. Окончательно статус общего голосования граждан Рима плебисцит приобретает с законом Публия в 339 г. до н. э. Форма, однако, осталась прежней: голосование проводилось по трибутным комициям (включая плебейские).

охотно помогали Сципиону в этом строительстве, присылая кто металл, кто материал на паруса, кто инструмент и продовольствие для солдат.

В 204 году до н. э. консулы были избраны новые, однако Сципион в должности проконсула остался при своей армии. Наместником Сицилии назначили претора Марка Помпония Матона — он был двоюродным братом Сципиона. Фабий продолжал в Сенате выступать против Сципиона, обвинял его в том, что тот самовольно отлучался из вверенной ему провинции, а ведь пока проконсула не было на месте, в Локрах произошло кровавое столкновение между легатом Племинием и его подчиненными. Разбирательством занялся Матон как наместник Сицилии. Он сделал все, чтобы обелить своего родственника.

Тем временем все лето 204 года до н. э. Сципион в Лилибее занимался подготовкой экспедиции в Африку. Сенат эту экспедицию не одобрял и предпринимал различные действия, чтобы помешать Сципиону, но тот упорно двигался к цели, и в конце концов от Сицилии отошла большая эскадра: около сорока боевых кораблей и множество вспомогательных.

Ядром армии Сципиона стали каннские ветераны. Сицилия была местом ссылки провинившихся; в частности, именно туда отправили солдат, которые опозорили Рим, допустив поражение при Каннах. Сейчас эти люди получили возможность «искупить кровью» и послужить Отечеству еще раз. Кроме того, они хорошо знали своего противника. Два легиона молодого Сципиона в значительной мере состояли из ветеранов Каннской битвы.

В числе подчиненных префекта флота Лелия (которого мы постоянно видим рядом со Сципионом) появился молодой квестор из плебейского рода Порциев — Марк Порций Катон. Он прославится в будущем и получит прозвание «Цензор».

Флот Сципиона шел на Эмпории (Малый Сирт) и на утро третьего дня приблизился к некоему мысу. Сгустился туман, стемнело. Корабли бросили якорь в море, не решившись пристать к незнакомому берегу. Утром туман разошелся — оказалось, что лоцманы сбились с пути, и перед римлянами открывалась совершенно неожиданная для них панорама Карфагенского залива. С точки зрения римлян это была воля богов, которые, помимо желания полководца, направили сюда его корабли, чтобы осадить Утику.

Против римских богов Сципион никогда не выступал, тем более что они плохого ему никогда не советовали. Какова была истинная причина подобного поступка — скрыто завесой

того же тумана, но вероятнее всего, Сципион спланировал эту вылазку заранее, просто не оглашал конечный пункт назначения прежде времени.

В Карфагене обо всем узнали и приняли меры: ворота заложили, выставили стражу на стены. Гасдрубал, сын Гискона, получил задание — набрать новых ополченцев для защиты города. Ожидался подход подкрепления от нумидийского царя Сифакса.

Тут на арене боевых действий появляется очередной Ганнон. Определить, кем он был, не представляется возможным. (Вообще, по статистике судеб Ганнонов в Пунических войнах можно сделать вывод, что это имя было все-таки «неудачливым».) Этот «новый» Ганнон не стал исключением: римская конница отбила атаку, предпринятую (видимо, на свой страх и риск) Ганноном, а самого его убила.

Лагерь римлян находился под стенами Утики. Еще один Ганнон (сын Гамилькара) двинулся на римлян, по пути усилился за счет нумидийцев и разбил свой лагерь в двадцати километрах от Сципиона.

Сципион, в свою очередь, тоже получил помощь — от конников Масиниссы. Пусть и незначительная, но эта подмога отнюдь не помешала. (Масинисса к тому времени был изгнан царем Сифаксом и привести с собой много людей просто не имел возможности.)

План был прост, но сработал: Масинисса должен выскочить со своими всадниками, привлечь внимание, выманить карфагенян из засады, потащить их за собой — а дальше дело довершит римская конница, которая ударит им в тыл, когда те увлекутся погоней.

Карфагеняне действовали так, будто никогда сами не устраивали подобных ловушек. Погибло несколько тысяч человек — в том числе Ганнон.

Утика была осаждена. С моря город блокировали римские корабли. На холме, который господствовал над местностью, Сципион разместил осадные орудия (все это на кораблях доставили еще с Сицилии).

Сорок дней осады, однако, ни к чему не привели: город держался, а тем временем на римлян с обеих сторон надвинулись карфагеняне во главе с Гасдрубалом и Сифаксом. По сообщениям древних историков, численность этих армий была «необозримой». Близились зима. С двух сторон наступали враги. Впереди — Утика и море. Оказаться в осаде самому не входило в планы Сципиона, поэтому он отошел к востоку, нашел удобный мыс и там поставил

надежный римский лагерь, больше похожий на город. Это место довольно долго называлось потом «Кастро Корнелия».

Утика оставалась карфагенской. Римская армия засела на мысу в «Кастро Корнелия»¹ и, если смотреть на вещи объективно, сама была осаждена. Кони Гасдрубала и Сифакса топотали буквально в десятке километров. Снабжение кое-как осуществлялось по морю, но добраться с грузом до Африки было непросто.

В Риме обсуждали: продлевать ли полномочия Сципиона? А то весной 203 года до н. э., согласно закону, ему стоило бы бросить армию и уезжать домой. Наконец решили утвердить Сципиона в качестве главнокомандующего. Пусть остается пока в Африке.

Тем временем Сципион обдумывал, как ему со всем этим быть. Полибий утверждает, что он носился с идеей переманить к себе Сифакса, нарушив его нежную дружбу с Карфагеном. Для начала он принялся шептаться с царем массилиев. Сифакс активно хотел «мира». Портить дружбу с Карфагеном или ссориться с Римом — и то, и другое было для него крайне невыгодно. Поэтому он предложил: а давайте римляне выведут свои войска из Африки, а карфагеняне без боев уберутся из Италии? И все будут довольны.

Ганнибал все еще находился в Италии, он был заперт в Бруттии и выбраться не чаял. Римские сенаторы (не говоря уж о римском народе) от войны устали, и это очень мягко сказано. Правда, римлянам в качестве очень жирного и сочного утешительного приза доставалась вся Испания.

Поднятую тему стоило по крайней мере обсудить.

Сципион все это понимал, но ему нужна была победа, а не просто мирный договор. Поэтому, пока все рисовали себе радужные перспективы мира, Сципион потихоньку разведывал, как устроен лагерь врага и где там слабые места. В частности, он уже знал, что нумидийцы предпочитают ночевать в тростниковых шалашах, им нравится простор, поэтому шалаши они ставят за пределами лагерных укреплений. С карфагенянами обстояло посложнее, их хижины были сложены из бревен² и стояли за ограждениями.

Посланники, которые обсуждали возможности мира, переходили из одного лагеря в другой. С ними перемещались и рабы, на которых никто не обращал внимания. В частности, почему-то

¹ Дословно «Лагерь Корнелия». Напомним, что полное имя командующего Публий Корнелий Сципион.

² На тот момент Тунис был отнюдь не пустыней, послужившей местом съёмок Татуина, а местностью достаточно плодородной, напоминавшей далёкую прародину карфагенян Ливан.

никому в голову не пришло, что среди «рабов» могут затесаться разведчики. А они там были, докладывая затем Сципиону — где и что в лагере противника устроено.

В конце концов Сципион принял решение: атаковать одновременно оба лагеря и палатки там сжечь.

Весной все было готово для этой акции. Сципион прервал переговоры, сказал, что, пожалуй, продолжит войну, снял с якоря свой флот и поставил пехоту на холмы, которые возвышались над городом.

Карфагеняне принялись соображать, что означают все эти маневры. К ночи римляне выступили. Лелий с римскими легионерами и Масинисса с его людьми для начала зажгли лагерь Сифакса. Пока там царила паника, легионеры напали на Гасдрубала и устроили пожар и у него. Погибло много солдат, но оба военачальника спаслись.

В этой операции римляне практически не потеряли ни одного человека, а вот у неприятеля потери оказались существенными.

Гасдрубал и Сифакс спешно набирали новые войска. В конце весны 203 года до н. э. на расстоянии пятидневного перехода от Утики, на Великих равнинах, их тридцатитысячная армия заняла позицию. Сципион, которому требовалась убедительная и красивая победа, со своими легионами подошел туда. Несколько дней он изучал обстановку, то и дело вспыхивали обычные в таких случаях мелкие стычки с противником, а затем произошло большое сражение.

Сципион ничего не изобретал, он традиционно поставил конницу на фланги: на левый Масиниссу, на правый — своих римлян, а центр «зацементировал» римскими легионами. У Гасдрубала в центре стояли кельтиберы, которые пришли с ним из Испании. Испанцы были единственные, кто выдержал натиск римских легионов, но все, чего они добились, — это дали возможность своим военачальникам организовать более-менее сносное отступление. Сципион победил.

В Карфагене были сделаны неутешительные выводы: дело плохо, Утика под ударом, но что еще хуже — в опасности сам стольный град Карт-Хадашт. Что делать? Ну разумеется, вызывать Ганнибала из Италии в качестве пожарной команды!

Тем временем Лелий и Масинисса преследовали Сифакса, который бежал после поражения в Нумидию. Он потерял большую часть своих владений, но еще «трепыхался»: набрал каких-то солдат с бору по сосенке (обучить их времени уже не было) и с этим сбродом (в буквальном смысле слова) двинулся на римлян.

Недалеко от нынешнего алжирского города Константина (Цирта у древних авторов) в иконе произошло плачевное сражение. Кое-как подготовленная конница Сифакса превосходила римскую численностью, но имела место также римская пехота, и вот этого удара солдаты нумидийского царя уже не выдержали. Они отступили. Сифакс пытался их собрать и развернуть к врагу, но тут под ним убили коня, и сам он угодил в плен.

Масинисса, хорошо знавший свой народ, предложил римлянам продемонстрировать закованного в цепи Сифакса всем масилиям. После этого они сдадутся, сказал он.

Зрелище действительно произвело впечатление — Цирта раскрыла перед победителями ворота. Сифакс провел остаток жизни в неволе у римлян¹, охотно признав себя глупцом, который зачем-то выступил против владык мира. Впрочем, свою «глупость» он объяснял тем, что карфагеняне заморочили ему голову.

Сципион выстроил своих солдат и нумидийских воинов и перед всеми объявил царем Нумидии Масиниссу.

¹ Прожил он, впрочем, недолго. Согласно большинству авторов, между триумфом Сципиона и смертью Сифакса прошло около года.

ГЛАВА

XXVI

В ожидании Ганнибала

В Карфагене тем временем настроение упало ниже нулевой отметки. Сенат сотрясался от криков. Тунет¹ сдался Сципиону, сам Карфаген находился в осаде, римляне приближаются.

Баркиды выдвинули предложение: а давайте начнем с римлянами переговоры, затянем их подольше, дадим Ганнибалу время вернуться из Италии? Когда Ганнибал вернется, разговор будет уже другой, а пока надо бы потянуть.

И летом 203 года до н. э. группа карфагенских сенаторов отправилась в Тунет. В Тунете с комфортом расположился Сципион. Войдя к нему, послы пали ниц. Сципион был римлянин и республиканец, его потрясло такое самоуничижение... Карфагеняне не скупились на слова. Они признают свои ошибки. Но это все Ганнибал. Это он развязал войну. Баркиды тоже постарались. Баркиды виноваты во всех несчастьях. Нельзя, однако, заставлять целый народ платить за неосмотрительность одного только рода, пусть даже такого знатного, как род Барки. Сципион же известен своим благородством и милосердием — ну и так далее.

Сципион выдвинул свои условия: Карфаген возвращает Риму всех, кого захватил в плен или обратил в рабство — раз; выводит из Италии войска — два; отдает Риму Испанию без разговоров — три; также Балеарские острова — тоже Риму; сдает весь военный флот, выплачивает титаническую контрибуцию и обеспечивает римскую армию хлебом.

В общем и целом притязания были непомерны, повергая Карфагенскую империю во прах, тлен и разорение. В первую оче-

¹ Современный г. Тунис.

редь потому, что Сципион не мог не понимать: если ему ответят отказом, он ничего противопоставить Карфагену не сможет. Римлянин просто не располагал достаточными ресурсами для того, чтобы взять такой огромный город, как Карфаген. Укрепления пунийской столицы выглядели (и были!) неприступными. Конечно, после падения Тунета и Цирты Карфагену неоткуда ждать помощи, но сказать, что он будет легкой добычей, было бы преждевременно. Лучше уж отрубить Карфагену руки, лишив его флота, и запереть в Африке. Хотя бы на время.

Но... Карфаген внезапно согласился.

Осенью 203 года до н. э. делегация из Африки прибыла к Риму. В сам город представителей враждебного государства не пустили, переговоры происходили на Марсовом поле.

Карфагеняне настаивали на том, что во всем виноват Ганнибал. Это он, мерзавец, все придумал! Это его коварными происками разорена цветущая Италия и ее обитатели оставлены без штанов! Какое ужасающее, немыслимое самоуправство! Ой вэй!

Римляне озадаченно переглянулись, поскольку с термином «штаны» в массе своей знакомы не были.

Мы помним, что еще раньше вставал вопрос: от чьего лица действовал Ганнибал, ведя войну сначала в Испании, а потом в Италии. На свой страх и риск он предпринял все эти походы или же оставался «официальным» полководцем, представителем своего правительства и своей Родины? Сейчас Карфаген изображал дело так, что Ганнибал — это авантюрист-одиночка, за чьи безответственные выходы не должен расплачиваться миролюбивый пунийский народ¹.

В ответ летели привычные обвинения в «пунийском вероломстве». И, в общем, определенная доля вероломства имела место: карфагеняне не только торговались из-за мирного договора, но и зорко смотрели по сторонам. Они довольно быстро поняли, что у Сципиона в Риме есть противники, в первую очередь — Сервилии из Альба-Лонги. В 203 году до н. э. консулами стали два Сервилия — Цепион и Гемин. Окончательное решение касательно переговоров должен был принять кто-то из консулов. Ждали приезда Гемина, он застрял в Этрурии, но должен был вернуться с минуты на минуту. Цепиона вызывать не стали, он следил за Ганнибалом в Бруттии, не стоило отвлекать его от этого важного занятия.

¹ Не следует также забывать, от чьего имени выступала карфагенская делегация. В Новом Городе торжествовали противники Баркидов.

Без Гемина ничего не решится, сказали Сервилии. Соратник Сципиона, Квинт Цецилий Метелл, напротив, настойчиво напоминал Сенату о том, что только убедительные и яркие победы Сципиона сделали вообще возможной эту ситуацию, в которой Рим диктует Карфагену условия мирного договора.

В конце концов Сенат объявил, что никаких переговоров не будет, пока карфагеняне топчут римскую землю. Пусть сначала надоевший хуже горькой редьки Ганнибал покинет Италию. Немедленно! Бегом!

В начале 202 года до н. э., зимой, договор был наконец одобрен, а Ганнибал выступил из Бруттия. У него имелись какие-то грузовые корабли, но их определенно не хватало для того, чтобы погрузить всех, поэтому пришлось спешно строить новые.

С Ганнибалом отплывали и его африканцы. Италийцы, которые переходили на сторону Карфагена, идти с разбитым полководцем в Африку отказались. Ливий утверждает, что Ганнибал приглашал их к себе небольшими группами — «поговорить», те доверчиво приходили, и тут их истребляли. История сомнительная.

Наконец карфагеняне отбыли. Ганнибал ступил на землю Африки, которую покинул много лет назад.

Его войска разбили лагерь в Гадрумете¹, недалеко от места высадки. Ганнибал не торопился в Карфаген. В сенате заправляла враждебная ему группировка, которая отчасти была повинна в том (как он сам считал), что план захвата Италии провалился. Разумеется, Ганнибал не мог не знать и о том, что на него повесили всех собак за минувшую войну. Короче, дома все обстояло достаточно проблематично, поэтому он оставался в Гадрумете.

Весной 202 года до н. э. Карфаген, не задумываясь, нарушил перемирие, ради которого пустился на такие унижения. Римляне, кстати, с презрением припомнили «коварным пунийцам», как те падали ниц. Но смутить этим карфагенян не удалось².

Из Сардинии и из Сицилии отбыли два каравана с продовольствием. Они предназначались для Сципиона. Один благополучно добрался до места назначения, а вот второй угодил в шторм, корабли разметало, они терпели бедствие. И произошло это пря-

¹ Современный г. Сус.

² «Ничего личного, только бизнес». Готовность терпеть унижение ради выгоды была чертой пунийцев, всегда удивлявшая римлян и за которую те презирали карфагенян. По словам Плутарха: «Карфагеняне жестоки и высокомерны, но смиренны в несчастье».

мо на глазах у жителей Карфагена, а там уже очень плохо обстояли дела с пропитанием. Корабли со всем погруженным на них добром тонули на глазах у домовитых потомков финикийских купцов. Гасдрубал не выдержал, снарядил пятьдесят военных кораблей и двинулся к погибающим римским транспортам. Захватив их, он привел их в порт и разгрузил.

Сципион сидел у себя в Тунете и ждал вестей. Два известия пришли к нему одновременно: во-первых, из Рима — Сенат одобрил мирный договор с Карфагеном; во-вторых, из Карфагена — Карфаген только что нарушил мирный договор.

Сципион предложил разрешить недоразумение: давайте вы вернете нам то, что захватили, а мы закроем на случившееся глаза?

Но карфагеняне уже знали, что Ганнибал в Африке, поэтому римлян засыпали насмешками, а на обратном пути чуть не убили.

Сципион начал готовиться к войне: отправил людей к Масиниссе, приказав собирать войска, и прошелся по богатой хлебной области, разграбив ее почти дочи́ста.

В Гадрумет явились «ходоки», умоляя Ганнибала спасти их от супостата. Ганнибал выступил в район Замы. Зама находится где-то в пяти днях пути от Карфагена, на запад¹.

Сципион шел на соединение с Масиниссой. Причем вестей от нумидийского царя он не получал и действовал, скорее, наугад, сильно рискуя. Ганнибал пытался вклиниться между союзниками и не дать им соединиться. Возможно также, что Ганнибал хотел напасть на Масиниссу раньше, чем тот встретится со Сципионом. Это было бы логично.

У Замы Ганнибал остановился и выслал разведчиков, а те быстро попались римскому сторожевому отряду. Сципион же позволил захваченным пунийским лазутчикам осмотреть лагерь и затем отпустил, чтобы те рассказали своему господину обо всем, что увидели.

Ганнибал, согласно преданию (и не исключено, что на самом деле), почувствовал личный интерес к этому римлянину и попросил о личной встрече.

Почему? Зачем? Из любопытства? Он мог разбить Сципиона, у которого на тот момент еще не было нумидийской конницы, и встретиться с ним уже после битвы.

Эпизод личной встречи двух великих полководцев дал сюжет для множества пафосных живописных полотен и гобеленов. Разговор состоялся с глазу на глаз.

¹ Наиболее вероятно современный посёлок Джама.

EX ARCHETYP0 RAPHAELIS VRBINATIS
QVOD EST APVD THOMAM CAVALENIVM PATRICIVM ROMANO
EXCVDEBAT ROMAE ANTONIVS I. AFREZIVS TROVANI

Битва при Заме. Гравюра, Корнелис Корт, 1567 г.

Карфаген находился в крайне невыгодной ситуации. Даже в случае победы он мог бы рассчитывать лишь на освобождение своей территории от присутствия вражеской армии. В случае победы Рима Карфагену пришлось бы полностью подчиниться победителю.

Полибий утверждает, что Ганнибал взывал к милосердию Сципиона. Мы знаем, что Полибий общался с ветеранами той войны, поэтому его данные могут быть — с оговорками — достоверны.

Но Сципион отказался «проявить милосердие» и заявил, что Карфаген должен склониться перед Римом, подписать, собственно говоря, акт о безоговорочной капитуляции или же «предоставить суд оружию», то есть вступить в битву.

Тем временем Масинисса явился и привел четыре тысячи всадников и шесть тысяч человек пехоты. На этом любые «переговоры» можно было считать законченными. Возможно, Ганнибал знал о своей армии или о своей родине что-то, чего не знал Сципион, и именно поэтому попросил о личной встрече. Это навсегда останется тайной.

Сципион перенес лагерь в место под названием Маргарон (Нараггара)¹. Где это и как оно в точности называлось — определить не удастся. В любом случае историческое сражение называется «битва при Заме».

В конце лета или в начале осени 202 года до н. э. произошло это сражение. Единственным преимуществом карфагенян были слоны — восемьдесят боевых слонов, расположенных впереди боевого строя. За ними стояли наемники, а вторую линию карфагенского строя образовали ливийцы и солдаты Гасдрубала. Наконец чуть в стороне, в резерве, разместилась «старая гвардия» — ветераны италийской кампании, прибывшие вместе с Ганнибалом из Бруттия. Сам он также находился среди этих проверенных людей.

Конница заняла фланги: слева — нумидийцы, справа — карфагеняне.

Ганнибал не имел возможности повторить «Канны» — на это у него не хватило бы сил, но он собирался сдержать римскую конницу и прикрыть хотя бы старую гвардию. Пехота должна была

¹ Маргарон согласно Полибию, Нараггара — Титу Ливию. Интересно, что во всём, кроме названия, Ливий практически дословно повторяет Полибия. Топоним являлся довольно распространённым в карфагенское время.

вступать в бой постепенно: сначала слоны освобождают путь наемникам, потом идут наемники, следом — ливийцы. Если удастся заставить римлян отступать, отборные части карфагенской пехоты довершат разгром. Каждый новый удар, таким образом, будет сильнее предыдущего. Ну а если ничего не получится — Ганнибал сохранит свои лучшие войска и сумеет с их помощью организовать отступление.

Сципион выстроил войска ровно так, как в учебнике по римской тактике: гастаты — принципы — триарии, классический манипулярный римский строй. Однако кое-какое новшество, применительно к новым условиям, он внес: оставил между манипулами «коридоры» — пространство для прохода слонов. Конница традиционно заняла фланги: на правом Масинисса, на левом — Лелий. Часть солдат Масиниссы остались в резерве, позади строя.

Слоны оказались плохо управляемы и предпочли пробежать по пустому пространству, а не ломиться на людей с копьями. Римские конники довольно быстро обратили в бегство кавалерию противника и пустились за ней в погоню.

Столкновение первых линий пехоты привело к тому, что римляне прорвали карфагенский фронт, ряды сражающихся смешались, и началась свалка. Беспорядочные схватки смещались все ближе к тому месту, где находился резерв Ганнибала — его старая гвардия. Он спешно разделил ее надвое и выставил по флангам. Ему удалось избежать полной неразберихи.

И если бы бой продолжался на прежних условиях, то есть пехота против пехоты, все могло бы еще закончиться для Карфагена не худшим образом. Но в разгар боя Лелий и Масинисса вернулись: они прекратили преследование противника и набросились на «старую гвардию» Ганнибала с тыла. Скоро от этих отборных солдат, прошедших огонь и воду, фактически ничего не осталось¹.

Ганнибалу удалось спастись с маленьким отрядом всадников. Он направился в Гадрумет².

¹ Некоторые комментаторы критикуют Ганнибала за слишком сентиментальное отношение к ветеранам, полагая, что даже неудачная контратака резерва была бы полезнее, чем его бездарная потеря. Более важным, как нам кажется, является то, что недооценка угрозы с тыла уже показывает утрату видения сражения и, как следствие, начало потери связи и управления войском. В этом случае отдельные даже успешные маневры и вылазки не могут переломить общего течения сражения.

² Интересно, что одна из возможных этимологий названия Гадрумет — «место смерти».

Смысла возвращаться в Карфаген уже не было: карфагенский сенат сильно не одобрял военные поражения, а неудачливых полководцев (особенно таких, кто имел много политических противников) предпочитал распинать. В Гадрумете Ганнибал высидел какое-то время, пока партия его сторонников, очевидно, не подготовила почву для его возвращения.

Ганнибал не видел родной город тридцать шесть лет. Тем горше было ему отчитываться перед советом старейшин в поражении: война была проиграна, придется соглашаться на мир с Римом, причем на любых условиях, какие предложит победитель.

Сципион умел не только побеждать, но и «пользоваться победой». Он аккуратно очистил брошенный лагерь карфагенян от всего полезного, прихватив с собой фураж и оружие, затем добрался до Утики и оттуда морем направился в сторону Карфагена.

Римский флот был перехвачен эффектно украшенным кораблем карфагенских послов: это судно было все в цветах и лентах, на его борту находились важные сановники, в том числе старый интриган Ганнон и некий Гасдрубал Гед. Сципион предложил вернуться в Тунет и там поговорить по душам.

Как помним, Ганнон был главным противником Баркидов и вдохновителем «партии мира». Не такого «мира» хотел Ганнон, но после поражения выбрать не приходилось.

Сципион устроил «стол переговоров» в своем старом военном лагере, в Тунете, где ему все было знакомо: здесь была его территория, и он чувствовал себя уверенно. Пунийские сановники мялись, краснели, ковыряли землю носком сапога и из последних сил пытались сохранять лицо. Сципион поливал их презрением, напоминая о пресловутом «пунийском вероломстве», о том, как они тянули время и ждали возвращения Ганнибала; он выкатил им все претензии, какие у него накопились.

Поражение под Замой позволило римлянину продиктовать условия, которые фактически означали римский протекторат. Карфаген отныне был ограничен во внешнеполитической деятельности — она регулировалась Римом. Если Карфагену хочется с кем-то воевать, он должен получить у Рима разрешение. Причем касалось это военных действий не только за пределами Африки, но и в самой Африке.

Флот Карфагена уничтожался. Десять трирем, которые Рим «милостиво» оставлял побежденному, были чем-то настолько несущественным, что о них и говорить-то не стоило. Слонов римляне решительно забирали. Контрибуция была настолько

большой, что выплачивать ее Карфагену пришлось бы в течение пятидесяти лет. Сто знатных карфагенян отправляются в Рим заложниками. Ну и корабли с грузами, захваченные у римлян год назад, тоже придется вернуть.

Помимо прочего, римляне ограничили территориальные владения Карфагена: позволено было сохранить лишь те земли, которые принадлежали ему до начала войны. Эти границы оказались не четко определенными, и сами римляне тоже не были в состоянии указать их. Так, своему союзнику Масиниссе римляне отдавали территории нумидийских масилиев, которые были захвачены Карфагеном, — но какие точно земли, до каких пределов они простирались? В этой неопределенности изначально была заложена возможность для грядущих конфликтов, которые в какой-то момент стали для Карфагена фатальными.

Ливий описывает драматическую сцену, разыгравшуюся в Совете старейшин Карфагена. Послы вернулись с мирным договором, для Карфагена тяжелым и позорным, и огласили его. Сципион, действовавший «добрым словом и оружием», в общем, мог не сомневаться в том, что за мир, даже такой, Совет старейшин выступит единогласно. Ганнибал был в ярости, но ему приходилось молчать. Действительно, «за» высказались все, кроме некоего Гискона, который пафосно потребовал во что бы то ни стало продолжать борьбу.

И тут Ганнибал взорвался. Он схватил Гискона за шиворот и отшвырнул. Полководца призвали к порядку; в ответ он проворчал, что он «грубый солдат» и ему не до хороших манер. А вообще, добавил Ганнибал, стоит быстро соглашаться на предложенные условия, пока они не стали еще хуже.

В 201 году до н. э. Сципион все еще оставался проконсулом Африки, и все сухопутные силы подчинялись именно ему. В Риме, как ни парадоксально, мирным договором остались не вполне довольны. Лучше бы вообще стереть Карфаген с лица земли, чем давать ему какую-то возможность дышать. Спорили долго, но в конце концов все-таки договор утвердили. Карфагеняне выпустили римских пленников.

Миссия Сципиона в Африке была завершена. В порту города Утика он погрузился на корабли, забрав с собой четыре тысячи человек, томившихся в пунийском плену. Вместе с добычей Сципион привез в Рим свое новое прозвище — Африканский. Ливий утверждает, что Сципион был первым из римских военачальников, кто получил прозвание по имени побежденной им страны.

На африканском берегу пылал карфагенский флот. Тит Ливий передает историю, случившуюся вскоре в карфагенском сенате, где крупные землевладельцы слаженным хором оплакивали свое имущество: скоро им предстояло сделать первые выплаты по погашению Риму колоссальной контрибуции.

«В карфагенском сенате скорбели и плакали. Ганнибал, рассказывают, засмеялся, — сообщает Ливий. — И Гасдрубал Козленок (Гед) упрекнул его: он смеется над общим горем, а сам ведь и виноват в этих слезах.

„Если бы, — отвечал Ганнибал, — взгляд, различающий выражение лица, мог проникнуть и в душу, то там стало бы ясно, что этот смех, за который вы меня укоряете, идет от сердца не радостного, а почти обезумевшего от бед. Пусть он не ко времени, но все-таки лучше, чем ваши глупые и гнусные слезы. Плакать следовало, когда у нас отобрали оружие, сожгли корабли, запретили воевать с внешними врагами — тогда нас и ранили насмерть... А мы лишь в той мере чувствуем общее бедствие, в какой оно касается наших частных дел, и больше всего нам денежные потери... Боюсь, скоро вы поймете, что сегодня плакали над самой малой из наших бед!“»

Может показаться парадоксальным, но именно Сципион способствовал тому, чтобы Ганнибал не подвергался преследованиям со стороны своих соотечественников. И причина была не только в личном уважении, а в первую очередь в том, что Ганнибал обладал здравомыслием, которого, очевидно, были лишены многие его сограждане. В любом случае Ганнибал «исчезает из поля зрения» на несколько лет — он не арестован, не ведет боевых действий, не выступает в сенате... Сказать точно, где он находился и чем занимался, невозможно.

В 196 году до н. э. он был избран суффетом¹ Карфагена — главой исполнительной власти. На этом посту Ганнибал занялся «чисткой кадров» — устранением противников Баркидов. Для начала он потребовал финансовый отчет от какого-то магистрата. Магистрат этот был Баркидам враждебен и, здраво поразмыслив, «приглашение» суффета отклонил. Ганнибал мгновенно арестовал его

¹ Название двух главных должностных лиц в Карфагене, соответствующих римским консулам. В отличие от последних являлись представителями не только исполнительной, но и судебной власти. В Риме судебная власть также делегировалась преторам, а вопросы смертной казни решались народным собранием.

и созвал народное собрание. На собрании он высказал обвинения в адрес данного магистрата и судейского сословия в целом. В собрании эта речь вызвала всеобщее одобрение, и вот уже принято решение: судьи будут избираться каждый год заново, причем два срока подряд не разрешается становиться судьей никому. Иными словами, мы видим, как Ганнибал в должности суффета манипулирует народным собранием и в обход высшей знати принимает важнейший закон. Сенат фактически лишается реальной власти.

*Бюст Ганнибала, найденный
при раскопках в Капуе*

Со стороны Ганнибала это был политический ход: ему следовало что-то делать

с людьми, которые почти полвека не давали Баркидам проводить свою политику, мешали их завоеваниям, не присылали подкрепление и, пока те сражались на чужбине, строили против них козни на родине. Ганнибал рассчитывал переложить на этих богатых людей основное бремя контрибуционных выплат.

Найти повод для того, чтобы облегчить личную казну знатных граждан Карфагена, оказалось проще простого. Любой из них так или иначе был неизбежно замешан в махинациях, причем некоторые — в весьма масштабных. Главным источником несправедливого дохода являлись земельный налог и морские пошлины. Деньги, которые должны были поступать в государственную казну, текли в закрома влиятельных политиков. Достаточно было проверить одну финансовую ведомость — как разоблачения хлынули буквально рекой. Ганнибал объявил перед народом: если вернуть суммы, присвоенные олигархами за последние годы, то легко можно выплатить Риму все положенные средства — и не придется облагать для этого дополнительным налогом простых граждан.

Иными словами, он пообещал карфагенскому народу покрыть наиболее тягостные расходы, связанные с минувшей

войной, за счет узкой группы богачей. Ганнибал, если верить Ливию, хорошо понимал, что посягательство на деньги для его соотечественников «больнее всего», и нанес удар в правильное место.

И вот тут возникает один парадокс, который спустя некоторое время в прямом смысле слова взбесил римлян. После тяжелого поражения в затяжной войне Карфаген... расцвел.

С одной стороны, он, конечно, лишился боевого флота и завоеванных территорий, в том числе Испании с ее рудниками. А с другой — большая часть собственно карфагенских ресурсов осталась нетронутой. Война не нанесла ущерба землям возле Карфагена, за исключением окрестностей Утики. Поскольку в армии сражались в основном наемники, то и по гражданам Карфагена война не ударила. Более того, лишенные римлянами права воевать без разрешения, карфагеняне занялись созидательным трудом. И в первую очередь — сельским хозяйством.

И вот с момента катастрофической битвы при Заме прошло десять лет — а Карфаген уже предлагает Риму: давайте мы погасим весь долг единовременно. Сумма, собрать которую государству, по расчетам римской бухгалтерии, потребовалось бы полвека, «внезапно» оказалась в наличии всего за десять лет. Кстати, Рим отказался. Ему было выгоднее получать деньги долго, а не сразу и много.

Карфаген начал поставлять в Рим хлеб¹, причем по коммерческим ценам. Раз уж нет возможности торговать с кем-то еще за морем, так можно торговать с самим Римом, тем более что римляне опять ввязались в войны — против Филиппа Македонского и против Антиоха Сирийского². Солдатам нужен был хлеб, и карфагеняне пшеничное зерно производили массово и экспортировали. Причем имели место как крупные продовольственные поставки, так и «частные лавочки». Комедиограф Плавт, который пользовался в Риме бешеной популярностью (в основном за изумительно скабресный юмор), сочинил комедию «Пуниец». Персонаж по имени (опять!) Ганнон — типичный торгаш-карфагенянин: носит кольца и серьги, тунику не подпоясывает, болтает на всех языках, но болтает плохо (Плавт передает его ха-

¹ В античную эпоху торговля зерном была вполне аналогична современной торговле нефтью.

² Вторая Македонская война (200–197 гг. до н. э.), закончившаяся римским протекторатом над Македонией, и Антиохова война (192–188 гг. до н. э.), после которой Селевкиды потеряли свои владения в Малой Азии.

рактерную ломаную речь¹), короче — комический, гротескный и неприятный тип, несомненно, узнаваемый на улицах. А это значит, что для римского плебса фигура мелкого купчишки из Карфагена была хорошо знакомой.

Карфагеняне бойко торговали посудой и плодами сельского хозяйства. Вопрос, как пунийцы доставляли в Италию свою продукцию? Очевидно, имел место торговый флот. На который римляне закрывали глаза? Или который был официально дозволен, коль скоро он не военный?² Где флот — там и порт, а где порт — там развивающаяся инфраструктура...

Карфаген утратил политическую независимость во всем, что касалось его внешних сношений, и вместе с тем обрел экономическое процветание. Но это процветание оказалось недолгим.

В таких условиях надломленная финикийская империя не имела будущего.

¹ Между прочим, благодаря этому комедия Плавта является ценнейшим источником по карфагенскому диалекту (языку). В отличие от латыни, финикийский алфавит не передаёт гласные звуки.

² Возможен и третий вариант: посредничество третьей стороны. Здесь возможными кандидатами выступают Птолемеевский Египет — долгое время сильнейшая морская держава Средиземноморья и, как ни странно, Сиракузы — даже под властью Рима полис сохранил экономическую самостоятельность (оборотная сторона отсутствия римского гражданства).

ГЛАВА XXVII

Закат Ганнибала

Римляне между тем развивали экспансию — ударили по Филиппу Македонскому, который считался союзником Ганнибала (выполнить свой союзнический долг и хоть как-то помочь Карфагену он не сумел по не зависящим от него причинам, но «осадочек остался»), затем напали на Антиоха.

Этим воспользовались политические противники Ганнибала, которых новый суфлет основательно взял за мошну. Совет старейшин отправил «старшему брату» — Риму — верноподданническое послание (говоря проще, вульгарный донос), в котором сообщалось: Ганнибал тайно сноится с Антиохом и лелеет какие-то планы против Рима.

Сципион Африканский из всех сил препятствовал распространению этих слухов, которые не без оснований считал клеветническими. Более того, он высказывался в том духе, что не следует «принимать на веру измышления ненавистников Ганнибала и унижать римское государство, вмешивая его во внутренние раздоры карфагенских партий»¹. Эти речи передает Тит Ливий.

Однако Сенат отправил в Карфаген представителей, которым было поручено допросить Ганнибала по поводу его тайного сговора с Антиохом против Рима.

Эти представители принадлежали к группировкам, которые были настроены по отношению к Сципиону весьма враждебно.

¹ Ничего удивительного в этом нет. Римляне уже привыкли, что их союзники пытались привлечь своих патронов к внутривластным разборкам, и приобрели к этому некоторый иммунитет.

Какой-то предварительный сговор между врагами Ганнибала как в Риме, так и в Карфагене существовал, потому что усиленно распространялся слух о том, что «старший брат» желает лишь уладить некоторые разногласия между Масиниссой и Карфагеном.

Обмануть Ганнибала этой болтовней не удалось: он хорошо знал, как к нему относятся враги по обе стороны Тунисского пролива, и поэтому принял меры. В тот «решительный» день он ничего особенного не делал, вел себя как обычно, а вечером, даже не переодевшись, вышел из городских ворот. Там его ждали слуги с оседланными лошадьми. Но даже эти слуги понятия не имели о том, что происходит.

Ганнибал скакал всю ночь, меняя лошадей. Оказалось, что он тщательно подготовил бегство: на протяжении всего пути его ожидали свежие лошади. Таким образом он проделал путь почти в сто пятьдесят километров и наконец прибыл в свое имение, расположенное на берегу моря.

Здесь стоял корабль под парусами. Ганнибал отплыл на Керкиру, где нашел несколько торговых судов с финикийскими экипажами. Моряки узнали Ганнибала и спросили, куда он отправляется; тот отвечал, что в Тир — с некоей миссией. Бежать следовало немедленно, а о том, что доброжелатели уже успели сообщить «куда следует» о его пребывании на Керкире, Ганнибал не сомневался.

Он позвал купцов и моряков на пир, накрыл богатый стол. День был жаркий, солнце палило, поэтому Ганнибал предложил натянуть большой тент. Сделать этот тент можно было на скорую руку из парусов торговых кораблей. Капитаны к тому времени хорошо выпили, им хотелось продолжения банкета, поэтому они согласились. Единственный корабль, оставшийся с парусами, был тот, на котором собирался отплыть Ганнибал. Никто из пирующих не заметил, как он поднялся на борт и вышел из гавани. Ставить паруса и догонять его было бессмысленно — Ганнибал ускользнул.

В Карфагене узнали, что «мятежный суффект» находится на Керкире. Но Ганнибал к тому времени был уже в Тире.

Из Тира он перебрался в Антиохию, осенью 195 года до н. э. встретился с Антиохом в Эфесе. Заговор, который существовал изначально только в мозгах врагов Барки, теперь стал реальностью.

Антиох III был врагом Рима, но до 192 года до н. э. ничего не предпринимал.

Ганнибал был опасным союзником. Антиох это понимал. Что же предложить Ганнибалу? Роль главнокомандующего? Или консультанта? У Ганнибала отсутствовала привычка

к подчинению — он двадцать лет командовал большой армией, действуя исключительно по собственному усмотрению. Вряд ли он захочет (или сможет) подчиняться сейчас, когда он состарился.

И еще непонятно, как ко всему этому отнесутся римляне. Убоятся Ганнибала — или же, напротив, захотят уничтожить старого льва одним ударом?

Переговоры Антиоха с римлянами закончились бурной ссорой. Война стала неизбежностью, и Ганнибал в ней преследовал свои цели: он намеревался собрать боевой флот, погрузить на него десять тысяч человек пехоты и не менее тысячи всадников и всей этой армадой высадиться в Африке. После чего Карфаген, конечно, поднимет меч на римлян, а дальше... Дальше перспективы не вполне ясные, но вдохновляющие.

Если же карфагеняне сочтут восстание слишком радикальной мерой и не поддержат своего мятежного полководца — тогда можно двинуться к Италии и взбаламутить местный народ. Антиох тем временем ударит по римлянам в Греции.

По утверждению Ливия, таков был замысел Ганнибала, — совершенно авантюрный и достойный не пожилого, умудренного десятилетиями непрерывных войн полководца, но пылкого юноши. Антиох вообще вряд ли согласился бы предоставить свой флот ради такого странного (мягко говоря) проекта — в его планы вовсе не входило завоевать весь мир¹.

Впрочем, отправить в Карфаген небольшой отряд Ганнибал все-таки планировал. Стоило выразительно намекнуть карфагенскому сенату, что пора бы выступить против Рима. Римляне сумели нарушить равновесие в свою пользу, и их чаша весов сделалась чересчур тяжелой. Пора исправить ситуацию.

Ганнибал отправил на родину своего агента по имени Аристон — торговца родом из Тира. Он должен был встретиться с Баркидами и их сторонниками. Вскоре о секретной миссии Аристона знал практически весь Карфаген. В конце концов его вызвали в Совет старейшин. Письменных документов при торговце не было. Единственное, что выглядело подозрительно, — его встречи со сторонниками Баркидов, и ни с кем иным. Но упечь финикийца в тюрьму просто за то, что он с кем-то встречался, было бы неосмотрительно. Что скажут в Тире? Начнутся разговоры, что иностранных купцов в Карфагене сажают ни за что. Как быть после такого скандала с торговлей?

¹ Сложно сказать. Именно Селевкиды долгое время преследовали идею восстановления империи Александра в полном объеме.

Аристон очень быстро покинул Карфаген — старейшины не успели сделать ни одного руководящего вывода по его поводу. Перед отбытием, как пишет Ливий, он успел вывесить плакаты, в которых «признавался» в том, что приезжал в Карфаген для тайного сговора с членами Совета старейшин... Компромат был ужасный! И, что самое обидное, несправедливый!

Старейшины оперативно отправили своих людей в Рим: во-первых, опровергнуть злостную клевету мстительного тирийца, во-вторых, чтобы два раза не вставать, пожаловаться на Масиниссу — он успел отхватить себе часть карфагенских земель.

Спорные территории в любой момент могли стать поводом для начала новой войны. Масинисса на сей раз захватил Эмпории. Начались локальные конфликты, которые постоянно отвлекали Карфаген и вводили его в военные (непроизводительные) расходы. К тому же Карфагену запрещено было воевать, даже в Африке, а как тут не повоюешь, если нумидийцы последний гектар норовят отобрать?

Так что карфагеняне поехали ябедничать «старшему брату» на Масиниссу. Последний об этом узнал и, в свою очередь, отправил посланников — ябедничать на Карфаген. Карфаген вообще построен на земле, которая издревле была ливийской! Следовательно Масинисса готов поднять решительный вопрос о возвращении ему исконно ливийских территорий.

Риму было важно, чтобы между нумидийцами и карфагенянами сохранялся неустойчивый баланс. Пусть занимаются друг другом и ведут себя тихо.

Сципион Африканский вернулся в Африку — разбираться и возвращать ситуацию в более-менее равновесное состояние. Римлян сильно напрягал тот факт, что Ганнибал все еще жив и сражается на стороне Антиоха. «Отвлекающий маневр» в Африке, который развязал бы Антиоху руки, мог в исполнении Ганнибала оказаться слишком уж эффективным. Поэтому чрезмерно давить на Карфаген римляне пока не хотели.

Однако в конце концов никакого африканского маневра Ганнибалу совершить не позволили. Он вообще практически не участвовал в кампании Антиоха.

Антиох был разгромлен в начале 189 года до н. э. В числе прочих условий «мира» он обязан был выдать римлянам их любимого врага, врага номер один, суперврага — Ганнибала.

Но этого не произошло — Ганнибал исчез. Вернее, исчез для историков: о его местонахождении нет точных данных начиная с лета 190 года до н. э. Приблизительно через семь лет он

«обнаруживается» при дворе царя Вифинии Прусия — в роли военного советника. Столица Вифинии — Никомедия (современный Измит) — находилась на берегу залива. Прусий хотел расширить свои земли за счет Фригии. Вторую столицу вифинский царь заложил в северо-западных предгорьях горы Улудаг¹ и назвал в честь себя любимого — Пруса (современная Бурса).

Со всеми этими событиями связан последний, вифинский период жизни Ганнибала, когда он помогал в строительстве и чуть ли не писал мемуары, а также памфлеты в антиримском духе. Все это не сохранилось и представляет собой почву для увлекательных домыслов, но страшно подумать, какое торнадо поднимется в ученом мире, если в одном из древних хранилищ обнаружатся свитки за подписью Ганнибала. А ведь похожие случаи бывали, взять хотя бы Кумранские рукописи, найденные в 1947 году...

В любом случае такое гипотетическое событие по эффекту станет для науки чем-то схожим с падением Чискулубского астероида. Эх, мечты, мечты...

* * *

Сципион и Ганнибал ушли из жизни практически одновременно.

У Сципиона начались неприятности из-за Марка Порция Катона. Тот обвинил Сципиона в присвоении части военной контрибуции, полученной от Антиоха. Сумма в 500 талантов, якобы прикарманенная Сципионом, выглядит ничтожной по сравнению с полученной благодаря его победам Римом: 15 тысяч талантов — это, на минуточку, без малого 400 тонн серебра! Публий Сципион выступил в защиту брата и прилюдно порвал в клочья счетные книги, по которым можно было доказать невиновность² Луция Сципиона. «Желающие могут покопаться в обрывках!» — добавил он в сердцах. Сципион Африканский напугал весь свой авторитет, чтобы дело не переросло во что-то большее.

В 184 году до н. э. склочный Катон опять выступил против Сципиона: а давайте-ка разберемся, как это вышло, что Антиох осенью 190 года до н. э. вернул Сципиону попавшего в плен сына, причем без всякого выкупа? Почему вдруг Сципион так запросто и фамильярно общался с врагом римского народа? В качестве ответа Сципион поднялся на ростральную трибуну и предложил: «Римский народ! Давайте вознесем богам молитву, дабы они посылали впредь Риму достойных полководцев!» И далее во главе огромной толпы

¹ В античные времена известная как Малый Олимп.

² Или виновность.

принялся обходить римские храмы. После этого он благоразумно покинул Рим и уехал в свое имение в Кампании, недалеко от Кум.

Через год он скончался в возрасте всего пятидесяти двух лет. Но и после смерти Сципион не преминул уязвить противников, приказав начертать на надгробной плите: «Неблагодарное отечество, да оставит тебя и прах мой».

Прусий, при дворе которого находился Ганнибал, не отступался от идеи стать владыкой обширного царства, и за военной помощью обратился к Филиппу Македонскому. Они были родственниками, хоть и не слишком близкими. Во время всех этих переговоров якобы и стало известно в Риме, где сейчас находится Ганнибал. Ко двору Пруссия из Рима прибыл по заданию Сената Фламинин (его биография написана Плутархом). Он якобы был поражен, увидев Ганнибала, и сделал Пруссию выговор, потребовав выдать Ганнибала Риму. По другой версии, сам Прусий сделал такое предложение, чтобы задобрить римлян.

В любом случае Ганнибал всегда знал, что такой день настанет, и подготовился. Иллюзий насчет царей и их честности он никогда не питал. Западнее Никомедии у него имелось некое тайное убежище. Плутарх уверяет, будто оно представляло собой нечто вроде «лисьей норы» с подземными ходами. Там Ганнибал и скрывался. Однако слуги Пруссия отыскиали его и в этом месте, причем выяснилось, что они хорошо осведомлены о пристанище беглеца: все пути к отступлению оказались перекрыты.

Очутившись в ловушке, Ганнибал принял яд. Ему было шестьдесят четыре года.

В истории противостояния Рима и Карфагена настала заключительная фаза.

ГЛАВА XXVIII

Последний пожар

В 150 году до н. э. закончился пятидесятилетний срок зависимости Карфагена от Рима, определенный последним мирным договором. У римского Сената появился повод для размышлений. Карфаген экономически процветал, его следовало ослабить, пока Новый Город вновь не поднял голову. А сейчас у Карфагена появится такая возможность. Поэтому Рим принял, что называется, превентивные меры.

Оккупация Масиниссой — римским союзником, который «приглядывал» за Карфагеном все это время, — богатых земель Эмпории (в 193 году до н. э.) вызывала непрекращающийся протест карфагенян. Масинисса давал неправдивые объяснения, которым в Риме охотно «верили». Время от времени из Рима приезжали посольства — разбираться в ситуации. И, естественно, ничего не решали, поскольку весь этот конфликт был Риму необходим: «Разделяй и властвуй».

Уверенный в своей безнаказанности, Масинисса непрерывно расширял владения за счет Карфагена. С 174 по 173 год до н. э. он отобрал у карфагенян около семидесяти селений и небольших городков. Его действия позволяли римскому Сенату регулярно вмешиваться в карфагенские дела.

В 152 году до н. э. в Карфаген прибыла очередная римская делегация: Гамилькар и Карталон, вожди, враждебные Масиниссе, напали на нумидийцев, засевших на спорных территориях.

Марк Порций Катон, возглавлявший посольство, высокопарно объявил, что «договор, заключенный при Сципионе, не нуждается ни в каком разбирательстве, ни в каком исправлении; надо только, чтобы из него ничего не нарушалось». На самом

деле в этом договоре изначально была заложена мина замедленного действия — ведь точные границы им установлены так и не были.

После чего посланники осмотрели Карфаген и были шокированы его процветающим видом. Это выглядело как плевок в лицо победителю! Вместо того чтобы влачить жалкое существование и быть на последнем издыхании, Карфаген самым наглым образом увеличил свое население, активно развивал торговлю, граждане его выглядели сытыми и хорошо одетыми — талант финицийцев к бизнесу сделал свое дело.

Плутарх описывает выступление Катона перед Сенатом следующим образом:

«Найдя Карфаген не в плачевном положении и не в бедственных обстоятельствах, как полагали римляне, но изобилующим юношами и крепкими мужами, сказочно богатым, переполненным всевозможным оружием и военным снаряжением и потому твердо полагающимся на свою силу, Катон решил, что теперь не время заниматься делами нумидийцев и Масиниссы и улаживать их, но что, если римляне не захватят город, исстари им враждебный, а теперь озлобленный и невероятно усилившийся, они снова окажутся перед лицом такой же точно опасности, как прежде. Без всякого промедления вернувшись, он стал внушать сенату, что прошлые поражения и беды, по-видимому, не столько убавили карфагенянам силы, сколько безрассудства, сделали их не беспомощнее, но опытнее в военном искусстве, что нападением на нумидийцев они начинают борьбу против римлян и, выжидая удобного случая, под видом исправного выполнения условий мирного договора, готовятся к войне.

Говорят, что, закончив свою речь, Катон умышленно распахнул тогу, и на пол курии посыпались африканские фиги. Сенаторы подивились их размерам и красоте, и тогда Катон сказал, что земля, рождающая эти плоды, лежит в трех днях плавания от Рима. Впрочем, он призывал к насилию и более открыто; высказывая свое суждение по какому бы то ни было вопросу, он всякий раз присовокуплял: „Кажется мне, что Карфаген не должен существовать“. Напротив, Публий Сципион Назика, отвечая на запрос или высказываясь по собственному почину, всегда говорил: „Мне кажется, что Карфаген должен существовать“. Замечая, по-видимому, что народ становится непомерно заносчив и уже совершает множество просчетов, что, упиваясь своими удачами, исполнившись гордыни, он выходит из повиновения

сенату и упорно тянет за собою все государство туда, куда его влекут страсти, — замечая это, Назика хотел, чтобы хоть этот страх перед Карфагеном был уздой, сдерживающей наглость толпы: он полагал, что карфагеняне не настолько сильны, чтобы римляне не смогли с ними совладать, но и не настолько слабы, чтобы относиться к ним с презрением. То же самое тревожило и Катона, но он считал опасной угрозой, нависающую со стороны государства и прежде великого, а теперь еще отрезвленного и наказанного пережитыми бедствиями, меж тем как римский народ буйствует и, опьяненный своим могуществом, делает ошибку за ошибкой; опасным казалось ему приниматься за лечение внутренних недугов, не избавившись сначала полностью от страха перед покушением на римское владычество извне. Такими доводами, говорят, Катон достиг своей цели: третья и последняя Пуническая война была объявлена...»

Плутарх, по обыкновению, драматизирует и беллетризирует происходящее. Невозможно предположить, чтобы в Риме и раньше не знали о том, что в Карфагене дела идут более чем хорошо. Но требовался эффектный жест, отлично заметный не только сенаторам, но и римским богам. Богов следовало убедить в том, что «Карфаген должен быть разрушен» и что это будет невероятно справедливо.

Катон непрерывно твердит о том, что ненавистный город процветает и что так быть не должно. Почему поражение не оказалось для карфагенян трагическим, не убило их, не растоптало? Они тренируют свое военное искусство в стычках с нумидийцами для того, чтобы потом напасть на римлян. Им только дай повод — и начнется война, а ведь никто не забыл, как Ганнибал буквально стучал в ворота Рима... Вывод один — «Карфаген должен быть разрушен!» Мы знаем, что этими словами Катон заканчивал любое свое выступление, они вошли в легенду.

Римские политики разделились на два лагеря. Единомышленники Сципиона (речь идет о внуке Сципиона Африканского — Сципионе-младшем) придерживались умеренных взглядов, единомышленники Марка Порция Катона — крайних. Сципионы были аристократами, Катона поддерживали богатые землевладельцы и торговцы. Политически Катон был врагом аристократии. Его сторонники — торговцы, финансисты, богатеи из незнатных фамилий — получали после разрушения Карфагена все его торговые связи и экономические преферен-

ции и отсутствие конкурента. Естественно, «Карфаген должен быть разрушен»! Сципионы же «неосмотрительно» предлагали сохранить Карфаген как союзный Риму город. Однако Катон пользовался огромным авторитетом и сумел продать свое решение¹.

В Карфагене же в это самое время взяла верх политическая группировка ультра-патриотического направления. В 152 году до н. э. они изгнали из Карфагена приверженцев Масиниссы, в общей сложности сорок человек. Они бежали к Масиниссе и стали упрашивать его как можно скорее начать войну с Карфагеном.

Масинисса предпринял провокацию. Он отправил в Карфаген своих сыновей, Гулуссу и Миципсу. Те явились к стенам великого города и потребовали, чтобы карфагеняне приняли назад сорок изгнанников и вообще перестали выказывать враждебность. Естественно, старый хитрец Масинисса прекрасно знал, что карфагеняне этого не сделают. Они даже ворот Гулуссе и Миципсе не открыли. А когда «посольство» уходило восвояси, небольшой отряд карфагенян на него напал и убил нескольких человек. Вот тогда Масинисса и получил свой повод для войны и осадил город Героскоп.

Мирный договор с Римом запрещал карфагенянам воевать без разрешения. Но Масинисса здорово взбесил их, и они в том же 152 году до н. э. выступили против нумидийцев, имея армию в двадцать пять тысяч пехотинцев и четыреста всадников. Пунийский полководец по имени Гасдрубал возглавил вооруженные силы Карфагена и даже добился каких-то успехов. Удалось переманить к карфагенянам несколько тысяч нумидийских всадников, поскольку у Масиниссы в рядах сторонников единства не наблюдалось.

Вообще карфагеняне торопились поскорее закончить эту маленькую войнушку, пока от «старшего брата» не пришел гневный окрик. Пунийцы согласились отдать нумидийцам землю возле Эмпория и заплатить тысячу талантов серебра. Масинисса потребовал вернуть ему предателей. Этого сделано не было, и из Рима прибыли уполномоченные. Естественно, не для того, чтобы все уладить и прекратить кровопролитие, а с намерением продолжить политику «разделяй и властвуй».

¹ Фактически Рим стоял перед самым большим выбором в своей истории: в каком мире ему предстоит существовать как цивилизации — однополярном или многополярном.

Следовало оценить шансы Масиниссы на победу. Если нумидийский царь проигрывает пунийцам, конфликт следовало остановить. Если же есть вероятность, что Масинисса одержит верх, — подстрекать его к дальнейшей эскалации конфликта.

Так и случилось. Масинисса осадил пунийцев в их лагере, и в конце концов голод принудил их сдаться. Они бросили оружие и уже уходили, когда Гулусса напал на них и, безоружных, перебил почти всех.

Очередная спорная территория отошла к Масиниссе. Ситуация начала выглядеть слишком хорошо для нумидийцев: он фактически готов был проглотить Карфаген. А если это произойдет, то Африка, неровен час, породит «нового Ганнибала», только уже не финикийского, а нумидийского. Парадоксальным образом Карфаген стал опасен Риму не потому, что был богатым и сильным, а наоборот — из-за того, что оказался излишне слабым. Нельзя было допустить, чтобы Масинисса присвоил добычу, которая принадлежала Риму и на которую Рим уже наложил свою тяжелую руку.

Большинство античных историков называет столкновение Карфагена с Нумидией главной причиной Третьей Пунической войны, в результате которой Карфаген был уничтожен.

Полибий указывает: «(Римляне) всегда хотели выглядеть так, как будто приступают к войне только ради самообороны, из нужды».

В Карфагене понимали, что Риму необходим предлог и что карфагенские военные этот предлог Риму только что преподнесли на серебряном блюде. Было решено как можно скорее «извиниться», поэтому пунийцы быстренько приговорили к смерти основных виновников войны — Гасдрубала и Карталона, а также еще нескольких членов демократической оппозиции. Гасдрубал вовремя бежал — позднее, когда начнется война с Римом, он станет главнокомандующим.

Тем не менее Карфаген отправил в Рим письма с извинениями и раскаянием. Римские послы прибыли в Карфаген и спросили: «Почему разжигатели войны были казнены так поздно?» Пунийские старейшины мямлили и внятных ответов не давали. Пока посланники ездили туда-обратно, пока пунийцы еще надеялись уболтать «старшего брата», римская армия всю готовилась к войне.

Причем римский Сенат продолжал поддерживать у карфагенян иллюзорную надежду, что удастся как-то договориться. Выдвигались все новые и новые условия. Потребовали заложни-

ков — триста человек, сыновей старейшин. Тех доставили в течение месяца. Война еще не была объявлена, но в воздухе ощутимо сверкали молнии.

В Рим явились посланники из Утики — второго по величине карфагенского города, — и добровольно предались в руки римлян. Согласно Ливию, «посольство это... было приятно сенаторам и в высшей степени оскорбительно для карфагенян». Теперь стало ясно, что у Карфагена не осталось друзей.

У Карт-Хадашта, собственно, было два пути: либо последовать примеру Утики и отдаться в безраздельную власть римлян, либо «мужественно принять войну».

И война была Римом объявлена. Карфаген нарушил мирный договор 201 года до н. э. Мало того что он самовольно воевал с Масиниссой — он создал новый флот, собрал и вооружил армию.

Третья Пуническая война началась в 149 году до н. э. Римскую армию возглавили не самые одаренные (очень мягко говоря) ее полководцы — консулы Маний Манилий и Луций Марций Цензорин.

Летом 149 года до н. э. восемьдесят тысяч пехотинцев и четыре тысячи всадников собрались на Сицилии и начали готовиться к переправе в Африку. В Утику прибыли четыре легиона. Лагерь был разбит на побережье. Таким образом, Карфагену пришлось воевать на два фронта — с римлянами и нумидийцами.

Консулы получили в Сенате четкое указание: никакого мирного урегулирования, только капитуляция (и Карфаген должен быть разрушен!). Карфагеняне явились в римский лагерь в Утике и принялись упрашивать римлян повременить, не нападать — те потребовали сдать оружие и флот. Пунийцы подчинились. Карфагенский флот, «добровольно сданный в надежде на мир», был сожжен в гавани.

После этого римляне выдвинули новое требование. Они желали, чтобы пунийцы покинули город Карфаген и построили новый — на расстоянии восьмидесяти стадий от моря.

Это был смертный приговор для всей пунийской цивилизации. Как карфагенянам, купеческому морскому народу, жить — без оружия, без армии, без флота, без доступа к морю? Самый смысл существования Карфагена — это торговля и мореплавание. Римляне с видом лицемерного благочестия добавляли, что все это делается для пользы граждан города и что их храмы и «жилища мертвых» останутся в неприкосновенности.

Карфагеняне, по Ливию, сказали:

«Делаем вам другое предложение, более приемлемое для нас и более славное для вас: город, ни в чем не повинный перед вами, оставьте невредимым, нас же самих убейте. Ведь только так вы покажете, что гневаетесь на людей, а не на храмы, богов, могилы и город».

Цензорин уверял, что море — главный источник всех бед: море провоцирует на торговлю, путешествия, морской разбой, завоевания. А вот жили бы пунийцы вдали от моря, не манили бы карфагенян загадочные дали и чужие богатые земли — не случилось бы с ними такой беды. Да и земледелие гораздо более выгодная вещь, чем морская торговля. Пересказывать все эти бредни тягостно и неприятно. От пунийцев потребовали, чтобы они уничтожили свою родину собственными руками. Вместо этого они взялись за оружие. Если Карфагену суждено пасть, то пасть в битве.

Рим принял политическое решение о полной физической ликвидации конкурирующей цивилизации. Впервые в истории человечества.

Карфагеняне спешно готовились к обороне. Всех рабов освободили и призвали в армию. Гасдрубал, так удачно оставшийся в живых после конфликта с Масиниссой, вернулся и возглавил двадцатипяти тысячную армию. Внук Масиниссы, перешедший к карфагенянам, который носил имя Гасдрубал, командовал городским гарнизоном — на нем лежала ответственность за оборону внутри города.

Римляне надеялись, что войдут в безоружный Карфаген и не встретят сопротивления. Однако ворота оказались закрытыми, а на стенах размещались метательные орудия.

Римляне совершенно не ожидали такого взрыва ярости. Они искренне думали, что у Карфагена ресурс жизнеспособности исчерпан окончательно, и даже предложили противнику месяц-другой поразмыслить: может, к тому времени плохое настроение карфагенян пройдет и они все-таки примут условия мира?

В городе постоянно работали оружейные мастерские, женщины отдавали свои волосы для изготовления канатов метательных орудий. Немецкий историк Теодор Моммзен, «сторонник» Рима, называет народную ненависть к Риму карфагенян «гениальной — даже можно сказать, демонической».

Масинисса не выглядел чересчур довольным: он много лет допекал Карфаген, отхватывал от его земель клочок за клочком, фактически сумел поставить его на колени — и вот явились римляне, можно сказать, на все готовенькое и собираются пожать

плоды его трудов. Масинисса вообще перестал быть любезным. Римляне попросили его дать солдат. Он отвечал, что, когда понадобится, придет кого-нибудь. Тут еще внук Масиниссы оказался в числе карфагенских полководцев — это не добавляло согласия между союзниками.

Римляне, однако, не особо и нуждались в союзниках. Они и без посторонней помощи осадили Карфаген.

Манилий штурмовал город с материка, Цензорин с кораблей перебрасывал лестницы на стены в тех местах, где они были наиболее уязвимы. Но и первая, и вторая попытки захватить Карфаген штурмом провалились. Гасдрубал разбил лагерь у римлян в тылу и получил возможность нанести им удар в любой момент. Осада велась в сложных условиях, приходилось учитывать слишком много факторов.

И вот осенью 148 года до н. э. Цензорин с отрядом солдат отправился за лесом — требовалась древесина для осадных машин. В этот момент его атаковал Гимилькон, командир пунийской конницы. Пятьсот римских солдат были убиты во время этого неожиданного нападения.

Новый штурм города был предпринят вскоре после этого события. Засыпав болото и придвинув две башни с таранами прямо к крепости, римляне разрушили часть стены. В пролом они могли уже видеть улицы. Римляне готовы были ворваться в город... Карфагеняне ждали этого и напали на тех, кто появился из пролома, с двух сторон. Военный трибун Сципион удержал большую часть римских солдат от подобного безрассудного поведения — только это, в общем, и спасло римскую армию от полного разгрома в тот день. Сципион, пишет историк, «оказался более дальновидным и осторожным, чем консул».

Манилий, человек, мягко выражаясь, неопытный в военном деле, вступил в бой с Гасдрубалом и отступил с большими потерями.

Два года кампании против пунийцев прошли бесславно. Война против Карфагена приводила римлян только к новым и новым потерям. Озлобленный Масинисса все холоднее относился к Риму, который отобрал у него добычу.

В римском Сенате серьезно обсуждали неудачный ход войны против Карфагена. Прибыли уполномоченные послы — изучить обстановку, затем сообщили обо всем увиденном и услышанном в Сенате.

Рассказ о Сципионе, спасшем римлян от полного истребления в день штурма, престарелый Марк Порций Катон легендарно

прокомментировал цитатой из «Одиссеи»: «Он лишь с умом; все другие безумными тенями реют».

Сенату было также доложено о бездарном командовании Цензорина и Манилия. Поэтому Сенат молча ждал, когда истечет срок их консульства, чтобы выдвинуть консулом Сципиона.

К тому времени царь Масинисса скончался. Перед смертью он призвал Сципиона и ему завещал свое царство: пусть этот римлянин, который «один лишь с умом», распорядится нумидийским наследством правильно.

Сципион передал царские сокровища и титул сыновьям покойного царя.

Законных сыновей у Масиниссы было трое. Миципса получил верховную власть, Гулусса — командование армией, Мастанаба — гражданское правление. Незаконных сыновей неистовый нумидиец наплодил более сорока, всем им вручили подарки в качестве утешительного приза.

Сципион знал, что делает: трое основных наследников непременно рано или поздно начнут борьбу за возможность править самодержавно.

Гимилькон (он известен под прозвищем Фамея), пользовавшийся славой самого храброго из карфагенских полководцев, перешел на сторону римлян с отрядом более чем в тысячу всадников (точное число неизвестно). Чем конкретно привлек его Сципион — неизвестно; но вообще он известен не только как хороший полководец, но и как умный дипломат.

Имея хорошую поддержку в лице Фамеи и Гулуссы, Сципион сумел захватить у неприятеля большое количество добычи и продовольствия. В Риме хотели, чтобы Сципион приехал домой вместе с Гимильконом. Сципиона провожало все войско, и все дружно желали ему вернуться консулом.

Гимилькон получил от Сената коня, золотую сбрую, пурпурную одежду, золотые пряжки, палатку с полным оборудованием, сто мин серебра, — задарили его с головы до ног.

В Африке все успехи принадлежали только Сципиону. Новый консул, Кальпурний Пизон, который действовал в то время, ничего путного не добился. Карфагеняне имели перевес. Гулусса потерял отряд почти в тысячу всадников, который перешел к карфагенянам. Миципса и Мастанаба обещали римлянам помощь, но ничего не делали — ждали, как повернут события.

Постепенно пунийцы захватывали Ливию, а карфагенские дипломаты пытались создать антиримскую коалицию, призывая на помощь мавров и нумидийцев: «Как только римляне по-

корят нас, они примутся за вас». Сыновья Масиниссы всем говорили «да-да», но с места не двигались.

В самом Карфагене опять начались политические разногласия. В конце концов члены городского совета обвинили командира гарнизона Гасдрубала в том, что он тайно помогает своему дяде, Гулуссе, и убили его. Теперь все вооруженные силы пунийцев подчинялись одному командующему, также Гасдрубалу, — тому, что действовал со своими войсками вне городских стен.

В Риме негодовали. Вроде Карфаген ослаблен. Вроде бы союзники от него отвернулись. И снова внутри города неутомимые пунийцы пустились в интриги и распри... Так почему же Карфаген до сих пор не разрушен?

Хорошо, конечно, было бы избрать консулом Сципиона и отправить воевать с Карфагеном, но возрастной ценз не позволял. Сципион слишком молод. Однако глас народа звучал единодушно: Сципиона в консулы! Плутарх говорит, что он был избран «не просто как угодный притязатель, но как скорый и верный победитель Карфагена».

В 147 году до н. э. Сципион был назначен командующим и отправлен в Африку. Он привез подкрепление и набрал добровольцев среди союзников Рима.

Удивительное дело! Могущественный Рим вел войну с безоружным Карфагеном уже третий год — и все еще не мог одолеть его.

Кальпурний Пизон проявил себя ничуть не лучше, чем Манилий. Он подвел лестницы к стенам, где ему казалось удобнее проломиться в город, и часть солдат поднялась по ним. Карфагеняне в ответ открыли ворота и напали на римлян. Те вбежали в открытые ворота — и, разумеется, попали в ловушку.

Корабли Сципиона появились в самый критический момент этой нелепой атаки и спасли римлян от верной гибели. Бездарных полководцев Сципион отослал в Рим от греха подальше и разбил свой лагерь недалеко от стен Карфагена.

Карфагеняне Гасдрубала стояли совсем близко, приблизительно в километре от римлян.

В римской армии царил анархия: Пизон приучил своих солдат «к лени, жадности и грабежам». К войску прибились мелкие торговцы и мародеры. Всю эту лишнюю публику Сципион вышвырнул прочь и вернул в армию дисциплину.

Напомним географическое положение города Карфагена: он располагался на полуострове, который отделен от материка перешейком. С моря стена Карфагена была одинарной, зато

выстроенной на отвесных скалах. Со стороны перешейка стена была тройная, и там же находилась цитадель, которая называлась Бирса. Между стенами, в частности, размещались стойла для лошадей и слонов (слонов насчитывалось до трехсот). Там же находились и казармы.

На севере имелось большое предместье, которое называли Мегалия (Мегара), обнесенное валом. Вот на это предместье, Мегалию, и был направлен удар Сципиона.

Он разделил войско — одну часть отправил на северо-запад, другую часть — на юго-восток. С юго-восточным отрядом находился и сам Сципион. В той стороне произошел штурм, ворота были разбиты — укрепления Мегалии вообще не являлись серьезными — и карфагеняне отошли в цитадель, в Бирсу. В лагере Гасдрубала, который находился, как помним, в стороне от городских стен, поднялась паника. Карфагеняне ворвались в город, под защиту укреплений.

Сципион, однако, решил не занимать Мегалию. Слишком уж «пересеченной» была там местность: сады, каналы, заросли. Вместо этого он уничтожил брошенный людьми Гасдрубала лагерь. Теперь римляне занимали весь перешеек, отделявший Карфаген от «большой земли». Таким образом, великий город был отрезан от возможности снабжения, и среди осажденных незамедлительно начался голод.

Консул пришел на перешеек «всерьез и надолго» — выстроил для своей армии укрепления более сильные, нежели сооружали римляне, разбивая обычный лагерь. Сципион готовился к штурму Карфагена.

Гасдрубал решил немного взбодрить своих сограждан, а ничто не может быть духоподъемнее, нежели хорошая массовая казнь: пленных римлян вывели на городские стены и принялись увечить, отрубать им руки и так далее, а после всех зверств — убивать и сбрасывать вниз. Горожане, однако, не воодушевились от этой чудовищной расправы, наоборот: до сих пор у них сохранялась хотя бы видимость надежды на то, что римляне, взяв Карфаген, их пощадят. Теперь этой надежды не осталось вовсе. Что касается римлян, то они тоже не были уstraшены, — они пришли в ярость.

Гасдрубал фактически установил в городе военную диктатуру. Теперь сенаторы даже не решались поднять голос.

Тем временем ситуация ухудшалась с каждым днем, и Гасдрубал попробовал договориться с Гулуссой. Если римляне снимут осаду, карфагеняне согласятся на любые их условия.

Сципион сказал сразу — «нет», но Гулусса уговорил его хотя бы «подумать». В следующем году истекают консульские полномочия Сципиона, на все готовое придет новый консул и заберет победу себе. Тогда Сципион сказал, что обещает жизнь только Гасдрубалу с семьей и еще десяти семьям, которые тот назовет. Разрешается забрать с собой десять талантов или всех рабов. На этом все. Гасдрубал это предложение отверг.

Сципион, впрочем, и не рассчитывал, что тот согласится, и продолжал заниматься делами осады. Для окончательной блокады Карфагена следовало отрезать его от всякой связи с морем. Поэтому выход в гавань следовало для карфагенян закрыть. Римляне принялись сооружать насыпь. Карфагеняне пытались прокопать новый выход к морю — на другой стороне гавани. Женщины, дети — все принимали участие в этой безнадежной затее.

Строили корабли из любой древесины, какую находили под рукой. И соорудили, как говорят, сто двадцать кораблей, которые через эту новую гавань вышли в море. То была последняя надежда отчаявшихся людей.

Корабли римлян между тем были оставлены без присмотра — или почти без присмотра; все, включая гребцов, работали на осаде.

Дальнейшее не вполне понятно. Историки дружно утверждают, что, если бы карфагенский флот, «возрожденный из пепла», сразу атаковал безоружные корабли римлян, те лишились бы своего флота. Вопрос — почему пунийцы этого не сделали? Для чего вышли в море — просто «посмеяться над противником», показать ему свою силу и как следует запугать? Трудно представить себе что-нибудь более глупое: зачем раскрывать свои карты такому сильному противнику, как Сципион, и давать ему время опомниться и подготовиться к отражению атаки? А как же фактор внезапности?

Существовала какая-то другая, более простая причина, почему карфагенский флот не напал на римлян сразу. Возможно, то были не сто двадцать кораблей, а гораздо меньше. Или они были оснащены гораздо хуже и нападать не могли. Но остается непроясненным вопрос, для чего они вообще показались перед римлянами.

Так или иначе, римляне получили предупреждение о возможном нападении с моря. Они привели свои боевые корабли в порядок и вышли навстречу карфагенянам. Те только на третий день осмелились дать морской бой. Карфагеняне тем не менее

возлагали немалые надежды на это сражение, каковое, впрочем, не принесло перевеса ни одной из сторон.

Карфагеняне нанесли римлянам ущерб, но завершить битву не смогли — наступила ночь. Утром римляне оттеснили их в гавань и осадили. Ночью карфагеняне устроили вылазку и подожгли осадные башни и машины противника. Пока римляне паниковали, а Сципион успокаивал их, приказав убивать всех паникеров и дезертиров, карфагеняне вернулись под защиту городских стен.

Но римляне недаром славилась своим терпением и упорством. Они продолжили осаду и построили новые осадные машины. За такими занятиями прошло лето 147 года до н. э.

Продовольствие просачивалось в Карфаген из Ливии, через Неферис. Туда отправился Гулусса с боевыми слонами и через двадцать два дня осады захватил крепость. Когда Неферис пал, ливийцы потеряли опорный пункт, через который снабжали Карфаген, и столица фактически лишилась всякой надежды.

Наступила весна 146 года до н. э., и в один далеко не прекрасный день римляне прорвались в город через гавань. Они пробивались к цитадели — Бирсе, — двигаясь по трем главным длинным улицам. Начались уличные бои. Карфагеняне отстаивали буквально каждый дом. Любой шаг давался римлянам с кровью. А дома в Карфагене, между прочим, были высокие, и за каждый этаж приходилось сражаться.

Скоро пожар охватил городские здания. Римлянам приходилось снова «копать» — везде были завалы, дымящиеся развалины, трупы. Все это нужно было расчищать, чтобы могла пройти армия. В таких трудах прошла неделя. Наконец римская армия оказалась перед цитаделью, где собралось свыше пятидесяти тысяч человек, включая женщин и детей. Нижний город горел, все было окутано огнем и дымом. К Сципиону прибыла делегация из храма, который также находился в Бирсе. Римляне называют бога, которому посвящен этот храм, Асклепием, но мы уже знаем, что это был древний ханаанский Эшмун. Делегация молила о милости.

Сципион обещал сохранить жизнь тем, кто сдается в плен (их ожидало рабство), кроме римлян-перебежчиков. Этим пощады не будет. Предатели-римляне, собственно, ничего другого и не ожидали, поэтому подожгли храм и погибли в огне. В пламя пожара бросилась вместе с детьми и жена Гасдрубала, а он совместно с воинами (называют цифру в тридцать шесть тысяч) сдался Сципиону.

Речь жены Гасдрубала, которую та произнесла прежде, чем совершить это эффектное самоубийство, передают многие античные историки, разукрашивая ее всеми цветами радуги. Впрочем, более вероятной следует считать версию, согласно которой женщина и ее дети были просто убиты римскими солдатами. Тогда многих постигла подобная участь.

Итак, город, которому угрожал Сципион-дед, был разрушен его внуком — также Сципионом! В этом многие видели преемственность и перст судьбы. Кроме того, гибель Карфагена сопоставляли с падением Трои. Сципион прямо цитировал стихи Гомера:

Будет некогда день, и погибнет священная Троя,
С нею погибнет Приам и народ копыеносца Приама¹.

Воочию представляли какие-то легендарные титанические времена. Вершились огромные и страшные события.

¹ Римляне вели свой род от троянца Энея. Так что, возможно, мысль Сципиона была глубже.

ФИНАЛ

Цивилизационная катастрофа

На античный мир разрушение Карфагена произвело такой же эффект, как бомбежка Герники в середине двадцатого века. Это было нечто беспрецедентное, почти непредставимое. Конечно, во все времена, тем более в древности, случалось, что вражеские армии стирали с лица земли целые города, уничтожали крепости, истребляли до последнего человека населенные пункты. Но разрушение Карфагена даже на этом фоне оставалось чем-то вопиющим.

В этом огне погибла древняя, могущественнейшая цивилизация. Ни у кого из современников не было сомнений в ином качестве этой катастрофы. Если уничтожался город, как это происходило, например, во время Первой и Второй Пунических войн, то оставалось человеческое сообщество, этот город построившее. Оставались Рим, Карфаген, оставались кельтские племена. Существовала возможность «продолжения». История на этом не заканчивалась.

Разрушение Карфагена означало — даже если предположить, что какое-то количество его жителей избежало гибели, — *что история данной цивилизации закончена навеки*¹. Необоримая тотальность ужасала.

В этом смысле разрушение Карфагена оказалось страшнее Герники. Семьсот лет пунийцы господствовали в Средиземном море, им подчинялись огромные территории на побережье. Это был великий народ моряков и торговцев. Его существование было прекращено насильственно.

Римляне — быть может, единственные за историю человечества, — доказали, что действительно можно уничтожить всех. Обычно угроза «всех не перевешаете» работала, но не в данном случае. По преданию, Карфаген горел семнадцать дней — одно это уже указывало на грандиозность данного события.

На то, чтобы стереть с лица земли Карфаген, у римлян ушло почти сто лет. Последняя война длилась всего три года, при этом двух первых лет, в общем-то, могло бы и не быть: тогда римской армией командовали бездарные люди, и Карфаген продолжал стоять как

¹ Так впервые в европейской истории был осуществлён футурицид.

ни в чем не бывало. Чтобы повалить этого колосса, а потом нанести удар обессиленному, но все еще внушительному врагу, — для этого потребовался гений Сципиона Африканского-младшего.

В Риме, следует признать, тоже были ошеломлены столь невероятным результатом. Граждане спрашивали друг друга на улицах: «Неужели Карфаген действительно разрушен?»

Дело ведь даже не в том, что город сгорел. Что место, где он стоял, распахали и засеяли солью. А в том, что римляне быстро, оперативно и четко превратили независимую и мощную морскую державу в собственную провинцию. Торговля предполагает личную свободу, инициативу и некоторую аморфность. Римская провинция всегда структурирована и имеет четкую подчиненность. Другое дело, что внутри структуры можно разлагаться, предаваться излишествам или коррупции, но «римский панцирь» в любом случае остается твердым. То есть, организуя на месте Карфагенской державы свою провинцию, римляне полностью «перепахивали» не только землю, на которой стоял великий город, но весь уклад, весь строй, всю структуру жизни в этих краях. Теперь ничто карфагенское не могло бы здесь произрасти, ни из почвы, ни из социума.

Города, которые помогали Карфагену, также были разрушены, и их земли переданы союзникам Рима в последней войне.

...Завершив разрушение Карфагена, Сципион принес внушительные жертвы Марсу, сжег осадные машины, оружие, устроил празднества, которые включали «звериную травлю» — точнее, зверям отдали на съедение римских перебежчиков и дезертиров (очевидно, не все из них успели покончить с собой и некоторые все-таки попали в плен). Видимо, это зрелище подняло дух римлянам, которые везде несли свет цивилизации, куда только ступала их нога. Сципион получил имя своего деда и отныне именовался Сципион Африканский Младший. В Риме его ожидал триумф.

Этот пышнейший триумф увенчал сто восемнадцать лет противостояния Рима и Карфагена. Отныне Римская республика господствовала в Средиземноморье безраздельно, от Гибралтара до Боспора.

За годы Пунических войн римляне организовали шесть новых провинций: Сицилию, Сардинию с Корсикой (227 год до н. э.), Бетику (197 год до н. э.), Ближнюю Испанию (197 год до н. э.), Македонию (146 год до н. э.) и, наконец, Африку — 146 год до н. э., год гибель Карфагена.

Для работы по созданию провинции Африка была организована комиссия из десяти человек. Столицей Африки стала

Утика. Щедрое вознаграждение получили сыновья Масиниссы из доли захваченных римлянами земель. На сей раз границы между своей территорией и Нумидией римляне обозначили предельно внятно. Если Карфагену они подложили «долгоиграющую свинью» в виде расплывчатого описания рубежей, то себя обезопасили от подобного рода «недопонимания». Границы эти, впрочем, не охранялись — римляне показывали свое доверие к нумидийцам. От диких африканских племен римскую провинцию будут оберегать верные нумидийские всадники.

Статус союзных городов получили те общины, которые помогали Риму в борьбе против Карфагена, в том числе Утика и Гадрумет. Впрочем, автономия там сохранялась только на уровне решения местных вопросов, а во всем остальном африканские союзные общины подчинялись Риму.

Африканские земли плодородны. Провинция Африка в будущем много веков была житницей Римской империи. Гай Юлий Цезарь впоследствии отдал проклятые земли, на которых стоял Карфаген, своим верным ветеранам, но это была уже совершенно другая история.

Рим ждало пятисотлетнее владычество над Средиземноморьем. Полтысячелетия монополярной цивилизации. Пять веков возвышения, величия, упадка и закономерной гибели.

* * *

Последнее, что оставалось от Карфагенского сообщества, вытравить оказалось сложнее всего — пунийский язык. Официальная документация римской провинции Африка велась на латыни, языком «высокой культуры» в театрах и литературе был греческий, таким образом финикийская письменность довольно быстро исчезла. Тем не менее пунийская речь оставалась разговорной у простонародья еще более полутысячелетия — разумеется, меняясь, развиваясь и многое заимствуя у римлян и греков.

Считается, что окончательно пунийский язык был забыт вскоре после арабского завоевания Карфагенского (Африканского) экзархата Византийской империи в 689 году нашей эры. Арабский, как «язык межнационального общения», очень быстро вытеснил все региональные наречия, включая реликты пунийского, чему способствовала схожесть арабского с диалектом Карт-Хадашта: оба они относятся к семитской группе языков.

На этом всё было кончено. Навсегда.

Gaius Anonimus. 2018–2020 P. X.

Список использованной и цитируемой литературы

- Beck R. B. World History: Patterns of Interaction. Evanston, IL: McDougal Littell, 1999.
- Charles-Picard G. et C. Vie et mort de Carthage. Paris, 1970.
- Ciaceri E. Storia della Magna Grecia. Milano: Genova, 1928.
- Cintas P. Manuel d'archeologie punique. Paris, 1970.
- Dandamayev M. A. Neo-Babylonian Society and Economy. CAH, 1991.
- De Wever J., Van Compernelle R. La valeur de termes de «colonisation» chez Th ucydide. Antiquite classique. 1967.
- Donner H., Rollig W. Kanaanaische und aramaische Inschriften. Wiesbaden, 1966–1969.
- Ferrero L. Struttura e metodo deill'Epitoma di Giustino. Torino, 1957.
- Fevrier J. G. Essai de reconstruction du sacrifi ce molek // Asiatique. 1960.
- Frankenstein S. Th e Phoenicians in the Far West: A Function of the Neoassyrian Imperialism // Mesopotamia. Copenhagen, 1979. Vol. 7.
- Graham A. J. Th e colonial expansion of Greece. CAH. Vol. III.
- Diels H. Antike Technik. Sechs Vorträge. Leipzig & Berlin, Teubner, 1924.
- Klengel H. Geschichte und Kultur Altsyriens. Leipzig, 1979.
- Moscatti S. I. Cartaginesi in Italia. Milano, 1977.
- Murphy T. Pliny the Elder's Natural History: The Empire in the Encyclopedia. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Pellicer M. Hacia una periodización del bronce fi nal en Andalucia Occidental // Huelva. Vol. VI. 1982.
- Pettinato G. I rapporti politici di Tiro con l'Assiria ala luce del «trattato tra Asarhaddon e Baal // RSF. 1975. Vol. 3.
- Toynbee A. Hannibal's Legacy. London, 1965.
- Tsirkin J. B. Th e Battle of Alalia. Oikumene, 1983.
- Van Wijngaarden-Bakker. Th e Animal Remains from Carthage. Campaign, 1993. L., 2007.
- Van Zeist W., Bottema S., Van der Veen. Diet and Vegetation at Ancient Carthage: Th e Archaeobotanical Evidence. Groningen, 2001.
- Балязин В. Мудрость тысячелетий: Энциклопедия. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета с параллельными местами и приложениями. В синодальном переводе. М.: Никея, 2016.

- Ботвинник М. Н. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М.: Наука, Гл. ред. вост. литературы, 1990.
- Волков А. В. Загадки Финикии. М.: Вече, 2004.
- Волков А. В. Карфаген. Белая империя черной Африки. М.: Вече, 2004.
- Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. М.: Наука, 1981.
- Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Душанбе: Ирфон, 1989.
- Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М.: Наука, 1985.
- Даймонд Д. Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ. М.: АСТ, 2010.
- Диодор Сицилийский. Греческая мифология. М.: Лабиринт, 2000.
- Дитмар А. Б. От Скифии до Элефантины. Жизнь и путешествия Геродота. М.: Географгиз, 1961.
- Дриды Э. Карфаген и Пунический мир. М.: Вече, 2004.
- Дройзен И. Г. История эллинизма. Ростов н/Д: Феникс, 1995.
- Дэвис У. Один день в Древнем Риме. Исторические карты жизни. М.: Центрполиграф, 2015.
- Емельянов В. В. Древний Шумер: Очерки культуры. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.
- Жебелев С. А. Аристотель. Политик: Сочинения в 4 т. М.: Мысль, 1983.
- Залесский Н. Н. К истории этрусской колонизации Италии в VII–IV вв. до н. э. Л., 1965.
- Залесский Н. Н. Этруски и Карфаген. М., 1962.
- Зелинский Ф. Ф. Римская республика. СПб.: Алетейя, 2002.
- История всемирной литературы. В 9 т. Т. 1. М.: Наука, 1983.
- История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958.
- Клочков И. С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М.: Наука, 1983.
- Кондратов А. М. Атлантиды ищите на шельфе. Л.: Гидрометеиздат, 1988.
- Кораблев И. Ш. Ганнибал. М.: Наука; ГРВЛ, 1976.
- Краммер С. Н. История начинается в Шумере. 2-е изд. М.: Наука, 1991.
- Кузнецова Т. И., Миллер Т. А. Античная эпическая историография: Геродот. Тит Ливий. М.: Наука, 1984.
- Куликан У. Персы и мидяне. Подданные империи Ахеменидов. М.: Центрполиграф, 2002.
- Ладынин И. А., Ляпустин Б. С., Немировский А. А., Бухарин М. Д. История Древнего Востока. М.: Дрофа, 2009.
- Ланитцки Г. Амфоры, затонувшие корабли, затопленные города. М.: Прогресс, 1982.
- Лебедева Г. С. Новейший комментарий к трактату Витрувия «Десять книг об архитектуре». М.: УРСС, 2003.
- Левицкий Г. Рим и Карфаген. М.: НЦ «ЭНАС», 2010.
- Литичевский Г. С. Природа моря в контексте натурфилософских представлений Плиния Старшего. М.: Наука, 1995.

- Ллойд С. Археология Месопотамии. От древнекаменного века до персидского завоевания. М.: Наука, 1984.
- Лосев А. Ф. Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид. М.: Мысль, 1999.
- Лукиянов А. Н. Древнейшая история Италии. Омск: ТСУ Омской области, 2013.
- Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
- Майлз Р. Карфаген должен быть разрушен. М.: ООО «АСТ», 2014.
- Макробий. Сатурналии. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. университета, 2009.
- Маркоу Г. Финикийцы. М.: Гранд-Фаир, 2002.
- Мищенко Ф. Г. Полибий. Всеобщая история. СПб.: Ювента, 1994–1995.
- Мищенко Ф. Г. Фукидид. История. М.: Ладомир-АСТ, 1999.
- Моммзен Т. История Рима. СПб.: Наука; Ювента, 1997.
- Монтанари М. Голод и изобилие. История питания в Европе. СПб.: Александрия, 2009.
- Немировский А. И., Дашкова М. Ф. Малые римские историки. М.: Ладомир, 1996.
- Нуреев Р. М. Ассирия: вопросы управления военной державой // Всемирная история экономической мысли: В 6 т. М.: Мысль, 1987.
- Оппенгейм А. Л. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М.: Наука, 1990.
- Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана: Очерки по истории составления и общая характеристика. М.: Госюриздат, 1956.
- Пигулевская Н. В. История Ирана с древнейших времён до конца XVIII в. Л., 1958.
- Рагозина З. А. История Халдеи с отдалённых времен до возвышения Ассирии. СПб.: Издание А. Ф. Маркса, 1902.
- Ревяко К. А. Пунические войны. Минск, 1985.
- Сансоне В. Камни, которые надо спасти. М.: Мысль 1986.
- Сергеенко М. Е. Из истории сельского хозяйства древней Италии. Вестник древней истории, 1953.
- Сергеенко М. Е. Марк Порций Катон. Земледелие. М.: Ладомир, 2007.
- Снисаренко А. Б. Властители античных морей. М.: Мысль, 1986.
- Страбон. География. М.: Ладомир, 1994.
- Стратановский Г. А. Геродот. История. М.: Ладомир; АСТ, 1999.
- Стратановский Г. А. Страбон. География. М.: Ладомир, 1994.
- Строгеецкий В. М. Диодор Сицилийский и его «Историческая библиотека» в оценке историографии // ВДИ, 1983.
- Тантлевский И. Р. Карфаген. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.
- Тойнби А. Постигание истории. М.: Айрис-Пресс, 2010.
- Тураев Б. А. Остатки финикийской литературы. СПб., 1903.
- Тураев Б. А. Финикийская мифология. СПб.: Летний сад, 1999.
- Умнов М. И. Античный мир. М.: Олимп; АСТ, 2000.
- Франкфорт Г. А., Уилсон Дж. А., Якобсен Т. В преддверии философии: духовные искания древнего человека. М.: Наука, 1984.

- Фролов Э. Д., Никитюк Е. В., Петров А. В., Шарнина А. Б. Альтернативные социальные сообщества в античном мире. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002.
- Харден Д. Финикийцы. Основатели Карфагена. М.: Центрполиграф, 2004.
- Цепков А. И. Эпитома сочинения Помпея Трога «*Historiae Philippicae*». Рязань: Александрия, 2005.
- Циркин Ю. Б. К вопросу об источнике «массалиотского пассажа» Помпея Трога. Вестник ЛГУ, 1968.
- Циркин Ю. Б. Первые греческие плавания в Атлантическом океане. ВДИ, 1966.
- Циркин Ю. Б. Финикийская культура в Испании. М.: Наука, ГРВЛ, 1976.
- Циркин Ю. Б. «Оловянный путь» и северная торговля Массалии. ВДИ, 1968.
- Циркин Ю. Б. Карфаген и его культура. М.: Наука, 1986.
- Циркин Ю. Б. История древней Испании. СПб.: ИИ РАН; Нестор-История, 2011.
- Циркин Ю. Б. От Ханаана до Карфагена. М.: Астрель, АСТ, 2001.
- Шифман И. Ш. Возникновение Карфагенской державы. М.: АН СССР, 1963.
- Шифман И. Ш. Карфаген. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.
- Шифман И. Ш. Финикийские мореходы. М.: Наука; ГРВЛ, 1965.
- Якобсен Т. Сокровища Тьмы: история месопотамской религии. М.: Восточная литература, 1995.

Оглавление

Предварение	
Адон Карт-Хадашт Гадог	5
Глава I	
Сицилийская проблема.....	64
Глава II	
Гибель Акраганта.....	86
Глава III	
Рим выходит в море.....	93
Глава IV	
Сардиния станет римской!	98
Глава V	
Африканский десант	102
Глава VI	
Карфаген под ударом	107
Глава VII	
Вновь у сицилийских берегов.....	115
Глава VIII	
Конец войны — но не противостояния	122
Глава IX	
Ливийская война.....	127
Глава X	
Сардиния «уплывает» от Карфагена.....	137
Глава XI	
Испанское завоевание.....	141
Глава XII	
Сагунт как точка невозврата.....	148
Глава XIII	
Ганнибал и кельты	159

Глава XIV	
Со слонами через Альпы.....	178
Глава XV	
На берегах Требии	190
Глава XVI	
Римские боги и Тразименское озеро	202
Глава XVII	
Фалернская лоза	218
Глава XVIII	
Диктатор и испанская проблема.....	234
Глава XIX	
Канны: победа, которой не воспользовались	244
Глава XX	
Золотая Капуя.....	263
Глава XXI	
Переменный успех.....	272
Глава XXII	
Сиракузы.....	280
Глава XXIII	
«Ганнибал у ворот»	287
Глава XXIV	
Италия как ловушка.....	293
Глава XXV	
Сципион: новая сила.....	308
Глава XXVI	
В ожидании Ганнибала.....	320
Глава XXVII	
Закат Ганнибала.....	334
Глава XXVIII	
Последний пожар	340
Финал	
Цивилизационная катастрофа	354
Список использованной	
и цитируемой литературы.....	357